Эр1 769

РУССКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Книга 23

С. П. МЕЛЬГУНОВЪ.

ТРАГЕДІЯ АДМИРАЛА КОЛЧАКА

ч. III

т. 1

БѢЛГРАДЪ

1931

ЭР1 769

С. П. МЕЛЬГУНОВЪ.

Трагедія Адмирала Колчака.

ЧАСТЬ III.

Томъ I.

„КОНСТИТУЦІОННАЯ ДИКТАТУРА“.

БѢЛГРАДЪ
1930

е сх

Всѣ права сохранены за авторомъ.

Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР
№ 24771 1970 г.
сер 47700

„РУССКАЯ ТИПОГРАФІЯ" — Бѣлградъ, улица Жоржа Клемансо, 25.

АДМИРАЛЪ А. В. КОЛЧАКЪ.

Отъ автора.

Третья часть тома I-го и II-го является основой моей работы. Передъ читателями пройдутъ факты, которые для многихъ изъ нихъ будутъ неожиданны. И мнѣ хотѣлось бы, чтобы тѣ, кто будутъ критиковать „Трагедію адмирала Колчака", свои возраженія основали на фактахъ и фактамъ, приводимымъ мною, противопоставляли факты другіе. Я пытался, насколько возможно, быть объективнымъ, подразумѣвая подъ объективизмомъ то, что я никогда сознательно не скрывалъ фактовъ, мнѣ извѣстныхъ и противорѣчащихъ устанавливаемымъ концепціямъ. Политику никогда не слѣдуетъ забывать о „слабости человѣческаго ума, который судитъ тѣмъ свободнѣе, чѣмъ меньше онъ связанъ знаніемъ фактовъ". Эти слова В. А. Маклакова въ письмѣ изъ Парижа къ членамъ Нац. Центра на югъ (2 мая 19 г.) относятся къ сужденіямъ иностранцевъ, которые „не умѣютъ молчать тогда, когда не понимаютъ". (Кр. Арх. XXXVI, 22). Я могъ бы до нѣкоторой степени ихъ повторить по поводу пристрастной критики М. В. Вишняка (о первой части моей работы), напечатаной имъ въ „Посл. Нов." подъ своеобразнымъ заголовкомъ „Трагедія С. П. Мельгунова". Не сомнѣваюсь, что, если бы я освѣтилъ самарскую эпопею въ томъ духѣ, какъ это сдѣлалъ въ „Современныхъ Запискахъ" мой критикъ, моя работа, съ его точки зрѣнія, носила бы характеръ и объективный и на-

учный. Но это противорѣчило бы фактамъ, съ которыми подчасъ весьма мало считается публицистъ, историкъ и политикъ эс-эровскаго лагеря. Въ своей критикѣ моей работы онъ не противопоставилъ однимъ фактамъ другіе*). Онъ поступилъ проще. Онъ пытается аннулировать значеніе приводимыхъ мною фактовъ голословнымъ ихъ отрицаніемъ, ссылаясь на прекарность моихъ источниковъ: все это де показанія большевиковъ и ренегатовъ. Онъ нашелъ даже „нимфу-Эгерію", которая меня вдохновила. Критику нѣтъ дѣла до того, что я всегда сопоставляю источники р а з н а г о происхожденія; каждый мало мальски объективный читатель легко увидитъ, что у меня нѣтъ никакой особой приверженности къ „показаніямъ всевозможныхъ предателей и „ренегатовъ". Для Вишняка это публицистическій пріемъ въ цѣляхъ подорвать довѣріе читателей къ фактамъ, которые не могутъ быть пріятны демократу, но которые тѣмъ не менѣе въ дѣйствительности были.

Изъ пѣсни слова не выкинешь. Негодуя на мою неопровержимую „тенденціозность", М. В. Вишнякъ не счелъ нужнымъ отмѣтить для читателей „Пос. Нов." ту оговорку, которая красной нитью проходитъ черезъ все мое изложеніе. Я не дѣлаю отвѣтственными самарскихъ политическихъ дѣятелей за тѣ эксцессы, которые происходили на территоріи правительства Комитета У. С. Не могу я также дѣлать за аналогичное отвѣтственнымъ и Сибирское Правительство. Вѣрнѣе, если говорить объ отвѣтственности, то отвѣтственность должна быть одинаковой. Регистрація этихъ эксцессовъ при „демократической" власти возбуждаетъ наибольшее негодованіе моего критика. Почему? Съ М. В. Вишнякомъ у меня былъ уже курьезный литературный споръ въ началѣ дней моей

*) Критика его полна искаженій моего текста и собственныхъ ошибокъ, на которыхъ я не могу здѣсь останавливаться; равно какъ и на политическихъ заключеніяхъ и личныхъ характеристикахъ, къ которымъ г. Вишнякъ счелъ умѣстнымъ прибѣгнуть въ критикѣ исторической работы.

эмиграціи — въ 1924 г. Вишнякъ на столбцахъ „Дней“ негодовалъ на умаленіе мною авторитета б. Учр. Собранія и считалъ такую критику (въ области исторіи) не своевременной, ибо ею могутъ воспользоваться политическіе противники. На столбцахъ „Посл. Нов.“ я отвѣчалъ Вишняку въ статьѣ: „Когда можно писать правду“? (20 марта). То же, въ сущности, повторилось, когда я попытался „несвоевременно“ реабилитировать память адм. Колчака въ историческомъ экскурсѣ. Догма требуетъ признанія „диктатуры“ Колчака реакціонной, а правительство Комуча par excelence демократическимъ. Это подходъ политическій, а не историческій. Я старался въ своемъ изложеніи держаться методовъ историческихъ. И здѣсь приходится уже руководствоваться принципомъ Герцена: „когда бываешь принужденъ печатать только часть правды, есть всегда рискъ сказать неправду“...

Пока М. В. Вишнякъ сдѣлалъ одно только фактическое возраженіе. Ему представляется „вымышленной“ и „абсурдной“ моя схема, вѣрнѣе попутно отмѣченная мною несогласованность въ дѣйствіяхъ русскихъ политическихъ организацій. выдвигавшихъ созданіе такъ называемаго восточнаго фронта. Я указывалъ, что Самарскій фронтъ, созданный искусственно и преждевременно, возникъ скорѣе въ противовѣсъ планамъ Союза Возр. и Нац. Центра. Этотъ центральный пунктъ „обвиненія“ — утверждаетъ Вишнякъ — „виситъ въ воздухѣ“; ни однимъ фактомъ не подтвержденъ, да и не можетъ быть подтвержденъ. Нѣтъ, фактовъ у меня приведено достаточно. Но въ сущности поводъ для спора почти исчезаетъ, если мое „обвиненіе“ формулировать словами самого Вишняка: „чисто хронологически можно утверждать... что комбинація С. В. и Н. Ц. возникла въ противовѣсъ и направлялась въ разрѣзъ плану созданія фронта У. С.“ Я готовъ согласиться: партійному плану, выдвинутому въ сущности еще въ запискѣ Чернова, представленной французской миссіи въ Москвѣ, былъ

дѣйствительно противопоставленъ планъ общественный—планъ общенаціональный. Тѣ, кто создавали Правительство Комуча, не сочувствовали общественному договору и поэтому форсировали выступленіе. То, что Вишняку кажется въ моей схемѣ абсурднымъ, просто является несомнѣннымъ... Если бы это было не такъ, то почему было ген. Болдыреву не остаться въ Самарѣ? — между тѣмъ онъ уклонился отъ принятія поста военнаго министра въ правительствѣ Колчака (ген. Болдыревъ въ силу полученной информаціи иностранцами разсматривался какъ „эс-эровскій генералъ“ — такъ Гренаръ мнѣ его и называлъ). Правильность моей схемы можетъ быть доказана многочисленными свидѣтельствами, и Вишнякъ проявилъ лишь чрезмѣрную смѣлость въ литературныхъ сужденіяхъ, назвавъ мои утвержденія „абсурдными“. Косвенно я самъ былъ однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ и могъ бы разсказать о своихъ московскихъ спорахъ и отношеніяхъ, установившихся съ эс-эрами оріентаціи большинства ЦК, съ момента, когда послѣ Уф. Совѣщанія была, наконецъ, установлена центральная власть и Комучъ отошелъ формально въ прошлое...

Убѣдить партійныхъ политиковъ я все же не берусь, ибо знаю, что „человѣку очень мудрено втолковать что-нибудь, о чемъ этотъ человѣкъ думаетъ иначе“. Это вновь въ свое время отмѣтилъ еще Герценъ. Въ третьей и четвертой части своей работы мнѣ приходится затрагивать очень острые общественные вопросы. Я хотѣлъ бы слышать возраженія, основанныя на фактахъ, а не на теоретическихъ разсужденіяхъ, которыя исходятъ притомъ исключительно только изъ традиціонныхъ догмъ и предразсудковъ. Много спорнаго и неяснаго имѣется еще въ исторіи гражданской войны. Полемика, ведущаяся въ области фактовъ, можетъ способствовать проясненію загадочнаго и недоговореннаго. Такую критику и такую полемику можно только привѣтствовать и не бояться, что подлинная исторія можетъ помѣшать

сплоченію „антибольшевицкой демократіи“ и созданію нѣкоего средостоянія между правымъ и лѣвымъ флангами русской общественности“. Хуже всего вуалированное прошлое.

Надо думать, что мои сужденія о дѣятельности партіи с.-р. въ періодъ колчаковской „диктатуры“ вызовутъ еще болѣе острую критику. Въ четвертой части, озаглавленной „катастрофа“, мнѣ приходится много говорить объ этой партіи. Это естественно: сибирскіе эс-эры были главнѣйшими противниками власти верховнаго правителя, и ихъ дезорганизаторская работа въ тылу арміи, которая сражалась съ большевиками, являлась едва ли не основной причиной крушенія того дѣла, которому служилъ Колчакъ. „Революціонная“ работа сибирскихъ эс-эровъ, какъ мы увидимъ, шла рука объ руку съ антиправительственной дѣятельностью внутреннихъ большевиковъ. Здѣсь и нужна оговорка для того, чтобы автора не обвиняли въ сознательномъ искаженіи исторической перспективы. Конечно, партія эс-эровъ, какъ и вся русская соціалистическая демократія, не была единой въ своихъ настроеніяхъ — это уже много разъ подчеркивалось въ текстѣ. Напр., группа парижскихъ лидеровъ с-р. отнюдь не солидаризировалась съ той тенденціей, которая отмѣчалась въ Москвѣ и Сибири: „намъ чужда — писали парижане своему ЦК — ваша все растушая терпимость къ совѣтской власти, ваша готовность итти съ нею единымъ фронтомъ для борьбы съ антибольшевицкой коалиціей“. Но „оппозиція“ въ партіи, пытаясь даже организаціонно существовать самостоятельно, никогда, кажется, публично не протестовала противъ тактики, установленной 9 Совѣтомъ партіи — тактики, выдвинувшей лозунгъ прекращенія гражданской войны и идейной борьбы съ коммунистами. Къ тому же, она сама существенно разнилась во взглядахъ. Отсюда и проистекаетъ трудность формулировки оттѣнковъ партійной мысли. Мнѣнія въ разныя хронологическія даты были

отличны и противорѣчивы. Такимъ образомъ неизбѣжно, говоря о дѣятельности партіи с.-р. въ Сибири, приходится руководствоваться оффиціальной тактикой, которой держались партійные органы. Читатель заранѣе долженъ принять во вниманіе эту оговорку въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ въ текстѣ встрѣтится съ обобщающей характеристикой.

Въ заключеніе еще нѣсколько словъ благодарности тѣмъ, кого мнѣ такъ часто приходилось безпокоить въ процессѣ работѣ—въ частности Н. Д. Авксентьеву, А. И. Деникину, В. В. Чернавину, б. московскому консулу г. Гренару, завѣдующему русскимъ отдѣломъ библіотеки Musèe de la guerre г. Лера и представителямъ Тургеневской библіотеки въ Парижѣ.

20 іюля.

ГЛАВА I.

Диктаторъ.

1. Черты для характеристики.

Для біографа всегда цѣлесообразнѣе дать общую характеристику личности послѣ того, какъ передъ читателемъ пройдетъ вся жизнь человѣка, жизнеописанію котораго онъ посвящаетъ свой трудъ. Но я не пишу біографіи Колчака. Присущія его образу индивидуальныя черты нужны мнѣ лишь для обрисовки эпохи, нужны постолько, посколько эти черты характера верховнаго правителя накладывали свой отпечатокъ на текущія событія. Вникнувъ въ психологію того, кому суждено было принять на себя бразды правленія, выпадавшія изъ ослабѣвшихъ рукъ общественныхъ группировокъ, пожалуй, отчетливѣе представишь себѣ и самый омскій переворотъ 18 ноября.

Какими побужденіями руководился Колчакъ въ своей сибирской дѣятельности?

Ярко и образно отвѣчаетъ на этотъ вопросъ бар. Будбергъ, самъ подведшій въ дневникѣ итоги тѣхъ наблюденій и сужденій, иногда рѣзкихъ и односторонне субъективныхъ, которыми переполнены его записи о личности и дѣятельности верховнаго правителя.

Оставивъ постъ управляющаго военнымъ министер-

ствомъ и возвращаясь въ Харбинъ „съ разбитыми вдребезги иллюзіями о возможности скораго избавленія Россіи отъ навалившейся на нее красной погани и ея бѣлой разновидности — атаманщины всѣхъ видовъ и калибровъ“ (XV, 325), Будбергъ въ записи дневника 26—31 октября 19 года даетъ такую общую характеристику Колчака *).

„Характеръ и душа Адмирала настолько на лицо, что довольно какой нибудь недѣли общенія съ нимъ для того, чтобы знать его наизусть.

Это большой и больной ребенокъ, чистый идеалистъ, убѣжденный рабъ долга и служенія идеѣ и Россіи; несомнѣнный неврастеникъ, быстро вспыхивающій, чрезвычайно бурный и несдержанный въ проявленіи своего неудовольствія и гнѣва... ради этой идеи его можно уговорить и подвигнуть на все, что угодно; личнаго интереса, личнаго честолюбія у него нѣтъ, и въ этомъ отношеніи онъ кристально чистъ.

Онъ бурно ненавидитъ всякое беззаконіе и произволъ, но по несдержанности и порывистости характера самъ иногда неумышленно выходитъ изъ рамокъ закона и при этомъ преимущественно при попыткахъ поддержать этотъ самый законъ и всегда подъ чьимъ нибудь постороннимъ вліяніемъ.

Жизни въ ея суровомъ, практическомъ осуществленіи онъ не знаетъ и живетъ миражами и навязанными идеями. Своихъ плановъ, своей системы, своей воли у него нѣтъ, и въ этомъ отношеніи онъ мягкій воскъ, изъ котораго совѣтники и приближенные лѣпятъ, что угодно, пользуясь тѣмъ, что достаточно облечь что нибудь въ форму необходимости, вызываемой благомъ Россіи и пользой дѣла, чтобы имѣть обезпеченное согласіе Адмирала...

Тяжело смотрѣть на Адмирала, когда неожиданно онъ наталкивается на коллизію разныхъ мнѣній, и ему надо принять рѣшеніе; видно, что онъ боится не отвѣтственности рѣшенія, а принятія невѣрнаго, вреднаго для всепоглощающей его идеи рѣшенія...

Онъ... болѣзненно реагируетъ на все, что стано-

*) Помѣщаю съ нѣкоторыми сокращеніями.

вится на пути осуществленія главной задачи спасенія и возстановленія Россіи, причемъ, какъ и во всемъ, тутъ нѣтъ ничего личнаго, эгоистическаго, честолюбиваго...

Попавъ на высшій постъ Военнаго Командованія, Адмиралъ, со свойственной ему подвижнической добросовѣстностью, пытался получить непріобрѣтенныя раньше знанія, но попалъ на очень скверныхъ и недобросовѣстныхъ учителей, давшихъ ему то, что нужно было для наставленія Адмирала въ желательномъ для нихъ духѣ...

На свой постъ Адмиралъ смотритъ, какъ на тяжелый крестъ и великій подвигъ, посланный ему свыше, и, мнѣ думается, что едва ли есть еще на Руси другой человѣкъ, который такъ безкорыстно, искренно, убѣжденно, проникновенно и рыцарски служитъ идеѣ возстановленія единой, великой и недѣлимой Россіи. Истинный рыцарь подвига, ничего себѣ не ищущій и готовый всѣмъ пожертвовать, безвольный, безсистемный и безпамятливый, дѣтски и благородно довѣрчивый, вѣчно мятущійся въ поискахъ лучшихъ рѣшеній и спасительныхъ средствъ; вѣчно обманывающійся и обманываемый, обуреваемый жаждой личнаго труда, примѣра и самопожертвованія; непонимающій совершенно обстановки и неспособный въ ней разобраться; далекій отъ того, что вокругъ него и его именемъ совершается... (331—333).

Дѣйствительно, нельзя отказать автору дневника въ образности изображенія. Его зарисовка какъ бы фотографически запечатлѣвается въ воспріятіи. Но насколько она соотвѣтствуетъ дѣйствительности подъ перомъ человѣка, чрезмѣрно любящаго аналитически „разглядывать жизнь“ и слишкомъ увѣреннаго въ познаніи истины?

Одна черта преобладаетъ во всей этой характеристикѣ. Будбергъ пріѣхалъ въ Омскъ съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ противъ Колчака; по харбинскимъ разсказамъ и впечатлѣніямъ другихъ онъ думалъ встрѣтить скорѣе „самовластнаго и шалаго самодура“. „Совершенно ошибся“ — записываетъ онъ послѣ перваго

же свиданія (XIV, 281). И во всѣхъ послѣдующихъ отзывахъ онъ подчеркиваетъ исключительный идеализмъ, которымъ вѣяло отъ всей фигуры „полярнаго мечтателя".

Не одинъ Будбергъ выноситъ такое впечатлѣніе. Вернувшійся изъ Омска въ Харбинъ ген. Флугъ передаетъ Будбергу, что адмиралъ „чище, честнѣе, идейнѣе всѣхъ" (XIII, 284), Эти свойства не могли не очаровывать тѣхъ, которые подходили къ Колчаку не съ мѣриломъ формальныхъ и трафаретныхъ политическихъ оцѣнокъ и которые искали, какъ, напримѣръ, беллетристъ Ауслендеръ, прежде всего „подлинной человѣчности"... Подобное очарованіе отнюдь не являлось результатомъ искусснаго пріема, примѣненнаго опытнымъ charmeur'омъ*) — увлекала та простота, внимательность, отзывчивость и непосредственность, съ которой Колчакъ, внѣшне замкнутый даже въ отношеніи близкихъ, обращался къ новому лицу (Иностранцевъ, Б. Д. I, 106).

Повидимому, самая внѣшность подкупала: „этотъ человѣкъ одной наружностью внушаетъ довѣріе" — пишетъ въ іюнѣ 19 г. одинъ солдатъ, впервые увидавшій адмирала. Нервный, порывистый, съ правильными, волевыми чертами лица, съ подвижными, умными глазами (впечатлѣніе проф. Легра), съ какой то горькой и странной складкой въ губахъ**) — Колчакъ не могъ не привлекать къ себѣ вниманія и симпатій.

Колчакъ былъ человѣкъ порыва***) и повышенной нервозности, которую онъ самъ въ такихъ словахъ охарактеризовалъ на допросѣ: „я бываю очень сдержанъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ я взрываюсь" (121). Онъ

---

*) „Ложной прямоты", которую склоненъ былъ усматривать въ своемъ конкурентѣ Болдыревъ, конечно, не было.

**) Отмѣчаетъ Будбергъ при первомъ свиданіи 19 апрѣля (XIV, 226). Эти плотно сжатыя губы съ опустившимися углами и двумя глубокими складками, блѣдное исхудавшее лицо и остро блестящіе глаза— характерны для Колчака сибирскаго періода (Сахаровъ, 92).

***) Одинъ Жаненъ усмотрѣлъ въ Колчакѣ „наивно дьявольское лукавство".

дѣйствительно былъ весь сотканъ изъ нервовъ. „Мнѣ всегда казалось — говоритъ Струве — что у него слишкомъ много нервовъ, слишкомъ много того, что въ научномъ физіологическомъ смыслѣ называется чувствительностью“ („Возр.“ № 252). Другими словами, у Колчака былъ холерическій темпераментъ. Онъ быстро переживалъ каждое свое ощущеніе и при отсутствіи лукавства и скрытности бурно реагировалъ на событія. Всякая непріятность отражалась на его внѣшности (Иностранцевъ). „Жалко адмирала, когда ему приходится докладывать тяжелую и грозную правду: онъ то вспыхиваетъ негодованіемъ, гремитъ и требуетъ дѣйствія, то какъ то сѣрѣетъ и тухнетъ, то закипаетъ и грозитъ всѣхъ разстрѣлять, то никнетъ и жалуется на отсутствіе дѣльныхъ людей, честныхъ помощниковъ“ (Будбергъ XIV, 260).

Всѣ эти черты были бы пагубны для дѣла, если бы Колчакъ въ эксцессахъ гнѣва терялъ чувство мѣры, принимая рѣшенія, диктуемыя повышенностью воспріятія — „рыцарь подвига“ могъ сдѣлаться насадителемъ произвола и насилія. Этого не было. Колчакъ не только былъ отходчивъ, но съ чрезвычайной легкостью признавалъ и свою неправоту (особенно, если онъ нарушалъ своими дѣйствіями „законъ“) и шелъ на уступки, которыя нѣкоторые изъ окружавшихъ склонны были приписывать исключительно слабости воли *). Ближайшіе сотрудники адмирала, повидимому, быстро приспособлялись къ его неуравновѣшенности и не чувствовали моральной тяжести отъ бурныхъ выходокъ своего шефа **). Онъ кромсалъ перочиннымъ ножомъ ручки своего кресла, бурлилъ — „нахохлится, но терпѣливо слушаетъ“,

*) Показательные примѣры можно найти у Гинса. Колчакъ, между прочимъ, очень сочувственно отнесся къ представленной ему докладной запискѣ, въ которой отмѣчались противорѣчія при изданіи правительственныхъ актовъ верховнымъ правителемъ и верховнымъ главнокомандующимъ. Онъ вполнѣ согласился, что всѣ акты верховнаго правителя должны быть скрѣплены подписью соотвѣтствующихъ министровъ.

**) Гронджъ подчеркиваетъ, что именно за эту черту его любили близкіе (923).

по выраженію Будберга. Людей съ такимъ характеромъ легко можно полюбить — имъ охотно прощаютъ излишнюю подчасъ рѣзкость. Такіе люди лести не любятъ, къ интригамъ не склонны. Передъ ними безбоязненно можно говорить откровенно. Будбергъ передаетъ довольно характерный эпизодъ. Разсказанъ онъ имъ въ цѣляхъ показать „печальное воздѣйствіе старшихъ военныхъ начальниковъ на адмирала", который принялъ орденъ Георгія 3 ст. за взятіе Перми. „Я не зналъ этого пожалованія — разсказываетъ Будбергъ — и, видя на адмиралѣ шейнаго Георгія, думалъ, что онъ получилъ его во флотѣ въ прошлую войну; поэтому, когда Лебедевъ въ вагонѣ адмирала заговорилъ о пожалованіи георгіевскихъ крестовъ за какой-то бой, то я, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, высказалъ свой взглядъ на позорность такого награжденія во время гражданской войны. Только послѣ, когда мнѣ объяснили въ чемъ дѣло, я понялъ ошалѣвшіе взгляды и отчаянные жесты присутствовавшихъ, дѣлаемые мнѣ съ сосѣдняго съ адмиральскимъ стола" (XIV, 242). Конечно, отношеніе адмирала къ Будбергу не измѣнилось отъ невольной безтактности послѣдняго.

Рѣзкость адмирала шокировала иностранцевъ. Надо сказать, однако, тѣхъ изъ нихъ, которые съ самаго начала встали въ довольно враждебное отношеніе къ Колчаку, какъ это было съ представителями французской военной миссіи во главѣ съ ген. Жаненомъ*). Очевидно здѣсь дѣло было не въ экспансивности верховнаго правителя, который не умѣлъ скрывать своихъ переживаній и съ излишней откровенностью подчасъ ихъ высказывалъ. Штефаникъ, будто-бы, сказалъ: „думалъ встрѣтить диктатора, а нашелъ больного въ 39 градусной

*) Жаненъ никогда не могъ простить Колчаку недовѣріе, высказанное послѣднимъ по поводу передачи подъ охрану союзниковъ золота (Гинсъ, II, 332). Самъ Жаненъ на это указывалъ въ позднѣйшей бесѣдѣ въ Иркутскѣ съ Червенъ-Водали.

горячкѣ" (Драгомирецкій, 84). Конечно, для руководителя высшей политикой это было минусомъ, ибо жизнь требовала часто умѣнья приспособляться къ дипломатической фальши.

Нервность Колчака повышалась въ связи съ неудачами въ Сибири. При его впечатлительности, это было естественно. Колчакъ всего себя отдавалъ служенію родинѣ и готовъ былъ требовать такой же жертвенности и отъ другихъ. По истинѣ Колчакъ душою болѣлъ о Россіи. И не приходится издѣваться надъ „расшатанными нервами" верховнаго правителя, какъ это дѣлаетъ авторъ изъ „Чехо-Сл. Дневника". Болѣзненность переживаній чрезвычайно усилилась къ октябрю, когда началась сибирская катастрофа. Ген. Иностранцевъ, назначенный 19 мая генераломъ для порученій при Колчакѣ и отмѣчающій его „дѣловитость и пониманіе", въ октябрѣ уже не узнаетъ адмирала — передъ нимъ больной человѣкъ съ воспаленными отъ безсонницы глазами. Въ дни эвакуаціи Омска это „нравственно измученный человѣкъ" (Гинсъ, II, 112). Почему? это станетъ ясно, когда мы познакомимся съ фактами, которыми отмѣченъ первый годъ диктатуры верховнаго правителя.

Ген. Жаненъ съ легкостью утверждаетъ, что Колчакъ былъ морфинистомъ. (M. S. 24, XII, 238) *). Откуда получилъ онъ такія данныя? Никто другой объ этомъ не говоритъ. Всѣ, кого я спрашивалъ, рѣшительно отрицаютъ это. Приходится думать, что шефъ французской военной миссіи вновь почерпнулъ информацію отъ одного изъ своихъ многочисленныхъ „тайныхъ агентовъ".

* * *

„Бѣдный и безпомощный идеалистъ"... Честный, искренній, прямой, — этотъ человѣкъ „мягкій воскъ",

*) За Жаненомъ повторяетъ это и Рукероль — со ссылкой уже на свидѣтельство яко бы Дитерихса (57),

изъ котораго можно лѣпить все, что угодно. „Сколько хорошаго можно было бы сдѣлать изъ этого вспыльчиваго идеалиста, полярнаго мечтателя и жизненнаго младенца, если бы слабой волей руководилъ кто нибудь сильный и талантливый и руководилъ такъ же искренно и идейно, какъ искрененъ и преданъ идеѣ служенія Россіи самъ адмиралъ".

Будбергъ—чрезвычайно субъективный наблюдатель съ гипертрофіей чувства критики. Къ его выводамъ надо относиться съ большой осторожностью. Но уже то, что онъ такъ высоко ставилъ моральныя качества характеризуемаго лица, само по себѣ знаменательно. Слабоволіе какъ то не вяжется въ моемъ представленіи съ образомъ Колчака. Это былъ человѣкъ, относившійся съ большой довѣрчивостью къ людямъ, увлекавшійся ими и, конечно, больно разочаровывавшійся въ нихъ. Довѣрчивость отнюдь не синонимъ слабости воли и податливости чужому вліянію*). Будбергъ старается провести параллель между императоромъ Николаемъ II и Колчакомъ. Между тѣмъ трудно себѣ представить болѣе разные типы.

---

*) Болдыревъ и Колосовъ отыскиваютъ вліяніе Жардецкаго на адмирала. Между тѣмъ самъ Колосовъ („Б." XXI, 251) утверждаетъ, что Жардецкій держался какъ бы „японской оріентаціи", т. е. противоположной Колчаку. Скорѣе твердость въ этомъ отношеніи верховнаго правителя оказывала вліяніе на увлекающагося Жардецкаго. Если на первыхъ порахъ Ж. могъ оказывать нѣкоторое вліяніе на Колчака, человѣка совершенно новаго въ омской обстановкѣ, то это объясняется тѣмъ, что при содѣйствіи именно лидера омскихъ к. д. произошло знакомство Колчака съ общественными кругами. Въ значительной степени по иниціативѣ Жардецкаго было организовано то закрытое собраніе (присутствовало 45 представителей различныхъ общественныхъ организацій),на которомъ Колчакъ дѣлился своими впечатлѣніями о Дальнемъ Востокѣ. Лицо, близкое адмиралу, утверждаетъ однако, что по мѣрѣ ознакомленія Колчака съ мѣстной обстановкой вліяніе Ж. стало исчезать и съ приходомъ адмирала къ власти оно „свелось къ нулю". Колчакъ съ большой неохотой, по настоянію ген. Мартьянова, согласился на поѣздку Ж. въ качествѣ „военнаго корреспондента" при объѣздѣ адмираломъ фронта. Вообще никакого единаго вліянія на адмирала не было. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, напр., довѣріе, которое Колчакъ имѣлъ къ лидеру кооперації Сазонову (К р о л ь, 192).

Другой наблюдатель, Гинсъ, имѣвшій возможность близко подойти къ интимнымъ переживаніямъ адмирала въ теченіе десятидневной совмѣстной поѣздки въ октябрѣ въ Тобольскъ, въ концѣ концовъ, разочарованно замѣчаетъ: „человѣкъ корабельной каюты, не привыкшій управлять живыми существами. Наивный въ соціальныхъ и политическихъ вопросахъ“ (II, 369). Да, это „рѣдкій по искренности патріотъ, горячій, честный, не умѣющій лукавить, умный по натурѣ, чуткій, темпераментный, но“... У Гинса, какъ было уже указано, особый подходъ— онъ отгораживается отъ того, что участвовалъ въ проведеніи кандидатуры „неудачливаго диктатора“. Для политика Гинса Колчакъ какъ бы слишкомъ примитивенъ. „Бонапартъ не можетъ появиться среди моряковъ“,— устанавливаетъ уже общій тезисъ мемуаристъ: „адмиралъ командуетъ флотомъ изъ каюты, не чувствуя людей, играя кораблями“ (367). Колчакъ былъ прежде всего морякъ по привычкѣ: „онъ добръ и въ то же время суровъ; отзывчивъ — и въ то же время стѣсняется человѣческихъ чувствъ, скрываетъ мягкость души напускною суровостью. Онъ проявляетъ нетерпѣливость, упрямство, выходитъ изъ себя, грозитъ — и потомъ остываетъ, дѣлается уступчивымъ, разводитъ безнадежно руками. Онъ рвется къ народу, къ солдатамъ, а когда видитъ ихъ, не знаетъ, что имъ сказать“.

Такъ-ли это? Не придумана ли такая концепція? Колчакъ — прекрасный, повидимому, ораторъ, не умѣлъ говорить съ массами?.. А его выступленія въ Черноморскомъ флотѣ въ тѣ тревожные дни, когда современникъ очевидецъ записалъ: „Колчакъ одинъ на высотѣ?“ Колчакъ, поддержанный партіей эс-эровъ, усиленно выступаетъ въ рядѣ митинговъ. Предоставляю слово этому современнику *):

*) Н. Кришевскій. „Въ Крыму“ (1916—1918). Ар. Р. Рев. XIII, 92—93.

„Я помню одинъ изъ колоссальныхъ митинговъ въ циркѣ, гдѣ собралось нѣсколько тысячъ матросовъ. Здѣсь, въ мѣстѣ, гдѣ игралъ оркестръ, собрался весь президіумъ Совѣта раб. и сол. депутатовъ. Циркъ жужжалъ, какъ улей, когда раздался звукъ колокольчика и предсѣдатель, Канторовичъ, отчетливо произнесъ:

— Слово принадлежитъ командующему флотомъ товарищу адмиралу Колчаку...

Настала мертвая тишина, и когда во весь свой ростъ, поднялся, опираясь на барьеръ ложи, адм. Колчакъ, то циркъ разразился нейстовыми апплодисментами, и не скоро адмиралъ могъ начать свою рѣчь.

Въ своей красиво построенной рѣчи, понятнымъ и простымъ языкомъ адмиралъ нарисовалъ картину развала арміи, нарисовалъ то печальное и позорное будущее, что ожидаетъ страну при пораженіи... Онъ сказалъ, что, благодаря своей сознательности, во всей Россіи только Черноморскій флотъ сохранилъ свою мощь, свой духъ, вѣру въ революцію и преданность родинѣ, и теперь — долгъ флота изъ своей среды выдѣлить тѣхъ, кто сумѣетъ увлечь за собой армію на подвиги, что „сказкой казарменной стали". Безконечные апплодисменты раздались въ отвѣтъ на слова адмирала. Былъ такой подъемъ, такой взрывъ искренняго патріотизма, что снова повѣрилось въ русскій народъ, снова казалось, что не все потеряно...

Тогда родилась „Черноморская делегація", которая увлекла за собой полки на галиційскомъ фронтѣ и въ большинствѣ — погибла во главѣ этихъ полковъ"...*)

Достаточно указать, что даже такіе пристрастные изслѣдователи, какъ большевицкіе историки, должны признать, что Колчаку удалось, благодаря личному вліянію, добиться „огромныхъ успѣховъ" въ Севастополѣ **).

Мы часто склонны считать людей, которыхъ мы не

---

*) Рѣчь адмирала, — свидѣтельствуетъ другой очевидецъ, — произвела „огромное впечатлѣніе". Многіе, слышавшіе ее, „рыдали" (М. И. Смирновъ. „Адм. А. В. Колчакъ во время революціи въ Черном. фл." „Ист. и Совр." IV, 21).

**) Генкина „Февральскій переворотъ" въ сборникѣ „Очерки по исторіи октябрьской революціи" II 164. О положительной роли Колчака въ Черноморскомъ флотѣ см. также и въ воспоминаніяхъ Керенскаго „La Revolution Russe" (изд. Payot — стр, 202).

понимаемъ, и наивыми и элементарными. Если запальчивость отличительная черта моряковъ, то Колчакъ типичный морякъ. Но онъ далеко не морской волкъ изображенія Станюковича; это не шаблонный типъ, который создаетъ бытовая специфическая обстановка. Это морякъ совершенно незаурадный. Человѣкъ очень опредѣленныхъ и своеобразныхъ взглядовъ. Взгляды его можно не раздѣлять, можно оспаривать, но нельзя имъ отказать въ большой оригинальности.

Психологія и міросозерцаніе Колчака многимъ изъ насъ будутъ чужды. Ихъ, во всякомъ случаѣ, не поймутъ тѣ, которые мѣрятъ только по признанному трафарету. Для иныхъ достаточно прочесть свидѣтельство Гинса, что Колчакъ съ интересомъ читалъ „Протоколы сіонскихъ мудрецовъ“ *) и былъ пропитанъ антимасонскими настроеніями — и обликъ адмирала безнадежно потускнѣетъ въ ихъ представленіи; достаточно имъ узнать, что адмиралъ высоко ставилъ старый уставъ о полевой службѣ — одно изъ „самыхъ глубокихъ и самыхъ обдуманныхъ военныхъ положеній“, — считая его настоящимъ „кодексомъ диктатуры“, т. е. кодексомъ чисто военнаго управленія (Допросъ, 150) — и адмиралъ станетъ для нихъ уже не только „политически наивнымъ“, а прямымъ реакціонеромъ въ общепринятомъ смыслѣ этого слова. Между тѣмъ, назвать адмирала реакціонеромъ, по образному выраженію Будберга, было бы „подлостью“ (XV, 311).

Колчакъ былъ, несомнѣнно, прогрессивный человѣкъ, чуждый, правда, трафаретной политики. Онъ ее не понималъ, ею не интересовался, потому что на первомъ планѣ для него стояла „великая военная идея“. И онъ строитъ себѣ особую соціологію въ духѣ „Трехъ

*) Знаменіе времени! „Всѣ помѣшаны на сіонскихъ протоколахъ“ — записываетъ Будбергъ 18 декабря, въ Харбинѣ. Въ эмиграціи этимъ „документомъ“ усиленно занималась прогрессивная печать. Были выпущены комментированныя и некомментированныя изданія.

разговоровъ“ Вл. Соловьева: война для него „великое, честное и святое дѣло“. Война очищаетъ человѣка и уничтожаетъ того звѣря, который господствуетъ надъ міромъ, надъ человѣческой массой *). Идеологія соціализма безсильна побороть эти исторически сложившіяся силы. Война въ этихъ условіяхъ пріобрѣтаетъ высшій религіозный и метафизическій смыслъ — она выше „справедливости“, выше личной жизни... Эта ирраціональная — по собственнымъ словамъ Колчака — основа дѣлаетъ войну началомъ какъ бы очистительнымъ, несмотря на то, что война сама по себѣ связана со многими отрицательными явленіями. Такъ смотрѣлъ Колчакъ и на міровую войну. Для него она была подлинно „великой“. Она дала ему полную компенсацію, даже „счастье и радость“. Можетъ быть, это была одна изъ тѣхъ „дикихъ фантазій“, которыми онъ „иногда“ руководствовался въ жизни“ **). Колчака охватываетъ какое-то мистическое одухотвореніе, когда онъ думаетъ о „живой душѣ войны“. Въ Японіи онъ часами сидитъ передъ каминомъ и наблюдаетъ за клинкомъ кинжала, который въ его сознаніи начинаетъ оживать внутренней въ немъ скрытой силой. Здѣсь скрыта какъ бы часть этой живой души войны. Колчакъ начинаетъ понимать сокровенный смыслъ стариннаго японскаго культа „холодной стали“.

---

*) Какъ это ни странно, здѣсь Колчакъ очень близко подходитъ къ философіи Масарика съ его представленіемъ о примитивномъ дикомъ человѣкѣ съ врожденнымъ стремленіемъ къ насилію.

**) Большевицкій обвинитель по дѣлу членовъ „самозваннаго и мятежнаго правительства Калчака“ — Гойхбаргъ впослѣдствіи патетически въ своемъ заключеніи писалъ: „по его (т. е. Колчака) собственному, ужасающему мысль человѣка признанію, день начала войны былъ однимъ изъ самыхъ счастливыхъ и лучшихъ дней его службы. Тотъ ужасъ войны, тотъ призракъ кровавой бойни, который повергъ въ содроганіе все человѣчество, оказался самымъ счастливымъ днемъ для заматерѣлаго имперіалиста, который и не думалъ о потокахъ людской крови, о милліонахъ загубленныхъ жизней, о милліардныхъ разрушеніяхъ“. (Сб. „Колчаковщина“). Демагогъ-обвинитель не разъяснилъ, конечно, своимъ примитивнымъ слушателямъ всей сложности колчаковскаго „имперіализма“.

Колчакъ прежде всего „солдатъ“. Онъ съ гордостью чувствуетъ себя офицеромъ, который долженъ получать и отдавать приказанія. Онъ съ большимъ сочувствіемъ отмѣчаетъ слова одного японскаго дѣятеля: „Дисциплина есть основаніе свободы“ — дисциплина истинное выраженіе свободы. Поэтому ему такъ трудно приказывать, не располагая силами для выполненія (Черном. флотъ въ революціонные дни). Это — „ужасное состояніе“.

Подобная концепція не случайна для Колчака. Она продумана имъ. Онъ вдумчиво и долго изучаетъ вопросъ. Метафизика для него не временное отвлеченіе отъ тяжелой дѣйствительности, не забава ума и воображенія. Нѣтъ, вся система выработанныхъ взглядовъ соотвѣтствуетъ сущности его натуры. Мы узнаемъ, что полярный искатель, спеціалистъ въ той отрасли науки, въ которой какъ бы отсутствуютъ черты натурфилософіи, тщательно читаетъ Ѳ. Кемпійскаго и Тертулліана. Это онъ дѣлаетъ во время поста. Уже въ періодъ перваго своего плаванія онъ занимается буддійской литературой и изучаетъ философію Конфуція. Буддійскіе гностики соотвѣтствуютъ его душевнымъ настроеніямъ. Въ монашескихъ орденахъ воинствующаго буддизма онъ находитъ ту дисциплину, которая одна укрѣпляетъ волю. И онъ вслѣдъ за буддійскими сектантами склоненъ видѣть въ дисциплинѣ своего рода искусство, которое можно развить спеціальными пріемами. Чтобы читать въ подлинникѣ Конфуція — одного изъ „величайшихъ мыслителей“—Колчакъ изучаетъ языкъ. Переводитъ Суна, котораго считаетъ однимъ изъ самыхъ выдающихся военныхъ мыслителей эпохи VI ст. до Р. Х.

Мы видимъ, что все это нѣсколько необычно для „узкаго моряка“.

„Мечтатель“ объ „общемъ благѣ“ цѣликомъ погружается въ свои мысли. Онѣ его такъ захватываютъ, что свою практическую жизнь онъ строитъ въ соотвѣт-

ствіи съ догмой... Въ годы войны онъ почти фанатикъ идеи служенія Родинѣ. Только дикость Гохбарга можетъ говорить объ „измѣнѣ“ Россіи въ моментъ поѣздки въ Америку. Колчака чрезвычайно не удовлетворяютъ тѣ взгляды на войну, съ которыми онъ сталкивается въ демократической странѣ.

Войну можно вести, только желая ея. Демократія войны не хочетъ. Америка ведетъ войну только со своей узкой національной точки зрѣнія. Такая психологія въ данный моментъ Колчаку кажется абсурдной. „Мнѣ нѣтъ мѣста здѣсь“ — записываетъ онъ. „Я оказался на положеніи близкомъ къ кондотьеру, предложивъ чужой странѣ свой военный опытъ, знанія, а въ случаѣ надобности, голову и жизнь въ придачу“.

Интересы родины требуютъ однако дѣйствія. „Побѣда надъ Германіей единственный путь ко благу родины“... „Я считалъ — говоритъ онъ въ своихъ показаніяхъ — что то направленіе, которое приняла политика правительства (правительства чисто „захватнаго порядка“), которое начало съ заключенія Брестскаго договора и разрыва съ союзниками, приведетъ насъ къ гибели. Уже одинъ этотъ фактъ, обезпечивающій господство нѣмцевъ надъ нами, говорилъ за то, что это правительство дѣйствуетъ въ направленіи нежелательномъ, отвѣчающемъ чаяніямъ нѣмецкихъ политическихъ круговъ“ (Допросъ, 101). Поэтому Колчакъ съ „восторгомъ“ принимаетъ вновь предложеніе англійскаго правительства ѣхать на месопотамскій фронтъ.

Въ запискахъ Колчака, которыми мы пользуемся, имѣется почти провиденціальная отмѣтка по поводу одного сообщенія о смерти отъ холеры: „Не важная смерть, но много лучше, чѣмъ отъ рукъ сознательнаго пролетаріата или красы и гордости революціи“. Этой судьбы не избѣжалъ Колчакъ. Слишкомъ остро въ немъ было ощущеніе поруганной чести. „Испыталъ чувство, похожее на стыдъ, при видѣ порядка и удобства жизни“ — го-

воритъ онъ о своемъ пребываніи во время войны въ Лондонѣ. Двѣ войны и революція сдѣлали насъ инвалидами: „отцы соціализма давно уже перевернулись бы въ гробахъ при видѣ практическаго примѣненія ихъ ученій“. Колчакъ принимаетъ гражданскую войну, какъ неизбѣжное очистительное зло: нѣтъ другого пути возрожденія націи. Для Колчака общество, не желающее бороться, не существуетъ... Поэтому онъ сторонится бѣженцевъ въ Японіи и живетъ тамъ одиноко. Всѣ его помыслы направлены къ отысканію путей служенія странѣ..

Можетъ быть, я невольно не всегда точно и ясно изложилъ чуждое мнѣ міросозерцаніе Колчака. Для этихъ штриховъ я заглянулъ въ интимную переписку покойнаго „мечтателя“ *).

* * *

Разрушеніе заложено въ основаніе человѣка—такъ смотрѣлъ Колчакъ на революцію. Истерической толпой легко владѣть. Но „я не созданъ быть демагогомъ“. Поэтому и испытываетъ Колчакъ такое „отвращеніе“ къ политикѣ. Но это „отвращеніе“ вовсе не означаетъ приверженности къ старому дореволюціонному режиму, о чемъ его съ пристрастіемъ допрашивала иркутская „слѣдственная“ комиссія. Колчакъ ей отвѣтилъ: „у васъ подъ монархистомъ понимается человѣкъ, который считаетъ, что только эта форма правленія можетъ существовать. Какъ я думаю, у насъ (т. е. у офицеровъ) такихъ людей было мало... Для меня лично не было даже такого вопроса — можетъ ли Россія существовать при другомъ образѣ правленія. Конечно, я считалъ, что она могла бы существовать“ (Допросъ, 101).

*) Когда то она была предложена мнѣ для напечатанія въ „Голосѣ Минувшаго“. Я этого сдѣлать не могъ. Теперь переписка хранится въ пражскомъ Архивѣ. Въ моихъ слишкомъ бѣглыхъ карандашныхъ замѣткахъ могли быть существенныя упущенія, которыхъ ни провѣрить, ни возстановить я не могъ.

„Вы уклоняетесь отъ прямого отвѣта: были ли вы тогда монархистомъ или нѣтъ“ — упрекнулъ Колчака предсѣдательствующій коммунистъ Поповъ.

Колчакъ. Я былъ монархистомъ и нисколько не уклоняюсь. Тогда этого вопроса: „каковы у васъ политическіе взгляды?“ никто не задавалъ. Я не могу сказать, что монархія — это единственная форма, которую я признаю. Я считалъ себя монархистомъ и не могъ считать себя республиканцемъ, потому что тогда такового не существовало въ природѣ. До революціи 1917 года я считалъ себя монархистомъ...

Поповъ. Какова была ваша общая политическая позиція во время революціи?..

Колчакъ. Когда совершился переворотъ, я получилъ извѣщеніе о событіяхъ въ Петроградѣ и о переходѣ власти къ Госуд. Думѣ непосредственно отъ Родзянко, который телеграфировалъ мнѣ объ этомъ. Этотъ фактъ я привѣтствовалъ всецѣло. Для меня было ясно, какъ и раньше, что то правительство, которое существовало предшествующіе мѣсяцы, — Протопоповъ и т. д., — не въ состояніи справиться съ задачей веденія войны, и я вначалѣ привѣтствовалъ самый фактъ выступленія Госуд. Думы, какъ высшей правительственной власти... Я привѣтствовалъ перемѣну правительства, считая, что власть будетъ принадлежать людямъ, въ политической честности которыхъ я не сомнѣвался, которыхъ зналъ, и потому могъ отнестись только сочувственно къ тому, что они приступили къ власти. Затѣмъ, когда послѣдовалъ фактъ отрѣченія Государя, ясно было, что уже монархія наша пала, и возвращенія назадъ не будетъ... Присягу я принялъ по совѣсти, считая это правительство, какъ единственное правительство, которое необходимо было при тѣхъ обстоятельствахъ признать .. Я считалъ себя совершенно свободнымъ отъ всякихъ обязательствъ по отношенію къ монархіи, и послѣ совершившагося переворота сталъ на точку зрѣнія, на которой стоялъ всегда, — что я, въ концѣ концовъ, служилъ не той или иной формѣ правительства, а служу родинѣ своей, которую ставлю выше всего... для меня было совершенно ясно уже ко времени этого переворота, — что положеніе на фронтѣ у насъ ста-

новится все болѣе угрожающимъ и тяжелымъ, и что война находится въ положеніи весьма неопредѣленномъ въ смыслѣ исхода ея. Поэтому я привѣтствовалъ революцію, какъ возможность разсчитывать на то, что она внесетъ энтузіазмъ, — какъ это и было у меня въ Черноморскомъ флотѣ вначалѣ, — въ народныя массы и дастъ возможность закончить побѣдоносно эту войну, которую я считалъ самымъ главнымъ и самымъ важнымъ дѣломъ, стоящимъ выше всего, — и образа правленія и политическихъ соображеній...

...Я первый призналъ временное правительство, считалъ что, какъ временная форма, оно является при данныхъ условіяхъ желательнымъ; его надо поддержать всѣми силами; что всякое противодѣйствіе ему вызвало бы развалъ въ странѣ, и думалъ, что самъ народъ долженъ установить въ учредительномъ органѣ форму правленія, и какую бы форму онъ ни выбралъ, я бы подчинился. Я считалъ, что монархія будетъ, вѣроятно, совершенно уничтожена. Для меня было ясно, что возстановить прежнюю монархію невозможно, а новую династію въ наше время уже не выбираютъ... Я думалъ, что, вѣроятно, будетъ установленъ какой-нибудь республиканскій образъ правленія, и этотъ республиканскій образъ правленія я считалъ отвѣчающимъ потребностямъ страны" *).

Можно ли думать, что Колчакъ о республикѣ упомянулъ только потому, что стоялъ передъ „соціалисти-

---

*) К.-адм. кн. Трубецкой въ статьѣ „Александръ Колчакъ" („Возрожденіе" 15 февр. 1930) говоритъ, что Колчакъ „категорически отклонилъ сдѣланное ему предложеніе отъ ввѣреннаго ему флота послать телеграмму" объ отреченіи Императора. Это утвержденіе повторялось нѣкоторыи ораторами на парижскомъ собраніи, посвященномъ памяти А. В. Колчака въ десятилѣтіе со дня его гибели. Между тѣмъ извѣстная телеграмма М. В. Алексѣева 28 февраля непосредственно Колчаку и не посылалась. На подлинникѣ телеграммы помѣчены отправленія: Главкосѣвъ, Главкозапъ, Главкоюзъ, Поглавкорумъ (главнокомандующимо румынскимъ фронтомъ считался румынскій король) и, наконецъ, Главнокомандующій Кавказской Арміи в. к. Ник. Ник. Того спецефическаго монархизма, которое нѣкоторые post factum хотятъ усмотрѣть въ міровоззрѣніи Колчака, просто не было. Вѣроятно, опредѣленность воспріятія Колчакомъ февральскихъ событій 17 года и побудило в. кн. Ник. Ник. сказать при свиданіи съ Колчакомъ 1 марта въ Батумѣ — „онъ прямо невозможенъ" (Дневникъ в. кн. Андрея Вл. „Кр. Арх." XXVI, 197).

ческими" слѣдователями? Нѣтъ, у людей такого типа страха не бываетъ. Да и нужды не было у Колчака рядиться въ чужое одѣяніе — онъ былъ все равно обреченъ. Но люди этого типа дѣйствительно довольно равнодушны къ формамъ правленія — и не видятъ въ нихъ панацеи отъ всѣхъ общественныхъ золъ: „Я не могу сказать — говоритъ Колчакъ на допросѣ — чтобы я винилъ монархію и самый строй, создавшій такой порядокъ. Я откровенно не могу сказать, что причиной была монархія" (44). Что же здѣсь проявилась только элементарность натуры? Политическая недоразвитость? Какъ то трудно съ этимъ довольно элементарнымъ публицистическимъ критеріемъ „лѣвыхъ" политиковъ подойти къ сложному и своеобразному облику Колчака. Мнѣ кажется, что, во всякомъ случаѣ, уже въ періодъ гражданской войны Колчакъ къ вопросу подходилъ приблизительно такъ, какъ одинъ изъ персонажей въ „Трехъ разговорахъ": „Если съ меня кто-нибудь деретъ шкуру, я вѣдь не стану обращаться къ нему съ вопросомъ: а какого вы, милостивый государь, исповѣданія"?

Вращавшемуся въ сибирскихъ эс-эровскихъ кругахъ майору Пишону казалось при бесѣдѣ съ Колчакомъ въ Харбинѣ 24 апрѣля (18 г.), что адмиралъ высказывалъ реакціонные взгляды. Въ чемъ они проявлялись, Пишонъ не говоритъ. Свое сужденіе французскій наблюдатель, въ сущности, аннулируетъ добавленіемъ, что Колчакъ высказывался „въ духѣ, господствовавшемъ въ Сибири" (M. S. 25, II, 259). Конечно, Колчакъ не былъ демократомъ въ томъ смыслѣ, въ которомъ расцѣниваются партійные люди; но въ немъ было чрезвычайно мало того, что давало бы поводъ говорить о реакціонности взглядовъ. Помилуйте! онъ на допросѣ заявилъ, что надо „въ плюсъ" поставить большевикамъ разгонъ Учр. Собр. 1917 г., но въ то же время призналъ, что только „воля У. С. или Земскаго Собора" можетъ установить форму будущаго правленія и что „этому органу каждый дол-

женъ будетъ подчиниться". Первая реплика неоднократно раздавалась въ рядахъ эс-эровской публицистики. Слѣдуетъ, однако, прежде всего помнить, что „стенографическая" запись показаній Колчакомъ, конечно, не просмотрѣна. Стенограммы — и особенно большевицкія — часто выкидываютъ изумительные кунтюшки *).

Но согласимся, что Колчакъ все это дѣйствительно говорилъ, и признаемъ употребленную имъ терминологію въ высшей степени неудачной. Смыслъ его рѣчи все же ясенъ. Онъ говорилъ: „со стороны большинства лицъ, съ которыми я сталкивался" это У. С. вызывало „отрицательное отношеніе" — оно было искусственно и партійно. (Допросъ 104). Къ тогдашнимъ отзывамъ объ У. С. 17 г. всегда примѣшивается призракъ того „охвостья", угроза возстановленія котораго стояла и которое фракція эс-эровъ склонна была выдавать за подлинное У. С. Многіе ли къ этому относились сочувственно? „Только немногіе объ этомъ думаютъ" — писалъ еще изъ Москвы въ Парижъ одинъ изъ авторитетныхъ французскихъ наблюдателей русской общественной жизни 1918 г., имѣвшій широкія и довольно разнообразныя связи въ либеральныхъ и демократическихъ кругахъ. Идея эта мертворожденна — заключалъ онъ подробное письмо, копія съ котораго имѣется въ моемъ распоряженіи. Въ позиціи Колчака — допустимъ даже ошибочной — ничего специфически реакціоннаго по существу не было **).

---

*) Знаю это на собственномъ опытѣ. Стенограмма по дѣлу „Тактическаго Центра" въ Москвѣ 1920 г. приписываетъ мнѣ безсмыслицы, которыя я не могъ говорить.

**) О цѣлесообразности тактики можно спорить до безконечности, напр., М. В. Вишняку („Къ исторіи гражданской войны" — „Совр. Зап." XZ.), кажется непонятнымъ, какъ въ Россіи не оказалось ни „лѣваго" Кромвеля, ни „праваго" Монка, которые ухватились бы за У. С. или его „охвостье", какъ орудіе борьбы противъ большевицкихъ цѣлей" (482).

Мнѣ лично эти лозунги для гражданской войны представлялись совершенно безнадежными — отъ того ли, что населеніе не обнаружило, какъ утверждалъ „Соц. Вѣст. (№ 4), готовности за него бо-

Нѣтъ основанія предполагать, что многократныя утвержденія верховнаго правителя о передачѣ власти при установленіи нормальныхъ условій Учр. Собранію того или иного наименованія является тактической мимикріей, позой передъ Европой и Америкой. Порукой была та „кристальная честность", которой отмѣченъ характеръ омскаго „диктатора" (См., напр,, у Грондижа 522). Колчакъ говорилъ о созывѣ Представительнаго Собранія въ первомъ же интервью съ представителями печати, онъ опредѣленно подчеркнулъ это въ рѣчи 23 февраля на объединенномъ засѣданіи Гор. Думы и Земства въ Екатеринбургѣ. Эта рѣчь даже на Кроля произвела „прекрасное впечатлѣніе" — другіе назвали ее „струей свѣжаго воздуха въ спертую и удушливую атмосферу тыловой жизни".

...„Населеніе ждетъ отъ власти отвѣта, — говорилъ верховный правитель — и задача власти открыто сказать, куда и какими путями она идетъ, и какими идеалами одухотворена борьба съ большевизмомъ, борьба не допускающая никакихъ колебаній и никакихъ соглашеній. Вотъ первая задача и цѣль Правительства,

---

роться, потому что этотъ лозунгъ не вошелъ еще въ плоть и кровь народныхъ массъ, отъ того ли, что Уч. Соб. 1917 г. дискредитировало себя въ общественномъ сознаніи и главенствовавшая въ немъ партія не сумѣла поднять его авторитетъ, подорванный безславнымъ разгономъ 5 января. Еще до этого акта У. С., „со священнымъ трепетомъ" встрѣченное въ началѣ революціи, начало вызывать къ себѣ холодное отношеніе — это въ полномъ соотвѣтствіи съ дѣйствительностью отмѣчаютъ составители „Хроники Революціи" — Заславскій и Канторовичъ (162). Запоздала попытка М. В. Бишняка на страницахъ „Современныхъ Записокъ" реабилитировать память неудачнаго У. С. 1917 г. Во всякомъ случаѣ нельзя объявлять реакціонными тѣ взгляды, которые не совпадаютъ со взглядами непреклонно вѣрующихъ въ авторитетъ даже „охвостья" У. С. 1917 г., въ сущности ни разу не собравшагося.

Вѣрѣ нельзя противопоставлять реальность — бывш. предсѣдатель У. С. даже въ 1921 г. на малочисленномъ парижскомъ совѣщаніи эмигрантовъ б. членовъ У. С. заявлялъ, что онъ почтетъ своимъ долгомъ созвать старое У. С. на территоріи Россіи, освобожденной отъ большевиковъ...

Къ вопросу объ У. С. намъ отчасти придется еще вернуться въ связи съ изображеніемъ попытокъ созданія органа народнаго представительства въ періодъ „диктаторства" адм. Колчака.

которое я возглавляю. Вопросъ долженъ быть рѣшенъ только однимъ способомъ — оружіемъ и истребленіемъ большевиковъ. Эта задача и эта цѣль опредѣляютъ характеръ власти, которая стоитъ во главѣ освобожденной Россіи — власти единоличной и военной. Вторая задача Правительства, мною возглавляемаго,— есть установленіе законности и порядка въ странѣ. Большевизмъ слѣва и справа, какъ отрицаніе морали и долга передъ родиной и общественной дисциплины, справа базирующійся на монархическихъ принципахъ, но въ сущности имѣющій съ монархизмомъ столько же общаго, сколько имѣетъ общаго съ демократизмомъ большевизмъ, характеризующійся для своихъ адептовъ свободой преступленія и подрывающій государственныя основы страны, большевизмъ, который еще много времени послѣ этого потребуетъ упорной борьбы съ собой. Законность и порядокъ поэтому должны составить фундаментъ будущей великой, свободной, демократической Россіи Я не мыслю будущаго ея строя иначе, какъ демократическимъ, — не можетъ онъ быть инымъ, и теперь, быть можетъ, только суровыя военныя задачи заставляютъ иногда поступаться и въ условіяхъ борьбы вынуждаютъ къ временнымъ мѣропріятіямъ власти, отступающимъ отъ тѣхъ началъ демократизма, которыя послѣдовательно проводитъ въ своей дѣятельности Правительство".

Основныя положенія екатеринбургской рѣчи повторялись не разъ въ выступленіяхъ Верховнаго Правителя на земско-городскихъ собраніяхъ въ Челябинскѣ, Перми, на засѣданіи Казачьяго Круга и т. д.. Въ Челябинскѣ, на обѣдѣ, организованномъ мѣстнымъ самоуправленіемъ, Колчакъ подчеркнулъ, что ..."счастливѣйшей минутой его жизни будетъ та, когда въ освобожденной отъ злыхъ насильниковъ Россіи онъ сможетъ передать всю полноту власти національному Учредительному Собранію, выражающему подлинную волю русскаго народа". И въ то же время Колчакъ твердо былъ убѣжденъ, что во время войны власть не можетъ быть въ рукахъ народа. Такая концепція исходила изъ всей совокупности взглядовъ Колчака на войну и отнюдь сама по себѣ не означала отрицанія принципа народовластія.

...„Я смотрѣлъ на единоличную власть совершенно, можетъ быть, не съ той точки зрѣнія, какъ вы предполагаете. Я считалъ прежде всего необходимою единоличную военную власть — общее единое командованіе, затѣмъ я считалъ, что всякая такая единоличная власть, единоличное верховное командованіе, въ сущности говоря, можетъ дѣйствовать съ диктаторскими пріемами и полномочіями только на театрѣ военныхъ дѣйствій и въ теченіе опредѣленнаго, очень короткаго періода времени, когда можно дѣйствовать, основываясь на чисто-военныхъ законоположеніяхъ...

...Единоличная власть, какъ военная, должна непременно связываться еще съ организованной властью гражданскаго типа, которая дѣйствуетъ, подчиняясь военной власти, внѣ театра военныхъ дѣйствій. Это дѣлается для того, чтобы объединиться въ одной цѣли веденія войны". (Допросъ 150)

„Знаете, — говорилъ адмиралъ Гинсу въ октябрѣ— я безнадежно смотрю на всѣ ваши гражданскіе законы и оттого бываю иногда рѣзокъ, когда вы меня ими заваливаете. Я поставилъ себѣ высокую цѣль: сломить красную армію. Я главнокомандующій и никакими реформами не задаюсь. Пишите только тѣ законы, которые нужны моменту, остальное пусть дѣлаютъ въ Учр. Собраніи" (II, 345). Гинсъ логически отвѣчалъ: „но жизнь требуетъ отвѣта на всѣ вопросы"... Въ этомъ трагизмъ всякой временной власти. Подчасъ получался заколдованный кругъ. На гражданской войнѣ тылъ былъ не менѣе важнымъ факторомъ, чѣмъ тѣ или иные стратегическіе успѣхи на фронтѣ. И въ то же время успѣхъ на фронтѣ опредѣлялъ настроенія и тактику тыла. Выработать правильное взаимодѣйствіе между тыломъ и фронтомъ ни одна власть въ періодъ гражданской войны не сумѣла. Отъ того ли, что у нея не хватало „государственнаго ума"? Чайковскому*) казалось, что сѣверное правительство нашло правильную форму взаимодѣйствія

*) См. письма А. И. Деникину и М. М. Федорову въ гл. VII книги о Чайковскомъ.

военной и гражданской власти. Но, конечно, это только казалось такъ — Гинсъ, напр., находилъ „много ненормальнаго“ въ конструкціи архангельскаго правительства.

Можетъ быть, „военная идея“ нѣсколько поглощала вниманіе Колчака. Но она поглощала въ тѣ годы весь міръ. Всѣ шли въ той или другой степени по пути милитаризаціи гражданской власти. Даже въ Америкѣ— отмѣчаетъ Масарикъ (II, 124) — установилась особаго вида диктатура. Демократія ограничивала „словоговоренія“, нарушала законы и права человѣка, „по всѣмъ умственнымъ цѣнностямъ былъ объявленъ мораторій“, по образному выраженію Алданова *). Въ атмосферѣ апокалипсическихъ событій войны это кажется естественнымъ, какъ казалось оно естественнымъ и якобинской демократіи XVIII в.: „во время войны можно набрасывать покрывало на статую Свободы“ (слова Геро де Сешеля). Но вопросъ дѣлался еще болѣе сложнымъ при полной государственной разрухѣ и при обостренныхъ общественныхъ и соціальныхъ отношеніяхъ. На упрекъ въ „милитаризаціи“, въ распространеніи на тылъ военнаго положенія Колчакъ отвѣчалъ Гинсу: „Но вы поймите, что отъ этого нельзя избавиться. Гражданская война должна быть безпощадной“ (II. 346). „Если я сниму военное положеніе, васъ немедленно переарестуютъ большевики или эсеры“. Думаю, что Колчакъ былъ болѣе, чѣмъ правъ **).

Для Колчака диктатура во всякомъ случаѣ не была чѣмъ-то самодовлѣющимъ. Онъ не держался за власть

*) „Похороны сверхчеловѣка“ (Клемансо) „Посл. Нов.“ 1 дек. 29 г.

**) Нельзя, однако, не отмѣтить, что верховный правитель отнюдь не былъ фанатикомъ „милитаризаціи“. Онъ не начиналъ своей дѣятельности объявленіемъ военнаго положенія. Только 1 марта въ связи съ нападеніемъ партизанъ оно было объявлено на желѣзныхъ дорогахъ. Общимъ требованіемъ военныхъ властей было объявленіе на военномъ положеніи всей территоріи гражданской войны. Н. Н. Головинъ мнѣ разсказывалъ о противодѣйствіи, которое встрѣчало такое всеобщее требованіе со стороны верховнаго правителя. Въ августѣ на этой почвѣ у него было столкновеніе съ ген Дитерихсомъ, назначеннымъ главнокомандующимъ.

изъ-за личныхъ побужденій. Онъ не былъ „самодержцемъ", какъ доказывалъ Гойхбаргъ въ своемъ обвинительномъ заключеніи*). Онъ не стремился рѣшать все самъ (какъ склоненъ утверждать Милюковъ). Поэтому такъ раздражали Колчака „безконечные разговоры" о необходимости чистой диктатуры, на которой настаивали недовольные двойственнымъ олицетвореніемъ верховной власти, — той „конституціонной диктатурой", которая появилась въ Сибири въ результатѣ государственнаго переворота 18 ноября: верховный правитель и Совѣтъ Министровъ. Идеологами чистой диктатуры какъ разъ были многіе изъ членовъ партіи народной свободы**).

Бывали у диктатора минуты отчаянія. Съ „потухшимъ взглядомъ" сидѣлъ онъ на засѣданіяхъ, когда вскрывалась интрига. „Мы строимъ на недоброкачественномъ матеріалѣ. Все гніетъ. Я поражаюсь, какъ всѣ испоганились" — говорилъ онъ Гинсу въ октябрьскую поѣздку въ Тобольскъ. Нечего спасать Россію, когда 99 изъ 100 этого не хотятъ — гласила одна изъ оппозиціонныхъ прокламацій, выпущенныхъ отъ имени офицеровъ. Могъ ли Колчакъ, по своей натурѣ, на это реагировать иначе, какъ „бурнымъ протестомъ противъ происходящаго"? Спасать Россію все-таки надо. „Знаете, не кажется ли вамъ, что диктатура должна быть дѣйствительно диктатурой? — спрашиваетъ онъ Пепеляева въ одну изъ минутъ такого отчаянія.

* * *

„Маргариновый диктаторъ" съ презрительнымъ сожалѣніемъ скажутъ большевики, давшіе міру образецъ

*) Смѣшно слышать эту аргументацію въ устахъ большевицкаго дѣятеля. Колчакъ „самодержецъ", потому что подписывалъ „утверждаю". Каждый, сидѣвшій во внутренней тюрьмѣ Особаго Отдѣла ВЧК въ Москвѣ, могъ читать драконовскія тюремныя правила, на которыхъ красовалась подпись Ягоды; „утверждаю".

*) Какъ сибирскій курьезъ можно отмѣтить, что еп. Андрей (Ухтомскій) недовольный конституціонностью верховнаго правителя, считалъ, что онъ попалъ въ плѣнъ къ кадетамъ (Будбергъ XIV, 271).

еще небывалой деспотіи. Колчакъ и не былъ диктаторомъ въ общепринятомъ смыслѣ слова. Но не служитъ ли это и лучшимъ отвѣтомъ на обвиненіе въ диктаторскомъ самодержавіи?*) Своеобразный „самодержецъ", который казался англичанину проф. Персу „насквозь демократомъ"; безкорыстнымъ патріотомъ безъ малѣйшаго честолюбія (бесѣда съ Саблинымъ въ Лондонѣ по возвращеніи изъ Сибири). И какъ-то даже странно читать въ „дневникѣ" ген. Жанена утвержденіе, что Колчакъ былъ одержимъ маніей величія (M. S. 25, III, 354).

„Важности никакой" — отмѣчаетъ Будбергъ при первомъ же свиданіи. „Наоборотъ, озабоченность и подавленность отвѣтственностью" (XIV, 226). „Маніи величія" просто не могло быть у того, кто самъ готовъ былъ „взять винтовку и драться наряду съ солдатами". „Я увѣренъ, — записываетъ Будбергъ — что онъ проклинаетъ омскую работу, которая мѣшаетъ ему устремиться на фронтъ" (XV, 278). Колчакъ постоянно рискуетъ при поѣздкахъ на фронтъ — опасность и смерть ему не страшны. Онъ слишкомъ привыкъ къ борьбѣ съ суровой природой Сѣвера, на каждомъ шагу грозящей гибелью смѣлому путешественнику. Для Колчака здѣсь нѣтъ рисовки — это обыденное: не была рисовкой и его „совершенно простая солдатская шинель съ защитными погонами". Онъ прекрасный солдатъ, но у него нѣтъ „государственнаго ума" — скажетъ Дюбарбье (74). Къ сожалѣнію, никто изъ иностранцевъ не опредѣлилъ содержанія этого „государственнаго ума"**). Повидимому, „государственный умъ" эти наблюдатели склонны приписывать только тѣмъ, которые преуспѣваютъ въ гражданской войнѣ. Не величайшая ли это ошибка плохого

*) „Распоряжаюсь заочно именемъ адмирала, ибо знаю, что онъ меня поддержитъ" — записываетъ Будбергъ (XIV, 291).

**) Пожалуй, въ этомъ отношеніи болѣе опредѣленъ лишь Пишонъ. Подлинную государственную мудрость онъ видѣлъ въ тактикѣ Наполеона эпохи консулата. Покойный Оларъ съ демократической точки зрѣнія едва ли съ этимъ согласился бы.

историческаго прогноза? Философію исторіи, впрочемъ, мы можемъ оставить въ сторонѣ. Насъ прежде всего интересуютъ факты. Непонятно, какъ люди, бывшіе въ Сибири, могли потомъ писать, что Колчакъ, одержимый маніей величія, окружилъ себя помпой, почти царской. Вслѣдъ за Жаненомъ объ этомъ говоритъ и ген. Рукероль. Послѣдній, какъ очевидецъ, разсказываетъ французскому читателю уже подлинныя сказки:

„Всѣ эти люди, знавшіе императорскій дворъ, поспѣшили организовать въ Омскѣ такой же этикетъ вокругъ диктатора, тщеславію котораго льстило проявленіе почтенія, которымъ была окружена его особа. Онъ причащался на Страстной недѣлѣ, и въ газетахъ объ этомъ было больше подробностей, чѣмъ бывало о Николаѣ II“. (55).

Простота въ бытѣ и обхожденіи была отличительной чертой омскаго диктатора *). Гинсъ разсказываетъ, какое непріятное впечатлѣніе произвелъ на адмирала инцидентъ, имѣвшій мѣсто во время поѣздки, послѣ бесѣды Колчака съ воткинцами. Они окружили его кольцомъ, и Колчакъ сказалъ имъ:

> Воткинцы! Я долженъ сказать вамъ откровенно, что въ послѣднее время ваша былая слава померкла. Я давно не слыхалъ о вашемъ участіи въ бояхъ. Между тѣмъ ижевцы, ваши родные братья, за послѣднее время участвовали въ рядѣ боевъ и показали такую доблесть, что я везу имъ георгіевское знамя. Я хотѣлъ бы, чтобы и вы не отставали отъ нихъ.
>
> Воткинцы кричали: ура! Одинъ пожилой мужичекъ упалъ на колѣни, выражая восторгъ, что видитъ Верховнаго Правителя. Адмиралу это очень не понравилось, онъ насупился и поспѣшилъ уйти, ска-

*) Повидимому, французскій генералъ принялъ всерьезъ шутку.— Иностранцевъ разсказываетъ, что чиновникъ особыхъ порученій, завѣдовавшій хозяйственной частью у адмирала, назывался окружающими „гофмаршаломъ“. Этотъ „гофмаршалъ“ часто во время пріемовъ игралъ „роль хозяйки“ (Б. Д., I, 105). Я не знаю, что подразумѣваетъ Милюковъ, говоря, что Колчакъ былъ обставленъ подходящимъ этикетомъ (124).

завъ: „встаньте, я такой же человѣкъ, какъ и вы“ *) (Гинсъ, II, 364).

Этотъ человѣкъ не любилъ лести и „въ дѣйствительности былъ чуждъ „наклонностей автократа“ (интервью Вологодскаго въ „Зарѣ“). Въ немъ была та своего рода „величественность“, которая не достигается „никакимъ внѣшнимъ блескомъ одѣянія и позъ“ **).

* * *

И еще одну черту надо отмѣтить для характеристики „кроваваго“ диктатора. Повидимому, по натурѣ это былъ удивительно мягкій человѣкъ, умѣвшій нисходить къ недостаткамъ другихъ и всегда боявшійся быть жестокимъ по отношенію къ людямъ. Возможно, что сентиментальность вообще не подходила къ суровому времени. Недаромъ большевики, вышедшіе изъ нѣдръ интеллигенціи и опровергшіе всѣмъ своимъ существованіемъ былой тезисъ „Вѣхъ“ о неспособности интеллигенціи держаться за власть, оказались въ періодъ гражданской войны побѣдителями: они показали, какихъ внѣшнихъ результатовъ можно достигнуть послѣдовательнымъ и циничнымъ насиліемъ. Для всѣхъ будущихъ диктаторовъ они дали показательный урокъ. Сибирская „деспотія“ носила иной характеръ. И при ней были эксцессы. Пожалуй, слишкомъ много. Повторяющіеся эксцессы становятся, конечно, системой. Но самъ диктаторъ, болѣе чѣмъ кто либо, морально страдалъ отъ того, что давала сибирская жизнь — онъ такъ же „бурно“ ненавидѣлъ и насиліе. Съ горечью онъ сознавалъ, что это насиліе творится все же его именемъ. У Гинса приведены показательныя иллюстраціи того, какъ самыя благожелательныя распоряженія верховнаго правителя, преломъ-

*) Гинсъ приводитъ этотъ разсказъ для иллюстраціи холодности К. и не умѣнія его говорить съ солдатами.

**) Черта, отмѣченная Ауслендеромъ въ брошюрѣ „Верховный Правитель адмиралъ А. В. Колчакъ“. Брошюра изданія Рус. Бюро Печати написана въ нѣсколько приподнятыхъ тонахъ.

ляясь въ призмѣ сибирской дѣйствительности, отражались въ своего рода кривомъ зеркалѣ (354—356).

Я не имѣю возможности съ большими деталями остановиться на характеристикѣ образа адмирала Колчака, — этого, по мнѣнію Гинса, „рокового человѣка", несшаго съ собой несчастье. Еще придетъ его біографъ, который, опираясь на провѣренные уже факты, нарисуетъ незаурядный обликъ „мечтателя объ общемъ благѣ".

Колчакъ „хорошій человѣкъ, патріотъ... Къ сожалѣнію ему приходится бороться съ саранчой справа и слѣва" — писалъ одинъ солдатъ съ фронта 19 іюня.

Это наивно-грубое выраженіе неизвѣстнаго намъ солдата даетъ, въ свою очередь, отвѣтъ тѣмъ политическимъ противникамъ верховнаго правителя, которые пытаются его сдѣлать какъ бы символомъ „самой мрачной реакціи" *).

2. Декабрьская драма.

9 декабря на георгіевскомъ парадѣ адмиралъ, объѣзжая войска въ своей обычной солдатской шинели **),

*) Напр., эмигрантскій „Голосъ Россіи" 14 сент. 20 г. А. Ф. Керенскій, повторяющій эту квалификацію во французскомъ изданіи своихъ воспоминаній („ультра-реакціонный диктаторъ Сибири") объясняетъ измѣненіе психики адмирала тяжелыми переживаніями, черезъ которыя прошелъ Колчакъ въ бытность еще командующимъ черноморскимъ флотомъ. Первое разочарованіе дало толчекъ къ душевному кризису, который наложилъ отпечатокъ на всю послѣдующую дѣятельность „блестящаго моряка" (203). Такого кризиса, довольно обычнаго въ эпохи революціонныхъ бурь, отбрасывающаго человѣка въ лагерь реставраторовъ, совершенно объективно въ міровоззрѣніи Колчака мы отмѣтить не можемъ. „Благо родины" — писалъ одинъ изъ коммунистическихъ публицистовъ (Полонскій въ сб. „На идеологическомъ фронтѣ борьбы съ контръ-революціей") — для Деникина и Колчака дороже „завѣтовъ" революціи. Вотъ въ чемъ ихъ „реакціонность". Но понятіе „завѣты революціи" столь относительно, что надо прежде установить его содержаніе. Ясно, что „завѣты революціи" въ коммунистическомъ пониманіи не совпадутъ съ принципами, провозглашенными февральской революціей. И дѣятели февральской революціи по разному воспринимаютъ и опредѣляютъ эти лозунги демократіи и народовластія, поэтому не приходится проводить тождества между „благомъ родины" и „завѣтами революціи".

**) По словамъ И. И. Сукина, Колчакъ отказался надѣвать шубу до тѣхъ поръ, пока армія не будетъ одѣта.

простудился и заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ. Этотъ случай — говоритъ онъ въ показаніяхъ — „въ дальнѣйшемъ въ значительной степени повліялъ на мою работу". Несмотря на простуду, Колчакъ первое время оставался на ногахъ — болѣть онъ „не могъ". Наконецъ, консиліумъ врачей уложилъ его въ постель: у него обнаружилась „запущенная тяжелая форма пневмоніи". Колчакъ проболѣлъ болѣе шести недѣль. Насилуя себя, онъ вставалъ, одѣвался и, принявъ кого нужно, вновь ложился въ постель. Два раза въ день Колчакъ продолжалъ принимать доклады о фронтѣ: „за исключеніемъ нѣсколькихъ дней — говоритъ онъ — когда у меня была такая высокая температура и такія боли, что я дышать не могъ". (197). Естественно, что въ періодъ своей болѣзни верховный правитель „не былъ вполнѣ въ курсѣ всѣхъ дѣлъ" — вѣрнѣе правительство самостоятельно дѣйствовало отъ его имени. Поразительно, что обвинители Колчака никогда ни однимъ словомъ не обмолвились о томъ тяжеломъ положеніи, въ которомъ находился верховный правитель въ дни декабрьскихъ событій, разыгравшихся вновь на аренѣ омской жизни.

Началось съ возстанія, организованнаго въ ночь на 22 декабря большевиками. Оно было неудачно. Контръразвѣдка своевременно получила свѣдѣнія о готовящемся выступленіи. Въ Омскѣ находилось „достаточное количество войска", „гарнизонъ былъ надеженъ". Городъ заранѣе разбили на районы, составили расписаніе для войскъ на случай тревоги. Особыхъ указаній не требовалось — „все дѣлалось автоматически". Наканунѣ выступленія былъ арестованъ большевицкій штабъ.

Большевицкій историкъ Парфеновъ пытается представить „возстаніе", какъ горячій, необдуманный, неорганизованный порывъ молодыхъ солдатъ нѣсколькихъ ротъ омскаго гарнизона, доведенныхъ происходящимъ террористическимъ разгуломъ до крайняго физическаго и духовнаго раздраженія" (75). Въ данномъ случаѣ боль-

шевицкіе „историки“ не сговорились. Комментаторъ опубликованныхъ въ „Кр. Арх.“ (т. VII) матеріаловъ подъ заглавіемъ „Омскія событія при Колчакѣ“, Константиновъ, прямо пишетъ въ предисловіи:

„Омское возстаніе, вспыхнувшее черезъ мѣсяцъ послѣ колчаковскаго переворота, не было вызвано, какъ это изображали въ свое время эсеры (имѣется въ виду, очевидно, Колосовъ), возмущеніемъ только противъ Колчака — оно назрѣвало значительно ранѣе 18 ноября... Если это возстаніе вспыхнуло бы при Директоріи, оно тоже было бы потоплено въ крови, какъ это сдѣлали колчаковцы... Омское возстаніе, по предположенію его руководителей, должно было начаться въ рабочихъ районахъ г. Омска и по другую сторону Иртыша, на ж.-д. станціи Куломзино, верстахъ въ 6—7 отъ Омска. Затѣмъ оно должно было перебросится въ нѣкоторыя части омскаго гарнизона и въ лагери, гдѣ содержалось очень много красноармейцевъ, военноплѣнныхъ гражданской войны. О подготовкѣ этого возстанія была освѣдомлена колчаковская контръ-развѣдка, которая заблаговременно приняла мѣры къ его ослабленію и ликвидаціи. 21 декабря начались массовые обыски и аресты, была арестована группа большевиковъ-рабочихъ въ 42 человѣка. Это внесло дезорганизацію въ возстаніе. Послѣднее было отмѣнено, но провести эту отмѣну полностью помѣшали аресты, вслѣдствіе чего въ нѣкоторыхъ районахъ возстаніе вспыхнуло и проходило разрозненно, частично. Куломзинскіе рабочіе выступили, но оказались изолированными отъ Омска и потерпѣли пораженіе“. (202)

Другой сибирскій дѣятель И. Смирновъ въ статьѣ „На другой день послѣ паденія совѣтовъ“ (Сборникъ „Борьба за Уралъ“) разсказываетъ объ условной телеграммѣ, которую въ декабрѣ разослалъ Сибирскій областной комитетъ по коммунистическимъ организаціямъ о подготовкѣ декабрьскаго возстанія въ Омскѣ. „На мѣстахъ — добавляетъ онъ — получили вслѣдъ за этимъ подтвержденіе этого рѣшенія отъ спеціально пріѣхавшихъ изъ Омска товарищей“ (198).

Нѣтъ, конечно, никакихъ сомнѣній въ томъ, что попытка возстанія входила въ разработанный большевиками систематическій планъ борьбы за захватъ власти. Въ статьѣ „Большевицкое подполье при Колчакѣ“ Вегманъ разсказываетъ подробно, какъ были организованы коммунистическія силы по системѣ пятерокъ и десятокъ, какъ сносились они черезъ курьеровъ съ Москвой, и какъ Свердловъ снабжалъ ихъ деньгами. Еще въ августѣ въ Томскѣ была созвана сибирская областная конференція большевиковъ; 23 ноября состоялась вторая конференція, на которой было рѣшено приступить къ организаціи ряда планомѣрныхъ „сепаратныхъ“ возстаній съ цѣлью разстроить „весь контръ-революціонный тылъ“. Конференція постановила „бросить силы партіи на помощь возникавшему тогда крестьянскому движенію“. Такъ какъ центръ власти находился въ Омскѣ, то на этотъ городъ подпольная организація „обратила свое главное вниманіе“. („Хр.“ Прил. 151).

* * *

Омская попытка возстанія не была одинока. Надо сказать, что коммунистическая молодежь, къ сожалѣнію, упорно и фанатически боролась за совѣтскую власть въ Сибири. Она героически отдавала свою жизнь и гибла при подпольной работѣ.

Принимали ли какое либо участіе въ организаціи возстанія сибирскіе эс-эры? Проф. Легра, подчеркивая, что онъ хорошо освѣдомленъ о сибирскихъ дѣлахъ, считаетъ омское возстаніе — возстаніемъ эс-эровскимъ. Конечно, это было не такъ. Прямыхъ связей съ коммунистическими организаціями у сибирскихъ эс-эровъ, повидимому, еще не было — они появились позже. Отдѣльные агитаторы, естественно, сливались въ своей подпольной работѣ съ коммунистическими пропагандистами.

Въ ночь на 22 декабря въ Омскѣ, послѣ неудачной попытки освободить красноармейцевъ изъ концентраціоннаго лагеря, большевицкій отрядъ перешелъ на ст. Куломзино, гдѣ находилась вооруженная дружина желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Возстаніе было, по словамъ Колчака, легко подавлено казачьими частями и чехословацкимъ отрядомъ, причемъ въ дѣло была пущена артиллерія *)

Своеобразный споръ произошелъ на иркутскомъ „слѣдствіи" между адмираломъ и предсѣдателемъ Комиссіи Поповымъ по поводу куломзинскихъ событій.

Поповъ... фактически въ Куломзинѣ никакого боя не было, ибо только вооруженные рабочіе стали выходить на улицу, они уже хватались и разстрѣливались...

Колчакъ. Эта точка зрѣнія является для меня новой, потому что были раненые и убитые въ моихъ войскахъ, и были убиты даже чехи, семьямъ которыхъ я выдавалъ пособія. Какъ же вы говорите, что не было боя?

Поповъ. Боевъ не было, могли быть лишь какія-нибудь стычки.

Колчакъ. То, что вы сообщаете, было мнѣ неизвѣстно. Я лично тамъ не могъ быть, но вѣрю тому, что мнѣ докладывалось. Мнѣ докладывался списокъ убитыхъ и раненыхъ. Эта точка зрѣнія является для меня совершенно новой.

Поповъ. Это не точка зрѣнія, а это фактъ.

Колчакъ. Вы тамъ были?

Поповъ. Нѣтъ, я сидѣлъ въ тюрьмѣ и не былъ тамъ точно такъ же, какъ и вы, но я говорю со словъ участниковъ этого дѣла.

---

*) Начальникъ контръ-развѣдывательной части при главномъ Штабѣ, ген. Бабушкинъ въ докладѣ 12 марта рисуетъ менѣе оптимистическую картину. Онъ утверждаетъ, что къ 22 декабря коммунистамъ удалось организовать (т. е. внѣдрить коммунистическія ячейки) „почти весь гарнизонъ, за исключеніемъ двухъ или трехъ ротъ казачьяго полка и батальона Ставки верховнаго правителя, въ которомъ прочно обосновались соціалисты-революціонеры". Вооруженное выступленіе могло бы „принять грандіозные размѣры" („Борьба за Уралъ" 236). Свѣдѣнія контръ-развѣдки явно преувеличены.

Колчакъ. Мнѣ говорили, что въ Куломзинѣ за весь день боя было 250 человѣкъ потери, а въ правительственныхъ войскахъ было человѣкъ 20 убитыхъ и раненыхъ, кромѣ того, 3—4 чеха, но сколько убитыхъ было въ войскахъ, я точно не помню" (210).

Возстаніе было подавлено съ „исключительной жестокостью" — утверждаетъ Гинсъ (II, 96). Понятіе о жестокости въ гражданскую войну очень относительно. „Въ Куломзинѣ — заявилъ Поповъ — фактически было разстрѣляно 500 человѣкъ". „Человѣкъ 70 или 80" — по словамъ Колчака. По даннымъ „Сибирской Рѣчи" 28 декабря при подавленіи мятежа было убито 114; по приговору полевого суда 117.

Поповъ утверждаетъ, что въ Куломзинѣ практиковалась порка. Колчакъ отвѣчалъ: „Про порку я ничего не зналъ и вообще я всегда запрещалъ какія бы то ни было тѣлесныя наказанія — слѣдовательно, я не могъ даже подразумѣвать, что порка могла гдѣ нибудь существовать. А тамъ, гдѣ мнѣ это становилось извѣстнымъ, я предавалъ суду, смѣщалъ, т. е. дѣйствовалъ карательнымъ образомъ" (209)...

* * *

Но омскія декабрьскія событія трагичны не куломзинскимъ выступленіемъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Одна группа поднявшихъ возстаніе явилась въ областную тюрьму и освободила всѣхъ политическихъ заключенныхъ. Среди нихъ были и арестованные 2 декабря „учредиловцы". Арестованные эс-эры не очень склонны были уходить изъ тюрьмы, чувствуя какую то „провокацію" въ этомъ освобожденіи. Но не уйти нельзя было— пояснялъ своей женѣ Ѳоминъ: „вѣдь они — вооруженные освободители, еще озвѣрѣютъ и прикончатъ" (Б. XXI, 221). Повидимому, обстановка была не совсѣмъ такая, какъ ее описываетъ Раковъ въ письмѣ („брошюра „Въ застѣнкахъ Колчака"): „солдаты по наивности говорили

„учредителямъ“, „чтобы они шли въ казарму и образовывали власть“. Другіе же свидѣтели изъ эс-эровъ говорятъ, что молодые солдаты, настроенные большевицки, не хотѣли даже въ началѣ освобождать „учредильщиковъ“. (Показанія Сперанскаго: „К. Ар.“ VIII, 181).

Днемъ появился довольно дикій приказъ начальника гарнизона Бржезовскаго, которымъ предписывалось „всѣмъ незаконно освобожденнымъ изъ тюремъ“ „добровольно явиться“: „всѣхъ неявившихся и задержанныхъ послѣ этого бѣжавшихъ арестованныхъ приказываю разстрѣливать на мѣстѣ“; „всѣ укрыватели бѣжавшихъ арестованныхъ будутъ преданы военно-полевому суду, а равно домохозяева и хозяева квартиръ, гдѣ таковые будутъ найдены“. Одновременно Бржезовскій объявилъ объ открытіи дѣйствій военно-полевого суда, который долженъ закончить судъ надъ задержанными въ трехдневный срокъ („Хр.“, прил. 154).

Большинство политическихъ арестованныхъ, согласно приказа, вернулись въ тюрьму. Ночью часть ихъ по опредѣленному списку была взята изъ тюрьмы конвоемъ, водившимъ арестованныхъ въ военно-полевой судъ, и разстрѣляна на Иртышѣ. Первая группа взятыхъ изъ тюрьмы — среди нихъ былъ с.-д. Маевскій — была доставлена въ военный судъ и по позднѣйшему сообщенію прокурора палаты приговорена къ смертной казни*). Взятые во вторую очередь Девятовъ и Кириенко были разстрѣляны конвоирами по дорогѣ при попыткѣ „склонить ихъ на сторону мятежниковъ“. Послѣдняя группа — Ѳоминъ, Брудереръ и др. „были доставлены въ помѣщеніе военно-полевого суда по закрытіи засѣданія“ послѣдняго.

„Въ виду этого — свидѣтельствуетъ справка военнаго прокурора 31 декабря — доставившій аресто-

*) Въ сводкѣ, позже составленной для адмирала, отмѣчалось, что Маевскій былъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ („К. АР.“ VII, 214).

ванныхъ поручикъ Барташевскій, по его указанію, вывелъ этихъ лицъ изъ помѣщенія суда, съ цѣлью возвратить ихъ въ тюрьму, а также вывелъ и вышеперечисленныхъ пять осужденныхъ къ смертной казни, съ цѣлью привести приговоръ въ исполненіе; такъ какъ конвоируемые, вопреки запрещенію начальника конвоя не разговаривать между собою, продолжали переговариваться, то поручикъ Барташевскій, опасаясь, какъ бы арестованные не сговорились учинить побѣгъ, а также въ виду малочисленности конвоя, рѣшилъ привести въ исполненіе приговоръ суда, вывелъ арестованныхъ на рѣку Иртышъ, гдѣ и привелъ приговоръ въ исполненіе, при чемъ при возникшей среди конвоируемыхъ паникѣ были разстрѣляны не только приговоренные къ смертной казни, но и остальные арестованные" („Хр." Прил. 155).

Такъ погибло 15 человѣкъ.

Я не имѣю возможности остановиться подробно на этой жуткой страницѣ омской лѣтописи. Ей Колосовъ, пытавшійся самостоятельно произвести разслѣдованіе по свѣжимъ слѣдамъ, посвятилъ особый очеркъ („Какъ это было"), чрезвычайно яркій въ отношеніи трагическихъ переживаній близкихъ погибшаго Ѳомина. Въ „Кр. Арх." (кн. VII—VIII) опубликованы показанія дѣйствовавшихъ лицъ — посколько послѣднія выявились въ періодъ работы двухъ слѣдственныхъ комиссій: одной, учрежденной постановленіемъ Совѣта министровъ 14 января, подъ предсѣдательствомъ сенатора Висковатаго, и другой при иркутскомъ губернскомъ ревкомѣ подъ предсѣдательствомъ присяжнаго повѣреннаго Попова, бывшаго предсѣдателя омскаго Совѣта рабочихъ депутатовъ, который въ моментъ разстрѣла былъ въ тюрьмѣ и лишь случайно избѣжалъ смерти вслѣдствіе болѣзни сыпнымъ тифомъ.

Говорить о какихъ либо правонарушеніяхъ тамъ, гдѣ все было сплошь вопіющимъ беззаконіемъ, конечно, не приходится. Двадцатилѣтній поручикъ Барташевскій изъ красильниковскаго отряда, начальствовавшій кон-

воемъ, начальникъ унтеръ-офицерской школы кап. Рубцовъ и ихъ помощники, непосредственно виновные въ кровавой расправѣ, предсѣдатель суда Ивановъ, которому предъявлялось обвиненіе даже въ составленіи подложныхъ приговоровъ о разстрѣлѣ 44 совдепщиковъ послѣ ужъ фактическаго ихъ разстрѣла, начальникъ гарнизона и начальникъ его штаба — всѣ они проявили чрезмѣрно легкое отношеніе къ разстрѣлу безъ суда и слѣдствія заключенныхъ въ тюрьму большевиковъ. Нѣкоторое объясненіе можно найти лишь въ сложной обстановкѣ подавленнаго возстанія. Администрація тюрьмы была новая, гражданская власть, по признанію Гинса, растерялась и предоставила дѣйствовать исключительно военнымъ властямъ. Въ такихъ случаяхъ въ атмосферѣ озлобленія всегда творятся беззаконія, и бываютъ невинныя жертвы — объ юридическихъ обоснованіяхъ забываютъ.

Сущность не въ двадцатилѣтнихъ Барташевскихъ, дѣйствовавшихъ чрезвычайно упрощенно и наивно, выдававшихъ въ тюрьмѣ росписки о взятыхъ арестованныхъ и, можетъ быть, искренно убѣжденныхъ, что они расправляются съ большевиками, которыхъ полк. Сабельниковъ (нач. штаба) приказалъ присоединить къ разстрѣливаемымъ (Показаніе Рубцова). Кто за ними стоялъ? Вотъ сущность вопроса, который и ставитъ сводка матеріаловъ о расправѣ въ тюрьмѣ, сдѣланная для верховнаго правителя.

Читатель, обладающій чувствомъ элементарной справедливости, выдѣлитъ во всей этой исторіи верховнаго правителя. Какая личная отвѣтственность можетъ быть у того, кто въ этотъ часъ лежалъ въ постели въ 40 градусномъ жару, „еле дышалъ“ и не могъ даже „говорить“? Только „изслѣдователь“, у котораго отсутствуетъ всякое критическое отношеніе къ формальнымъ документамъ, передъ нимъ лежащимъ, будетъ продолжать утверждать, что всѣ выходившіе въ эти дни отъ

имени верховнаго правителя приказы, принадлежатъ личной иниціативѣ Колчака. Подпись адмирала стояла въ приказѣ 22-го съ благодарностью гарнизону и съ сообщеніемъ о преданіи виновныхъ военно-полевому суду. Конечно, верховный правитель отдалъ приказъ о „безпощадномъ уничтоженіи всѣхъ лицъ, пытающихся произвести безпорядки“ — телеграмма ген. Лебедева по воинскимъ частямъ („Хр.“ Прил. 154). А вотъ что говоритъ самъ Колчакъ въ своихъ показаніяхъ: „Лебедевъ мнѣ заявилъ, что сегодня вечеромъ долженъ начать функціонировать судъ по назначенію командующаго войсками, и что городъ объявленъ на осадномъ положеніи“ (199). „Было ясно — показывалъ Колчакъ, — что Барташевскій и бывшіе съ нимъ — это исполнители, важно было узнать, по чьему приказу и съ какими цѣлями это было сдѣлано“. Потребовавъ къ себѣ главнаго военнаго прокурора полк. Кузнецова, больной Колчакъ поручилъ ему произвести слѣдствіе и выяснить виновника распоряженія о преданіи учредиловцевъ военно-полевому суду. „Кузнецову — добавляетъ Колчакъ — такъ и не удалось выяснить. Онъ выяснилъ фактъ и лицъ, которые участвовали въ этомъ дѣлѣ, но выяснить, кѣмъ была поставлена эта задача, установить, отъ кого исходило это распоряженіе, не удалось. Тогда я рѣшилъ передать это дѣло въ руки сенатора-спеціалиста и просилъ его произвести самое разслѣдованіе. Это было въ февралѣ мѣсяцѣ. Слѣдствіе военное столь несовершенно, такъ медленно тянется, что я считалъ, что они просто не могутъ, какъ слѣдуетъ, разобраться“ (203) *). „Мое мнѣніе и убѣжденіе было таково, что это былъ актъ, направленный противъ меня и совершенный такими кругами, которые меня начали обвинять въ томъ, что я

*) Чрезвычайно характерно добавленіе Колчака: „я всегда былъ безсиленъ, разъ я обращался къ легальной судебной власти. Это была одна изъ тяжелыхъ сторонъ управленія, потому что наладить судебный аппаратъ было совершенно невозможно“ (207-208).

вхожу въ соглашеніе съ соціалистическими группами. Я считалъ, что это было сдѣлано для дискредитированія моей власти передъ иностранцами и передъ тѣми кругами, которые мнѣ незадолго до этого выражали довѣріе и обѣщали помощь“ (205—206)*).

Колчакъ дѣлалъ оговорку, что обвинять Красильникова у него не было никакого основанія: „зная его отношеніе ко мнѣ... я не могъ подозрѣвать, чтобы Красильниковъ могъ сдѣлать этотъ актъ, направленный противъ меня“ (207). Упоминаю объ этомъ, потому что авторъ статьи „Два возстанія“, напечатанной въ „Бѣломъ Дѣлѣ“, слишкомъ опредѣленно говоритъ, что „разслѣдованіе слѣдственныхъ властей приводило неизмѣнно къ атам. Красильникову и другимъ казачьимъ военнымъ начальникамъ, какъ къ виновнымъ въ расправѣ“ (196).

Колосовъ, ведшій „свое“ разслѣдованіе и скрывавшій въ бесѣдѣ съ министромъ юстиціи имѣвшіяся у него свѣдѣнія, ссылается на намеки Старынкевича, что въ дѣлѣ Ѳомина замѣшанъ былъ Ивановъ-Риновъ, который соперничалъ съ Колчакомъ и „сознательно бросилъ ему въ лицо трупы „учредильщиковъ“, какъ вызовъ и какъ залогъ кроваваго сообщничества въ дальнѣйшемъ. Колосовъ создаетъ уже версію, что омское возстаніе нарочно было допущено и ставитъ его въ связь съ конфликтомъ съ Семеновымъ, съ которымъ договорился Ивановъ-Риновъ. Власть прекрасно была освѣдомлена о подготовкѣ омскаго возстанія... „одновременно съ этой подготовкой шла еще одна подпольная“.

„Для монархистовъ наступалъ долгожданный моментъ, такъ какъ можно было, воспользовавшись смутой, получить для подавленія мятежа всю фактическую власть въ свои руки и, подавивъ мятежъ, направить

*) Колчакъ имѣлъ въ виду посѣщеніе представителей „блока“: „я съ ними не могъ бесѣдовать, но я заставилъ себя одѣться и выйти къ нимъ — они меня привѣтствовали и сказали, что поскольку я буду держаться того пути, который я высказалъ въ своихъ рѣчахъ и декларацiяхъ, то я могу разсчитывать на ихъ полную поддержку“ (201).

остріе того же оружія въ другую сторону, противъ „выскочки“ Колчака... Въ такомъ видѣ, по крайней мѣрѣ, передавали мнѣ смыслъ разыгравшихся событій весьма освѣдомленные люди изъ тѣхъ, которые полагали, что Колчакъ и въ самомъ дѣлѣ почти что русскій Вашингтонъ.

Однако, справиться съ Колчакомъ оказалось не такъ легко, какъ напр., съ Директоріей. За эти дни домъ его усиленно охранялся, — что, конечно, не удивительно, но замѣчательнѣе и удивительнѣе, кѣмъ именно охранялся. Охранялся онъ англійскими солдатами, выкатившими прямо на улицу всѣ свои пулеметы*). Мы знаемъ, что тамъ происходило между этими матодорами сибирскихъ цензовиковъ, но кончилось тѣмъ, что въ своемъ приказѣ отъ 22 декабря, расклееномъ на всѣхъ заборахъ, ген. Ивановъ-Риновъ заявилъ, что онъ признаетъ власть адм. Колчака и не позволитъ никому ее свергнуть... Но, признавъ власть адм. Колчака, сибирскіе погромщики вмѣстѣ съ тѣмъ въ видѣ компенсаціи рѣшили его, болтавшаго тамъ что-то о Нац. Собраніи (чуть-что не Учредительномъ), помазать на царство кровью этихъ самыхъ „учредильщиковъ“, забросать его ихъ трупами, сдѣлать это его собственнымъ именемъ въ разсчетѣ, что онъ не посмѣетъ отказаться отъ солидарности съ ними, и все это свяжетъ его круговой кровавой порукой съ порочнѣйшими изъ реакціонныхъ круговъ... Это была дьявольская, сатанинская программа, счетъ къ уплатѣ по векселю, выданному еще 18 ноября убійцамъ... а затѣмъ, чтобы скрыть истинныхъ виновниковъ, была пущена по всему свѣту лживая легенда о простомъ офицерскомъ самосудѣ“ („Б.“ XXI, 296).

Для такихъ смѣлыхъ сужденій и выводовъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, матеріаловъ нѣтъ.

---

*) Недостаточно, можетъ быть, освѣдомленный, передающій фактъ со словъ пристрастныхъ свидѣтелей, очень склонныхъ въ Омскѣ къ творчеству легендъ, Колосовъ тенденціозно все поворачиваетъ противъ Колчака. Такъ обстоитъ дѣло и съ охраной верховнаго правителя „англійскими солдатами“. „По расписанію“ къ Колчаку прибыла сотня казаковъ, которыхъ утромъ уже онъ приказалъ отпустить домой. (Допросъ 198—199). По собственной иниціативѣ явился съ охраной и энергичный Уордъ. (Его воспоминанія 100—101).

Въ предложеніяхъ можно итти еще дальше. И пріѣздъ Иванова-Ринова съ Дальняго Востока, пріурочитъ спеціально къ выступленію большевиковъ (кстати оно намѣчалось на 20 ое до возвращенія Иванова-Ринова). Можно послѣдовать за Уордомъ и въ возстаніи 22 го усмотрѣть совмѣстную дѣятельность большевиковъ и монархистовъ. Видѣть въ декабрьскихъ событіяхъ „заговоръ“ со стороны военной партіи, руководимой Ивановымъ-Риновымъ, едва ли возможно. Правда, многое неясно относительно Иванова-Ринова въ эти дни. Колосовъ утверждаетъ, что Ивановъ-Риновъ получилъ въ ночь на 23 диктаторскія уполномочія и будто бы отъ него исходило приказаніе о преданіи возвратившихся въ тюрьму учредиловцевъ военно-полевому суду. Свѣдѣнія эти Колосовъ получилъ отъ лицъ, „бывавшихъ на дому у ген. Иванова-Ринова“. Кто передалъ эти „диктаторскія уполномочія“ Иванову-Ринову? Оффиціально Ивановъ-Риновъ въ эти дни нигдѣ не выступаетъ, никакихъ приказовъ его я не нашелъ, (объ этомъ говоритъ и Гинсъ) если не считать заявленія, напечатаннаго въ „Правит. Вѣстникѣ“ № 30, въ которомъ Ивановъ-Риновъ опровергаетъ распространившіеся слухи о тайныхъ намѣреніяхъ его посягнуть на власть. Ивановъ-Риновъ заявляетъ, что онъ „до послѣдней капли крови рѣшилъ поддержать Колчака“. Очевидно, слухи, о которыхъ упоминаетъ Колосовъ, дѣйствительно, ходили и основывались на недовольствѣ лѣвымъ курсомъ верховнаго правителя. „Заря“ еще 19 декабря говорила о томъ остромъ моментѣ, который переживаетъ Сибирь, и, намекая, что „неясные слухи бродятъ, какъ тѣни, призывало общество сплотиться передъ правительствомъ, такъ какъ „реакція“ мобилизуется. Не только въ Омскѣ, но и въ Харбинѣ говорятъ о необходимости передать званіе верховнаго правителя другому лицу. Въ Харбинѣ это, естественно, Хорватъ (Будбергъ, XIII, 274).

Легко допустить, что закулиснымъ дирижеромъ,

провоцировавшимъ, конечно, не возстаніе 22-го, а тюремную драму, былъ дѣйствительно Ивановъ-Риновъ или кто-либо изъ его сателитовъ. Ивановъ-Риновъ, какъ мы знаемъ, съ особымъ подозрѣніемъ относился къ членамъ Уч. Собр.. Подозрѣніе должно было усилиться съ момента, когда выявилась екатеринбургско-уфимская тактика послѣ государственнаго переворота, и когда у группы эс-эровъ начались переговоры о соглашеніи съ большевиками для борьбы противъ сибирской „контръреволюціи". Министръ юстиціи былъ, конечно, правъ, указывая Колосову, что такая политика въ отношеніи большевиковъ раздражаетъ военные круги, воспитываетъ въ ихъ средѣ негодованіе на „учредиловцевъ" и порождаетъ печальные инциденты „самосуда".

Ночная тюремная драма всетаки была „самосудомъ"; правда, самосудомъ специфическимъ, самосудомъ организованнымъ. И „лживая версія" о самосудѣ, происхожденіе которой Колосовъ приписываетъ иниціативѣ омскаго правительства, остается во всей своей силѣ. Колосовъ забываетъ, что самъ онъ долженъ былъ раньше признать, что вначалѣ всѣ были „загипнотизированы" этой версіей, вплоть до жены Ѳомина (судьбѣ Ѳомина, главнымъ образомъ, посвященъ очеркъ Колосова). Колосовъ поставилъ своей задачей разбить эту версію. У него были свидѣтели, о которыхъ онъ не захотѣлъ сказать министру юстиціи Старынкевичу и которыхъ онъ не назвалъ даже въ своихъ очеркахъ. Но дѣло вновь разсматривалось большевиками; вновь давали свои показанія обвиняемые и свидѣтели, стараясь всю вину какъ бы возложить на покойнаго уже адмирала. Были и новые свидѣтели. Большевики не приминули бы воспользоваться ими, если бы нашелся хоть какой нибудь матеріалъ, подтверждавшій версію Колосоаа. И большевики говорятъ въ обвинительномъ заключеніи о военномъ самосудѣ („Кр. Ар.", VIII, 190). Самосудъ этотъ былъ „квалифицированный". Въ этомъ нѣтъ сомнѣній.

Не поручику Борташевскому пришла идея расправиться попутно и съ учредиловцами. Но идея эта явилась, очевидно, внѣ непосредственной связи съ омскимъ возстаніемъ. Въ показаніяхъ передъ большевицкой комиссіей, числившійся въ эс-эрахъ *) Ан. Сперанскій (онъ исполнялъ при Комитетѣ У. С. обязанность завѣдующаго охраной Съѣзда и лично Чернова и находился среди арестованныхъ) разсказывалъ, что еще 16—17 декабря въ тюрьму пріѣзжала группа офицеровъ и требовала выдать имъ для допроса Ѳомина, Девятова и его, Сперанскаго. Начальникъ тюрьмы Веретенниковъ безъ письменнаго ордера отказался выдать заключенныхъ (VIII, 181). 22-го декабря Сперанскій, освобожденный изъ тюрьмы среди другихъ, явился во второй участокъ городской милиціи, гдѣ дежурный помощникъ сказалъ ему: „ночью въ тюрьму отправлять васъ не буду — тамъ сейчасъ главенствуютъ военныя власти“. 25-го Сперанскій былъ вновь переведенъ въ тюрьму, тамъ ему разсказывали, что „еще утромъ 22 декабря въ тюрьму, занятую новымъ карауломъ, прибыла большая группа офицеровъ, расположилась внизу, въ конторѣ, потребовала списокъ заключенныхъ и противъ цѣлаго ряда фамилій сдѣлала отмѣтку V (краснымъ карандашомъ) и затѣмъ сбоку „отпр.“ Освобожденный 27-го (по распоряженію прокурора были освобождены оставшіеся 14), Сперанскій также „успѣлъ“ собрать нѣкоторыя свѣдѣнія о 22-мъ декабря. (Онъ былъ вновь арестованъ 28-го). „Въ качествѣ идейныхъ руководителей дикаго самосуда — показываетъ онъ — въ обществѣ называли имена: Михайлова, Иванова, Бржезовскаго и коменданта ставки кап. Деммера“. Скоро въ тюрьму попалъ самъ Борташевскій, арестованный чрезвычайной слѣдственной ко-

*) Я употребляю этотъ терминъ, такъ какъ роль Сперанскаго до революціи нѣсколько двусмысленна. Въ періодъ революціи онъ былъ какъ бы начальникомъ создавшейся „революціонной охраны“. Послѣ большевицкаго переворота сталъ слѣдователемъ революціоннаго трибунала. („Былое“ XXXIII, 227).

миссіей. Вмѣстѣ съ нимъ былъ арестованъ, какъ обвиняемый, и унтеръ-офицеръ Падаринъ *). Изъ разсказовъ въ камерѣ этихъ лицъ Сперанскій узналъ, что утромъ 22 декабря въ красильниковскій отрядъ является Барташевскій и сообщаетъ: вечеромъ нужны будутъ надежные люди. На приглашеніе Барташевскаго откликнулись охотники: Шемякинъ, Левенталь, Виленкинъ, Падаринъ и еще двое. Вечеромъ вся эта группа отдаетъ себя въ распоряженіе предсѣдателя военно-полевого суда Иванова.

Вотъ въ сущности главнѣйшіе намеки, которые можно найти по вопросу о предварительной организаціи самосуда. Онъ былъ, несомнѣнно, какой то группой организованъ, но Колчакъ моральной отвѣтственности за него нести не можетъ. Повидимому, организаторы самосуда дѣйствовали его именемъ для того, чтобы прикрыться и чтобы подвинуть примитивныхъ людей типа двадцатилѣтняго поручика, не отдѣлявшаго эс-эровъ отъ большевиковъ, на кровавую расправу. Кап. Рубцовъ требовалъ отъ тюремной администраціи выдачи арестованныхъ — какъ онъ самъ показалъ еще колчаковской слѣдственной комиссіи — „основываясь на личномъ приказѣ верховнаго правителя“ (VII, 210). Также поступилъ и Барташевскій.

Колчакъ, въ свою очередь, показываетъ:

... „мнѣ кажется, что въ этотъ же вечеръ, часовъ въ 9 или въ 10 примѣрно, я получилъ совершенно неожиданно для меня записку отъ Вологодскаго, который сообщалъ, что предаются военно-полевому суду члены Учр. Собр., которые никакой связи съ возстаніемъ не имѣли, а просто находились въ тюрьмѣ и были освобождены, и что онъ проситъ моего распоряженія о томъ, чтобы ихъ суду не предавать. Я потребовалъ сейчасъ же бланкъ и написалъ на немъ, что члены Учр. Собр. суду не подлежатъ и

*) Характерно, что Колчакъ этого даже не зналъ, будучи убѣжденъ, что Барташевскій бѣжалъ.

безъ моего вѣдома никакому суду ихъ не предавать. Затѣмъ меня немножко удивило одно обстоятельство: мнѣ доложили, что никого изъ членовъ Учр. Собр. нѣтъ, что они всѣ разбѣжались, а потомъ вдругъ они почему то предаются полевому суду. Я, конечно, не могъ быть въ курсѣ дѣла тогда вообще и только потомъ узналъ, что они добровольно явились, т. е. часть изъ нихъ сама пришла обратно въ тюрьму. Свою записку я приказалъ отправить срочно начальнику гарнизона, потому что полевой судъ былъ при начальникѣ гарнизона назначенъ Матковскимъ" (200).

Напомнимъ, что въ свое время Колчакъ былъ недоволенъ, что члены Учр. Собр. держатся въ тюрьмѣ. „Наивный въ политикѣ" адмиралъ говорилъ министру юстиціи:

„Что вы ихъ держите? У меня нѣтъ въ отношеніи ихъ никакихъ обвиненій, я ничего имъ не предъявляю, — все это люди, не имѣющіе никакого общественнаго значенія, и держать ихъ въ тюрьмѣ, это только занимать мѣсто, и ихъ свободно можно было бы всѣхъ отпустить, взявъ отъ нихъ подписку, чтобы они не вели борьбу противъ меня и жили, гдѣ угодно, а слѣдствіе о нихъ можно вести, не держа ихъ въ тюрьмѣ". Старынкевичъ имѣлъ въ виду какія то формальности, которыя нѣсколько задержали освобожденіе, — и они должны были быть выпущены" (201).

Эта страница изъ исторіи гражданской войны показываетъ, какъ трудно быть въ такіе дни юристомъ. Въ свое время были указаны причины, побуждавшія министра юстиціи послѣ суда надъ заговорщиками 18 ноября задержать арестованныхъ 2 декабря. Формально онъ былъ правъ. По существу можно было предвидѣть то, что произошло въ ночь на 23 декабря, и не формально относившійся къ вопросамъ верховный правитель оказался въ своей „наивности" и „элементарности" правымъ.

Можно ли сказать, что Колчакъ покрылъ погром-

щиковъ, „устроившихъ безпримѣрную бойню“ въ ночь съ 22-го на 23 декабря. Это говоритъ Колосовъ. Колчакъ сдѣлалъ все для того, чтобы выяснить истину. Онъ самъ признавалъ (равно и Старынкевичъ въ бесѣдѣ съ Колосовымъ), что разслѣдовать это дѣло „чрезвычайно трудно“ въ виду „остраго противодѣйствія со стороны всѣхъ прикосновенныхъ лицъ“. Выполнители, въ концѣ концовъ, бѣжали въ Семипалатинскъ подъ охрану анненковскаго отряда (это было послѣ перваго допроса Кузнецовымъ) — бѣжали при содѣйствіи своего начальства. Потомъ вернулись. Барташевскій былъ арестованъ и черезъ нѣкоторое время выпущенъ подъ отвѣтственность „отряда Красильникова“. Чрезвычайно показателенъ его допросъ 3 апрѣля:

„Послѣ событій въ ночь на 23 декабря 1918 г. я возвратился со своей командой въ отрядъ и пробылъ тамъ безотлучно до явки на допросъ къ полк. Кузнецову; вмѣстѣ со мною тамъ же продолжали оставаться члены команды, т. е. Виленкинъ, Шемякинъ и др.... При возвращеніи со своей командой въ помѣщеніе отряда я явился къ замѣщавшему начальника отряда шт.-кап. Егорову, но доклада оффиціальнаго не дѣлалъ ему по существу исполненныхъ мною въ ту ночь порученій, а частнымъ образомъ освѣдомилъ его обо всемъ... Когда Шемякинъ возвратился по этому вызову, то былъ предупрежденъ, не могу сказать, кѣмъ именно,... — о томъ, что адмиралъ Колчакъ освѣдомленъ обо всемъ нашемъ дѣлѣ, и военнымъ властямъ отдано приказаніе скрыть всѣхъ насъ... и намъ было отдано распоряженіе немедленно же отправиться въ отрядъ Анненкова въ г. Омскъ, причемъ мы были предупреждены, что будемъ числиться въ бѣгахъ. Въ тотъ же день я и Виленталь поѣхали въ названный отрядъ... мы явились къ начальнику штаба Гештовту. Онъ объяснилъ, что немедленно же отдастъ предписаніе о командированіи насъ въ Семипалатинскъ, тогда же мы на руки получили проѣздные документы на трехъ офицеровъ одинъ и на трехъ солдатъ другой; причемъ фамиліи наши были перемѣнены... кромѣ того намъ былъ выданъ секретный па-

кетъ на имя полк. Сидорова, состоявшаго нач. штаба въ Семипалатинскѣ... Содержаніе документа, находившагося въ пакетѣ, мнѣ стало извѣстно уже въ Семипалатинскѣ... припоминаю, что въ немъ была фраза: „власти рѣшили скрыть фамиліи такихъ-то“, и для исполненія сего мы направились въ Семипалатинскъ. Мнѣ кажется, что упомянутый документъ былъ съ № и за надлежащей подписью, но все-таки утверждать этого не могу... Такъ какъ за время своего пребыванія въ Семипалатинскѣ обносились, то рѣшили ѣхать обратно въ Омскъ за своимъ имуществомъ... По прибытіи сюда мы всѣ трое явились къ начальнику Драчуку, когда именно, точно не могу сказать, но въ февралѣ мѣсяцѣ. Драчукъ сказалъ намъ, что... намъ слѣдуетъ ѣхать на фронтъ въ свой же отрядъ по направленію черезъ Иркутскъ. Туда же онъ предполагалъ командировать и Шемякина съ Галкинымъ и Кукалевскимъ, которые остались въ Семипалатинскѣ... О производствѣ меня въ штабсъ-капитаны я знаю лишь изъ частнаго письма изъ ставки ат. Анненкова... Мнѣ точно извѣстно, что начальникъ отряда Драчукъ представилъ, какъ меня, такъ и остальныхъ чиновъ команды къ производству въ слѣдующій чинъ на основаніи распоряженія, полученнаго по телефону отъ начальника гарнизона; такую телефонограмму я самъ читалъ и даже спрашивалъ дежурнаго адъютанта, весь ли нашъ отрядъ долженъ быть представленъ къ производству или же только лица, участвовавшія въ событіяхъ 22 декабря“. („К. А.“ VII, 232—4).

Что могъ при всей этой обстановкѣ сдѣлать Колчакъ? „Съ точки зрѣнія закона — говоритъ Ганъ — слѣдовало бы предать суду Красильникова и его сообщниковъ, но для адмирала и для его правительства это было бы совершенно невозможно. Пришлось бы пойти на конфликтъ съ казачествомъ, объявить казакамъ войну. Это угрожало большой опасностью для едва укрѣпившейся власти и еще неизвѣстно, чѣмъ бы такой конфликтъ окончился. Нельзя забывать и того, что въ то время назрѣвалъ острый конфликтъ съ ат. Семеновымъ, не признававшимъ адмирала Колчака“ („Два воз-

станія" 161) *). Формальныхъ данныхъ для обвиненія не было. Колчакъ могъ сдѣлать одно: уйти отъ власти. Уйти! Легко сказать. Кому передать власть? Иванову-Ринову, опиравшемуся на сибирскую атаманщину? Несуществующей демократіи? Не значило ли это тогда же погубить все дѣло возможнаго освобожденія Россіи и отдать Сибирь большевикамъ? Гдѣ-то, казалось, все же брежжилъ лучъ солнца. Обвинять ли за эти иллюзіи Колчака? „Мы рабы положенія" — сказалъ онъ. Трагична такая диллема. Оставалось нести свой крестъ. Мрачныя мысли, мрачныя настроенія все чаще охватывали верховнаго правителя. Онъ болѣе другихъ отдавалъ себѣ отчетъ въ окружавшей обстановкѣ.

Можно-ли сказать, что члены Учр. С. были разстрѣляны офицерами адм. Колчака, какъ сказалъ это Зензиновъ? Ѳоминъ былъ замученъ колчаковцами — повторяетъ уже въ 27 году Вис. Гуревичъ („В. Сиб." № 2, 113). Вѣдь съ большимъ правомъ, пожалуй, можно назвать красильниковскій казачій отрядъ „эс-эровскимъ" отрядомъ, ибо основная группа этого спаяннаго особой внутренней дисциплиной и круговой порукой отряда создалась въ дни эс-эровской власти въ Сибири. Не Колчакъ создалъ въ Сибири „атаманщину", ее создала жизнь и условія, при которыхъ образовались первые антибольшевицкіе военные кадры.

Свое отношеніе къ декабрьскимъ событіямъ верховный правитель наглядно выявилъ посылкой своего представителя на „обставленныя весьма торжественно" похороны Ѳомина (Кроль, 166). Только большевикамъ приличествуетъ выставлять мотивомъ убійства адм. Колчака — „разстрѣлъ членовъ У. С., учиненный по приказу адмирала и награжденіе имъ убійцъ военнымъ орденомъ".

* * *

*) По существу, какъ военная сила, Красильниковская бригада была лучшей бригадой (отзывъ ген. Иностранцева).

Печальный эпилогъ декабрьскихъ событій произвелъ чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе въ Сибири. „Печать съ большимъ единодушіемъ клеймила „мрачное и позорное дѣяніе разстрѣла девяти“ („Сиб. Жизнь“). „Отеч. Вѣд.“, сравнивая этотъ актъ съ убійствомъ Шингарева и Духонина, говорили, что глубоко потрясена „общественная совѣсть“ и что власти нанесено „тяжелое оскорбленіе“. „Это грязное дѣло — писала „Заря“ 26 декабря — говоритъ само за себя. Нѣтъ словъ выразить негодованіе“. Чего хотѣли достигнуть? Неужели думали „убить самую идею У. С., снова провозглашенную верховной властью? Нашему національному дѣлу нанесенъ страшный ударъ. Газета требовала „удовлетворенія возмущенной общественной совѣсти“. „Въ оцѣнкѣ этого ужаснаго факта двухъ мнѣній не можетъ быть“ — говорилъ иркутскій „Свободный Край“, въ то же время негодуя на недостойный экивокъ новониколаевской „Нар. Сибири“, напоминавшей „Зарѣ“, что здѣсь и ея „капля меду есть“ (№ 150).

Расправа съ учредиловцами произвела „потрясающее впечатлѣніе“ и на правительство — говорилъ Ключниковъ въ своемъ парижскомъ докладѣ. „Блокъ“ призывалъ всѣ патріотическіе элементы сплотиться, обращалъ вниманіе на необходимость упорядоченія административнаго аппарата, отмѣчалъ необходимость „рѣшительно пресѣкать всякаго рода выступленія „справа“ и „слѣва“, не взирая на лицъ, причастныхъ къ антигосударственнымъ дѣяніямъ („Сиб. Рѣчь“ № 110). „Закупсбытъ“, членомъ правленія котораго состоялъ Ѳоминъ, письмомъ въ газеты 1 января — это письмо я встрѣтилъ не только въ эс-эровской „Народной Сибири“ — обращался съ призывомъ къ общественному мнѣнію: „надо опомниться“. Письмо это написано сильно.

„Погибъ и Нилъ Валерьяновичъ, одинъ изъ могиканъ сибирской кооперації, государственный народоволецъ и народолюбецъ, защитникъ народоправства,

одинъ изъ могиканъ возрожденія Сибири и Россіи, поднявшій вмѣстѣ съ немногими въ Сибири возстаніе противъ власти совѣтовъ, исказившихъ идеи и основы народоправства, введшихъ тиранію, насиліе надъ личностью и обществомъ...

И мы спрашиваемъ и взываемъ къ обществу, къ борющимся политическимъ группамъ и партіямъ, когда же наша многострадальная Россія изживетъ душащій ее кошмаръ, когда же прекратятся насильственныя смерти? Неужели не охватываетъ васъ ужасъ при видѣ безпрерывно льющейся человѣческой крови? Неужели васъ не охватываетъ ужасъ при сознаніи, что гибнутъ, убиваются самые глубокіе и въ то же время элементарнѣйшія основы существованія человѣческаго общества: чувства гуманности, сознаніе цѣнности жизни, человѣческой личности, чувство и сознаніе необходимости правового строя въ государствѣ?

Неужели васъ не охватываетъ ужасъ при сознаніи, что мы теряемъ, потеряли обликъ человѣка, носителя и служителя общественныхъ началъ правды, истины, добра и красоты?

Услышьте нашъ вопль и отчаяніе: мы возвращаемся къ доисторическимъ временамъ существованія человѣчества; мы на краю гибели цивилизаціи, культуры; мы губимъ великое дѣло человѣческаго прогресса, надъ которыми трудились многочисленныя поколѣнія болѣе достойныхъ насъ предковъ... Мы подавлены...

Передъ прахомъ нашего товарища по работѣ у насъ нѣмѣетъ рѣчь, стынутъ мозгъ и сердце...

Мы чувствуемъ свое безсиліе выразить бездонность ужаса, который охватилъ всю многострадальную нашу родину, который давитъ кровавымъ кошмаромъ каждаго сознательнаго человѣка, въ которомъ теплится хоть атомъ человѣчности".

Трагична была смерть Н. В. Ѳомина. Письмо „Закупсбыта" отмѣчало въ слишкомъ повышенныхъ тонахъ заслуги Ѳомина по освобожденію Сибири отъ большевиковъ. Погибъ Ѳоминъ потому, что его, члена „семерки", избранной Бюро Съѣзда Учр. Собр. для борьбы съ новой властью, считали поддерживающимъ больше-

виковъ. Конечно, отъ большевиковъ Ѳоминъ былъ далекъ. Могъ ли онъ пойти по стопамъ Вольскаго, Буревого и др.? Настроенія его въ тюрьмѣ какъ будто бы даютъ отрицательный отвѣтъ. В. С. Панкратовъ (извѣстный шлиссельбуржецъ), близкій „Зарѣ“, доставилъ въ редакцію статью, написанную Ѳоминымъ въ тюрьмѣ. Она подъ заглавіемъ „Слова и думы національнаго возрожденія“ была напечатана „оффиціозомъ“ колчаковскаго правительства. Авторъ говорилъ о проснувшейся національной чести и звалъ выявить волю къ дѣйствію. Статья для Ѳомина знаменательна, она какъ будто намѣчала новую эволюцію въ этомъ непосредственномъ, мятущемся и неустойчивомъ человѣкѣ. Въ октябрѣ онъ былъ охваченъ пессимизмомъ. Онъ ѣдетъ на призывъ партіи въ Екатеринбургъ, ѣдетъ безъ вѣры въ возможность успѣха борьбы. Самъ онъ на распутьѣ (Колосовъ 268). Онъ говоритъ женѣ: ...„страшно сказать, что для меня несомнѣнно, что завоеванія революціи погибли, и какъ вообще-то жить дальше — трудно сказать“ (изъ письма жены „товарищамъ-кооператорамъ“).

Судьба несправедлива и не считается съ цѣлесообразностью. Погибъ и Маевскій (Гутовскій). Это былъ человѣкъ иного типа, чѣмъ кооператоръ Ѳоминъ. Послѣдній все-таки продуктъ революціонной стихіи и потому колеблющійся, какъ колеблется сама стихія. Очень близко связанный до революціи съ нѣкоторыми видными большевиками — это говоритъ его другъ Колосовъ — послѣ революціи Ѳоминъ примыкаетъ къ Чернову. Октябрьскій переворотъ 17 г. настраиваетъ его на другой ладъ, поэтому онъ такъ активенъ въ дѣлѣ сверженія большевиковъ въ Сибири. Къ концу августа у Ѳомина уже иное настроеніе, толкавшее его къ прежнимъ связямъ. Склонный сгущать краски, легко подчиняющійся вліяніямъ другихъ, порывистый, онъ готовъ совершить даже террористическій актъ противъ леновъ сибирскаго правительства Михайлова и Гришина-Алмазова, которые казались ему „злыми геніями“ грядущаго освобожденія.

Редакторъ „Власти Народа“ Маевскій — старый основатель сибирскаго союза соц.-демократовъ, человѣкъ анализа, умѣвшій становиться выше партійныхъ традицій и предразсудковъ. Разумъ долженъ былъ одержать у него верхъ надъ чувствомъ, заставившимъ его столь рѣзко и не всегда справедливо реагировать на событія 18 ноября. Его не стало. Замученная тѣнь взывала къ мести. И люди отдавались этому порыву, забывая тотъ „голосъ пробудившейся національной чести“, которымъ говорилъ въ своей статьѣ Ѳоминъ, и который долженъ былъ побудить представителей демократіи подчинить чувство разуму. Разумъ заглушался тогда, когда политическіе единомышленники Колосова въ февралѣ посылали А. Тома въ Парижъ черезъ французскую миссію телеграмму въ 800 словъ о результатахъ произведеннаго ими довольно тенденціознаго разслѣдованія. Голосъ разума молчалъ у Зензинова, когда онъ 6 іюня помѣщалъ статью въ „La France libre“ о разстрѣлѣ „офицерами адм. Колчака“, „вопреки честному слову“ двухъ министровъ правительства Колчака, девяти человѣкъ... Зензиновъ счелъ нужнымъ воспроизвести эту статью въ сборникѣ документовъ, выпущенномъ въ концѣ 19 г. Въ иностранной печати Зензиновъ свидѣтельствовалъ о безчестности колчаковскаго правительства. Зензиновъ утверждалъ, что освобожденные, боясь возвратиться въ тюрьму, гдѣ „неистовствовали опьянѣвшіе отъ побѣды казаки“, получили по телефону гарантіи неприкосновенности отъ Михайлова и Старынкевича. „Они довѣрились ихъ честному слову... и были разстрѣляны“. Откуда заимствовалъ Зензиновъ эти свѣдѣнія? Въ іюнѣ, когда написана была статья, онъ могъ бы знать всѣ подробности декабрьской драмы, хотя бы въ одностороннемъ освѣщеніи колосовскаго разслѣдованія: надо вѣдь предполагать, что единомышленники Колосова освѣдомили не только французскаго министра о подробностяхъ печальныхъ событій.

Въ письмѣ къ „товарищамъ-кооператорамъ“ жена Ѳомина подробно разсказываетъ обстановку, при которой произошло возвращеніе ея мужа въ тюрьму. Совершенно невѣроятно, чтобы она промолчала о той гарантіи „честнымъ словомъ“ безопасности, которую Ѳоминъ яко бы получилъ отъ оффиціальныхъ представителей власти. Дѣло въ дѣйствительности происходило по другому. Были большія колебанія: возвращаться или нѣтъ, соотвѣтственно приказу Бржезовскаго. Жена Ѳомина поѣхала къ „товарищамъ-кооператорамъ“. Послѣдніе „единодушно“ высказались за то, что „необходимо сдаться въ руки властей... горячо и съ негодованіемъ говорили о томъ, что все это освобожденіе — сплошная провокація, что завтра ихъ должны были освободить, а теперь это освобожденіе — только предлогъ для расправы, указывали на необходимость немедленно же возвратиться“. Колебанія продолжались до вечера. Рѣшающимъ мотивомъ были встревоженныя „лица хозяевъ“. Наконецъ, Ѳоминъ сказалъ; „Ну, думать нечего. Поѣзжай, Наташа, къ Сазонову (кооператору) и узнай, какъ сдаться надо — куда и какъ бы это вышло надежнѣе, чтобы насъ не выдали за пойманныхъ“. Было уже 7 часовъ вечера. „Я застала — продолжаетъ Ѳомина — только В. Г. Шишканова (члена правленія Закупсбыта), Сазонова не было... Онъ сердито набросился на меня. Почему такъ медлили, почему не сдавались днемъ“?... Послѣ этого послѣдовалъ телефонный разговоръ съ Бржезовскимъ о томъ, куда слѣдуетъ явиться...

Какъ это далеко отъ того, что разсказалъ иностранной печати Зензиновъ.

Публицистъ, при отсутствіи данныхъ, если не преслѣдуетъ демагогическихъ цѣлей, долженъ быть остороженъ. Но здѣсь было только средство дискредитировать враждебную власть наканунѣ возможнаго ея международнаго признанія. Это было только средство политической борьбы. Тѣ, кто поддерживали Колчака — па-

тетически спрашивалъ Зензиновъ въ „Pour la Russie“ (№ 10), не чувствуютъ ли они теперь отвѣтственности передъ Россіей?

Такъ творились легенды очевидцами, свидѣтелями, бытописателями. Не приходится удивляться, что проф. Легра записалъ въ свой сибирскій дневникъ: „свидѣтели (?) утверждаютъ, что ихъ (12 членовъ „прежняго уфимскаго правительства“) потопили, бросая въ проруби, пробитые во льду на Иртышѣ. Палачи называли это: „отправлять въ иртышскую республику“ (M. S. 28, II, 188) *). Вотъ откуда возникла та „легенда“ проф. Легра, которую я настойчиво опровергалъ въ „Гол. Минувшаго“.

Омскія событія подорвали авторитетъ колчаковской власти. По словамъ Кратохвиля это „было первое открытое выступленіе новаго режима“. „Чех. Сл. Дневникъ“ писалъ 3 января о безсиліи диктатора Колчака справиться съ горстью безумцевъ „монархистовъ“, которые убиваютъ беззащитныхъ людей. Союзники „навѣрно скажутъ, что невмѣшательство совсѣмъ не значитъ пассивно смотрѣть на убійства противобольшевицкихъ дѣятелей демократическихъ партій“. Тюремная драма послужила поводомъ для нападокъ на чеховъ, которые приняли участіе въ спасеніи „кроваваго“ режима, выступивъ при подавленіи возстанія въ Куломзинѣ.

Исторія, однако, по возможности должна быть болѣе справедлива. Декабрьская драма была не символомъ „новаго режима“, а наслѣдіемъ проклятаго еще слишкомъ живого прошлаго **).

---

*) Версію Легра о гибели членовъ У. С. позторяетъ Грондижъ (516).

**) Коллективная телеграмма, посланная заграницу и подписанная среди другихъ Сазоновымъ, отмѣчала, что омская драма вызвана переговорами, которыя велись группой эс-эровъ съ большевиками („La Russie Dem“. № 1).

ГЛАВА II.

Вокругъ фронта.

1. Гражданская война.

Для адм. Колчака теоретически военная сторона стояла на первомъ планѣ. Это, какъ мы видѣли, соотвѣтствовало всему его умонастроенію. Гражданская сторона въ значительной степени была придаткомъ. Быть можетъ, здѣсь крылась основная ошибка верховнаго правителя, отмѣчаемая Гинсомъ *). Безспорно, Колчакъ былъ правъ, когда въ успѣхахъ на фронтѣ видѣлъ прочность гражданскаго быта, устойчивость общественныхъ настроеній и правительственнаго курса. Но военный успѣхъ въ гражданской войнѣ не опредѣляется только стратегіей и тактикой, талантомъ полководца.

Внутренняя война нѣчто очень специфическое и отличается отъ обычной войны не только въ области соціально-политической, но и въ сферѣ спеціально военной. Не знаю, можетъ ли быть когда нибудь построена особая теорія гражданской войны съ военной точки зрѣнія, о чемъ усиленно стараются большевицкіе военные историки. Думается, что нѣтъ. Конечно, я сужу, какъ профанъ. Мнѣ кажется, что единственный реальный вы-

*) Характерно, что военные склонны были упрекать адмирала въ противоположномъ — въ томъ, что политика главенствовала у него надъ стратегіей (Иностранцевъ).

водъ, къ которому пришелъ, напр., Какуринъ, это установленіе факта, что во время имперской войны потери въ войскахъ были въ 2—$2^1/_2$ раза больше, чѣмъ во время гражданской войны; въ то время какъ въ отношеніи потерь населенія пропорція устанавливается прямо противоположная (II, 396). Выводъ самоочевидный. Между тѣмъ, Какуринъ много говоритъ о „поучительныхъ примѣрахъ искусственнаго маневрированія и смѣлыхъ рѣшеній со стороны краснаго командованія“, которыя открываютъ „широкое поле теоретическихъ выводовъ“. Какихъ? Написавшій по заданіямъ военно-исторической комиссіи работу Подшиваловъ приходитъ, на основаніи опыта гражданской войны, къ важному выводу: „рабочіе являлись единственной поддержкой и политической опорой совѣтской власти“ (184), но къ стратегіи все это не имѣетъ никакого отношенія. Впрочемъ, одно: „пролетаріатъ — лучшій матеріалъ для созданія современной арміи“ *) (193).

Не менѣе глубокомысленъ выводъ и другого совѣтскаго военнаго „изслѣдователя“ — Гусева („Гражданская война и красная армія“): исторія, по его словамъ, „насмѣшливо прошла мимо... бѣшенныхъ воплей противъ возстановленія въ арміи военной дисциплины“ (39).

Изъ совѣтскихъ стратеговъ, пожалуй, Гусевъ дѣлаетъ изъ „опыта“ гражданской войны всетаки наиболѣе интересные выводы, хотя ихъ и трудно отнести въ область военныхъ итоговъ. Основной выводъ касается „неустойчивости“ войскъ — и въ особенности, когда „они не наступаютъ, а обороняются“. И у „бѣлогвардейцевъ“ и у „красныхъ“ мобилизованные крестьяне легко сдаются противнику. При побѣдѣ „мелкобуржуазные элементы“ стремятся впередъ съ надеждой покон-

*) Документы о боевой организаціи уральскаго пролетаріата, приводимые Подшиваловымъ, скорѣе напоминаютъ инструкціи по военной санитаріи и никакого отношенія къ „опыту гражданской войны“ не имѣютъ.

чить войну; при пораженіи дезертируютъ и сдаются въ „той же трепетной надеждѣ поскорѣе избавиться отъ войны“ („Ib“ 58, 211).

Конечно, гражданская война имѣетъ свои спецефическія черты. Едва ли не впервые на театрѣ военныхъ дѣйствій появилась „ѣздящая пѣхота“. Мнѣ трудно судить, какой опытъ вынесетъ военная наука изъ операцій пѣхоты на „тачанкахъ“. Не думаю, чтобы этотъ опытъ оказался продуктивнымъ *).

Военные спеціалисты любятъ давать схемы продвиженія и сосредоточиванія войскъ, согласно планамъ, выработаннымъ по всѣмъ правиламъ военнаго искусства. Арміи для военныхъ какъ бы фигуры шахматной игры. А читатель какъ-то неизбѣжно всегда чувствуетъ одно: не въ этихъ планахъ скрыта на территоріи гражданской войны удача или неудача сторонъ, причины лежатъ гдѣ-то внѣ кабинетно разработанныхъ фронтовыхъ операцій. Часто рѣшающія исходъ операціи даже нельзя назвать въ точномъ смыслѣ боевыми дѣйствіями. Яркій примѣръ мы видѣли на захватѣ Самары, опредѣлившемъ зарожденіе волжскаго фронта **). На конечномъ пунктѣ пройденнаго пути будетъ стоять Иркутскъ въ декабрьскіе и январьскіе дни 20 г.. Мнѣ скажутъ, что неудача всей военной колчаковской акціи ясна была въ дни эвакуаціи Омска и, быть можетъ, еще раньше. Ген. Головинъ, прибывшій въ Омскъ къ концу августа и оставившій его черезъ мѣсяцъ, чувствовалъ уже безнадежность, которая охватывала временами и адм. Колчака. Допустимъ,

---

*) Врядъ ли какіе либо научные выводы можно сдѣлать изъ „опыта“, на который ссылается въ одномъ изъ своихъ приказовъ ген. Бѣловъ, командовавшій въ 19 г. въ Сибири такъ называемой „южно-армейской группой“: „необходимо бить кулакомъ, а не растопыренными пальцами... Всѣ сложные маневры... неосуществимы... Поэтому остается одно: собрать всѣ силы въ кулакъ и ворваться б е з ъ о г л я д к и въ тылъ противника“. (Гай. „Первый ударъ по Колчаку“ 69).

**) Правда, оборону Самары Подшиваловъ считаетъ образцомъ наиболѣе „безпардонныхъ дѣйствій, какія возникали въ періодъ гражданской войны“ (117).

что такъ это и было — конецъ тобольской операціи (августъ), по мнѣнію совѣтскаго стратега Какурина, знаменовалъ собой конецъ организованнаго сопротивленія со стороны колчаковскихъ армій. Въ дальнѣйшемъ приходилось одолѣвать не сопротивленіе, а разстояніе (II, 357). И всетаки окончательно дѣло рѣшалось въ Иркутскѣ. Вы узнаете, что правительство съ нетерпѣніемъ ждетъ помощи со стороны войскъ ат. Семенова. И вотъ они пробиваютъ на грузовыхъ автомобиляхъ — это первыя части, которыя могутъ перетянуть вѣсы, склонившіяся было на сторону возставшихъ подъ главенствомъ Политическаго Центра... Знаете, сколько ихъ было? — 112 человѣкъ. Эти 112 подняли настроеніе правительственныхъ войскъ и возбудили тревогу у повстанцевъ. 31 декабря нѣсколько десятковъ человѣкъ послѣдняго резерва повстанцевъ спасаютъ иркутское возстаніе. Сражались другъ противъ друга десятки подростковъ 14—16 лѣтъ, а сотни иркутянъ, собравшись на правомъ берегу Ангары, у зданія Университета, съ разными чувствами слѣдили за ходомъ боя („Сиб. Ог.“ 22, II, 41—43)...

Набросанная схематически картина въ Иркутскѣ, конечно, неполна и неточна. Это, можетъ быть, даже до нѣкоторой степени каррикатура, вѣрно однако передающая суть...

Съ великимъ самомнѣніемъ ген. Рукероль утверждаетъ:

„Боевая цѣнность обоихъ противниковъ вообще была очень невелика, и офицеры нашей миссіи, находившіеся на мѣстѣ, были того мнѣнія, что одна дивизія западно-европейскихъ войскъ безъ большихъ усилій равно разбила бы обѣ стороны“ (110).

Какъ просто было союзникамъ разрѣшить дилемму гражданской войны. Но Рукероль правъ въ томъ отношеніи, что военныя операціи гражданской войны весьма мало напоминали собой операціи европейской войны. „Арміи“ въ нѣсколько сотъ человѣкъ, иногда

рѣшавшія судьбу „самыхъ сложныхъ и обширныхъ операцій“ не могли подчиняться научнымъ законамъ академической стратегіи... Эс-эровскій стратегъ Лебедевъ на своемъ экспансивномъ языкѣ категорически заявляетъ: генштабисты ничего не понимаютъ въ гражданской войнѣ (В. Р. VIII, 169). Для самого Лебедева, повидимому, существовало одно только правило войны: дѣйствовать смѣло „на авось“. „На Москву. Впередъ и только впередъ. Иначе выиграютъ болѣе смѣлые. Революція всегда наступаетъ, никогда не обороняется“ — такова его запись послѣ взятія Казани (173).

Всякая крайность чревата послѣдствіями — примѣръ Казани это показалъ. Безспорно, однако, своего рода авантюризмъ играетъ въ гражданской войнѣ большую роль, и подходъ къ военнымъ операціямъ долженъ быть особый. Отличные боевые начальники легко уступали пальму первенства случайнымъ людямъ — „поручикамъ въ генеральскихъ мундирахъ“, по выраженію Гришина-Алмазова, который, въ сущности, и самъ принадлежалъ къ ихъ числу. „Вундеркинды на наполеоновскій манеръ“ — насмѣшливо называетъ ихъ Будбергъ. Но именно ихъ повсюду выдвигала гражданская война, — очевидно, дѣйствовалъ какой то ея скрытый законъ. Недаромъ въ Сибири былъ такъ популяренъ ген. Гайда. Не менѣе типичной фигурой былъ другой сибирскій герой, молодой 27-лѣтній поручикъ европейской войны Пепеляевъ. Въ немъ было меньше авантюризма и больше идейности, чѣмъ у „чешскаго корсиканца“. Огромная энергія, энтузіазмъ, сибирская сметка и приспособляемость, простота быта и нравовъ дѣлали изъ Пепеляева незамѣнимаго вождя партизанскихъ отрядовъ. Этотъ генералъ въ своей старой, поношенной солдатской шинели, не выдѣлявшійся рѣзко среди одѣтыхъ въ рвань солдатъ, является какъ бы символомъ гражданской войны. Вы замѣчаете всегда въ отзывахъ о немъ нѣкоторую критику со стороны квалифицированныхъ военныхъ.

Это понятно. Но, быть можетъ, такой генералъ наиболѣе подходилъ для командованія сибирскимъ корпусомъ при зимнемъ наступленіи на Пермь, когда къ арміи присоединялись снабжаемые самимъ населеніемъ партизанскіе крестьянскіе отряды (Сахаровъ 148). И естественно, быть можетъ, что этотъ близкій сибирскому областничеству демократическій генералъ гражданской войны не ввелъ въ своей арміи погонъ *).

Въ опредѣленныхъ условіяхъ эта армія могла совершать подвиги. При длительной выдержкѣ она не могла конкурировать съ другими колчаковскими арміями. Характерно, что „сибирская" армія Гайды и Пепеляева, пополнявшаяся резервами изъ молодыхъ, которые приходили изъ тыла — „съ душкомъ", по выраженію одного пепеляевскаго офицера („Пришимье" 19 іюля), раньше всѣхъ разложилась при отступленіи. Именно здѣсь свила себѣ гнѣздо „революціонная крамола". Здѣсь с.-р. кап. Калашникову удалось создать оппозиціонное ядро; здѣсь лѣтомъ 19 года подготовлялся переворотъ, намѣчавшій Гайду вмѣсто Колчака;

*) Не слѣдуетъ введенію военныхъ атрибутовъ придавать слишкомъ большое значеніе. Мы имѣемъ по этому поводу чрезвычайно яркое показаніе Колчака. „Самъ по себѣ вопросъ пустячный" — замѣтилъ эс-эръ, допрашивавшій адмирала, — но сдѣлавшійся у насъ, въ русской дѣйствительности „большимъ вопросомъ". „Какъ вы лично относитесь къ погонамъ?" — спрашивали Колчака. „Я лично относился положительно, мотивируя это тѣмъ, что это есть чисто русское явленіе... Я считалъ, что армія наша, когда была въ погонахъ, дралась, когда она сняла погоны — это было связано съ періодомъ величайшаго развала и позора". „Но долженъ сказать — добавлялъ Колчакъ — что у меня ни разу не возникалъ этотъ вопросъ на фронтѣ. Я видѣлъ одинаково безразличное отношеніе — иногда и погонъ достать нельзя... Я встрѣчалъ солдатъ и офицеровъ на передовыхъ линіяхъ, одѣтыхъ совершенно фантастически, гдѣ ужъ тутъ говорить о погонахъ". (Допросъ 160). Важно то, что въ Сибири никто этого установившагося быта не насиловалъ, и что Колчаку никогда не приходилось обсуждать даже этого вопроса — „ни за ни противъ". Въ найденныхъ большевиками у Челябинска „запискахъ" кап. Колесникова отмѣчается любопытный штрихъ: „Егеря просили сами погоны, шнурки и лампасы. Видно, что они любятъ это, а ихъ держатъ въ лохмотьяхъ. Дайте денегъ, разрѣшеніе одѣть... и будетъ дивизія — сила". („Б. за Ур." 345)

здѣсь происходила офицерская конференція, на которой былъ поднятъ вопросъ объ открытіи фронта для пропуска въ Сибирь совѣтскихъ войскъ. Дисциплина, дѣйствительно, имѣетъ свои законы. Только недостаточное знакомство съ матеріаломъ позволило Милюкову, слѣдуя тенденціознымъ воспоминаніямъ Гайды, противопоставить „сибирскую“ (сѣверную) армію „западной“ и дать послѣдней такую характеристику: „ядромъ западной арміи была бывшая „народная армія“ Комуча, плохо дисциплинированная и деморализованная осеннимъ отступленіемъ отъ Волги. Чтобы подтянуть ее, въ нее были назначены офицеры стараго типа, не умѣвшіе и не хотѣвшіе сблизиться съ солдатами и введшіе старые военные порядки. Командиромъ былъ ген. Ханжинъ, старый царскій генералъ*), окруженный бюрократически настроеннымъ штабомъ“ (128). Это невѣрно. Едва ли есть сомнѣніе въ томъ, что „западная“ армія была наилучшей, наиболѣе выдержанной и стойкой арміей адм. Колчака**).

Но суть въ томъ, что въ гражданской войнѣ чѣло идетъ не на выдержку.

* * *

Полное изложеніе своихъ взглядовъ на гражданскую войну отвлекло бы меня слишкомъ далеко въ сторону, — этого почти нельзя сдѣлать на нѣсколькихъ страницахъ. Гражданская война многообразна и ставитъ пока передъ изслѣдователемъ эпохи немало еще загадокъ.

---

*) По общему отзыву, это былъ „превосходный боевой артиллеристъ въ міровую войну“ (Болдыревъ, 64). Брусиловъ отмѣчаетъ личную смѣлость Ханжина, увлекавшую солдатъ и возбуждавшую къ нему любовь и довѣріе. („Мои воспоминанія“ 149).

**) Милюковъ ошибочно зачисляетъ въ сѣверную армію воткинскую и ижевскую дивизію „рѣдкой однородности и надежности“ (Будбергъ). Онѣ сражались въ „западной арміи“, какъ и корпусъ Каппеля.

Обычное изложеніе неудачъ „бѣлаго“ движенія обязательно переноситъ центръ тяжести въ область реакціонной политики антибольшевицкихъ правительствъ — неумѣнія ихъ осознать, съ одной стороны, сложности россійскихъ національныхъ вопросовъ, а съ другой — нежеланія ихъ считаться съ настроеніемъ страны — массъ. Гражданская война требовала всеобщаго подвига, а порыва на долгое время на хватало. На фонѣ разнузданной „военщины“ распускались махровые цвѣты насилія и какъ бы классовой реставраціонной мести. Но насилій было еще больше со стороны большевиковъ. Между соціальными лозунгами и дѣйствительностью была пропасть. И всетаки они побѣдили. Основное населеніе страны— крестьянство, реагировало на власть центра не меньшими возстаніями, чѣмъ это было на „бѣлыхъ“ фронтахъ: къ іюню 19 г., по выраженію одного изъ большевицкихъ изслѣдателей, „весь тылъ Красной Арміи превратился въ клокочущій вулканъ“ *). Очевидно, не здѣсь лежитъ основная причина неудачи противобольшевицкой акціи.

Мнѣ кажется, что движеніе съ периферіи къ центру почти всегда бываетъ обречена на крахъ (большевики наносили удары изъ центра къ переферіи). Центръ опредѣляетъ успѣхъ или неуспѣхъ революціи **). (Граж-

*) С. Оликовъ. Дезертирство въ Красной Арміи и борьба съ нимъ“, 27.

**) Припомнимъ, какъ въ дни французской революціи вся страна равнялась на Парижъ. Въ сущности, то же было и у насъ въ февральскіе дни и въ октябрьскіе.

Покойный царь успокоительно писалъ своей женѣ 9 сент. 15 г.: Петроградъ и Москва лишь „двѣ крошечныи точки на картѣ нашего отечества“ („Переписка“ III, 329). Но дѣло въ томъ, что эти „крошечныя точки“ опредѣляютъ политическую жизнь страны, какъ отмѣтилъ въ дни революціи въ своемъ дневникѣ ген. Селивачевъ („К. Ар.“ IX, III). Поэтому въ свое время Ленинъ такъ настойчиво требовалъ захвата власти „сразу“ и въ Москвѣ и въ Петроградѣ. Тогда „мы побѣдимъ безусловно и несомнѣнно — писалъ онъ въ сентябрѣ 17 г. въ день „Демократическаго Совѣщаянія“ (Собр. Соч. т. XIV). И онъ былъ правъ. Во время революціи тактика въ Петроградѣ копировалась въ провинціи.

данская война — это революція). Здѣсь приходится учитывать не только важный психологическій моментъ. Въ рукахъ центра оказываются всѣ техническія преимущества, прежде всего въ смыслѣ налаженнаго административнаго аппарата, который почти заново приходится создавать на переферіи.

Посколько историческія параллели законны, въ нашемъ же отдаленномъ прошломъ можно найти примѣры, какъ будто бы противорѣчащіе этому общему тезису. Я имѣю въ виду „Смутное время", на которое любятъ ссылаться. Конечно, это было время и политической и соціальной революціи. Только безконечно примитивнѣе были триста лѣтъ тому назадъ соціальныя отношенія; не существовало въ московскомъ государствѣ XVII вѣка, болѣе унитарномъ, и сложныхъ національныхъ вопросовъ. Освобожденіе и конецъ смуты пришли съ переферіи. Этому движенію могли содѣйствовать децентрализація управленія и система московской военной организаціи. А главное, въ наличіи было обстоятельство, пробудившее здоровые патріотическіе инстинкты, заложенные въ чувствахъ и сознаніи каждаго народа — нашествіе иноплеменной, искони враждебной силы. Это была оккупація чужой территоріи, интервенція въ подлинномъ смыслѣ слова. Такія событія всегда вызываютъ національный отпоръ и содѣйствуютъ сложенію разнообразныхъ общественныхъ силъ. Почти не приходится сомнѣваться въ томъ, что нѣмецкая оккупація 18 г., расширившись и утвердившись, вызвала бы въ странѣ здоровую политическую коалицію и привела бы къ созданію того общенаціональнаго комитета, отсутствіе котораго вызвало недоумѣніе у проф. Масарика. Если въ 18 г. создалась всетаки нѣкоторая видимость политическаго объединенія, то, конечно, она появилась на почвѣ большевицко-германской проблемы. Присутствіе внѣшняго врага содѣйствовало бы разрѣшенію роковой дилемы о взаимоотношеніяхъ военной и гражданской власти.

Польская власть въ Москвѣ создала двоевластіе Минина и Пожарскаго. Не въ силу отдаленности отъ нашего времени эпохи Смутнаго времени и разности соціально-политическихъ мотивовъ, а въ силу разности внѣшнихъ условій наши предки могли достигнуть того, чего не могли достигнуть мы.

И другая историческая параллель съ событіями французской революціи, внутренне чрезвычайно схожими съ событіями, пережитыми нами, окажется несостоятельной. Тамъ патріотическій паѳосъ тоже созданъ былъ интервенціей, которая превращала монтаньяровъ въ защитниковъ отечества отъ наступающаго внѣшняго врага. Безпринципный демагогъ, какимъ былъ въ дѣйствительности Дантонъ, сдѣлался героемъ и вдохновителемъ защиты страны. Потомство поставило Конвенту — ему одному — памятникъ въ Пантеонѣ, въ парижской усыпальницѣ великихъ людей. Конвентъ олицетворилъ величіе французской революціи. А между тѣмъ, Конвентъ эпохи монтаньяровъ печальная страница французской революціи — страница насилій французскаго большевизма XVIII вѣка, попраніе всѣхъ принциповъ революціоннаго сознанія*). Если и былъ во французской революціи паѳосъ величія, то онъ принадлежалъ, конечно, только Учредительному Собранію. Европейская коалиція XVIII в. была коалиціей противъ революціи и носительницѣ ея принциповъ — Франціи. Эта коалиція создала патріотическій духъ, передъ которымъ отступилъ революціонный духъ монтаньярскаго разрушенія — она породила благородныхъ патріотовъ типа Гоша.

Въ нашу гражданскую войну паѳосъ патріотизма былъ на сторонѣ противобольшевицкихъ силъ. Но это былъ патріотизмъ квалифицированный, патріотизмъ отрѣшеннаго идеализма, далекаго отъ эгоистическихъ ин-

*) Для людей типа Троцкаго французская революція только въ этотъ періодъ стала „великой“ — величіе ея въ томъ, что Робеспьеръ не договаривался, а рубилъ головы. („1917 годъ“ I, 224).

стинктовъ, которые борьбу противъ нашествія Наполеона въ 1812 г. превратили въ отечественную войну. Поднять стихіи этотъ патріотизмъ не могъ. Здѣсь въ значительной степени правъ былъ старый кооператоръ Сазоновъ, говорившій въ своей владивостокской рѣчи, что россійскія задачи убили мѣстный сибирскій патріотизмъ. Всероссійскія задачи требовали чрезмѣрной жертвенности. Взывать къ ней — пустое дѣло. Можно, возвращаясь ко времени Монтескье, говорить, что демократія и республика должны опираться на нравственность; можно вслѣдъ за Панкратовымъ повторить: „не можетъ быть соціализма среди людей, если они сами плохи“ (автографъ въ Уфѣ), — но это переноситъ вопросъ въ область отвлеченной общественной морали, которая не можетъ служить лозунгомъ дня. Дѣйствовать приходится среди людей эпохи со всѣми ихъ недостатками, порожденными соціальнымъ строемъ и вѣковыми традиціями. Колчакъ и Деникинъ возмущались россійской „буржуазіей“, жертвовавшей гроши на противобольшевицкое движеніе наканунѣ краха и легко отдававшей милліоны подъ угрозой чекистской расправы. Близорукая непредусмотрительность? Такова психологія всего міра. Жертвенность порождается всегда узко понимаемымъ эгоизмомъ.

Пафосъ примитивнаго, — пусть даже съ оттѣнкомъ зоологическаго — патріотизма могло создать только иностранное нашествіе. Союзническая „интервенція“ 18—19 г. въ Россіи, была, конечно, очень далека отъ раздражающей національное чувство оккупаціи. Интервенція вначалѣ вражды не встрѣчала — наоборотъ, скорѣе полное и доброжелательное сочувствіе. Большевицкимъ историкамъ никогда не удастся доказать противное — всѣ факты будутъ ихъ опровергать. Какъ и все антибольшевицкое движеніе, такъ и интервенція не была направлена противъ революціи, какъ таковой. Однимъ словомъ, въ интервенціи 18—19 г. не было признаковъ интервенціи французской революціи. Ея соціальный смыслъ для Рос-

сіи могъ быть продуктивенъ, она могла бы содѣйствовать установленію подлинной демократіи на мѣсто деспотической охлократіи большевиковъ; она могла бы помочь преодолѣть тѣ трудности, которыя возникали передъ освободительнымъ движеніемъ, начавшимся на периферіи и двигавшимся къ центру, захваченному удачливыми авантюристами. Безсистемность и двойственность интервенціи свела ее на нѣтъ, и, можетъ быть, принесла скорѣе вредъ русскому дѣлу, открывъ путь для демагогіи противниковъ.

Говорятъ, что на сторонѣ большевиковъ былъ соціальный паѳосъ. Не есть ли это миражъ? Совѣтскіе военные историки должны признать одинъ знаменательный фактъ — добровольчество въ красной арміи было крайне слабо. Подъ видомъ добровольчества собирались ненадежные деклассированные элементы (Какуринъ, I, 140). При наличности соціальнаго паѳоса картина должна быть иной*). Наряду съ этимъ надлежитъ отмѣтить и другой

*) Небезынтересныя наблюденія можно сдѣлать и при ознакомленіи съ дезертирствомъ въ красной арміи въ періодъ гражданской войны. Данныя, приведенныя въ указанной книгѣ Оликова („Дезертирство въ красной арміи и борьба съ нимъ“ 1926 г.) свидѣтельствуютъ о значительномъ процентѣ этого дезертирства (напр. 38% въ іюнѣ 19 г.). Очевидно, дезертиры изъ арміи, созданной по классовому принципу, съ исключеніемъ, по выраженію Троцкаго („Какъ вооружалась революція“) эксплоататорскихъ, паразитическихъ, буржуазныхъ и кулацкихъ элементовъ „голосовали сначала“ не въ пользу большевицкой власти. Конечно, здѣсь повинна лишь „темнота“ крестьянской массы. Большевицкіе любители статистики точно высчитали, что изъ милліона (почти) оффиціально зарегистрированныхъ дезертировъ осенью 19 г. „злостныхъ“ дезертировъ было 116230 человѣкъ, остальные дезертировали по слабости воли“ (Оликовъ 33). Тѣ же данныя устанавливаютъ, что дезертирство идетъ волною — оно растетъ при всякой побѣдѣ противника (такъ было при наступленіи Колчака, Деникина и при началѣ операцій Врангеля). Бюрократическое измышленіе коммунистовъ создало даже особое учрежденіе — Центкомдезертир—функціонировавшее съ декабря 18 г. Изслѣдователь исторіи этого почтеннаго учрежденія пытается убѣдить читателя, что коммунистамъ легко было оказывать воздѣйствіе на дезертировъ — это дѣло безнадежно только для буржуазіи (Ib. 91). Въ дѣйствительности мы видимъ, что не столько коммунистическая „политигра“ (пропаганда), сколько прямое административное воздѣйствіе вліяло на раскаившихся дезертировъ изъ числа „слабыхъ волею“. Въ борьбѣ коммунисты не стѣснялись методами воздѣйствія — конфисковалось имущество, лишались н а в с е г д а дезер-

фактъ — добровольчество „бѣлыхъ“ армій эти историки должны поставить высоко. Большевицкая развѣдка къ 1 марта 19 г. доброкачественность Добровольческой Арміи опредѣляла въ 98% (за исключеніемъ донской арміи). Надежность войскъ восточнаго фронта исчислялась въ 73% (Ib. I, 163). Это свидѣтельствуетъ о томъ патріотическомъ пафосѣ, который былъ на антибольшевицкой сторонѣ и опровергаетъ наблюденія, В. Н. Львова, утверждавшаго, напр., что гражданская война была „дѣломъ начальства“ и что $^3/_4$ офицеровъ въ Сибири шли изъ подъ палки.

Сила большевиковъ была въ обладаніи центромъ. Мы увидимъ на примѣрѣ Сибири, какія преимущества давало это коммунистической власти и въ смыслѣ техническаго вооруженія, и въ смыслѣ административнаго аппарата и средствъ пропаганды. Русская провинція во всѣхъ отношеніяхъ слишкомъ отставала отъ столичнаго обихода — и совсѣмъ позади была Сибирь, которой суждено было сдѣлаться центромъ „восточнаго фронта“. Съ положеніемъ въ центрѣ совпало и другое огромное преимущество, которымъ обладали большевики и которое, можетъ быть, главенствовало среди причинъ ихъ внѣшняго успѣха. Большевики — это партійный заговоръ, планомѣрно и умѣло осуществленный. Большевики показали себя хорошими партійными организаторами. Ихъ единство, несмотря на разность взглядовъ, было удивительно въ первые годы. Это прельщало толпу искателей авантюръ и мишурныхъ успѣховъ. Это создавало силу и престижъ власти въ массѣ. Русская антибольшевицкая общественность представляла по сравненію съ этой компактностью воли къ дѣйствію разсыпанную храмину. Недаромъ Какуринъ спеціально отмѣчаетъ „раздробленность антисовѣтской коалиціи“, какъ немаловажный ак-

---

тиры земельныхъ надѣловъ (приказъ 25 апр. 19 г.). Такія мѣры оказывались наиболѣе дѣйственными — долженъ признать самъ изслѣдователь (Ib. 53).

тивъ въ балансѣ совѣтской власти (II, 397). Большевики, съ присущимъ имъ организаторскомъ талантомъ, который шелъ у нихъ всегда рука объ руку съ небывалымъ моральнымъ цинизмомъ, не останавливающимся передъ выборомъ средствъ и методовъ дѣйствія, учли съ самаго начала особенность гражданской войны. Они кричали: всѣ на фронтъ; въ дѣйствительности же 50% военной силы оставалась для господства въ тылу. (Для іюля—августа 19 г. Какуринъ эти силы исчисляетъ въ 180 тыс., при чемъ 30 тыс. было однихъ войскъ ВЧК). Это давало возможность легко и съ жестокостью подавлять всѣ сепаратныя выступленія. Большевицкая публицистика называетъ такую тактику „психологіей революціонеровъ". Большевики явили міру доказательство того, какъ можно, не стѣсняясь въ выборѣ мѣръ насилія, нивелировать общественныя настроенія. У ихъ противниковъ никогда не было нравственной смѣлости ввести насиліе въ систему. Эксцессы только порождаютъ и усиливаютъ оппозицію; система — подавляетъ протестъ. При наступленіи бѣлыхъ населеніе никогда не уходило— это лучшее доказательство того, что у „бѣлыхъ" не было „презрѣнія" къ тылу, которымъ отличалась совѣтская власть.

Прирожденные демагоги большевики учли роль, которую можетъ играть демагогія. Это — факторъ, къ сожалѣнію, дѣлающій исторію. Въ этой области политика антибольшевицкихъ правительствъ всегда была не достаточно гибка.

* * *

Эти общія соображенія нужны были для оцѣнки „стратегіи" адм. Колчака, къ которой подчасъ сурово относятся современники. Оцѣнивать ее я, конечно, не чувствую себя компетентнымъ. Но нѣкоторыя наиболѣе общія черты отмѣтить необходимо.

Большевицкая военная исторіографія пытается утверждать, что въ техническомъ отношеніи между „красной“ арміей и „бѣлой“ не было особо замѣтной разницы. Мало того, Какуринъ даже склоненъ признать, что первоначально красная армія уступала своимъ противникамъ въ отношеніяхъ „техническомъ и организаціонномъ“. Это опровергается, однако, всѣми данными, которыя приводитъ тотъ же Какуринъ, и противорѣчитъ всѣмъ его утвержденіямъ, которыя онъ одновременно дѣлаетъ. Напр., онъ самъ пишетъ: „въ началѣ въ техническомъ отношеніи Кр. Армія не только не уступала, а, пожалуй, превосходила силы внутренней контръ-революціи“ (I, 148). Такъ и должно было быть, ибо „главнымъ источникомъ снабженія“ Кр. Арміи, особенно въ первый періодъ гражданской войны, являлись „склады военнаго имущества старой арміи“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Какуринъ долженъ признать, что „если Кр. Армія въ наслѣдство отъ старой арміи получила лишь остатки организаціонныхъ боевыхъ единицъ..., то въ отношеніи аппаратовъ центральнаго и мѣстнаго управленія дѣло обстояло иначе, такъ какъ они сохранились полностью“ (135). „Бѣлымъ“ арміямъ все приходилось строить заново въ условіяхъ провинціальнаго обихода. Хуже еще было дѣло снабженія. „Изъ изученія документовъ, относящихся къ этому времени — говоритъ Какуринъ — можно придти къ выводу, что въ отношеніи снабженія обмундированіемъ и винтовками бѣлыя арміи исключительно базировались на державахъ Антанты“ (184). Наиболѣе плохо обстояло дѣло въ арміяхъ Колчака — оно было „крайне неудовлетворительно“*). Къ сожалѣнію, я нигдѣ не могъ найти конкретныхъ данныхъ, въ какомъ, дѣйствительно, размѣрѣ колчаковскія арміи были снабжены иностраннымъ обмундированіемъ въ моментъ оффиціальнаго начала „интервенціи“, т. е. прежде всего помощи русскимъ

*) Какурину систематически приходится подчеркивать „весьма слабую матеріальную обезпеченность“ колчаковскихъ армій.

борящимся силамъ*). Когда арміей командовалъ еще ген. Болдыревъ, реальной помощи со стороны союзниковъ не было оказано. Отсюда вытекали тѣ горькія и подчасъ рѣзкія замѣчанія, съ которыми мы постоянно встрѣчаемся въ дневникѣ Болдырева:

„Посѣтилъ — записываетъ онъ 17 октября — 2-ой батальонъ 8-го кадроваго полка. Картина потрясающая: люди босы, оборваны, спятъ на голыхъ нарахъ, нѣкоторые даже безъ горячей пищи, такъ какъ безъ сапогъ не могутъ пойти къ кухнямъ, а подвезти или поднести не на чемъ..

Солдаты сами по себѣ отличные, хорошо обучены, и если не бунтуютъ, то это положительно чудо**).

Половина изъ тѣхъ, которыхъ я видѣлъ въ казармѣ, построились босыми, въ однихъ исподнихъ брюкахъ, а на лицахъ ни тѣни злобы. Вечеромъ, тѣ, которымъ удалось обуться, маршировали на площади; я слышалъ изъ вагона лихія пѣсни сибирскихъ стрѣлковъ“ (74).

Такъ было въ Омскѣ. А на фронтѣ? Полк. Ц. — спеціально командированный Болдыревымъ для ознакомленія на мѣстахъ съ состояніемъ воинскихъ частей, докладывалъ ему, что на семирѣченскомъ фронтѣ „масса людей безъ сапогъ“ (81). Половина солдатъ Пепеляева, одѣтыхъ въ лохмотья, съ обмотанными тряпками ногами — разсказываетъ Уордъ (79) при посѣщеніи въ ноябрѣ фронта — „ждутъ ружей отъ своихъ товарищей, которые могутъ быть убиты или замерзнуть въ снѣгу“. „Въ Челябинскѣ видѣлъ смотръ и парадъ 41 Уральскихъ горныхъ стрѣлковъ полка“ — вспоминаетъ Сахаровъ про октябрь. „Спайка, хорошее знаніе боевой службы, но внѣшній видъ очень жалкій: болѣе чѣмъ у

*) Общія поясненія ген. Нокса (Гинсъ, II, 385—387) не даютъ, конечно, точнаго отвѣта.

**) Распущенность въ мобилизованныхъ частяхъ Болдыревъ объясняетъ недостаткомъ снабженія. Отряды атаманскіе дѣйствуютъ по системѣ реквизицій, поэтому сыты и хорошо одѣты (81).

половины людей отсутствуютъ шинели и сапоги; на нѣсколько человѣкъ одна пара сапогъ — по очереди ходятъ на ученіе и въ столовую" (22). На военныхъ раздражающе дѣйствовало то, что при такой бѣдности чехословацкіе отряды выдѣлялись своимъ довольствомъ: „у чеховъ все есть" — замѣчаетъ Болдыревъ. Союзники помогали только чехамъ и этимъ, по выраженію Болдырева, искуственно создавали въ отношеніи боевого снаряженія „унизительную зависимость русскихъ войскъ" (101). Обезпеченность чехо-словаковъ объяснялась тѣмъ, что эти независимыя части дѣйствовали самостоятельно, мало считаясь съ общими нуждами. Эгоизмъ, можетъ быть, и понятный, но затруднявшій русское военное командованіе: „Былъ съ докладомъ тов. мин. снабженія Молодыхъ — записываетъ Болдыревъ — жалуется на своеволіе чеховъ. Министерствомъ заказаны 2000 полушубковъ по 80 р., чехи (изъ чужихъ средствъ) даютъ по 110, вообще распоряжаются во всю" (74).

Въ мартѣ снабженіе не улучшилось — „мы ничего не получали" (показанія Колчака, 184) *). Если вслушаться въ донесенія съ фронтовъ, то станетъ ясно, что вопросъ о снабженіи и позже оставался въ катастрофическомъ положеніи. Въ маѣ на фронтѣ „какъ будто бы не воинскія части, а тысячи нищихъ, собранныхъ съ церковныхъ папертей" (Сахаровъ, 102—103). И тогда приходилось „винтовки отнимать у красныхъ". Одно изъ солдатскихъ перелюстрованныхъ писемъ 1 іюня 19 г. говоритъ: „теперь у насъ раздоръ, половина за буржуевъ, половина за совѣтскую власть". Причину этого раздора авторъ видитъ въ томъ, что въ арміи „всѣ босые и голые". Приходится „грабить крестьянъ". Отмѣчаетъ авторъ и еще одно знаменательное явленіе — убѣжденія

*) При мартовскомъ объѣздѣ Колчакомъ фронта, въ шестомъ корпусѣ почетный караулъ былъ выставленъ босикомъ (Сахаровъ, 78). Это была, конечно, уже демонстрація.

лѣвѣютъ отъ побывки въ тылу. Оттуда приходятъ люди не съ крѣпкими нервами и склонные къ оппозиціи*). Въ воспоминаніяхъ ген. Иностранцева — мнѣ пришлось съ ними отчасти познакомиться въ рукописи — указывается, что 1919 г., благодаря дѣятельности Нокса (о ней мы скажемъ ниже) „повидимому" снаряженія и обмундированія было уже достаточно и дѣло заключалось въ плохомъ распредѣленіи. Повторяю, что конкретныхъ данныхъ никто не приводитъ **).

Нельзя отрицать и плохое распредѣленіе, которое объясняется, вѣроятно, не столько плохой организаціей, сколько отсутствіемъ транспортныхъ средствъ. Единственная желѣзная дорога была загружена часто не по винѣ русской администраціи. Еще въ ноябрѣ 18 г., по выраженію Колчака, эвакуація чеховъ съ челябинскаго фронта „создала тамъ ужасное положеніе": „Въ Челябинскѣ было забито нѣсколько тысячъ вагоновъ, такъ что всякое передвиженіе на этомъ фронтѣ было чрезвычайно тяжело. Я думаю, что это оказало большое вліяніе на снабженіе арміи: не было предумышленнаго задерживанія, но въ это время почти ничего не могли подавать въ Зап. армію, благодаря забитости челябинскаго узла" (Допросъ, 189). Въ іюнѣ Будбергъ пишетъ:

„...большія станціи забиты чешскими эшелонами, что еще болѣе затрудняетъ транспортъ и не позволяетъ разсортировать задержанные составы и пропустить впередъ наиболѣе для насъ нужные; нашъ нищенскій графикъ сильно страдаетъ еще и отъ того,

*) Много документовъ изъ сибирской военной контръ-развѣдки находитея въ Пражскомъ Архивѣ.

**) Въ книгѣ „Les alliés contre la Russie", изданной въ 26 г. большевикамн подъ ред. П. Маргеритта, нѣтъ ни слова о затратахъ союзниковъ на Сибирь. Это показательно. Въ рукописныхъ воспоминаніяхъ И. И. Сукина, съ которымъ я могъ познакомиться, указывается, что отъ англичанъ поступило полное обмундированіе на 200 т. чел. и 100 мил. руж. патроновъ, телеф. аппараты, проволка и т. д. Не все, что поступило отъ союзниковъ, было пригодно: напр., негодными оказалися старые французскіе пулеметы и орудія. Винтовки шли изъ запаса нашего посольства въ Америкѣ.

что хозяевами дороги являемся не мы, а многочисленные союзные опекуны, и въ первую голову идутъ поѣзда чешскіе, польскіе, междусоюзные, а восточнѣе Байкала — японскіе и семеновскіе; намъ же достаются одни только объѣдки" (XIV, 296).

Нарушала правильное снабженіе и серія начавшихся возстаній вдоль желѣзной дороги.

Мнѣ кажется, можно вполнѣ объективно сказать, что колчаковскія арміи со стороны технической были обслужены безконечно хуже противника. Поэтому для успѣха ихъ требовалось гораздо больше волевого напряженія и готовности къ жертвѣ. Красная армія, вѣроятно, вся разбѣжалась бы, если бы ей приходилось сражаться „босикомъ", и не помогли бы тѣ репрессивныя мѣры, которыя примѣнилъ подъ Свіяжескомъ Троцкій, разстрѣлявъ даже 27 отвѣтственныхъ коммунистическихъ работниковъ *).

У активнаго меньшинства, переутомленнаго боями, жертвенность должна была изсякать **). И тогда, возможно, рождалась та психологія, о которой говоритъ одна изъ большевицкихъ развѣдывательныхъ сводокъ: „Мобилизованное офицерство увѣрено въ побѣдѣ большевиковъ, боится фронта, стремится пристроиться въ тылу" (Какуринъ, I, 163).

Это явленіе на фронтѣ нельзя, однако, разсматривать изолированно. Оно тѣсно связано съ общимъ пла-

*) Л. Рейснеръ. „Свіяжескъ". „Прол. Рев." № 6—7, 185. Предположеніе это отнюдь не теоретично. Достаточно сопоставить его съ политсводками XIII совѣтской арміи, приведенными въ книгѣ Кубанина „Махновщина" (154—156): „босые" красноармейцы оказывались панически трусливы.

**) Какуринъ исчисляетъ къ 1 маю силы „красныхъ" на восточномъ фронтѣ въ 84 т. штыковъ и сабель при 253 орудіяхъ; силы „бѣлыхъ" 112 т. при 246 орудіяхъ. Нѣсколько позже красная армія исчисляется уже въ 125 т. при 445 ор. и 2248 пулеметовъ (при 1000 у противника) (II, 176). Насколько вѣрны эти цифры, судить трудно. Военная статистика въ періодъ гражданской войны настолько была плоха, что цифры видоизмѣняются постоянно у самого изслѣдователя. Въ ноябрѣ 18 г. Болдыревъ считалъ двойнымъ превосходствомъ „красныхъ" надъ „бѣлыми" (103).

номъ войны, который зависѣлъ отъ другихъ факторовъ, дѣйствовавшихъ въ Сибири — и прежде всего отъ „интервенціонныхъ“ силъ.

2. Чехословаки.

Тѣ, кто послѣ 18 ноября сдѣлались непримиримыми противниками Колчака, рѣшительно утверждаютъ, что омскій переворотъ содѣйствовалъ разложенію фронта. И прежде всего перемѣна власти повела къ оставленію фронта чехо-словацкими войсками. Это утвержденіе повторяютъ чехо-словацкіе историки „легій“ и нѣкоторые русскіе историки (Милюковъ). „Колчаковскій переворотъ — пишетъ, напримѣръ, Кратохвиль (368) — сильно потрясъ боеспособность сибирской арміи и полностью отвратилъ отъ боевъ противъ совѣтской власти чехословацкую армію“.

Мы знаемъ, что Нац. Совѣтъ, дѣйствительно, пытался 18 ноября, минуя чешское военное начальство, отдать приказъ объ отходѣ войскъ съ фронта, мотивируя его тѣмъ, что чехи не могутъ и не хотятъ поддерживать военную диктатуру. Нац. Совѣтъ не выполнилъ формально своего рѣшенія въ силу протеста Пишона, указавшаго, что такое рѣшеніе выходитъ изъ компетенціи Нац. Совѣта и не можетъ быть принято въ Челябинскѣ въ тотъ моментъ, когда въ Сибирь прибыли уже ген. Жаненъ и ген. Штефанекъ (M. Sl. 25, II, 260). Значеніе этого приказа по отношенію къ фронту имѣло болѣе демонстративное значеніе. Гораздо болѣе существеннымъ былъ вопросъ — вмѣшиваются ли чехи въ омскія дѣла, или нѣтъ. На фронтѣ чеховъ, въ сущности, уже почти не было. 15 октября, т. е. за мѣсяцъ до переворота, Болдыревъ сообщаетъ: „Направленіе на Уфу почти открыто. Первая чешская дивизія оставила фронтъ и преспокойно застопорила своими эшелонами жел. дорогу“ (73). Вотъ запись 2-го ноября: „у чеховъ неладно.

Со всего фронта они отведены въ тылъ для приведенія въ порядокъ. Фронтъ держится исключительно русскими войсками" (90). 3 ноября: „съ чехами, по мнѣнію Нокса, плохо. Они считаютъ, что воевать за Россію довольно, пора ѣхать въ свободную Чехію. Возникаетъ вопросъ объ удержаніи ихъ хотя бы въ ближайшемъ тылу" *).

Едва ли кто станетъ теперь серьезно оспаривать, что къ моменту острыхъ внутреннихъ событій въ Сибири чехословацкое войско, потерявъ, можетъ быть, лучшія боевыя силы и пополненное новыми сибирскими „добровольцами", роковымъ образомъ само переживало жесточайшій кризисъ. Историко-публицистическая полемика, возникшая въ чешской печати въ связи съ появленіемъ драмы Медека, посвященной гибели героя чешскаго анабазиса полк. Швеца; связанная, очевидно, съ этой полемикой статья Богумилла Прикрыла въ журналѣ „Přítomnost", появившаяся въ 1929 г. съ дополненіями въ отдѣльномъ изданіи („Сибирская драма") — раскрываютъ довольно полно картину разложенія чехословацкихъ „легій". 25 октября начальникъ первой чешской дивизіи полк. Швецъ, сообщивъ командиру фронта ген. Войцеховскому, что онъ не можетъ выполнить боевого заданія въ виду отказа солдатъ выступить на позиціи, покончилъ съ собой. Его предсмертная записка гласила: „не могу пережить постигшаго наше войско позора, виновникомъ котораго являются безотвѣтственные фанатики-демагоги, убившіе въ самихъ себѣ и въ насъ самое цѣнное честь". Для Швеца это была моральная катастрофа, и онъ отдалъ свою жизнь, какъ очистительную жертву. Въ книгѣ Прикрыла — авторъ отстаиваетъ „лѣвую" точку зрѣнія — приведены прото-

*) Болдыревъ, повидимому, не отдавалъ себѣ полнаго отчета о причинахъ, вызывавшихъ оставленіе чехами фронта. Онъ дополняетъ свою запись: „Сыровой мѣняетъ Чечека на Войцеховскаго. Пора постепенно убирать любителей. Галкина придется тоже взять на нѣкоторый отдыхъ".

колы слѣдственной комиссіи, учрежденной министромъ Штефанекомъ для разслѣдованія причинъ, повлекшихъ самоубійство полк. Швеца. Матеріалъ слѣдственной комиссіи дѣйствительно говоритъ о „катастрофѣ“ — о заразѣ, которая шла отъ роты къ ротѣ, отъ полка къ полку, о постоянно растущемъ недостаткѣ воли къ военнымъ дѣйствіямъ. Падаетъ военная дисциплина, самовольно уходятъ съ фронта цѣлыя части. Всѣ стремятся на востокъ, подальше отъ фронта. Комиссія правильно устанавливаетъ и причины такого настроенія въ арміи: неудачи на фронтѣ, новые, неустойчивые элементы „добровольцевъ“, физическое и моральное утомленіе, отсутствіе механической дисциплины, т. е. безотговорочнаго подчиненія приказу, неисполненіе обѣщаній союзниками, неимѣніе общей, понятной всѣмъ идеи, за которую сражаются. На эту почву падала большевицкая организованная агитація, при общемъ настроеніи легко пожинавшая плоды. Чешскіе добровольцы и раньше были нѣсколько затронуты пропагандой. Вначалѣ она была незначительна *). Къ октябрю пропаганда значительно увеличилась. Напр., въ письмѣ сибирскаго партійнаго работника въ Москву, отъ 29 октября, выдержка изъ котораго приведена въ „Хроникѣ“, опредѣленно говорится: „имѣются у насъ и чехи (до 3500 чел.), которые отказались итти на фронтъ и сидятъ въ лагеряхъ“ („Хр.“ Прил. 122)**). Крѣпость чехо-словацкихъ добровольцевъ

*) О чешскомъ большевизмѣ въ періодъ пребыванія войскъ въ Кіевѣ у Масарика I, 206. Въ красную армію въ Кіевѣ перешло лишь 218 чел.. При продвиженіи чеховъ къ Сибири, большевики усиленно агитировали въ городахъ, лежащихъ на жел. дорогахъ. Въ Пензѣ былъ созданъ штабъ чешскихъ коммунистовъ. По словамъ Штейдлера, и здѣсь изъ 40.000 къ большевикамъ перешло только 300 чел. („В. Сиб.“ V, 17). Авторъ, повидимому, значительно преуменьшаетъ успѣхи большевицкой пропаганды. По крайней мѣрѣ по большевицкимъ даннымъ на съѣздѣ чещскихъ коммунистовъ 27 мая присутствовало 79 делегатовъ отъ 5600 человѣкъ и, кромѣ того, 21 делегатъ отъ 1850 добровольцевъ Нац. Сов. („Прол. Рев.“ т. 76).

**) „Въ казармахъ чеховъ были обсужденія и даже голосованіе вопроса о рабочей власти“ („Б. за Ур.“ 218).

базировалась какъ разъ на томъ національномъ чувствѣ, которое, какъ пытался я показать, является наиболѣе прочнымъ ферментомъ при организаціи борьбы. Борьба противъ нѣмцевъ соединила въ одну революціонно національную „когорту" добровольцевъ, среди которыхъ въ 1917 г. чуть ли не 60% причисляли себя къ соціалистамъ*). Въ этомъ какъ бы „инстинктивномъ" соціализмѣ, который, какъ мода, появляется въ революціонные эпохи, слишкомъ много наноснаго и случайнаго. Въ періодъ острой борьбы въ первые мѣсяцы выступленія онъ былъ гдѣ то на заднемъ планѣ. Надъ всѣмъ превалировалъ принципъ національной самозащиты. Конечно, на русской территоріи непосредственная германская опасность выдвигалась нѣсколько искусственно. Союзники не приходили. Возникалъ естественный вопросъ: если французы не идутъ, почему чехи должны сражаться? Безъ участія союзниковъ чехословацкое войско не хотѣло сражаться (Пишонъ, M. Sl., 25, II, 249**). Не могла чеховъ удовлетворить та видимость участія союзниковъ, которую пытались создать отправкою на фронтъ нѣсколькихъ союзныхъ солдатъ. Чешскіе солдаты прекрасно сознавали — говоритъ Прикрылъ — что фронтъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше изъ противогерманскаго становился противосовѣтскимъ, т. е. русскимъ фронтомъ. „Чешскіе легіонеры, сами будучи революціонерами, приходили къ убѣжденію, что эта война не ихняя, война не противъ нѣмцевъ, а противъ русской революціи". Новое обоснованіе выступленія чехословаковъ, данное сибирскими политиками — помощь антибольшевицкой Россіи, не могло удовлетворить нѣкоторую часть легій, тѣмъ болѣе, что это обоснованіе такъ рѣзко противорѣчило прежнимъ оффиціальнымъ документамъ.

*) Въ 1914—1915 г. большая часть чешскаго народа, по словамъ Масарика, еще была настроена монархически.

**) Пишонъ считаетъ оставленіе Самары въ значительной степени не рѣшеніемъ военнаго командованія, а нежеланіемъ чеховъ сражаться безъ союзниковъ.

Теряя вѣру въ союзниковъ, чешскій солдатъ началъ чувствовать себя одинокимъ и покинутымъ*). Майское выступленіе произошло вопреки Нац. Совѣта — чешское войско черезъ своихъ делегатовъ взяло судьбу эшелоновъ въ свои руки. Это былъ въ сущности „бунтъ“ противъ оффиціальнаго представительства. Такой же бунтъ произошелъ въ Аксаковѣ 20 октября. На митингѣ, созванномъ делегатами полка, одинъ изъ делегатовъ говоритъ: „Наступило то же, что было подъ Пензой, когда командованіе очутилось въ тупикѣ и когда только здоровый инстинктъ сохранилъ наше войско. Солдаты должны, какъ и тогда, взять теперь власть въ свои руки, такъ какъ теперешнее командованіе ведетъ лишь къ гибели“. Отличіе отъ майскаго положенія заключалось въ томъ, что было уже иное настроеніе. Бунтъ происходилъ во имя мира съ большевиками, противъ русской акціи и за возвращеніе на родину. Психологически это понятно (между прочимъ, таково было мнѣніе Колчака). На митингѣ солдаты настаивали, чтобы имъ сообщали операціонные планы, для выполненія которыхъ требовалось ихъ согласіе. Начинается, другими словами, российская „совдепщина“, опирающаяся на хорошо организованную подпольную агитацію. Знакомая картина!

Съ момента перемирія 11 ноября дилемма, о которой говоритъ Прикрылъ, должна была раскрыться во всей своей полнотѣ. Война съ Германіей кончилась; оставался лишь противобольшевицкій фронтъ. Желанія поддержать его — совершенно независимо отъ характера видоизмѣненія власти въ Россіи — у Масарика не было. „Чехословаки добыли себѣ въ Сибири, во Франціи и Италіи право на независимость“, — сказалъ французскій президентъ. За эту свободу было уже принесено 4500 жертвъ...

Въ самыхъ верхахъ чешской политики начинается

*) Этимъ объяснялъ начало разложенія легій полк. Жакъ въ докладѣ, прочитанномъ въ Прагѣ въ 1924 г. (Отчетъ въ „Рулѣ“ № 964).

раздвоеніе, которое роковымъ образомъ должно было отражаться на состояніи войскъ, находящихся въ Сибири. Если Крамаржъ убѣждалъ „сибирскія чешскія войска принимать энергичное участіе въ подавленіи большевизма въ Россіи, ибо этимъ самымъ помогается дѣлу возрожденія Чехіи“ *), то Бенешъ телеграфировалъ другое: отечество не требуетъ отъ васъ больше жертвъ. (Жаненъ, M. Sl. 24, XII, 233). Въ свѣтѣ документовъ можно отнестись спокойно къ событіямъ, имѣвшимъ мѣсто въ чехословацкихъ легіяхъ въ Сибири. Совершенно ясно, что омскій переворотъ, самъ по себѣ по существу не внося ничего новаго, далъ лишь формальный поводъ завершить начавшійся отходъ чехословацкихъ войскъ съ фронта.

При обозначившемся въ арміи кризисѣ Нац. Совѣтъ лишь спѣшилъ отгородиться отъ омскаго переворота, боясь потерять свое вліяніе въ арміи. Вспоминали приказъ Масарика 1 августа 18 г.: „Наше войско демократическое и служитъ демократическимъ цѣлямъ“. Дальнѣйшее участіе на фронтѣ — помощь диктатору. Возможна ли она, когда наши русскіе союзники — пишетъ передающій психологію лѣвыхъ Прикрылъ — находились въ колчаковскихъ тюрьмахъ или организовывали возстанія противъ Колчака или переходили къ большевикамъ, давая предпочтеніе „красной диктатурѣ противъ бѣлой“. Одно уже присутствіе легій въ Сибири поддерживало режимъ, который всѣ „русскіе друзья“ легій ненавидѣли.

Изъ изложеннаго можно видѣть, сколь придумано позднѣйшее объясненіе ген. Жанена, утверждающаго въ своемъ дневникѣ, что чехи „отказывались продолжать сражаться за русскихъ, которые предпочитали веселиться въ Омскѣ, чѣмъ рисковать здоровьемъ и жизнью на большихъ фронтовыхъ дорогахъ. Засѣвшихъ въ этомъ городѣ насчитывали около шести тысячъ (напримѣръ, 59 ч. въ цензурѣ при главной квартирѣ)“ (M. Sl. 25, IV, 22).

*) Сообщеніе Клецанды. Иркутскъ 30 мая „Парт. движ.“ 217.

* * *

Въ критическій моментъ въ Сибирь съ миссіей ген. Жанена прибылъ ген. Штефанекъ, въ качествѣ уже главы военнаго министерства новаго Чехословацкаго государства. Его заданія были чрезвычайно сложны. Чехословацкое войско сражаться больше не хотѣло *), но, формально оно составляло часть союзной арміи, которая должна была помогать русской арміи въ ея антибольшевицкой борьбѣ **). Съ момента провозглашенія чехословацкой независимости сибирскія легіи получили иное юридическое основаніе. Создавалось внутреннее противорѣчіе между бытомъ и правовымъ статутомъ. Чехо-войско въ Сибири формально составилось изъ добровольцевъ, сражавшихся за свою національную независимость. Она была достигнута. Какъ превратить этихъ добровольцевъ въ регулярную національную армію, дисциплинированную и подчиненную требованіямъ государства? Національно-революціонная когорта до 28 октября организована была на началахъ какъ бы „братской" солидарности. Поэтому полковые делегаты имѣли такое большое значеніе въ жизни войска. Это была особая дисциплина, которая покоилась на „сознаніи". Отпало это сознаніе, упала дисциплина, и „цѣнность нашего войска — признала комиссія, разслѣдовавшая причины самоубійства Швеца — спустилась ниже уровня среднихъ регулярныхъ войскъ вообще". Поднять дисциплину можно было только уничтоженіемъ „делегатчины", разлагавшей организмъ регулярной уже арміи. Это было требованіе чешскаго военнаго командованія.

---

*) Въ нѣкоторыхъ кругахъ проявлялось сочувствіе Колчаку — говоритъ Глосъ, — но оно не раздѣлялось большинствомъ войска („В. Сиб." IV, 34). Такихъ сочувствующихъ въ Сибири тогда уже называли „бѣлыми чехами" („Рус. Бюро печати").

**) Непонятно, какимъ образомъ можно въ 1929 г. предъявлять обвиненіе чешскому военному командованію за продолженіе участія въ борьбѣ, какъ это дѣлаетъ Прикрылъ.

То, что было въ добровольческой когортѣ, не могло быть въ арміи *).

Штефанекъ, распустивъ комитеты и запретивъ созывъ второго съѣзда делегатовъ, перевелъ добровольцевъ на положеніе регулярной арміи. Институтъ полномочныхъ, возглавляемый Нац. Сов., былъ замѣненъ консулами и послами **). Въ отношеніи Россіи Штефанекъ какъ будто былъ ближе къ позиціи Крамаржа, нежели Масарика и Бенеша. Подводя итоги изложенія чешскихъ мемуаристовъ и историковъ, Драгомирецкій пишетъ:

„По удостовѣренію многихъ писателей ген. Штефанекъ горѣлъ желаніемъ помочь русскому народу. Онъ жаждалъ освобожденія Россіи отъ большевизма и хотѣлъ, чтобы легіонеры, слѣдуя по этому пути, заслужили благодарность будущей Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ увѣренъ, что безъ сильной Россіи чехословацкая республика не будетъ могла (не сможетъ) мощно развиваться и выполнять роль славянскаго авангарда въ средней Европѣ. Его манила возможность направить чехословацкія войска на родину черезъ Европейскую Россію. Но, ознакомившись лично съ состояніемъ войскъ, министръ Штефанекъ пришелъ къ заключенію, что держать ихъ дальше на фронтѣ и заставлять сражаться представляется невозможнымъ и потому, по соглашенію съ верх. правителемъ адм. Колчакомъ и союзниками, приказалъ стянуть всю армію въ тылъ и подготовлять ее къ постепенной отправкѣ на родину“ (89).

---

*) Никто другой, какъ сами большевики, достаточно образно изобразили вредъ армейскихъ комитетовъ въ дѣйствующей арміи. Нѣкто Ильинъ-Женевскій, возражая наивнымъ коммунистамъ, увѣровавшимъ въ самодѣятельность арміи, писалъ въ „Красной Газетѣ“ 22 іюня 18 г.: „передавая власть комитетамъ, мы въ значительной степени обезсиливали армію“. Авторъ далъ яркую картину вреда коллегіальнаго управленія въ арміи, „утомленной и развращенной трехлѣтней бойней“ („Большевики у власти“ 80). Мѣра, опредѣленно негодная, благодаря особымъ обстоятельствамъ являлась въ свое время „спасительной“, и содѣйствовала разложенію арміи, къ которому стремились въ 1917 г. большевики. Выборъ командnаго состава ими былъ отмѣненъ декретомъ 22 апрѣля.

**) Фактически комитеты продолжали существовать.

Кратохвиль приводитъ еще телеграммы, которыми обмѣнялись Штефанекъ и Колчакъ. Онѣ показательны для позиціи безвременно погибшаго перваго чехословацкаго военнаго министра. „Покидая землю великой Россіи — писалъ Штефанекъ — посылаю вамъ пожеланіе всякаго добра и надѣюсь, что единеніе всѣхъ здравомыслящихъ людей при общемъ усиліи вернетъ Россіи ея престижъ и дастъ возможность занять опять свое мѣсто среди славянства и цѣлаго міра“ (207). Колчакъ отвѣтилъ: „Съ радостью получилъ извѣстіе о благополучномъ проѣздѣ вашемъ до Харбина и счастливъ, что всѣ наши органы шли вамъ навстрѣчу. Я очень тронутъ вашимъ горячимъ пожеланіемъ и прошу принять выраженіе моего искренняго и глубочайшаго пожеланія успѣха расцвѣта свободнаго чехословацкаго народа, соединеннаго съ русскимъ народомъ узами дружбы и братства“ (даю переводъ).

Въ полномъ противорѣчіи съ тономъ этихъ привѣтствій находится рѣчь Штефанека 11 декабря делегаціи 8-го чехословацкаго полка, приводимая Кратохвилемъ. Въ передачѣ послѣдняго она производитъ довольно странное впечатлѣніе. Одинъ изъ „братьевъ“ спросилъ военнаго министра: „Братъ генералъ, скажи намъ, наконецъ, въ чемъ собственно насъ упрекаютъ“? Штефанекъ отвѣчалъ:

„Ставятъ вамъ въ вину неучтивость къ союзникамъ, надъ которыми вы насмѣхаетесь. Это подтверждается со многихъ сторонъ. Затѣмъ о войскѣ въ Сибири утверждаютъ, что оно находится въ состояніи разложенія, что оно забываетъ основное положеніе, что война — одно дѣло, а политика — другое. Ставятъ въ вину, что въ войскахъ распространяется большевизмъ, что войско участвуетъ въ грабежахъ и убійствахъ, что ряды его не дисциплинированы — не только единицы, но и цѣлыя части не повинуются приказамъ начальниковъ. Ясно, что кое-кому не нравится и то, что развитіе чехословенскаго народа идетъ по направ-

ленію слишкомъ демократическому"... „Я демонстрировалъ (въ отношеніи Колчака) — говорилъ Штефанекъ — болѣе вразумительно. Когда пріѣхалъ сюда, не заѣхалъ въ Омскъ. А это говоритъ достаточно за себя, разъ представитель государства, которое имѣетъ здѣсь больше всего войска, минуетъ только что провозглашенную власть"... „Не смотрите на омскія событія — поучалъ военный министръ — односторонне. Переворотъ не былъ подготовленъ только въ Омскѣ, главное рѣшеніе было въ Версалѣ. Вы смотрите на вещи слишкомъ радикально. Я васъ извиняю, но я самъ министръ и потому не могу быть радикаломъ" *) (249).

Эта рѣчь, если содержаніе ея вѣрно передано, является безспорно продуктомъ демагогіи. Методъ воздѣйствія ошибочный, но, повидимому, у Штефанека были большія сомнѣнія въ возможности преоборотъ наступившій въ чехословацкой арміи кризисъ. Гинсъ разсазываетъ, что, когда члены омскаго правительства выражали Штефанеку благодарность за помощь, оказанную чехами въ началѣ борьбы, Штефанекъ сказалъ: „Я привыкъ судить о заслугахъ только по окончаніи дѣла. Пока же ничего не сдѣлано, и никто не знаетъ, каковъ будетъ конецъ" (II, 523). По словамъ Гинса же, изъ Шанхая Штефанекъ прислалъ на имя Павлу ободряющую телеграмму, которая заканчивалась словами: „Передайте имъ (соколамъ на фронтѣ), чтобы они были вѣрны себѣ, своему хорошему прошлому, и чтобы они не забывали, что только по дорогѣ чести они вернутся въ свободную, счастливую и дорогую нашу родину" (II, 93).

* * *

Чехословацкія войска были отведены въ тылъ, и на нихъ возложена была охрана Сибирской магистрали

*) Заканчивалъ, будто бы, Штефанекъ такъ: „Кто знаетъ, можетъ быть, и монархія въ данный переходный моментъ была бы выгодна. Трудно объ этомъ судить, но этимъ я не хочу сказать, что самъ былъ бы за монархію" Штефанекъ былъ склоненъ къ „роялизму" — отмѣчаетъ Масарикъ въ воспоминаніяхъ (II, 247).

отъ Омска до Иркутска. Чехи сознавали, что вернуться на родину можно только черезъ Владивостокъ, и что возвращеніе это не можетъ быть на другой день — пароходы во Владивостокѣ были еще проблематичны (Дюбарбье, 87). Охранять желѣзную дорогу было въ интересахъ самого войска, судьбою занесеннаго въ глубокую сибирскую тайгу и расположеннаго по линіи магистрали*). Охрана ея — говоритъ Драгомирецкій — представляла „крупную важность для стоявшихъ на фронтѣ русскихъ добровольческихъ войскъ". Это было бы несомнѣнно такъ, если бы охранявшія магистраль иностранныя войска не стали фактически распорядителями всего транспорта. При господствовавшемъ въ чехословацкомъ войскѣ настроеніи здѣсь была и угроза. Ее предвидѣлъ Будбергъ и предлагалъ увести чехословаковъ въ Приморскую область. Но Колчакъ лишь „посмѣялся надъ этой горячностью" (XIV, 290).

Распоряженія Штефанека осуществлялись не безъ осложненій. Оппозиція переходила временами въ прямой бунтъ. Такъ было въ Екатеринбургѣ въ связи съ запрещеніемъ делегатскаго съѣзда. Протестъ шелъ подъ лозунгомъ, что только „вооруженная чехословацкая демократія можетъ говорить о судьбѣ чехословацкаго войска". Одна ли подпольная большевицкая пропаганда дѣйствовала въ данномъ случаѣ? Въ свое время Святицкій разсказалъ намъ о надеждахъ, которыя возлагали учредиловцы на „делегатчину". „Наши русскіе друзья" послѣ 18 ноября повели усиленную агитацію въ рядахъ митинговавшихъ чехословацкихъ солдатъ. Они, по выраженію Колосова, помогали „формированію политическаго образа мышленія чешскихъ солдатъ". Для пропаганды Колосовъ постарался конспиративно связаться съ нѣсколькими пол-

*) При этомъ чехи занимали болѣе 7000 вагоновъ. По словамъ И. И. Сукина, всѣ попытки выселить ихъ изъ вагоновъ — въ нихъ Сибирь испытывала огромный недостатокъ — окончились неудачей. Чехи боялись отойти отъ жел. дор. и потеряться въ Сибири.

ковыми комитетами. Какой смыслъ былъ ему этимъ заниматься? Колосовъ видѣлъ въ чешской арміи „могущественную союзницу Колчака при всемъ, быть можетъ, недоброжелательномъ отношеніи къ нему, какъ къ правителю государства“. И вся цѣль его и его политическихъ единомышленниковъ заключалась въ томъ, чтобы какъ нибудь помѣшать такому союзу. Въ верхахъ Колосовъ не разсчитывалъ встрѣтить поддержки. Д-ръ Павлу, бывшій предсѣдатель Нац. Совѣта, назначенный посломъ республики, былъ для него непримиримымъ „врагомъ“. Противъ этого врага Колосовъ искалъ союзниковъ въ „солдатской массѣ“, опираясь на которую, „можно было иначе разговаривать съ русскими властями и съ самимъ чешскимъ посломъ“. Предоставимъ слово самому Колосову, начинающему свой разсказъ съ того, какъ онъ разлагалъ чехословацкія войска послѣ екатеринбургскаго собранія по поводу текущихъ событій представителей ихъ гарнизона. На собраніи была создана „иниціативная ячейка“, которая должна была „сформировать лозунги движенія и созвать на основѣ ихъ общеармейскій съѣздъ“. На съѣздъ могли быть „выбираемы представители только отъ солдатской массы, а не отъ командnаго состава“. „Самочинно“ созываемый съѣздъ долженъ былъ сдѣлаться „исключительно органомъ солдатской массы“. Съѣздъ состоялся въ томъ же Екатеринбургѣ, въ апрѣлѣ, но въ виду недостаточной полноты состава онъ „постановилъ считать себя „конференціей“, неполномочной выносить „общеармейскія рѣшенія, обязательныя для всей солдатской массы“, и созвать новый съѣздъ съ полнымъ уже представительствомъ всѣхъ частей арміи. Такъ какъ Павлу предупредилъ, что съѣздъ не будетъ допущенъ, иниціаторы рѣшили созвать его „конспиративно и нелегально“ гдѣ-нибудь въ раіонѣ „наиболѣе густо“ сосредоточенныхъ чехословацкихъ войскъ“. Обработку этихъ делегатовъ и началъ Колосовъ.

„Позже одинъ изъ членовъ делегаціи д-ръ Крейчи (въ октябрѣ 1919 г.)*) — пишетъ Колосовъ — выставилъ противъ меня обвиненіе, что, на основаніи моихъ отзывовъ о политическомъ настроеніи чешскихъ солдатъ, у чешской дипломатіи составилось убѣжденіе, что среди чеховъ есть много „большевиковъ“ и что это въ нѣкоторыхъ случаяхъ привело къ печальнымъ послѣдствіямъ.

Это было очень не точное изложеніе моихъ взглядовъ на чехо-словацкихъ солдатъ. Я, дѣйствительно, находилъ на основаніи того матеріала, который проходилъ черезъ мои руки, что у солдатъ-чеховъ безусловно наблюдается временами очень яркое проявленіе большевицкаго настроенія. Ненависть, иногда очень обостренная, и недовѣріе, порой очень глубокое, къ собственному командному составу было широко распространено въ это время у чеховъ и питалось самыми разнообразными источниками. Этимъ настроеніе ихъ принимало оттѣнокъ большевицкаго. Но въ смыслѣ политическаго міровоззрѣнія, поскольку его можно было уяснить по тѣмъ даннымъ, какія проходили черезъ мои руки, картина получалась нѣсколько иная. Чешскіе солдаты того времени въ своей массѣ были убѣжденные и сознательные демократы, правда, порой очень „крайніе“ и „лѣвые“, но все же демократы. Изъ этого прежде всего и приходилось исходить въ сношеніяхъ съ ними и въ выработкѣ линіи политическаго поведенія. Здѣсь были ихъ сильныя и слабыя стороны...

Чехо словацкая армія стояла въ общемъ на точкѣ зрѣнія „пассивнаго“ протеста, тогда какъ вся обстановка требовала отъ нихъ — протеста хотя бы съ извѣстной долей активности.

Пассивный характеръ протеста у чешскихъ солдатъ я видѣлъ въ томъ, что у нихъ основнымъ лозунгомъ являлось требованіе ухода домой, требованіе увода войскъ черезъ Востокъ на родину. Но чехи не могли своими средствами выѣхать домой..., а союзники не желали ихъ вывозить изъ Сибири. Удержи-

*) „Соціалистическая“ делегація прибыла изъ Чехіи для ознакомленія на мѣстѣ съ положеніемъ арміи въ значительной степени въ связи съ требованіями, выраженными апрѣльской екатеринбургской конференціей.

вая же тамъ чеховъ, они возлагали на нихъ тяжелую задачу поддержки правительства Колчака путемъ охраны желѣзной дороги отъ нападеній повстанцевъ. Очевидно, надо было искать какой нибудь выходъ изъ этого положенія...

Пока мы искали съ чешскими делегатами выхода изъ этого положенія, событія шли своимъ чередомъ".

Событія заключались въ томъ, что Колосовъ выступилъ съ критикой дѣятельности начальника 3-ей чешской дивизіи полк. Прхала,—документъ этотъ долженъ былъ заключать матеріалы для будущей резолюціи на съѣздѣ. Прхалъ увѣдомилъ Колосова, что „всякая пропаганда въ чехо-словацкой арміи со стороны посторонних лицъ строжайше воспрещена". Вмѣстѣ съ тѣмъ до Колосова дошли свѣдѣнія о возможности его ареста по распоряженію ген. Розанова. Колосовъ предпочелъ тогда оставить агитацію среди чехо-словаковъ въ Красноярскѣ и перенести ее въ крестьянскую толщу Алтайской области: „тамъ можно было переждать грозу"...

Въ воспоминаніяхъ Масарика говорится: „Черезъ нѣкоторое время болѣе обширныя сообщенія начали намъ приносить печальныя свѣдѣнія о моральномъ состояніи нашей арміи въ Сибири; началась большевицкая пропаганда, смѣшанная съ пропагандой всѣхъ нашихъ враговъ" (II, 79). Самъ Колосовъ разсказалъ намъ, что пропаганда велась не одними только большевиками. И уже трудно опредѣлить, гдѣ кончались эс-эеры и начинались большевики. Иркутская контръ-развѣдка доносила генералъ-квартирмейстеру штаба мѣстнаго военнаго округа 17 іюня:

„Учтя всѣ слабыя стороны въ арміи чеховъ, ихъ политическое положеніе, тренія между солдатами и офицерами, а также усталость отъ войны солдатъ, агитаторы и шпіоны повели широкую разрушительную работу тѣми же самыми старыми методами, какими

пользовались они у насъ въ арміи въ 1917 и 1918 г.г. Подойдя ближе къ психологіи усталаго солдата, они выдвинули тѣ же излюбленные лозунги: „война не нужна чехамъ“, „скорѣе на родину, тамъ свои непорядки“, „долой офицеровъ — союзническихъ наймитовъ“ или „чехо-словаки — игрушка въ рукахъ союзниковъ, которые сами не воюютъ, а шлютъ на бой только чеховъ“ и т. д. въ этомъ духѣ“ („Пар. Дв.“ 156—57).

Русская контръ-развѣдка считала, что происходящее въ чешскихъ войскахъ „есть какъ будто повтореніе пройденнаго урока въ русской арміи въ періодъ революціи, а особенно въ октябрѣ 1917 года“. По мнѣнію чешскаго полукоммунистически настроеннаго автора, Кратохвиля, разложеніе арміи свидѣтельствовало лишь о томъ, что подъ гнилымъ, слѣпымъ механизмомъ вставалъ живой человѣкъ. Но характерно то, что по прошествіи десяти лѣтъ Прикрылъ въ полемикѣ съ Медекомъ — и притомъ въ журналѣ „Přítomnost“ — становится на сторону „бунта“.

Изъ агитаціи, какъ всегда, рождались активныя дѣйствія. 8—11 іюня самый критическій моментъ. Въ Иркутскъ стали съѣзжаться делегаты нелегальнаго съѣзда. На ст. Иннокентьевской арестуются офицеры, захватываются паровозы для отправки вооруженныхъ солдатъ въ Иркутскъ охранять делегатовъ. Въ самомъ Иркутскѣ прибывшіе делегаты, арестованные сохранившей дисциплину частью, освобождаются „революціоннымъ батальономъ“, причемъ производится обыскъ въ редакціи „Чехо-дневника“. Грозитъ вооруженное столкновеніе „братьевъ“ между собой. Но все же вооруженная демократія не поднялась противъ оффиціальной власти. И конфликтъ, благодаря энергичнымъ мѣрамъ ген. Сырового и авторитету командующаго союзными войсками ген. Жанена, окончился благополучно. Делегаты „съѣзда революціи“ подписали заявленіе, что признаютъ законную силу всѣхъ

приказовъ правительства, и Сыровой счелъ „всѣ внутреннія недоразумѣнія ликвидированными“ (телеграммы штаба ирк. округа — „Парт. Дв.“ 154—159). Делегаты „для раздумья“ были направлены на „русскій островъ“ во Владивостокѣ.

Этимъ конфликтомъ кризисъ, конечно, не былъ окончательно изжитъ. „Бунтъ“ былъ подавленъ, но чехо-словацкое командованіе не было уже хозяиномъ положенія.

* * *

Когда происходилъ „конфликтъ“ въ чехо-войскахъ Иркутска, верховнымъ правителемъ былъ отданъ приказъ не вмѣшиваться въ чешскія дѣла. Но положеніе было серьезно. Русская контръ-развѣдка указывала, что агитаторы изъ повстанческаго штаба Кравченко „имѣютъ связь съ тѣми чешскими частями, которыя стоятъ на красноярскомъ фронтѣ“. Слѣдовательно, передъ русскимъ командованіемъ стояла реальная угроза возможности соглашенія „революціонныхъ“ солдатъ чехо-арміи съ повстанческими отрядами. Можно было ожидать, что иностранные штыки, охранявшіе магистраль и не всегда выдержанно соблюдавшіе „нейтралитетъ“, неожиданно окажутся на сторонѣ противниковъ омскаго правительства, каковыми могли быть не только большеники, но и конспирирующіе эс-эры. У Колчака не было предубѣжденности противъ чехо-словаковъ, какъ это пытаются представить многіе изъ чешскихъ мемуаристовъ. По словамъ Будберга, у Колчака было скорѣе благожелательное къ нимъ отношеніе. Онъ называлъ „чехоѣдомъ“ Будберга, который являлся рѣшительнымъ противникомъ порученія чехо-войскамъ охраны сибирской магистрали. Колчакъ понималъ психологическое состояніе арміи, которая не хотѣла больше воевать въ Россіи. По его мнѣнію, это было естественно. Но вопросъ шелъ уже о томъ, чтобы не мѣшать русскимъ противобольшевицкимъ

силамъ. Отсюда вытекало стремленіе по возможности содѣйствовать скорѣйшей эвакуаціи чехо-словаковъ изъ Россіи и вліять въ этомъ отношеніи на союзниковъ.

Въ книгѣ Субботовскаго приведенъ документъ, въ сущности, касающійся финансовыхъ вопросовъ, но попутно подтверждающій эту тенденцію омскаго правительства. Въ обращеніи мин. ин. дѣлъ къ французскому военному комиссару 16 іюля отмѣчается, что изъ мѣсячныхъ затратъ французской миссіи въ суммѣ 50 милліоновъ фр. лишь 18 милліоновъ тратятся непосредственно на русскую армію „въ качествѣ уплаты по нѣкоторымъ закупкамъ снабженія на Дальнемъ Востокѣ". Остальные расходы „производятся, главнымъ образомъ, на содержаніе чешскихъ и прочихъ не русскихъ войскъ. Россійское правительство по этому поводу уже высказывало мнѣніе, что чешскія войска должны быть постепенно эвакуированы, а что касается содержанія войскъ другой изъ названныхъ категорій, въ особенности значительныхъ польскихъ контингентовъ, то оно не приминуло неоднократно обращать вниманіе французскаго военнаго комиссаріата на безполезность сохраненія этихъ войскъ, которыя, не принимая активнаго участія въ борьбѣ, вызываютъ лишь неоправдываемые расходы" (78—79). Командующаго союзными войсками такая „заносчивость" омскаго правительства приводила въ „бѣшенство" *): „Эти люди, кажется, забываютъ, что безъ чеховъ и меня, они недолго бы существовали" (M. Sl. 24, XII, 235). „Взбѣсило" ген. Жанена, главнымъ образомъ, указаніе мин. ин. дѣлъ Сукина въ бесѣдѣ 4 іюля (по записи Жанена) на необходимость разоружить чехо-словаковъ и поляковъ въ связи съ имѣвшими мѣсто безпорядками. Жаненъ высокомѣрно отвѣтилъ: „я былъ посланъ сюда, чтобы командовать этой арміей, а не для того, чтобы ее разоружать". Бесѣда 4 іюля была длительной, и ука-

*) „Me mettait hors de mes gonds" по его собственнымъ словамъ.

заніе на желательность разоруженія, со ссылкой на адмирала, была сдѣлана Сукинымъ послѣ отвѣта Жанена, что ни чехо-словацкія войска, ни польскія не могутъ быть двинуты на фронтъ. Не можетъ быть отправленъ на фронтъ безъ разрѣшенія соотвѣтствующихъ правительствъ даже корпусъ добровольцевъ.

Изъ изложенія Жанена не совсѣмъ понятно, почему Сукинъ явился къ нему съ такой миссіей и почему собственно заговорилъ объ отправкѣ хотя бы „добровольцевъ на фронтъ“.

„Я не могъ и думать — говоритъ Жаненъ — о посылкѣ своихъ войскъ въ гущу безпорядочнаго отступленія, гдѣ они увязли бы. Особенно моральное состояніе, которое я констатировалъ въ арміи и о которомъ сообщилъ въ Европу, не допускало и мысли объ этомъ. Мы были солидарны, Павлу, Сыровой и я, что приказъ въ этомъ смыслѣ, будь онъ даже изъ Праги, повлечетъ за собой безпорядки, размѣры которыхъ я не могъ учесть“ (Ib. 232).

Приходится предположить, что ген. Жаненъ или плохо информировался своимъ правительствомъ, или въ „дневникѣ“ его очень неточно записано то, что было въ дѣйствительности. Среди документовъ „изъ архива Колчака“, доставшагося большевикамъ, имѣется телеграмма Клемансо отъ 2 іюля съ проектомъ отправки чехо словацкаго корпуса черезъ Пермь на родину, используя его попутно, какъ боевую силу: 30 тыс. человѣкъ изъ состава этого корпуса по проекту должны принять участіе въ операціяхъ на правомъ флангѣ арміи адм. Колчака съ тѣмъ, чтобы „установить связь съ архангельской группой въ Котласѣ, откуда они были бы возвращены на родину до конца текущаго года“. „Моральное состояніе этихъ войскъ — говорилъ Клемансо — въ настоящій моментъ очень низко, и удача этого плана зависитъ, очевидно, отъ числа людей, склонныхъ бороться противъ большевиковъ съ убѣжденіемъ, что возвраще-

ніе ихъ на родину явится наградой за ихъ успѣхъ" (Какуринъ, II, 278).

Неужели Жаненъ не былъ освѣдомленъ объ этомъ проектѣ? Ясно, что посѣщеніе Сукинымъ командующаго союзными войсками стояло въ непосредственной связи съ указанной телеграммой. При сопоставленіи разговора 4 іюля съ телеграммой становится понятнымъ и ходъ разсужденія Сукина. Также очевидна и утопичность парижскаго плана. Жаненъ съ полнымъ основаніемъ замѣчаетъ:

„Прежде всего онъ сказалъ мнѣ, что перевозка чеховъ черезъ Владивостокъ невозможна: совершенно необходимо, чтобы чешская армія шла безъ промедленія на фронтъ въ направленіи Архангельска или Царицына, чтобы принять участіе въ наступленіи, подготовляемомъ на августъ. Это было мнѣніе англичанъ (планъ Винстонъ Черчилль-Ноксъ), а также американцевъ и г. Крамаржа. Я безъ обиняковъ отвѣтилъ, что ничего обо всемъ этомъ не знаю. Военныя рѣшенія относительно моихъ войскъ касаются меня больше, чѣмъ кого либо, впрочемъ, это никоимъ образомъ не соотвѣтствуетъ директивамъ, полученнымъ отъ Штефанека при посредствѣ маршала Фоша. Такъ какъ онъ мнѣ сказалъ, что не знаетъ этихъ директивъ, я отвѣтилъ, что это были указанія внутренняго порядка" (XII, 232).

Такимъ образомъ, выхода изъ заколдованнаго круга, въ который попало чехо-словацкое войско въ Россіи, найдено не было. Все оставалось по старому. Рождались новыя осложненія и новыя недоразумѣнія. Въ сибирскихъ бытовыхъ условіяхъ, при финансовомъ и хозяйственномъ кризисѣ, отражавшемся постоянно на снабженіи русской арміи, привиллегированныя иностранныя арміи, которыя не могли эвакуировать и не могли двинуть на фронтъ, не могли не вызывать къ себѣ критическаго отношенія въ довольно широкихъ кругахъ. Прежній энтузіазмъ смѣнялся чувствомъ глубокаго неудовольствія. Ироническія частушки, появившіяся въ изо-

биліи въ Сибири, свидѣтельствуютъ объ этомъ въ достаточной степени.

Чехо-словацкая армія самоснабжалась. Въ связи съ этимъ она развила широкую экономическую дѣятельность на принципѣ кооперативнаго сотрудничества. Имущественный вопросъ становился однимъ изъ факторовъ взаимныхъ недоразумѣній. Эвакуировалось не только войско, но и скопленное имъ имущество. Раздраженное чувство рѣдко бываетъ справедливо. И въ той обильной „обличительной“ литературѣ, которая имѣется уже въ нашемъ распоряженіи, правда перемѣшана съ тенденціознымъ вымысломъ. По поводу этихъ обличеній возникла и полемика. Мы оставимъ ее въ сторонѣ. Достаточно, однако, просмотрѣть записи управляющаго военнымъ министерствомъ Будберга для того, чтобы судить о нѣкоторыхъ ненормальностяхъ, практиковавшихся при самоснабженіи.

По иниціативѣ завѣдывавшаго финансовой частью чехо-словацкаго войска полк. Шипа былъ учрежденъ спеціальный „Банкъ чехословацкихъ легіонеровъ“, съ капиталомъ въ 14 милліоновъ французскихъ франковъ, акціи котораго были разобраны вкладчиками ранѣе возникшей сберегательной кассы—„сбереженія составились изъ остаточныхъ суммъ получаемаго солдатами отъ союзныхъ державъ содержанія въ валютѣ *). Часть этихъ денегъ пошла на пріобрѣтеніе необходимаго имущества и товара для омбѣна. Банкъ долженъ былъ при эвакуаціи заняться ликвидаціей этого имущества и въ то же время гарантировать интересы солдатскихъ массъ отъ обезцѣниванія русскаго рубля. Правительство предложило закупить хлѣбъ и сырье для чехословацкихъ заводовъ. Драгомирецкій, подводящій итоги полемики, долженъ признать, что по существу такая дѣятельность „быть можетъ, не свойственна регулярнымъ арміямъ“, но она диктовалась „крайней необходимостью“ (174).

*) 360 мил. фр.; 800 т. фунтовъ, 7 мил. дол. (Драгомирецкій 176).

Главная ненормальность заключалась, конечно, въ другомъ. Возражая ген. Сахарову, Драгомирецкій замѣчаетъ: „Реквизиціи... всегда составляли и будутъ составлять прискорбную необходимость каждой войны. Онѣ имѣли мѣсто и въ Сибири, но производились въ одинаковой степени, какъ чехо-словацкими, такъ и русскими частями всегда съ вѣдома и разрѣшенія мѣстныхъ властей исключительно для надобностей арміи" (175). Реквизиція— начало государственное, а не частно правовое. Въ этомъ все дѣло, поскольку рѣчь идетъ о дѣятельности Легіобанка. „Реквизиціи" не всегда происходили съ согласія „мѣстныхъ властей", онѣ производились иногда вопреки этому согласію. Нельзя предполагать, что въ окружавшемъ беззаконіи гражданской войны *) только представители чехо-словацкихъ войскъ олицетворяли принципы строгой законности. Еще докладъ Гришина-Алмазова ген. Деникину отмѣчалъ, что молодыхъ чешскихъ начальниковъ нельзя было убѣдить обращаться къ русскимъ властямъ за нуждами (Деникинъ, III, 92). Молодые начальники предпочитали дѣйствовать самостоятельно и иногда слишкомъ „своеобразно" распоряжались „военной добычей" (Кроль, 82).

Если въ періодъ пребыванія на фронтѣ эти методы приводили къ столкновеніямъ съ представителями правительства, то въ моментъ оставленія фронта они теряли подъ собою теоретическую почву „крайней необходимости". Въ житейскнхъ условіяхъ того времени и „товарообмѣнъ" пріобрѣталъ подчасъ принудительный характеръ — прап. Алексѣенко 7 декабря 19 г. доноситъ изъ Минусинскаго уѣзда: „чешскій полкъ въ уѣздѣ реквизируетъ скотъ, хлѣбъ по самымъ низкимъ цѣнамъ безъ согласія крестьянъ. Послѣдніе недовольны и готовы къ вооруженному сопротивленію" („П. Дн." 74).

*) „Я реквизирую вездѣ, что могу, но только озлобляю населеніе и, что изъ этого выйдетъ, не знаю" — писалъ Дутовъ Колчаку 31 октября. („Борьба за Ур." 351).

3. Миссія Жанена и Нокса.

Не разъ приходилось указывать, что лѣвый секторъ русской общественности, поскольку онъ былъ въ активныхъ антибольшевицкихъ рядахъ, какъ это психологически ни странно, всѣ свои надежды возлагалъ на помощь союзниковъ: „Пока не будутъ двинуты иностранныя войска, на успѣхъ разсчитывать нельзя“ — такъ опредѣленно, напр., писалъ с.-р. полк. Махинъ вначалѣ іюля 19 года изъ Парижа Болдыреву (246), передавая не свое индивидуальное мнѣніе. Адмиралъ Колчакъ, какъ мы видѣли, вопросъ о „интервенціи“ съ самаго начала ставилъ по иному — онъ желалъ имѣть помощь не людьми, а только снаряженіемъ (бесѣда съ Грондижомъ, 526). Но „междусоюзные господа“, по выраженію Будберга, больше „учили“, чѣмъ реально помогали. И не столько даже „учили“, сколько въ большинствѣ случаевъ давали широкія неисполнимыя обѣщанія, а потомъ критиковали.

Эта политика, конечно, въ значительной степени объяснялась неувѣренностью самихъ правительствъ въ Зап. Европѣ, которая, по выраженію Маклакова въ письмѣ къ Нац. Центру на югъ 2 мая 19 г., чувствовала себя „на вулканѣ“. Онъ писалъ, напр.. о демонстраціи 1 мая, которая проходила подъ лозунгомъ отказа отъ „какого бы то ни было вмѣшательства въ русскія дѣла“ („Кр. Ар.“ XXXVI, 8). Отсюда политика вилянія, шарканія направо и шарканія налѣво*). Такъ или иначе живая сила на помощь чехамъ не приходила. 14 сентября Пепеляевъ въ своемъ дневникѣ отмѣчаетъ, что японцевъ высадилось 70 т., американцевъ — 10, французовъ — 1 т., англичанъ — 1 т. (Субботовскій 24). Японцы не собира-

*) Алдановъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ Англіи (конецъ 18 г.) утверждаетъ, что въ обществѣ настолько не было увѣренности въ прочности порядка, что говорили: „какъ бы Л. Джорджу не пришлось бы бѣжать къ Деникину („Пос. Нов.“ № 3347).

лись итти въ глубь страны, слѣдовательно, реальная помощь была совершенно ничтожна. Но претензіи у союзниковъ были большія. Въ Сибирь для объединенія военныхъ дѣйствій въ рукахъ союзнаго командованія ѣхала спеціальная миссія во главѣ съ ген. Жаненомъ, считавшимся „другомъ Россіи*). По соглашенію съ Англіей ген. Жаненъ долженъ былъ принять командованіе надъ всѣми союзными войсками, въ томъ числѣ и русскими**), къ западу отъ Байкала — на востокѣ командованіе предоставлялось японцамъ; ген. Ноксу поручался тылъ — снабженіе. Эти функціи окончательно были распредѣлены телеграммой 13 декабря (?) Клемансо и Л. Джорджа. Жанену, по словамъ Рукероля, были даны весьма широкія полномочія — французскій генералъ долженъ былъ немедленно двинуть войска на Уралъ и создать противъ нѣмцевъ (?) фронтъ отъ Бѣлаго моря до Чернаго (35).

Въ такомъ ореолѣ предсталъ ген. Жаненъ въ Омскѣ 16 декабря.

Когда Болдыревъ во Владивостокѣ узналъ о назначеніи миссіи Жанена, онъ писалъ: „Это новый ударъ достоинству Россіи. Какъ то вывернется изъ этого положенія Колчакъ?“ (124). Союзники принимали свои рѣшенія, не считаясь ни съ образовавшейся всероссійской властью, ни съ мнѣніемъ русскаго командованія, которое не могло быть имъ неизвѣстно***). Появленіе Жанена

*) Въ началѣ 18 г. Жаненъ былъ предназначенъ для командованія чешской арміей при переводѣ ея на французскій фронтъ. По словамъ одного изъ его помощниковъ, ген. Рукероля, онъ не сочувствовалъ продвиженію чеховъ на Уралъ.

**) Исключеніе дѣлалось для американцевъ, которые оставались независимыми.

***) Исторія съ инструкціей Жанену остается до сихъ поръ во многихъ отношеніяхъ непонятной. По словамъ Сукина, въ Парижѣ разрабатывался планъ „интервенціи“ при предположеніи, что въ Россіи не будетъ самостоятельнаго правительства и ясно выраженнаго національнаго движенія. Общее командованіе возлагалось на Жанена какъ бы съ согласія представителей русской общественности въ Парижѣ. И. И. Сукинъ даже ѣхалъ въ Сибирь для того, чтобы состоять экспертомъ при Жаненѣ. Все это было до извѣстной степени логично

нарушило установившееся уже въ Сибири statuts quo. Съ чехами — единственной реальной союзнической силой — Болдыревъ уговорился уже о подчиненіи ихъ единому верховному русскому командованію. Ген. Сыровой, подчиняясь русскому верховному командованію, сохранялъ за собой руководство чешскими и русскими войсками въ центрѣ и на правомъ флангѣ общаго фронта. По поводу этого соглашенія Болдыревъ замѣчаетъ: „подчиненіе чеховъ состоялось безъ особаго соглашенія съ французами. Ихъ военный представитель... заявилъ, что чехи въ ихъ подчиненіи. Это конечно, не измѣнило принятаго рѣшенія“ *). Но одновременно Болдыревъ заключилъ „конвенцію“ съ бывшимъ уже съ сентября въ Сибири ген. Ноксомъ. Послѣдній очень скоро усвоилъ себѣ сибирскую обстановку. Какъ сообщалъ мин. ин. дѣлъ правительства еще Автономной Сибири 29 августа (на основаніи бесѣды въ Токіо) ген. Ноксъ первоначально думалъ объявить мобилизацію отъ имени союзниковъ. „Я сказалъ ему — пишетъ Петровъ — что только тогда мобилизація будетъ успѣшна, когда она произойдетъ по распоряженію Сиб. Пр.“ (Субботовскій, 25). Ноксъ согласился и, согласившись, идетъ уже по пути помощи только всероссійскому правительству, не дѣлая никакихъ сепаратныхъ шаговъ. 23 октября Ноксъ („само олице-

---

въ весенній и лѣтній періодъ 1918 г. когда дебатировался вопросъ объ интервенціи: помощь для созданія восточнаго фронта могла происходить лишь при опредѣленныхъ гарантіяхъ, и въ этомъ случаѣ представитель версальскаго военнаго совѣта (т. е. ген. Жаненъ) получалъ право давать общія директивы. Но въ моментъ, когда реально уже опредѣлялись полномочія Жанена, обстановка кореннымъ образомъ измѣнилась: формально существовала всероссійская власть, фактически признанная на Уралѣ и въ Сибири, т. е. на театрѣ военныхъ дѣйствій. Послѣ ноябрьскаго перемирія вопросъ объ „интервенціи“ долженъ былъ стоять въ иной уже плоскости Союзники были достаточно освѣдомлены о происходившемъ. Казалось бы, знали обстановку и русскіе представители, находившіеся за границей. А между тѣмъ они давали санкцію на то, что должно было быть чрезвычайно чревато своими послѣдствіями. Къ сожалѣнію, В. А. Маклаковъ не могъ мнѣ разъяснить этого вопроса. Въ памяти его не сохранилось подробностей миссіи Жанена. Вопросъ о предѣлахъ полномочій ему тогда казался „деталью“.

*) Недовольство высказалъ и сэръ Элліотъ.

твореніе энергіи и рѣшительности", по характеристикѣ Иностранцева) предложилъ Болдыреву пять пунктовъ, „ясныхъ и понятныхъ", на основѣ которыхъ онъ готовъ „сдѣлать все", что въ его власти, въ цѣляхъ „оказать помощь русскому правительству въ дѣлѣ формированія русской арміи". Эти условія говорили, что новая русская армія должна быть настоящей арміей безъ комитетовъ и комиссаровъ; что русское правительство будетъ требовать отъ союзныхъ представителей оказанія помощи не разнымъ русскимъ военнымъ начальникамъ, а только русскому правительству; что германскіе военноплѣнные будутъ заключены въ концентраціонные лагери и что будутъ приняты мѣры къ упорядоченію желѣзныхъ дорогъ. „Пять" пунктовъ Нокса заключали въ себѣ и шестой, выражавшій общее пожеланіе: „мы имѣемъ право требовать, чтобы всѣ личные и партійные интересы были бы устранены, и сильное правительство сформировано, которое бы не препятствовало въ созданіи арміи для спасенія Россіи" (Прил. къ Болдыреву 524—25). Болдыревъ подписалъ это условіе. Одновременно по иниціативѣ военныхъ круговъ было сдѣлано обращеніе къ союзнымъ державамъ отъ имени всероссійской власти. Въ немъ подчеркивалось, что созданіе русской арміи возможно лишь при условіи высшаго надъ ней самостоятельнаго единоначалія въ лицѣ русскаго генерала и что необходимо установить правильныя взаимоотношенія съ чехо-словацкой арміей. Очевидно, утвержденіе Дюбарбье, что предусмотрительная Директорія хотѣла подчинить всѣ сибирскія силы иностранному командованію, и что только въ силу этой просьбы была послана миссія ген. Жанена (87), мало соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Дюбарбье красочно описываетъ, что было бы: не было бы борьбы съ атаманами, не существовало бы чешскаго вопроса. Было бы тріумфальное шествіе по Сибири. Но свергнувшій Директорію Колчакъ, какъ ставленникъ англичанъ, не могъ поставить себя въ подчиненіе фран-

цузскому генералу (по истинѣ, фантазіи мемуаристовъ неограниченны — оказывается, все дѣло заключалось въ заинтересованности англичанъ въ богатствахъ Туркестана).

* * *

16 декабря произошло первое свиданіе Колчака съ Жаненомъ. Послѣдній описываетъ его въ своемъ дневникѣ:

...„Колчакъ полагалъ, что его вступленіе во власть заставило державы отказаться отъ ихъ проекта относительно Нокса и меня. Радіотелеграмма непріятно вывела его изъ заблужденія. Онъ въ рѣзкой формѣ дѣлаетъ намъ разнообразныя и длинныя возраженія сантиментальнаго порядка. Смыслъ его власти въ военномъ дѣйствіи, и если бы главнокомандованіе отдѣлялось отъ власти диктаторской, послѣдняя утратила бы свою основу. (Общественное) мнѣніе не поняло бы ее и было бы оскорбительно. Армія питаетъ къ нему довѣріе, она утратила бы его, если бы ее передали въ руки Союзниковъ. Она создана и боролась безъ нихъ. Какъ объяснить теперь эти требованія, эту подмѣну? „Мнѣ нужны только сапоги, теплыя вещи и припасы. Если намъ въ нихъ отказываютъ, пусть оставятъ насъ въ покоѣ, мы сумѣемъ снабдить себя сами, взять у врага. Это гражданская война, а не военная; иностранецъ не былъ бы способенъ ею руководить. Чтобы послѣ удачи правительство стало прочно, надо чтобы во время борьбы командованіе было русскимъ“ (227) *).

На другой день происходило новое свиданіе.

„Передъ этимъ мы окольнымъ путемъ узнали, что собирался совѣтъ министровъ, гдѣ высказывалось мнѣніе прямо отказаться отъ нашей помощи... Постановили, что адм. Колчакъ, въ качествѣ верховнаго правителя, естественно является верховнымъ вождемъ русскихъ силъ, что я являюсь таковымъ для силъ союзниковъ, что адмиралъ можетъ меня уполномо-

*) Тутъ Жаненъ скажетъ о ксенофобіи русскихъ, а Рукероль о ихъ германофильствѣ — и даже хуже: о продажности нѣкоторыхъ министровъ и генераловъ нѣмцамъ (57).

чить замѣнить его на фронтѣ и быть его помощникомъ"... (228)*)

Ген. Ноксъ въ своей критикѣ дневника Жанена отмѣчаетъ наивность идеи поручить иностранцу общее командованіе въ Сибири:

„Первоначально была мысль поручить ген. Жанену командованіе всѣми войсками — русскими и союзнымы — въ Сибири. Между тѣмъ даже въ началѣ, что вполнѣ естественно, не было ни малѣйшихъ шансовъ, что русскіе, увлеченные войной за освобожденіе земли своей, согласятся возглавить иностранцемъ свою армію. Тотъ фактъ, что они совершенно отказались участвовать въ этихъ планахъ, задѣлъ самолюбіе генерала"... (M. Sl., 25, IV. 20).

Жаненъ возражаетъ, что онъ никогда и не желалъ подобнаго командованія и что при послѣдовавшемъ объѣздѣ фронта убѣдился въ опасности для престижа Франціи непосредственнаго командованія гнилымъ организмомъ (Ib. 21)**). Однако раздраженность чувствуется въ каждомъ словѣ записи Жанена и, вѣроятно, она объясняется не только эксцансивными манерами Колчака, которыя шокировали „эфектнаго французскаго генерала" (Гинсъ)***). По словамъ Гинса, по пріѣздѣ въ Омскъ Жаненъ былъ тароватъ на обѣщанія — черезъ

*) Въ засѣданіи, гдѣ рѣшался вопросъ о компетенціи Жанена, принялъ участіе и Сыровой; при его помощи удалось найти компромиссное рѣшеніе.

**) Поэтому Жаненъ не настаивалъ на предоствленіи ему активной роли и „присоединился" къ мнѣнію русскихъ генераловъ (телеграмма Маклакова). Конечно, слова Рукероля, что будто бы самъ Колчакъ предложилъ ему командованіе, отъ котораго отказался Жаненъ, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Это молва, шедшая изъ нѣдръ французской миссіи и заставившая злостно информированнаго Болдырева записать: „въ этомъ, (т. е. въ томъ, что русскіе войска противъ русскихъ же войскъ будутъ вести иностранные полководцы) мы, дѣйствительно, въ корнѣ разошлись съ Колчакомъ" (174).

**) Многое шокировало въ тогдашнемъ русскомъ обиходѣ Жанена. Напр,, онъ записалъ въ своемъ дневникѣ (14—17 декабря), что проф. Ключниковъ поразилъ его красными руками, торчавшими изъ слишкомъ короткихъ рукавовъ.

15 дней совѣтская Россія будетъ окружена (I, 302)*). Отъ такого увлеченія Жаненъ долженъ былъ быстро излечиться. По мѣткому слову Дюбарбье, въ сущности, Женеиъ былъ только начальникомъ чехо-словацкихъ войскъ, которыя не хотѣли больше сражаться на русскомъ фронтѣ (123). Въ этомъ Жаненъ, конечно, не былъ виноватъ. И, можетъ быть, его нельзя обвинять въ томъ, что онъ не сумѣлъ дисциплинировать подчиненные ему войска — разнородный конгломератъ изъ всѣхъ народовъ. Ноксъ такъ формулировалъ свое заключеніе по поводу обвинительнаго акта Жанена: „Много факторовъ привели къ заключительной сибирской трагедіи. Можетъ быть, среди нихъ слѣдуетъ указать на тотъ фактъ, естественно замолченный въ дневникѣ, что французскій генералъ былъ неспособенъ дисциплинировать, какъ бы слѣдовало, союзническія части, находившіяся подъ его командой".

Немногіе имѣютъ мужество, отбрасывая самолюбіе, признаваться въ своемъ безсиліи, и, къ сожалѣнію, французскій авторъ сибирскаго „дневника" все время становится въ ненужную позу. Въ Сибири онъ склоненъ былъ признавать свое полное безсиліе въ отношеніи чеховъ (бесѣда съ ген. Иностранцевымъ). Въ мемуарахъ онъ подчеркиваетъ, что чехи всегда выполняли его приказанія — единственный случай неподчиненія приказу было нежеланіе 6-го чешскаго полка эвакуироваться изъ Омска до выѣзда оттуда самого Жанена (M. Sl. 25, IV, 23)**). Только наивное впечатлѣніе производитъ его историческій экскурсъ о Барклаѣ де Толли, роли котораго въ

*) Гинсу кажется поэтому даже ошибкой отстраненіе Жанена (II, 83). Жаненъ велъ переговоры съ Японіей о посылкѣ войскъ на восточный фронъ. Японія отказалась. Вѣроятно, этотъ отказъ былъ связанъ съ нежеланіемъ Колчака согласиться на присылку нѣсколькихъ японскихъ полковъ для гарнизонной службы въ Омскъ. По словамъ Сукина, это предложеніе было сдѣлано въ первые дни послѣ переворота.

**) Зная обстановку, пожалуй, скорѣе придется согласиться съ отзывомъ Будберга: чехи слушаются Жанена, когда имъ удобно (XIV, 273).

Отечественной войнѣ онъ косвенно уподобляетъ свою роль въ Сибири (III, 342). Русскіе искони отличались, въ силу своей ксенофобіи, неблагодарностью къ иностранцамъ (Ib. 349).

Но за что требуетъ къ себѣ благодарности ген. Жаненъ? За его донесенія, дискредитировавшія верховнаго правителя? (Дюбарбье, 127). За его позднѣйшее раскаяніе въ томъ, что онъ не поддался искушенію произвести переворотъ?

„Хотя мое поведеніе и согласовалось съ полученными инструкціями — пишетъ Жаненъ — я раскаиваюсь, что косвенно поддерживалъ правительство, ошибки и преступленія котораго видѣлъ, паденіе котораго предвидѣлъ; раскаиваюсь и въ томъ, что устранилъ мысль о его ликвидаціи, которая была бы нетрудна. Драгомировъ правъ: „Солдатъ долженъ умѣть ослушиваться“... (24, XII, 239).

Дюбарбье пытается всѣ первые успѣхи приписать Жанену. Но мемуаристъ безнадежно путаетъ: иниціативѣ Жанена приписывается имъ реорганизація арміи и взятіе Уфы (88) — въ то время, какъ Жаненъ самъ говоритъ, что чехи покинули фронтъ по его предписанію*). Мы знаемъ, что и здѣсь нужна поправка: Жанену и Штефанеку пришлось только санкціонировать совершившійся фактъ.

Веселый, жизнерадостный и обходительный французскій генералъ, (вѣроятно, искренній „другъ Россіи“) не обладавшій большой волей, — такова характеристика одного заслуженнаго русскаго генерала, имѣвшаго въ Сибири непосредственныя отношенія съ французскимъ

*) „Я не могъ 50000 оставлять для защиты интересовъ спекулянтовъ и реакціонеровъ“ (IV, 23). Характерно, что въ первый періодъ пребыванія въ Сибири, во французской военной миссіи — по отзыву прикомандированнаго русскаго представителя штаба — господствовало мнѣніе, что спасти положеніе можетъ только установленіе военной диктатуры (докладъ 12 авг.). Слѣдовательно, „окруженію Колчака“ не приходилось особенно пугаться либерализма французовъ (Рукероль, 117).

командованіемъ — повидимому, не очень склоненъ былъ входить въ medioeres *). Не очень онъ разбирался и въ сибирской обстановкѣ, о которой судитъ подчасъ съ излишней категоричностью. Нельзя же серьезно обвинять Колчака въ томъ, что онъ отвергъ, будучи въ состояніи невмѣняемости, предложеніе кооператоровъ 12 декабря дать 40 т. добровольцевъ и 300 мил. рублей: Колчакъ де ихъ выгналъ (III, 355). Такого фантастическаго предложенія, конечно, вообще не было, да и не могло быть. Очевидно, до Жанена дошли слухи о томъ обращеніи Сазонова, въ которомъ онъ призывалъ сибиряковъ итти въ добровольцы („Св. Кр." № 368).

Съ Жаненомъ мы встрѣтимся еще въ самый трагическій моментъ въ жизни Колчака, и здѣсь трудно будетъ отмѣтить какія нибудь положительныя черты дѣятельности миссіи ген. Жанена.

* * *

Совсѣмъ иной характеръ носила дѣятельность ген. Нокса. Онъ искренне помогалъ правительству. Въ моментъ неудачъ и у него подчасъ опускались руки. Будбергъ 29 іюля записываетъ по поводу совѣщанія съ союзниками:

„Со стороны союзниковъ прибыли Элліотъ, Морисъ, графъ Мартель и Моцусима; генералы Ноксъ, Греве, Жаненъ и Такаянаги; мы сидѣли въ очень жалкомъ положеніи бѣдныхъ родственниковъ персидской категоріи, ожидающихъ рѣшенія своей участи.

Ноксъ высказался очень рѣзко, что, собственно говоря, намъ не стоитъ помогать, такъ какъ у насъ нѣтъ никакой организаціи и большая часть оказываемой намъ матеріальной помощи дѣлается въ концѣ концовъ достояніемъ красныхъ. Ноксъ очень обиженъ,

*) Будбергъ жалуется на невнимательность Жанена въ серьезныхъ бесѣдахъ, на отсутствіе отвѣтовъ на жалобы и т. д. (XIV, 274, XV, 302).

что послѣ разгрома Каппелевскаго корпуса, одѣтаго въ новое съ иголочки англійское обмундированіе и снаряженіе, перешедшее къ краснымъ, тупоумные омскіе зубоскалы стали называть его интендантомъ красной арміи и сочинили пасквильную грамоту на его имя отъ Троцкаго съ благодарностью за хорошее снабженіе.

Сукинъ очень сдержанно, но съ достоинствомъ отвѣтилъ Ноксу, что, конечно, это дѣло союзниковъ рѣшать, стоитъ ли намъ помогать, но данное совѣщаніе собрано не для этого, а съ опредѣленной цѣлью получить отъ насъ опредѣленныя свѣдѣнія, что намъ нужно для продолженія борьбы по возстановленію русской государственности, и мы готовы дать эти свѣдѣнія...

Насъ выслушали и заявили, что высокія комиссары разсмотрятъ наши заявленія. Вернулся домой взбѣшенный: все болѣе и болѣе начинаю вѣрить, что насъ нарочно водятъ за носъ и кормятъ завтраками.

Съ нами все бесѣдуютъ и насъ изучаютъ, а черезъ $1^1/_2$ мѣсяца зима и у насъ нѣтъ ничего суконнаго; мы все надѣялись на заморскихъ дядюшекъ, заливавшихъ насъ обѣщаніями, и теперь близко къ тому, чтобы очутиться въ самомъ скверномъ положеніи“ (XIV, 334—35).

Позже Ноксъ, отвѣчая въ печати на нападки въ сторону союзниковъ, подводилъ итоги размѣровъ помощи, оказанной Великобританіей:

„Англійскіе офицеры,—сказалъ генералъ,—помогли и продолжаютъ помогать при обученіи болѣе 1500 молодыхъ русскихъ офицеровъ и такого же количества унтеръ-офицеровъ. Далѣе, наша помощь выражалась въ посылкѣ громаднаго количества военнаго матеріала въ Сибирь, хотя это количество меньше того, которымъ Великобританія снабдила Деникина. Мы доставили въ Сибирь сотни тысячъ винтовокъ, сотни милліоновъ патроновъ, сотни орудій и тысячи пулеметовъ, нѣсколько сотъ тысячъ комплектовъ обмундированія и снаряженія и т. д. Каждый патронъ, выстрѣленный русскимъ солдатомъ въ теченіе этого года въ большевиковъ, сдѣланъ въ Англіи, англій-

скими рабочими, изъ англійскаго матеріала, доставленнаго во Владивостокъ англійскими пароходами. Мы сдѣлали, что могли. Нѣкоторые русскіе говорятъ намъ откровенно, что эта помощь недостаточна, и что мы должны прислать еще большую армію. Кто винитъ Великобританію въ непосылкѣ войскъ, тотъ забываетъ, что Великобританія — свободная демократія, и Правительство не можетъ отправлять войска въ другія страны безъ согласія народа" *) (Гинсъ, II, 385).

Ноксъ придавалъ большое значеніе формированію молодого офицерства въ Сибири; онъ былъ правъ, такъ какъ офицеровъ въ сибирской арміи было мало, и съ самаго начала иногда прапорщики командовали батальонами (Иностранцевъ) **). Ноксомъ была создана на Русскомъ островѣ во Владивостокѣ спеціально русско-англійская школа для подготовки молодыхъ офицеровъ и созданія „образцоваго корпуса" ***).

* * *

Между Ноксомъ и Жаненомъ уже тогда не было добрыхъ отношеній. Это отмѣчаютъ и мемуаристы (Уордъ, Легра) и сводки русской развѣдки. Какъ говоритъ, напр., сводка 19 іюня, Жанена раздражало „властное поведеніе" Нокса. Взаимоотношенія союниковъ были, вообще, довольно натянуты, и это, конечно, отражалось на реальномъ дѣлѣ, которое надлежало обслуживать.

---

*) Эти слова вызвали отвѣтъ руководимаго Устряловымъ к. д. „Русскаго Дѣла", гдѣ справедливо подчеркивалось шатаніе союзниковъ въ русскомъ дѣлѣ и указывалось на постоянное третированіе національнаго чувства.

**) Въ Сибири по винѣ Иванова-Ринова была сдѣлана ошибка, общая почти всему „бѣлому" движенію, — декларировано было отрицательное отношеніе къ мобилизованному офицерству въ красной арміи. Психологически понятная, но тактически вредная позиція. 28 мая Колчакъ обратился съ воззваніемъ къ офицерамъ и солдатамъ красной арміи: „пусть всѣ, у кого бьется русское сердце, идетъ къ намъ безъ страха, такъ какъ не наказаніе ждетъ его, а братское объятіе и привѣтъ" („Руск. Ар." № 118).

***) Во главѣ школы былъ поставленъ ген. Сахаровъ. О дѣятельности ея въ воспоминаніяхъ Сахарова „Бѣлая Сибирь" 59—63.

На примѣрѣ американцевъ въ Сибири можно отчетливо увидать ненормальныя формы, въ которыя выливалась „интервенція“. Послѣ долгихъ колебаній она была принята въ Америкѣ. Тѣмъ не менѣе „общественное мнѣніе“ страны продолжало недоумѣвать, почему „русская интеллигенція ведетъ борьбу съ такой передовой партіей, какъ большевики“, — такъ говорилъ Вологодскому владивостокскій корреспондентъ американской газеты. Эта неопредѣленность общественнаго мнѣнія, можетъ быть, и ведетъ къ тому, что американская акція въ Сибири на первыхъ порахъ пріобрѣтаетъ своеобразный характеръ. Всѣ безъ исключенія источники въ этомъ согласны. Вотъ запись „опальнаго“ Болдырева во Владивостокѣ 16 декабря:

„Теперь мнѣ до нѣкоторой степени понятенъ отказъ американцевъ отъ посылки ихъ войскъ на фронты: въ ихъ ротахъ до 40 человѣкъ въ каждой, — русскіе эмигранты, которые и въ эмиграціи остались русскими и, видимо, довольно благосклонно слушающими проповѣдь большевизма. Были случаи разныхъ столкновеній съ офицерами. Кромѣ того, американскіе солдаты сильно пьютъ. При низкомъ курсѣ русскихъ денегъ они настоящіе крезы, получая чуть ли не по 80 долларовъ (болѣе 170 руб.) въ мѣсяцъ.

И американцы принужденны осмотрительно выбирать свои войска для посылки на западъ Сибири!

Ихъ солдаты и матросы, угостившіеся русской водкой, уже поютъ: Iam a bolshevik, to hell“... (я большевикъ, къ черту)... и т. д. Тяжелое положеніе можетъ получиться въ случаѣ ухода иностранцевъ, особенно японцевъ; тогда большевизмъ неизбѣженъ“ (126).

Непосредственный Уордъ готовъ уже прямо сказать, что американцы поддерживаютъ большевиковъ (155—157). Въ Сучанѣ, въ Уссурійскомъ краѣ, гдѣ американцы охраняли желѣзнодорожный путь „по соглашенію“, происходитъ „братанье“ американскихъ солдатъ

съ противниками. Сучанскій округъ объявляется даже „нейтральной зоной".

„Американцы продолжаютъ поддерживать большевицкую агитацію въ Приморской области и въ Забайкальѣ" — утверждаетъ октябрьскій военно-политическій обзоръ ген.-квартирмейстера при верховномъ главнокомандующемъ („П. Дн.", 103). Отмѣчаютъ это сочувствіе большевизму и сами большевики. Такъ въ Хабаровскѣ коммунисты связываются съ „передовыми ребятами американскаго отряда интервенціонныхъ войскъ" („Центросибирцы", 83). О сучанскомъ округѣ мѣстные антиколчаковскіе партизанскіе дѣятели разсказываютъ: „Среди американскихъ солдатъ были эмигранты изъ царской Россіи. Намъ удалось установить съ американцами смычку въ томъ смыслѣ, что мы имѣли возможность понемногу получать патроны и даже шелъ сговоръ о доставкѣ намъ винтовокъ, револьверовъ, бомбъ и, наконецъ, пулеметовъ*)... У партизанъ кое-гдѣ появились американскія винтовки и револьверы системы Кольта... Рудничный профкомъ рабочихъ-шахтеровъ, съ которыми тѣсно былъ связанъ Ревштабъ, однажды использовалъ эти дружественныя отношенія такъ, что, получивъ два вагона подарковъ... передалъ ихъ въ распоряженіе Ревштаба..." Это „незаконное сожительство" и добрососѣдскія отношенія американскаго командованія съ ревштабомъ приводили къ „договорамъ" съ партизанами и содѣйствовали ихъ усиленію и дезорганизаціи колчаковскаго тыла**).

Естественно, что Колчакъ поднималъ вопросъ объ удаленіи американскихъ войскъ еще въ апрѣлѣ 19 г., а Су-

---

*) Легкій сговоръ авторъ объясняетъ тѣмъ, что американцы оказались большими любителями самогона (суля). Андрушкевичъ отмѣчаетъ, что „въ мѣстахъ расположенія американскихъ войскъ былъ сплошной разгулъ и днемъ и ночью" („Б. Д.", IV, 142).

**) Ильюховъ и Титовъ „Партизанское движеніе въ Приморьѣ", 1928. 113—115.

кинъ, сторонникъ американцевъ, сообщаетъ Сазонову, что „отозваніе американскихъ войскъ является единственнымъ средствомъ для сохраненія дружественныхъ отношеній съ Соединенными Штатами". (Субботовскій, 103).

Излишняя нейтральность и лойяльность американскихъ отрядовъ къ большевизму привели къ хорошему уроку, данному имъ большевиками въ Приморской области. Партизанскіе отряды, руководимые энергичнымъ коммунистомъ Лазо, рѣшили поскорѣе спѣть „Лебединую пѣснь" дружественныхъ отношеній съ интервентами, такъ какъ продолжающаяся чрезмѣрно долго передышка притупляла „остроту революціонныхъ устремленій". Они захотѣли „дать битву" интервентамъ, спокойно жившимъ въ „нейтральной зонѣ". Въ первое же неожиданное столкновеніе 24 іюня выбыло изъ строя 50 американскихъ солдатъ (убитыхъ)*). Тогда — говоритъ обзоръ штаба — американцы совмѣстно съ русскимъ отрядомъ стали очищать отъ коммунистовъ Приморскую область. Съ другой стороны, боязнь расширенія связи Японіи съ дальневосточными атаманами побуждаетъ Соединенные Штаты занять болѣе опредѣленную позицію въ отношеніи омскаго правительства. Съ прибытіемъ въ іюлѣ посла Морриса начинаются переговоры съ Америкой о признаніи и финансовой и желѣзнодорожной помощи въ случаѣ ухода чеховъ (Субботовскій, 121). Но отношенія все-таки не налаживались, какъ видно хотя бы изъ сентябрьской записи Пепеляева: „Поведеніе Америки возмутительно. Она предъявила намъ требованіе убрать Семенова, Калмыкова. Ген. Гревсъ (командовалъ американскими отрядами на Д. В.), задержалъ направленное намъ оружіе, за которое заплачено золотомъ" **).

*) Изъ разсказа Ильюхова и Титова съ очевидностью явствуетъ фантастичность утвержденія Парфенова, что спровоцировали американцевъ переодѣтые крестьянами „калмыковцы".

**) Ненормальный характеръ носила въ Сибири и дѣятельность американскаго Союза христіанской молодежи, противъ внѣдренія ко-

* * *

Чехи, французы, итальянцы, румыны находились подъ общимъ командованіемъ ген. Жанена. Всѣ славяне съ пріѣздомъ женевской миссіи стали организовывать свои „національныя части". Жаненъ считалъ подчиненными себѣ и латышей и эстонцевъ *). Эти „національныя части" не очень склонны были сражаться за Россію. Поляковъ мало трогаетъ — свидѣтельствуетъ Кэнэ, авторъ мемуаровъ въ „Monde Slave" подъ заголовкомъ „L'ariére Sibérien" (1926) — аргументъ, что, сражаясь противъ большевиковъ, они сражаются противъ общаго врага. Въ польскую армію они идутъ для того, чтобы избѣжать русской мобилизаціи (XI, 332) **). Получался нонсенсъ. Командующій союзными войсками не считалъ себя вправѣ двигать на фронтъ національныя войска безъ разрѣшенія національныхъ правительствъ; а что могло сказать польское правительство, которое, по характеристикѣ Масарика, было рѣшительнымъ противникомъ интервенціи, въ виду того, что усиленіе Россіи могло только воспрепятствовать компенсаціонной политикѣ Варшавы, стремившейся захватить Литву, Бѣлоруссію и часть Украины (II, 53) ***).

Русская общественность съ теплымъ чувствомъ должна вспомнить попытку соорганизоваться въ Сибири для помощи Россіи со стороны юго-славянъ. Съ

тораго „всѣми силами" протестовалъ еще Болдыревъ (75). И офицеры британской миссіи, и сводка ген.-кварт. отмѣчаютъ вредную иногда большевицкую пропаганду этой организаціи (сводка 10 іюля). У ген. Сахарова приведены поразительные примѣры „развлеченій", организуемыхъ У. М. С. А., дѣйствительно глубоко оскорбительныхъ для русскаго національнаго чувства (63). Показанія Сахарова подтверждаются разсказами и другихъ саидѣтелей.

*) По словамъ Сукина Жаненъ упорно причислялъ къ иностранцамъ и украинцевъ.

**) Такова же, по словамъ автора, психологія румынъ и латышей.

***) Однако 19 августа „Сиб. Рѣчь" (№ 180) отмѣчаетъ участіе польскихъ войскъ въ дѣйствіяхъ противъ большевиковъ. Осенью польскіе отряды, какъ и румынскіе почти всюду выступаютъ активно.

этой цѣлью 9 декабря былъ созванъ въ Томскѣ спеціальный съѣздъ, на который не явились только представители юго-славянскаго полка, состоявшаго въ частяхъ чехо-словацкой арміи („Пр. Вѣст." № 32)*).

На съѣздѣ была произнесена рѣчь о „великой, сильной Россіи, которая поддержитъ всеславянскую федерацію, начало которой положило объединеніе Юго-Славіи" („От. Вѣд." № 35). Но значительны были не эти слова. Значительна была декларація и протестъ противъ недопущенія на мирную конференцію представителей Россіи, „нашей старшей сестры и исконней защитницы славянства". „Великая, ничѣмъ не заслуженная обида — гласила декларація — нанесена Россіи и въ ея лицѣ всему славянству". Декларація говорила о „подвижнической борьбѣ лучшей части русскаго народа" („Н. Заря" № 39).

Предложили свои услуги и карпатороссы. Въ сентябрѣ ихъ отправили на фронтъ, и здѣсь они были захвачены въ плѣнъ**).

* * *

Всѣ войска, находившіяся подъ командой ген. Жанена, никакого реальнаго боевого значенія въ дѣлѣ борьбы съ большевиками въ періодъ „диктатуры" адмирала Колчака не имѣли. „Когда русскіе офицеры — пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Уордъ — прочли въ январскихъ англійскихъ газетахъ о томъ, какъ чехи, итальянцы, французы и союзныя войска нанесли пора-

*) Эскадроны этого полка, находившіеся въ Красноярскѣ, подверглись обшему тамъ разложенію. Отмѣчено, что они снабжали красныхъ патронами („Пар. Дв." 85).

**) Будбергъ эту мобилизацію, съ очевиднымъ преувеличеніемъ (ср. у Гинса II, 380), изображаетъ, какъ насильственную. По его словамъ, она вызвала большое озлобленіе, и карпатороссы заранѣе говорили, что сдадутся краснымъ. „Въ результатѣ новая глупость и новый вредъ; до сихъ поръ у насъ былъ добровольческій карпаторусскій батальонъ очень хорошаго состава... теперь эта надежная и прочная горсточка растворена въ массѣ насильно согнанныхъ и нехотящихъ воевать людей" (XV, 300).

женіе большевикамъ при взятіи Перми, это вызвало на ихъ лицѣ только саркастическую улыбку. Ни одинъ, ни чешскій, ни итальянскій, ни французскій, ни вообще какой-нибудь союзный солдатъ не дали ни одного выстрѣла*), послѣ того, какъ адм. Колчакъ принялъ на себя высшее командованіе. Необходимо отмѣтить только одно исключеніе. Броневые поѣзда съ корабля „Суффолькъ“ подъ командой кап. В. Муррея „продолжали сражаться на уфимскомъ фронтѣ до января 1919 г.“ (130). Между тѣмъ, когда вы читаете иностранныхъ мемуаристовъ, въ большинствѣ случаевъ они поражаютъ васъ своей претенціозностью. И легко себѣ представить, что эта претенціозность въ жизни должна была раздражающимъ образомъ дѣйствовать на непосредственныхъ ея наблюдателей. Подчасъ мемуары становятся какимъ-то обвинительнымъ актомъ некультурной и развращенной странѣ. Къ большей культурѣ предъявляются и большія требованія. Между тѣмъ, нетрудно было бы составить контръ-обвиненіе — чего стоитъ, напр., одно закрытіе владивостокскаго „Голоса Приамурья“ за статью „Янки“, которая не понравилась демократическимъ американцамъ, и арестъ редактора начальникомъ международной милиціи („Сиб. Рѣчь“, № 203; телеграмма Сукина Сазонову у Субботовскаго, 125).

И росла не ксенофобія, о которой говорятъ Жаненъ, Рукероль и другіе мемуаристы, а обостренное національное чувство и дѣйствительное разочарованіе въ помощи союзниковъ. Общественные круги въ Сибири остро ощущали заинтересованность союзниковъ въ „интервенціи“ (Дюбарбье, 124). Помощь и съ матеріальной стороны не была такъ уже жертвенна. Можетъ быть потому, что здѣсь правительствамъ постоянно приходилось считаться съ „парламентскими выпадами“ (письмо Маклакова 25 іюля). При недостаточной помощи раздра-

*) Это вѣрно, поскольо рѣчь идетъ о внѣшнемъ фронтѣ.

жали и претензіи, которыя казались необоснованными: напр., выработанный Соед. Шт. и Японіей проектъ международнаго контроля надъ желѣзной дорогой — „единственной линіей сообщенія съ посланными въ Сибирь войсками“. Допускавшій цѣлесообразность такого контроля кн. Кудашевъ писалъ изъ Пекина 14 февраля (19г.): „всякое оправданіе такого контроля отпадаетъ, если интервенція прекратится или останется въ настоящемъ неопредѣленномъ видѣ“ („К. Арх.“ XXXVIII, 93).

За обостреніе національнаго чувства въ періодъ трагедіи, которую переживала Россія, судить нельзя*). Насколько было обострено это чувство въ первые уже мѣсяцы „интервенціи“, видно изъ разсказа Болдырева о томъ шумномъ успѣхѣ, который вызвала его рѣчь на банкетѣ въ Челябинскѣ 5 октября, когда онъ высказалъ то, что „хотѣлось сказать многимъ“ въ отвѣтъ на „заносчивость“ въ рѣчахъ союзныхъ представителей. „Я сказалъ имъ“ — говоритъ Болдыревъ —

„...пока всѣ, гости и хозяева, восхищенные парадомъ, шли сюда, я, по старой командирской привычкѣ, поѣхалъ посмотрѣть солдата въ его будничной, казарменной обстановкѣ. И мнѣ стало стыдно и больно за русскаго солдата: онъ дома босъ, оборванъ, живетъ въ убогой обстановкѣ, стѣсненъ... Больно, особенно потому, что, несмотря на все, въ лицѣ солдата я увидѣлъ то же выраженіе готовности къ жертвѣ, съ которымъ онъ шелъ въ Восточную Пруссію спасать отъ смертельнаго нажима Францію, съ которымъ взбирался на обледенѣлые Карпаты, чтобы братски выручить Италію; увидѣлъ то же выраженіе, съ которымъ онъ, почти безоружный, лѣзъ на проволоку, чтобы обезпечить временную передышку дерущимся

*) Обывательскіе круги готовы были реагировать на пустяки и тѣмъ давать поводъ говорить о ксенофобіи. Можно отмѣтить немало инцидентовъ въ Сибири аналогичныхъ тому, о которомъ разсказывала 8 февр. „Мысль“ (№ 13) въ Харбинѣ. Во время оперетки въ желѣзнодор. собраніи въ куплетахъ мѣстный артистъ прошелся насчетъ интервенціи союзниковъ. Иностранцы его освистали. Публика стала неистово аплодировать. Инцидентъ чуть не перешелъ въ скандалъ.

на западѣ союзникамъ. Русскій солдатъ стоитъ иного вниманія, чѣмъ то, которое звучало въ рѣчахъ говорившихъ здѣсь ораторовъ. Не милости проситъ онъ, а требуетъ того широкаго, безотговорочнаго содѣйствія, на которое даютъ ему право, пролитая имъ кровь и всѣ затраченные имъ для общесоюзнаго дѣла усилія"... (65)

Болѣзненное чувство всегда отзывчиво на слова. Въ томъ же Челябинскѣ бурную овацію дѣлаютъ Пишону, вспомнившему роль Россіи въ началѣ міровой войны (Болдыревъ, 117).

4. Планъ кампаніи.

„Незадачливые диктаторы держатся лишь силою иностранныхъ штыковъ" — говорилъ Керенскій въ лондонскомъ докладѣ Комитету англійской рабочей партіи 2 января 1920 г.*) Власть адмирала Колчака держалась только русскими силами. Исключительно русскія войска были на антибольшевицкомъ фронтѣ. Успѣхъ, которымъ отмѣчены первые мѣсяцы, показываетъ, что омскій переворотъ самъ по себѣ не отразился на фронтѣ. 23 декабря войсками ген. Пепеляева была взята Пермь при крайне тяжелыхъ условіяхъ продвиженія по глубокому снѣгу, при большихъ морозахъ. „Суворовскій походъ", — сказалъ Андогскій. Двигаясь впередъ, первая армія къ апрѣлю очищаетъ отъ большевиковъ правый берегъ Камы. Вторая армія 14 марта возвращаетъ Уфу и быстро продвигается на Волгу.

Въ февралѣ верховный правитель предпринимаетъ большую поѣзду по фронту и посѣщаетъ передовыя позиціи отъ Троицка до Перми. Это были для него дни тріумфа. „Повсюду, гдѣ проѣзжалъ верховный правитель, — разсказываетъ Гинсъ — ему подносили хлѣбъ-соль и адреса, засыпанные подписями. Подносили рабочіе, крестьяне, купцы, духовенство. Всѣ выражали во-

*) Сборникъ статей „Издалека", 136.

сторгъ по поводу избавленія отъ страшнаго ига и въ самыхъ искренныхъ и теплыхъ выраженіяхъ благодарили за спасеніе" (125). Доброжелательное отношеніе встрѣчалъ Колчакъ у пермскихъ и злотоустинскихъ рабочихъ („они не измѣнили правительству до конца" — замѣчаетъ Гинсъ). Въ установленіи этого факта нѣтъ преувеличеній со стороны оффиціальныхъ и оффиціозныхъ хвалителей власти. Такъ секретная сводка контръразвѣдки главнаго штаба за мартъ, отмѣчая враждебное или настороженное отношеніе рабочихъ въ рядѣ мѣстъ въ Сибири, особо указываетъ, что въ Златоустѣ „рабочіе въ большинствѣ стоятъ на сторонѣ Учр. Собр. и настроены въ духѣ правыхъ эс-эровъ, но къ существующей власти относятся довольно доброжелательно, особенно послѣ посѣщенія Златоуста Верховнымъ правителемъ" („Пар. Дн." 165)*). Позже, 26 мая, 46 уполномоченныхъ общества потребителей рабочихъ и служащихъ пермской ж. д. самостоятельно выражали „чувство глубокой благодарности освободителямъ" („С. Р." № 110).

Наступленіе арміи производило впечатлѣніе не только въ Сибири. Оно отразилось во всей Россіи. Большія надежды возбудило оно на югѣ. Для единства дѣйстія и увеличенія авторитета россійской власти А. И. Деникинъ 30 мая подчинилъ себя верховному правителю, при чемъ, съ своей стороны, адмиралъ назначилъ его своимъ преемникомъ**). Въ Москвѣ считали дѣло коммунистовъ тоже проиграннымъ***).

---

*) По настоянію адмирала, рабочимъ было прибавлено отъ 25—40%. Благодаря этому — добавляетъ сводка — „у большевицкихъ агитаторовъ ушла благодатная почва изъ подъ ногъ, а сторонники существующаго правопорядка получили возможность реальными аргументами бить противниковъ".

**) Любопытно, что японскій оффиціозъ считаетъ нецѣлесообразнымъ подчиненіе Деникина Колчаку (Болдыревъ, 245).

***) Случайно въ дни наступленія мнѣ пришлось имѣть въ Москвѣ бесѣду въ интимной обстановкѣ съ извѣстнымъ швейцарскимъ коммунистомъ Платтеномъ, который постоянно бывалъ въ Кремлѣ и лично у Ленина. Онъ былъ достаточно освѣдомленъ о настроеніи верховъ. Онъ былъ убѣжденъ, что Колчакъ побѣдитъ и сокрушался о

...Въ іюнѣ начались неудачи. Въ чемъ причины? Незнакомство „съ существомъ сухопутной войны“ адмирала, окружавшаго себя или бездарными полководцами или молодыми неопытными людьми? Непродуманность плана наступленія безграмотныхъ и честолюбивыхъ „вундеркиндовъ“ ставки, неудержимо двигавшихъ арміи отъ Урала къ Волгѣ и допустившихъ „хищническое расходованіе бѣдныхъ средствъ снабженія?“ Обнаружившаяся къ лѣту 19 г. реакціонная сущность правительства и въ связи съ этимъ развалъ тыла? Эти сужденія Будберга охотно принимаетъ Милюковъ въ своихъ оцѣнкахъ на страницахъ исторіи гражданской войны.

Контръ-развѣдка сибирская даетъ иное освѣщеніе, которое покажется необычайно убѣдительнымъ нѣкоторымъ большевицкимъ историкамъ*). Будбергъ записываетъ 2 іюля:

„Секретныя донесенія съ фронта сообщаютъ нѣчто, что съ перваго взгляда можетъ показаться совершенно невѣроятнымъ, а именно, что одной изъ причинъ поворота военнаго счастья въ пользу красныхъ была девальвація керенокъ, такъ какъ однимъ изъ импульсовъ наступленія была возможность добывать при успѣхахъ керенки пудами по вѣсу и сотнями тысячъ по цѣнности; съ ихъ девальваціей исчезла возможность получить реальное дополненіе къ невѣсомому успѣху, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезъ и наступательный порывъ.

Мнѣ думается, что это басня, рожденная острымъ неудовольствіемъ противъ этой идіотской реформы, кѣмъ то выдуманная и быстро подхваченная, всюду разползшаяся и сдѣлавшаяся какъ бы несомнѣнной; все, что выдумывается въ пику и въ ущемленіе сидящаго сзади тыла, этого стозѣвнаго, лающаго и доставля-

томъ, что народная масса въ Россіи, имѣя столь прекрасныхъ вождей пролетаріата, не подготовлена къ прогрессу. Въ Швейцаріи онъ видѣлъ противоположенное — готовую массу и отсутствіе вождей. Я могъ высказать только преждевременную радость, что „вожди“ скоро смогутъ отправиться въ Швейцарію.

*) Напр., Анишеву: „кулацкіе парни“ шли при мобилизаціи въ армію для того, чтобы грабить болшевиковъ.

ющаго столько непріятностей чудовища, воспринимается и усвояется очень быстро и охотно" (XIV, 307).

Нельзя всетаки чрезмѣрно опошлять русскій народъ. Борьба на фронтѣ въ большинствѣ случаевъ шла не за страхъ, а за совѣсть. Въ этомъ отношеніи характерны солдатскія письма. „Иногда слышимъ — пишетъ „стрѣлокъ" изъ Челябинска въ іюлѣ — что война идетъ за власть, за погоны офицеровъ, за деньги буржуазіи... За погоны и за деньги голову подставлять едва ли кто согласится". „Подумайте сами, за что... воюютъ рабочіе златоустинскіе, ижевскіе, рабочіе пермскіе"... Фронтъ заражаетъ своимъ настроеніемъ. На немъ исчезаетъ мрачное настроеніе, которое проскальзываетъ въ письмахъ солдатъ, пришедшихъ изъ тыла. Тотъ „душокъ", который отмѣчалъ намъ пепеляевскій офицеръ въ „Пришимьѣ" (Курганъ) у сибиряковъ, на собственномъ опытѣ не познавшихъ большевиковъ, исчезаетъ послѣ бесѣдъ съ крестьянами фронтовыхъ деревень. Поэтому такъ крѣпки зауральцы. Они отстаиваютъ свой край. Освобожденіе страны — справедливо замѣчаетъ ген. Сахаровъ (74)—для нихъ прежде всего освобожденіе собственныхъ очаговъ, своихъ близкихъ, своей земли. Лозунгъ, понятный для массъ. Поэтому такъ легко обростаетъ пепеляевская армія добровольческими партизанскими крестьянскими отрядами — кап. Кирилловъ насчитываетъ ихъ подъ Пермью до 40 т. человѣкъ („В. Сиб." IV, 64). При добровольческой мобилизаціи въ Красноуфимскомъ и Златоустинскомъ уѣздахъ въ іюнѣ чуть ли не всѣ мужчины, способные носить оружіе, идутъ въ ополченіе („От. Вѣд." № 137). Здѣсь жертвенность неразрывно связана съ эгоизмомъ *).

Начальникъ большевицкой „желѣзной дивизіи" Гай,

*) По мнѣнію Будберга, начальники разныхъ войсковыхъ комбинацій, объявляя самостоятельно и безсистемно добровольческія мобилизаціи, злоупотребляли въ этомъ отношеніи. Но и строгій критикъ олженъ отмѣтить, что населеніе не реагировало противъ (XIV, 252).

долженъ признать, что „почти все мужское населеніе“ въ районѣ Уральска и Оренбурга (казаки и инородцы) мобилизовалось или уходило при приближеніи красныхъ („Первый ударъ по Колчаку“, 26).

„Басня“ контръ-развѣдки о роли „керенокъ“ должна быть отвергнута. Къ такимъ объясненіямъ и не прибѣгаютъ болѣе серьезные совѣтскіе военные историки, къ числу которыхъ, несомнѣнно, относится Какуринъ. Онъ видитъ главную причину поворота военнаго счастья не въ людяхъ, а въ томъ общемъ планѣ военныхъ дѣйствій, который былъ принятъ: „Мы считаемъ, что на всѣхъ операціяхъ колчаковскихъ армій роковымъ образомъ тяготѣла ошибка ихъ первоначальнаго развертыванія, когда второстепенное пермское операціонное направленіе было посчитано за главное“ (II, 238). „Поперли на Пермь и погубили всю операцію“ — записываетъ еще въ Харбинѣ 15 февраля Будбергъ (XIII, 286).

Кто повиненъ въ такой стратегической „ошибкѣ“? Милюковъ, безъ критики отнесшійся къ воспоминаніямъ Гайды, легко и безоговорочно нашелъ единственнаго виновника — это ставка Колчака и начальникъ штаба Лебедевъ. По воспоминаніямъ Гайды, Милюковъ разсказываетъ о совѣщаніи въ Челябинскѣ въ январѣ 19 г. „командировъ армій съ генералами ставки въ присутствіи Колчака съ его начальникомъ штаба ген. Лебедевымъ для обсужденія общаго плана военныхъ операцій“*). (128—29). „Планъ ставки“ заключался въ наступленіи на сѣверѣ по линіи Пермь—Вятка—Вологда**).

„Я былъ—говоритъ Гайда—„рѣшительно противъ

*) Разъ на этомъ совѣщаніи присутствовалъ Колчакъ, оно не могло быть раньше конца января. Между тѣмъ, послѣ болѣзни Колчакъ выѣхалъ на фронтъ 8 февраля.

**) Милюковъ дѣлаетъ, очевидно, невольную ошибку, когда начальниковъ штабовъ отдѣльныхъ армій (по словамъ Гайды, на совѣщаніяхъ присутствовали Дутовъ, Ханжинъ и Гайда со своими начальниками штабовъ) превращаетъ въ генераловъ Ставки, т. е. дѣлаетъ это совѣщаніе совѣщаніемъ Ставки лишь въ присутствіи командующихъ арміями. Этимъ вся иниціатива передается ген. Лебедеву.

этого, указывая на то, что походъ къ Вологдѣ растянетъ насъ по длинной сѣверной линіи и подвергнетъ опасности нашъ тылъ, такъ какъ большевики, сконцентрировавъ свои силы въ любомъ мѣстѣ, смогутъ отрѣзать всю мою армію отъ пути на Уралъ и Сибирь. Я пытался, вмѣстѣ съ ген. Дутовымъ, провести планъ наступленія лѣвымъ крыломъ фронта, т. е. южной арміей, чтобы соединиться съ арміей Деникина, который тогда былъ отъ насъ въ небольшомъ разстояніи, около 90 километровъ (?) *). Такимъ образомъ было бы достигнуто объединеніе фронтовъ. Ген. Лебедевъ горячо выступалъ противъ моего предложенія. Онъ говорилъ, что если мы соединимся съ ген. Деникинымъ, то возникнутъ споры о первенствѣ, которые поведутъ къ гибельнымъ послѣдствіямъ. (Тогда ген. Деникинъ еще не заявилъ о своемъ подчиненіи Колчаку). Поэтому мы должны идти на Москву. Того же мнѣнія были и всѣ другіе, кромѣ меня и Дутова. Адм. Колчакъ вмѣшался только въ концѣ спора: кто первымъ придетъ на Москву, тотъ будетъ господиномъ положенія. Это были его подлинныя слова. Меня поразили эти разсужденія — а еще болѣе то, что Колчакъ могъ пойти на честолюбивые планы своего начальника штаба. Это было новое проявленіе его слабости. Я началъ бояться вреднаго вліянія ген. Лебедева. Но, все же, долженъ былъ подчиниться рѣшенію большинства и приложить всѣ силы, чтобы приготовить свою армію къ его выполненію".

Сообщеніе Гайды подтверждается свидѣтельствомъ Будберга — добавляетъ Милюковъ. Обратимся къ подлиннику, который Милюковъ цитируетъ неточно.

11 мая Будбергъ записываетъ:

„Касаткинъ далъ мнѣ докладъ Ставки, составленный согласно рѣшенія совѣщанія высшихъ чиновъ Ставки, на которомъ всѣ высказались за преимуще-

*) Тѣ 90 километровъ, къ которымъ Милюковъ поставилъ вопросительный знакъ, надо отнести, конечно, къ области чистой фантазіи. Царицинъ былъ взятъ 17 іюня. Приморская линія Колчака къ февралю была Пермь—Уфа—Оренбургъ—Уральскъ (Деникинъ, III, 90). Своихъ курьеровъ съ января Деникинъ посылалъ черезъ Владивостокъ (IV, 89).

ства сѣвернаго направленія. Оказалось, что въ Ставкѣ (какъ говорятъ, со словъ Лебедева) не вѣрятъ въ силу и устойчивость арміи Деникина и считаютъ ее ненадежной; я лично никогда не повѣрю, чтобы южныя формированія были хуже нашихъ сибирскихъ.

Затѣмъ въ докладѣ указывается, что населеніе южныхъ губерній по нижнему теченію Волги тоже малонадежно, такъ какъ тамъ много рабочихъ и бродячей вольницы; жел. дороги Юга считаются также очень потрепанными и лишенными подвижнаго состава, что дѣлаетъ невозможнымъ базированіе на нихъ при общемъ наступленіи къ Москвѣ.

Казанско-Вятскій фронтъ ставочными стратегами оцѣнивается по той же схемѣ несравненно болѣе благопріятнымъ; считаютъ, что населеніе здѣсь крестьянское, болѣе спокойное и, какъ увѣряютъ, чуть ли не монархическое.

Оцѣнка Ставки однобока, и могла убѣдить только очень малограмотныхъ людей...

Маленькіе люди въ Ставкѣ говорятъ, что сѣверное направленіе избрано подъ вліяніемъ настойчивыхъ совѣтовъ ген. Нокса, мечтавшаго о возможно скорой подачѣ англійской помощи и снабженіи черезъ Котласъ, гдѣ существовало прямое водное сообщеніе съ Архангельскомъ...

Мнѣ ясно, что проектъ Нокса о сѣверномъ наступленіи не былъ проанализированъ; за него схватилась Ставка, такъ какъ это давало наиболѣе близкій путь къ завѣтнымъ стѣнамъ Кремля; его поддержала Сибирская армія и ея импульсивные и честолюбивые начальники, ибо это давало имъ блистательныя перспективы къ отличіямъ и славѣ... Злые же языки Ставки шопотомъ, чтобы не услышала контръразвѣдка, шипятъ, что главнымъ козыремъ сѣвернаго направленія была возможность избѣжать соединенія съ Деникинымъ, ибо младенцы, засѣвшіе на всѣ верхи, очень боятся, что тогда они всѣ полетятъ и будутъ замѣнены старыми опытными спеціалистами" (XIV, 240-242).

Отбросимъ сплетни, которымъ Будбергъ не вѣритъ. Что же онъ подтверждаетъ? Прежде всего то, что именно Гайда поддерживалъ сѣверное направленіе—вѣдь

онъ былъ начальникомъ сѣверной арміи. Докладъ Ставки, который видѣлъ Будбергъ, лишь формулируетъ рѣшеніе совѣщанія высшихъ чиновъ Ставки, (возможно, въ Челябинскѣ). Милюковъ знаетъ разсказъ Гинса о бесѣдѣ его съ Гайдой, въ которой послѣдній объяснилъ свой военный планъ: „спустя десять дней онъ возьметъ Вятку и разобьетъ сѣверную армію противника. Съ полной увѣренностью въ успѣхѣ онъ показалъ мнѣ на картѣ, какъ онъ загонитъ красныхъ въ болота. Потомъ онъ сталъ жаловаться на неясность общаго плана кампаніи. Ставка тянетъ на югъ, на соединеніе съ Деникинымъ, а онъ, Гайда, считаетъ, что Москву надо брать съ сѣвера. Соединеніе съ Архангельскомъ сразу улучшитъ снабженіе арміи, англичане гарантируютъ большой подвозъ всего необходимаго“ (II, 195). По мнѣнію Милюкова, показанія Гайды и Будберга заслуживаютъ предпочтенія, какъ мнѣніе сторонъ въ началѣ операціи. Обратимъ вниманіе, что Гайда разсказываетъ о совѣщаніи въ январѣ; бесѣда Гинса была въ апрѣлѣ, запись Будберга относится къ маю (въ январѣ Будбергъ былъ еще въ Харбинѣ и, слѣдовательно, никакъ стороной быть не могъ)... Милюковъ допустилъ еще смѣлое обобщеніе, утверждая, что „русскіе источники“ подтверждаютъ правильность точки зрѣнія (изложенной въ мемуарахъ) Гайды. Въ дѣйствительности русскіе источники всѣ безъ исключенія противорѣчатъ изложенію Гайды. Иначе не могло и быть, ибо, вопреки тексту воспоминаній, Гайда былъ самымъ горячимъ и настойчивымъ проводникомъ сѣвернаго плана.

Планъ этотъ не былъ измѣненъ ни Ставкой въ январѣ, ни самимъ Гайдой. Онъ былъ принятъ къ осуществленію еще Болдыревымъ. Въ общемъ введеніи къ своему дневнику Болдыревъ, отмѣчая разрывъ между фронтами юга и Поволжья и „сепаратизмъ“ добровольцевъ („страхъ опоздать съ торжественнымъ въѣздомъ въ покоренную Москву“) и противопоставляя этому горячее

стремленіе Архангельска связаться съ Директоріей, возможность подойти къ „богатымъ источникамъ боевого снабженія“ — говоритъ: „эти обстоятельства въ связи съ большей возможностью усиленія екатеринбургской группы сибиряками и подходящими съ ген. Гайдой чехами... все это указывали на цѣлесообразность пожертвовать болѣе выгоднымъ южнымъ направленіемъ въ пользу сѣвернаго“ (61). 15 октября Болдыревъ записываетъ: „послалъ телеграмму главнокомандующему союзными силами въ Архангельскъ — англ. ген. Пулю, гдѣ сообщалось о принятомъ мною рѣшеніи: искать связь съ архангельской группой черезъ Вятку, овладѣвъ предварительно районом Перми“. На рѣшеніе Болдырева, очевидно, повліяла и рѣчь Элліота (въ Екатеринбургѣ, 3 октября), категорически заявившаго, что войска въ пути, скоро будутъ на фронтѣ, и что помощь „снаряженіемъ“ идетъ тоже отъ Котласа.

20 ноября въ Екатеринбургѣ происходитъ военный совѣтъ. Гайда, Пепеляевъ, Голицынъ, Вержбицкій вырабатываютъ планъ наступленія, которое и начинается 30 ноября при пассивномъ еще участіи нѣкоторыхъ чехо-словацкихъ частей. Успѣхъ наступленія и взятіе Перми окрылило надеждами. Все общественное вниманіе направляется на сѣверъ. „Заря“ пишетъ 4 января по поводу сдачи Уфы: „ее можно было бы сохранить, но пришлось бы отказаться отъ операцій на Пермь, отказаться отъ собственной иниціативы и отдать ее противнику... Пермь приближаетъ насъ къ завѣтной цѣли соединенія съ русско-союзной арміей на сѣверѣ (№ 3).

* * *

Мы могли бы, въ сущности, оставить безъ разсмотрѣнія омскія „сплетни“ о мотивахъ, которые яко-бы заставили Колчака продолжать осуществленіе плана, избраннаго Болдыревымъ. Низкіе, честолюбивые, эгоисти-

ческіе мотивы, повидимому, были чужды этому благородному энтузіасту. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила Сибирь за продвиженіемъ Деникина, открывающимъ „дорогу на Москву“ (изъ дневника Пепеляева).

Слишкомъ честнымъ и открытымъ характеромъ обладалъ и „соперникъ“ Колчака для того, чтобы его заподозривать въ тѣхъ личныхъ соображеніяхъ, которыя склоненъ былъ приписать ему ген. Врангель: “Ухо Деникина улавливало уже трезвонъ московскихъ колоколовъ, поэтому онъ не сталъ развивать операціи вдоль Волги, которыя должны были привести къ соединенію съ Колчакомъ“ *). Ошибоченъ, можетъ быть, былъ и здѣсь путь на западъ. Иллюзіей оказался значительный дессантъ союзниковъ, который ожидался въ Одессѣ. Путь на западъ втянулъ Добровольческую Армію въ сложный украинскій вопросъ, что вызывало большое безпокойство Колчака. Но я не разсматриваю сейчасъ стратегіи ген. Деникина, которая опредѣлялась сложными взаимоотношеніями бытовыхъ, политическихъ и военныхъ факторовъ. Можно сказать только одно, что стратегія эта не была вызвана какой то проблематической конкуренціей съ адм. Колчакомъ, которому такъ просто, безъ афектаціи подчинился 30 мая Деникинъ. Въ перепискѣ съ Деникинымъ Колчакъ съ самаго начала поставилъ вопросъ открыто:

„Необходимо полное согласованіе нашихъ дѣйствій и соблюденіе принципа Единства Верховной власти и неотдѣлимаго отъ нея Верховнаго Командованія. Я считаю долгомъ сказать Вамъ откровенно мнѣніе, что проведеніе этого принципа есть вопросъ будущности нашей Родины. Рѣшеніе этого вопроса зависитъ теперь отъ насъ, но необходима связь съ Вами и возможность практическаго установленія Единства Власти. Я считаю, что этотъ вопросъ долженъ быть рѣшенъ въ зависимости отъ политическаго значенія Сибирской

*) Врангель взялъ Царицынъ въ іюнѣ, волжскія операціи колчаковской арміи происходили въ апрѣлѣ,

Правительственной Власти и той, которую Вы возглавляете, принимая въ основаніе стратегическое положеніе армій подчиненныхъ мнѣ и Вамъ, территорію и общее политическое ея состояніе. Какъ только установится прочная связь между арміями моей и Вашей, необходима наша личная встрѣча для рѣшенія вопроса о Единой Власти и Командованія и о соединеніи правительственныхъ органовъ въ одно цѣлое и, во всякомъ случаѣ, о согласованіи ихъ дѣятельности. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что Вы вмѣстѣ со мной рѣшите эти вопросы независимо отъ личностей, руководствуясь однимъ благомъ Родины нашей и государственными соображеніями о Ея выгодахъ и интересахъ" (V,87).

На письмо это, полученное на югѣ въ апрѣлѣ, Деникинъ отвѣтилъ:... „Дасть Богъ, встрѣтимся въ Саратовѣ и рѣшимъ вопросъ о благѣ Родины". Въ апрѣлѣ же Деникинъ черезъ курьера получилъ письмо отъ Лебедева, помѣченное 23 января. Лебедевъ писалъ: „Адм. Колчакъ исповѣдуетъ тѣ же идеи, что и въ Добровольческой Арміи. Мы считаемъ, что въ Россіи есть въ настоящее время два центра: Вы и адм. Колчакъ. Эти два центра при соединеніи и дадутъ общую для Россіи единую власть. И я докладываю, что треній никакихъ не будетъ". (II. 90).

На этомъ можно остановиться. Версія, данная Гайдой въ воспоминаніяхъ, достойна тѣхъ обличительныхъ памфлетовъ, которые распространялъ высланный изъ Омска за интриги Завойко (Деникинъ, V, 116*).

Сѣверное направленіе, какъ центральное, было сохранено Ставкой, очевидно, внѣ какихъ либо политиканствующихъ соображеній. Въ запискѣ одного изъ министровъ омскаго правительства, цитируемой Деникинымъ,**)

*) Въ книгѣ Соколова „Правленіе ген. Дсникина" (130) имѣется указаніе, что „лѣвые" съ надеждой ждали соединенія фронтовъ, а „правые" говорили объ этомъ съ опаской. Относится это къ эпохѣ Комуча. Какъ, въ дѣйствительности, обстояло дѣло съ делегаціей Добр. Ар. въ Самару, было сказано въ третьей главѣ перваго тома.

**) Это, очевидно, записка И. И. Сукина, составленная подъ свѣжимъ впечатленіемъ по пріѣздѣ въ Америку.

выставляются слѣдующія соображенія, которыя заставили командованіе склониться къ сѣверному пути:

„1. Замѣчалось большое сочувствіе національному дѣлу со стороны населенія сѣв. губерній — Пермской, Казанской, Ярославской, нежели южнихъ — Уфимской и Саратовской;

2. Были соображенія о возможности быстро установить новый путь подвоза снабженія изъ-за границы по рѣчной системѣ черезъ Котласъ и Двину;

3. Въ этомъ же смыслѣ высказывались иностранные военные авторитеты въ частности англичане... Ноксъ, имѣя, вѣроятно, инструкціи изъ Лондона, настойчиво указывалъ на непосредственныя и легче достижимыя выгоды соединенія съ Архангельскомъ и въ то же время обнаруживалъ скептицизмъ въ отношеніи возможности осуществить въ короткій срокъ соединеніе съ Деникинымъ. Въ англійской политикѣ въ этотъ моментъ уже сквозило желаніе подготовить эвакуацію англійскихъ войскъ изъ Архангельска, для чего выходъ сибирскихъ армій на сѣверъ былъ весьма желателенъ;

4. Наконецъ — честолюбіе Гайды“ (V,91).

При многихъ, допустимъ, положительныхъ сторонахъ этого пути, пространственность театра военныхъ дѣйствій и климатическія условія становились большимъ минусомъ. Полная пассивность „интервенціи“ изъ Архангельска придаетъ черты реальности остротѣ Уорда. Разсказывая о посѣщеніи кунгурскаго фронта въ началѣ ноября, онъ пишетъ: „мы обсуждали возможность наступленія въ направленіи на Пермь... мы могли бы освободить войска ген. Пуля, которыя забрались на свои зимнія квартиры гдѣ то около Архангельска“ (74). Гайда не только не противился, но настойчиво поддерживалъ передъ Ноксомъ правильность избраннаго пути. Онъ былъ окруженъ ореоломъ героя, котораго сопровождала удача, — героя, котораго склонны были поддерживать всесильные въ смыслѣ снабженія русской арміи „интервенты“. У Гайды былъ прекрасный начальникъ штаба ген. Бо-

гословскій (общій отзывъ). Подъ обаяніемъ личности Гайды въ первое время находился и Колчакъ. Сахаровъ увѣряетъ, что въ одно изъ свиданій адмиралъ будто бы даже сказалъ: — „я вѣрю въ Гайду и въ то, что онъ многое можетъ сдѣлать. Если меня не будетъ... то пусть Гайда замѣнитъ меня“ (80). Ноксъ, прямо захлебываясь, доказывалъ необходимость принятаго плана: „Гайда такъ увѣренъ, онъ прямо по днямъ разсчиталъ всю операцію... Въ первой половинѣ іюня Гайда будетъ въ Москвѣ“ (Jb. 91).

Совѣтскій историкъ до нѣкоторой степени имѣлъ право сказать о несамостоятельности Ставки въ оперативныхъ рѣшеніяхъ (Какуринъ, II, 397) — союзники неизбѣжно оказывали сильное давленіе на сибирское командованіе. У Деникина приведенъ въ высшей степени показательный отзывъ англійской военной миссіи въ донесеніи въ Лондонъ 20—30 іюня: „Къ величайшему несчастью, Гайда принужденъ былъ подать въ отставку... миссія боится, что эта смѣна отвлечетъ вниманіе русской главной квартиры отъ сѣвера на югъ“... (Деникинъ, V, 91).

5. Соперники.

Для исторіи восточнаго фронта гражданской войны еще не продѣлана та работа, которую такъ блестяще выполнилъ для своего фронта ген. Деникинъ. Касаясь юга, историкъ можетъ опираться на провѣренные матеріалы и дѣлать выводы, не боясь на каждомъ шагу впасть въ ту или другую ошибку. Въ военно-техническихъ вопросахъ приходится быть сугубо осторожнымъ. Для иллюстраціи я вновь возьму текстъ Милюкова (Гинсъ избѣгаетъ касаться стратегической стороны).

Милюковъ такъ изображаетъ событія на восточномъ фронтѣ. Необдуманное наступленіе западной арміи привело къ прорыву, послѣ котораго „западная армія въ

паникѣ покатилась назадъ" (май*). „Напрасно сибирская армія пыталась отвлечь часть красной арміи на себя, начавъ наступленіе на сѣверъ въ направленіи Глазова... Западная армія въ своемъ безпорядочномъ отступленіи обнажила лѣвое крыло сибирской арміи. А изъ ставки шли приказы ген. Лебедева — наступать, совершенно не считавшіеся съ положеніемъ на мѣстѣ" (130). Если вы заглянете въ дневникъ стараго генерала Будберга, то увидите, что онъ въ данномъ случаѣ обвиняетъ ставку въ противоположномъ, въ томъ, что она не вмѣшивается и не одергиваетъ сибирскую армію (XIV, 232). Я могъ пользоваться только печатнымъ матеріаломъ для усвоенія военной стороны вопроса, и мнѣ кажется, что выводъ изъ нихъ совпадаетъ съ заключеніемъ Деникина: „Всѣ усилія ставки свернуть главныя силы ея (сибирской арміи) на югъ — вначалѣ для развитія успѣха Зап. Ар., а потомъ для выручки ея — не увѣнчались успѣхомъ, встрѣчая противодѣйствіе и прямое неповиновеніе со стороны Гайды" (V, 93).

Когда Уфа была оставлена, Гайда перешелъ въ наступленіе въ направленіи Вятки и взялъ Глазовъ**). „Впечатлѣніе получилось сильное — пишетъ Сахаровъ — такъ какъ казалось, что всѣ слова и предсказанія Гайды оправдываются; въ Омскѣ загорѣлись надежды на новый успѣхъ въ новомъ направленіи". Словно, дѣйствительно, это было сдѣлано только для того, чтобы произвести эфектъ. Еще 8 мая, будучи съ Колчакомъ въ Екатеринбургѣ, Будбергъ при оперативномъ докладѣ въ штабѣ арміи былъ „ошеломленъ и подавленъ тѣмъ, что въ тонѣ докладывавшихъ (...ген. Богословскій и самъ Гайда) сквозило несдерживаемое удовольствіе по поводу неудачъ въ Западной арміи и усердно подчеркивались свои, довольно

*) Уфа была оставлена 8 іюня.

**) По словамъ Сахарова, Гайда постоянно говорилъ, что онъ въ любое время можетъ взять Глазовъ, но считаетъ пока это преждевременнымъ... Здѣсь была сосредоточена половина его арміи (94).

проблематичные, при общемъ положеніи фронта, успѣхи... За оперативной сводкой послѣдовалъ совершенно абсурдный докладъ о развитіи наступленія безостановочнымъ движеніемъ на Москву, куда ген. Пепеляевъ обѣщается и обязуется вступить не позже, чѣмъ черезъ полтора мѣсяца... Пришлось убѣдиться, что руководство операціями цѣлыхъ армій находится въ рукахъ младенцевъ, очень дерзкихъ и рѣшительныхъ, но смотрящихъ на дѣло со ступеньки ротнаго командира и думающихъ только о своемъ приходѣ и о своихъ фантазіяхъ. Имъ совершенно все равно, что фронтъ зап. арміи трещитъ; они забываютъ даже свою собственную невысокую оцѣнку боевыхъ качествъ этой арміи, разстроенной, разбитой, истомленной длительнымъ зимнимъ походомъ и неспособной остановить наступленіе красныхъ; имъ и въ голову не приходитъ, что при такомъ стратегическомъ положеніи невозможно и мечтать о продолженіи фантастическаго полета черезъ Вятку въ Москву" (XIV, 235).

Ген. Сахаровъ утверждаетъ, что онъ, въ качествѣ генерала для порученій при верховномъ правителѣ, и Лебедевъ прилагали всѣ силы, чтобы доказать необходимость наступленія на Поволжье и соединенія съ Добровольческой Арміей: „иначе вставала угроза, что Зап. Армія не выдержитъ"*). „Сибирская армія — пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Сахаровъ — была очень сильна числомъ, имѣла къ тому же лучшее снабженіе, была и одѣта и обута; и понесла мало потерь за весеннее наступленіе"... Надо было отказаться отъ наступленія на Вятку и „всѣми силами вести наступленіе на Волгу... Всѣ это соображенія докладывались въ тѣ дни верхов-

*) Въ маѣ физическія силы противника на „волжскомъ" фронтѣ превышали почти вдвое силы Зап. Армій. Въ сибирскихъ условіяхъ была еще одна невыгода для армій, дѣйствовавшихъ съ периферій къ центру. При наступленіи фронтъ ихъ расширялся; у противника онъ съужался. „При началѣ наступленія нашъ (т. е. большевицкій) фронтъ достигалъ 1500 верстъ; у Уральскихъ горъ онъ не превышалъ 1000 верстъ, за Тюменью онъ сокращался до 400—500 верстъ"... (Гусевъ. 211).

ному правителю и ставкѣ; они соглашались, но сдѣлать ничего не могли. Ген. Гайда и его штабъ не хотѣли и слушать о перемѣнѣ операціонныхъ направленій. Поддержку въ этомъ они находили у нѣкоторыхъ вліятельныхъ представителей иностранной интервенціи, которымъ, казалось, важнѣе всего бить на сѣверъ къ Архангельску. Такъ и не было достигнуто взаимодѣйствіе двухъ армій, даже и тогда, когда на волжскомъ фронтѣ, въ зап. арміи, начались неудачи". (76—77).

Въ дѣйствительности произошло такъ, какъ пишетъ Сахаровъ: „Большевики, навалившись всей силой на зап. армію, сокрушивъ ея наступленіе на Волгу и оттѣснивъ за рѣку Бѣлую, начали... переброску своихъ силъ отчасти на южный фронтъ ген. Деникина, а частью на сѣверъ противъ Сибирской арміи. Почти одновременно съ занятіемъ Глазова начались неуспѣхи на Казанскомъ направленіи. Повторились тѣ же событія, что и въ зап. арміи, но гораздо въ большемъ размѣрѣ" (107).

* * *

Сѣверный фронтъ — это Гайда. Это какъ-бы основной стержень борьбы. Самъ Гайда — человѣкъ самонадѣянный, избалованный успѣхомъ и головокружительной карьерой, которая привела его отъ званія фармацевта къ чину генералъ-лейтенанта русской службы; человѣкъ весьма рѣшительный и не останавливающійся передъ средствами для достиженія поставленной цѣли... Красочная фигура, рожденная революціей и гражданской войной! Съ отходомъ чеховъ, Гайда не склоненъ отказаться отъ честолюбивыхъ замысловъ — онъ переходитъ на русскую службу, сохраняя однако иммунитетъ, который давало въ Сибири званіе иностранца.

Очевидно, у Гайды было то природное пониманіе военнаго дѣла, которое отмѣчаютъ ген. Иностранцевъ и Жаненъ. Энергія, ясность ума, открытый характеръ, по

мнѣнію Жанена, отличали Гайду (M. Sl. 25, III, 340). Были люди, которые склонны были считать Гайду почти „геніальнымъ полководцемъ". Мнѣ кажется, что вѣрнѣе всего опредѣлилъ Гайду Будбергъ, назвавъ его представителемъ „своеобразной фронтовой атаманщины", — съ безразсудностью, смѣлостью, заносчивостью, самолюбованіемъ и авантюризмомъ, съ бытовымъ демократизмомъ, любовью къ внѣшнимъ эфектамъ, съ самовластіемъ, которое трудно ввести въ правовыя нормы.

„Братъ-генералъ" окружилъ себя большой помпой. Свой конвой Гайда одѣлъ въ фанастическую форму (коричневый кафтанъ расшитый галунами), приближающуюся къ формѣ прежняго императорскаго конвоя*). Особый ударный „безсмертный" батальонъ имени Гайды имѣетъ на погонахъ вензеля Гайды и отличительныя нашивки. „Военный" Гайдовскій гербъ демократиченъ — три поверженныхъ орла. Безподобную сцену рисуетъ Будбергъ при посѣщеніи Колчакомъ штаба Гайды 8 мая: „ѣхали на автомобилѣ, а за нами довольно расхлястанно неслись и на скверной мостовой портили лошадей гайдовскіе конвойцы. Адмиралу это претило, и онъ два раза останавливалъ автомобиль и приказывалъ Гайдѣ отпразить конвой домой, но Гайда очень развязно и съ видомъ хозяина заявилъ, что это у него такъ принято, и безумная скачка продолжалась. Только на третій разъ когда адмиралъ остановилъ автомобиль и, поблагодаривъ конвой, приказалъ прямо начальнику конвоя ѣхать домой, его приказаніе было исполнено, но сопровождалось усмѣшками и пожиманіями плечъ чешскихъ адъютантовъ Гайды" (XIV, 235).

У Гайды все поставлено на широкую ногу. Имѣется спеціальная чешская фотографическая мастерская, великолѣпно обставленная. Цѣлый вагонъ собственныхъ

*) Сахаровъ увѣряетъ, что Гайда самъ ему говорилъ, что этотъ конвой необходимъ для въѣзда въ Москву. Этотъ бутофорскій „безсмертный" батальонъ съ легкостью перешелъ къ большевикамъ.

портретовъ возитъ съ собой сибирскій герой — на одномъ изъ нихъ онъ изображенъ въ натуральную величину на ворономъ конѣ и въ полной генеральской формѣ („Сиб. Авант.“ 33).

Все это поразительно напоминаетъ обиходъ ат. Семенова. Было у Гайды отъ „атаманщины“ и въ манерѣ себя держать. Гайда, по отзыву Колосова, жестокій человѣкъ, не знавшій жалости тамъ, гдѣ царитъ законъ войны. Жестокость — это одно; самодурство — другое. У Гайды всѣ черты атаманскаго самодурства. Припомнимъ то, что было разсказано Кролемъ. А вотъ свидѣтельство Иностранцева: Гайда отдаетъ приказъ растрѣлять инженера за неготовый мостъ („Б. Д.“ I, 102). Близкій въ Сибири, въ послѣдній моментъ, къ Гайдѣ подп. Солодовниковъ утверждаетъ, что во Владивостокѣ получилъ приказъ отъ своего уже „революціоннаго“ шефа организовать „порку“ редактора „Голосъ Пріамурья“ („Сиб. ав.“ 44). Эти черты приходится отмѣтить, потому что самъ Гайда и его поклонники усиленно подчеркиваютъ приказъ командующаго сибирской арміей (6 мая) противъ самочинныхъ расправъ, желая этимъ какъ-бы выдѣлить Гайду изъ среды другихъ военныхъ начальниковъ*).

Подобно другимъ атаманамъ Гайда не считается ни съ лицами, ни съ распоряженіями, ни съ существующими законами. И не только въ области „самоснабженія“... Характерно, что подобныя замашки Гайда проявлялъ съ самаго начала, еще тогда, когда онъ не былъ возведенъ на пьедесталъ сибирскаго героя, не получилъ золотого оружія за освобожденіе Сибири. Напримѣръ, 25 іюля (18 г.) въ званіи командующаго восточнымъ фронтомъ въ Иркутскѣ онъ издаетъ приказъ о введеніи военнаго и осаднаго положенія въ виду того, что среди красноярскихъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ ведется аги-

*) Приказовъ такихъ было не мало — и прежде всего со стороны самого адмирала. Характерно, что „битье солдатъ“ Будбергъ какъ разъ отмѣчаетъ у Гайды (XIV, 236).

тація въ пользу забастовки. Гайда предписывалъ начальникамъ чехо-словацкихъ эшелоновъ учредить военно-полевой судъ въ составѣ трехъ членовъ по назначенію отъ чехо-словаковъ и одного по назначенію начальниковъ мѣстныхъ гарнизоновъ, при чемъ „неприбытіе послѣдняго не должно служить препятствіемъ къ тому, чтобы судъ состоялся". Приказъ вызвалъ запросъ военнаго министра Гришина-Алмазова: „немедленно сообщите, на какомъ основаніи вы отмѣняете законы Вр. Сиб. Пр., вмѣшиваясь во внутреннюю жизнь страны?*) („Хр." Прил. 92).

Еще нѣчто болѣе показательное имѣло мѣсто въ октябрѣ. Въ красноярской тюрьмѣ находились видные большевики, числившіеся за прокуроромъ окружного суда. 24 октября командиръ первой маршевой роты 8-го чехо-словацкаго стрѣлковаго силезскаго полка подп. Борецкій, по приказу ген. Гайды, потребовалъ арестованныхъ для препровожденія въ чрезвычайный военно-полевой судъ при чешскомъ эшелонѣ. Начальникъ тюрьмы отказалъ въ выдачѣ арестованныхъ. Тогда послѣднихъ берутъ силой. Начальникъ тюрьмы звонитъ по телефону прокурору. Послѣдній направляетъ къ начальнику гарнизона. Тотъ, въ свою очередь, отвѣчаетъ, что не можетъ воспрепятствовать выдачѣ. Судитъ арестованныхъ чехословацкій военный судъ. Обвиняютъ подсудимыхъ за покушеніе „на безопасность и имущество чехо-сл. войска" въ майскій періодъ продвиженія чеховъ, т. е., при разоруженіи чеховъ въ Красноярскѣ. Всѣ подсудимые приговариваются къ немедленному разстрѣлу, что и приводится въ исполненіе (Документы въ сб. „Центросибирцы" 96—102).

„Атаманщина" во всѣхъ видахъ была широко распространена въ Сибири до Колчака. Въ ней повинны многіе. Можно ли было ожидать отъ Гайды проявленія какой

*) Аналогичный приказъ былъ изданъ тѣмъ не менѣе Гайдой 2 сент. для Харбина и Владивостока (Субботовскій 196).

то особой дисциплины? Первый „ультиматумъ“ Гайды во время Директоріи самъ по себѣ даетъ отвѣтъ. Въ критическій моментъ жизни сѣверной и западной армій нравъ генерала проявился во всемъ объемѣ (въ данномъ случаѣ были и инспираторы со стороны). Своимъ поведеніемъ Гайда доставлялъ много тяжелыхъ часовъ верховному правителю и ставилъ его въ почти безвыходное положеніе. Много разъ, вѣроятно, Колчаку приходилось сожалѣть, что онъ не послѣдовалъ совѣту Штефанека. Послѣдній хотѣлъ отправить Гайду въ Прагу, считая его опаснимъ авантюристомъ. Колчакъ просилъ Гайду оставить. Какъ передавалъ мнѣ Сукинъ, Штефанекъ будто бы сказалъ: „Гайда васъ погубитъ — или будетъ фельдмаршаломъ или придется изгнать его съ позоромъ“.

* * *

Надо сказать и о другихъ лицахъ, участникахъ шумнаго іюнскаго инцидента, потребовавшаго спеціальнаго разсмотрѣнія особой, назначенной Колчакомъ Комиссіей. На первомъ мѣстѣ, конечно, долженъ быть поставленъ извѣстный намъ ген. Лебедевъ, начальникъ штаба ставки верховнаго. Въ періодъ военныхъ неудачъ на него обрушилась вся критика. Его обвиняли въ легкомысленномъ веденіи операціи, его считали главнымъ виновникомъ разстройства тыла арміи. Его отставки требовало общественное мнѣніе, на ней настаивали представители иностранныхъ миссій. Отставку Лебедева „Св. Край“ считалъ „великимъ счастьемъ“ (№ 348).

Еще трудно разобраться въ окружающей обстановкѣ — въ клубкѣ интригъ и взаимныхъ обвиненій. Адмиралъ, несомнѣнно, довѣрялъ Лебедеву („вѣрилъ до конца, чуть ли не больше всѣхъ“ — по выраженію Сахарова). Онъ видѣлъ въ немъ отчасти какъ бы представителя Добрарміи. Это и было, по словамъ Колчака, однимъ изъ основныхъ мотивовъ, почему Лебедевъ былъ

выдвинутъ на постъ начальника штаба (Допросъ, 154). Можетъ быть, въ тотъ сложный моментъ, который переживала сибирская армія, требовался иной человѣкъ. Мало быть честнымъ и дѣловитымъ. (Такъ характеризуетъ Лебедева ген. Рябиковъ — воспоминаніи въ Пражск. Арх.). Одновременно мемуаристъ отмѣчаетъ у Лебедева „упрямство и властность" — черты, которыя могутъ быть положительными и отрицательными въ разныхъ условіяхъ. Всегда ворчливый Будбергъ, „мрачный пессимистъ", извѣстный „своей неуживчивостью", не отличавшійся безпристрастіемъ, все зло видитъ въ томъ, что къ власти пришла молодежь, „очень старательная, но не имѣющая ни достаточныхъ профессіональныхъ знаній, ни служебнаго опыта". Молодая, задорная, честолюбивая Ставка не въ состояніи „разобраться и узнать истину". Лебедева Будбергъ называетъ однимъ изъ „революціонныхъ вундеркиндовъ" — у него много апломба и слишкомъ быстры его рѣшенія; „идетъ борьба задорныхъ молокососовъ противъ стараго опыта и служебнаго стажа" (XIV, 250). Какъ говоритъ другой тогдашній наблюдатель, Лебедевъ стремится провести молодежь — это была „наполеоновская система". Будберъ, конечно, до извѣстной степени человѣкъ „старорежимный". Ему не понятна психологія Лебедева, назначившаго ген. Андогскаго („оперативный талантъ") первымъ генералъ-квартирмейстеромъ Ставки. Непонятно потому, что Андогскій былъ начальникомъ „красной военной академіи" — „надо щадить душу арміи" (XIV, 306*). Во всѣхъ нападкахъ на Лебедева чувствуется однако то, что отмѣтилъ Деникинъ со словъ одного изъ омскихъ министровъ: (т. е. Сукина) „никто изъ генераловъ, политиковъ, иностранныхъ представителей не противился даль-

*) Андогскій, считавшійся соперникомъ наштаверха, велъ опредѣленную интригу противъ самого Лебедева. По словамъ Сукина, онъ былъ первымъ кандидатомъ на должность нач. штаба. Колчакъ предварительно запросилъ военныхъ начальниковъ — всѣ, однако, высказались противъ этой кандидатуры.

нѣйшему наступленію. Потомъ ругали Лебедева".. (V,93).

Для Будберга, правительство и ставка работаютъ безъ плана, „идетъ любительскій спектакль съ скверными любителями на главныхъ роляхъ въ серьезнѣйшей трагедіи мірового значенія" (XIV, 308). Въ оправданіе Лебедева многое можно привести изъ тѣхъ же записокъ Будберга. Надо было обладать геніальной чудодѣйственностью для того, чтобы побороть сложившуюся въ Сибири военную обстановку, — что почувствовалъ самъ Будбергъ, когда сдѣлался управляющимъ военнаго министерства. Ставка терпитъ фіаско, когда пытается брать на себя распредѣленіе запасовъ и рессурсовъ общей потребности: „открытаго сопротивленія, конечно, не было... но приказы забывались и не исполнялись (особенно это относилось къ району господства Гайды)" (XIV, 240). „Неудержимо продолжаютъ жить привычкою перваго періода возстанія противъ красной власти, когда все добывалось съ бою или бралось изъ мѣстныхъ средствъ по праву сильнаго" — записываетъ Будбергъ 8 мая. „Такіе порядки быстро и глубоко въѣдаются и искоренить ихъ можно только силой. Силы же на лицо нѣтъ". Вмѣшивается къ тому же постороняя сила, идущая внѣ общей системы: ген. Ноксъ выдаетъ запасы по собственному плану, „мало иной разъ считаясь съ дѣйствительной нуждой русской арміи" (Сахаровъ, 94). Арміи между собой конкурируютъ: „всѣ попытки учесть военную добычу и обратить ее на общее снабженіе безрезультатны и вызываютъ самые острые протесты... Гайда захватилъ единственную на всю Сибирь суконную фабрику, обозныя мастерскія — все то, чего нѣтъ въ Зап. арміи и не даетъ послѣдней ни одной шинели, ни одной повозки... въ отвѣтъ Зап. армія прижимаетъ сибирскую, не давая ей фуража. Всѣ распоряженія главнаго и полевого интендантовъ арміями игнорируются и не исполняются" (XIV, 237). Благодаря этому „въ однѣхъ арміяхъ архи—избытокъ, а у другихъ голодъ и

нищета". Осложняли все дѣло и необычайно тяжелыя условія транспорта, сложившіяся въ тылу.

* * *

Военные историки еще недостаточно разобрались въ операціяхъ, имѣвшихъ мѣсто на восточномъ фронтѣ гражданской войны. Непосредственные участники ихъ противорѣчатъ другъ другу. Это уже одно заставляетъ быть осторожнымъ въ признаніи огульныхъ обвиненій, къ которымъ склонны мемуаристы.

Тѣ, кто были въ это время на сторонѣ Гайды и Пепеляева, конечно, виновниковъ ищутъ въ центрѣ. Для примѣра возьмемъ поясненія кап. Кириллова. „Послѣ Глазова — пишетъ онъ — наши наступательныя операціи продолжали по прежнему развиваться успѣшно... Но части войскъ ген. Вержбицкаго и ген. Сахарова... не успѣвали продвигаться такъ быстро, и въ результатѣ между фронтомъ войскъ ген. Пепеляева и южнымъ фронтомъ образовалось колоссальное пустое мѣсто, куда и стали вливаться большія силы красныхъ... Несмотря на всѣ требованія ген. Пепеляева заполнить промежутокъ фронта, который долженъ былъ сыграть такую катастрофическую роль во всѣхъ послѣдующихъ затѣмъ военныхъ операціяхъ — Верховное командованіе въ лицѣ бездарнаго ген. Лебедева, не принимало никакихъ мѣръ къ заполненію фронта" („В. Сиб." IV, 65—66). Отсюда и явилась необходимость для сибирской арміи отступать, чтобы (съ опозданіемъ) выровнить линію фронта („Дн." Пепеляева). Кто въ этомъ виноватъ? Мы видѣли оцѣнку наступленія на Глазовъ въ моментъ кризиса западной арміи, которую далъ Сахаровъ. Теоретически нельзя съ нимъ не согласиться. Будбергъ обвиняетъ ставку въ томъ, что она не сумѣла сдержать „нелѣпыхъ порывовъ" сибирской арміи (XIV, 269). Обвиняетъ онъ ставку какъ разъ за то, что она неразумно расходовала неподъ-

готовленныя тыловыя части, бросая ихъ на заполненіе прорыва. Такимъ образомъ, съ его стороны, обвиненія противоположны тѣмъ, которыя предъявлялись антуражемъ Гайды и Пепеляева. Запись Будберга 4 мая гласитъ:

„Несмотря на то, что въ зап. арміи дѣла совсѣмъ плохи, сибирская армія продолжаетъ наступленіе на западъ. Ставка на все это взираетъ и, повидимому, не вмѣшивается... Вмѣсто того, чтобы остановить сибирскую армію... сорвали съ мѣста и экстренно гонятъ на фронтъ, на затычку разныхъ дыръ слабыя и совершенно неготовыя къ бою части ген. Каппеля и бывшія въ тылу конныя части. Этимъ сырьемъ дѣла поправить нельзя... но зато части быстро истреплются и сдѣлаются неспособными къ бою“ (XIV, 232—33).

Отъ Гайды поступали какъ разъ другія требованія. Въ запискѣ кап. Калашникова, составленной въ гайдовскомъ штабѣ и формулирующей обвиненіе, какъ противъ ставки, такъ и противъ верховнаго управленія, значится: „если отступленіе не будетъ ликвидировано выступленіемъ ген. Каппеля, положеніе фронта зап. арміи надо считать катастрофическимъ“ („В. Сиб,“ VI, 81).

Въ моментъ начавшихся для сибирской (сѣверной) арміи неудачъ, Гайда рѣзко выступилъ противъ „нелѣпыхъ“ стратегическихъ предписаній ставки, приписывая разстройство тыла ея бездарнымъ распоряженіямъ. Свой протестъ Гайда направилъ непосредственно совѣту министровъ, требуя немедленной отставки Лебедева. „Въ Омскѣ — повѣствуетъ Милюковъ — на этотъ ультиматумъ взглянули, какъ на крайнюю дерзость, чуть не начало возстанія тщеславнаго чешскаго выскочки“ (131). Мы сейчасъ увидимъ, что отношеніе Омска, вѣрнѣе адм. Колчака, къ „дикой выходкѣ“ (выраженіе Будберга) было исключительно корректно — Колчакъ пытался избѣжать лишнихъ осложненій. Но „ультиматумъ“ Гайды вовсе не былъ столь безобиденъ, какъ его пытаются

представить заинтересованные мемуаристы, ибо, какъ и при первомъ своемъ ультиматумѣ, Гайда допускалъ возможность чисто военнаго давленія на Омскъ. И здѣсь, очевидно, дѣло шло уже не только о Лебедевѣ...

Ультиматумъ былъ проявленіемъ того присущаго Гайдѣ темпераментнаго самовластія, которое могло исходить изъ разсчета на вліяніе и авторитетъ популярнаго военноначальника. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ документовъ, связанныхъ съ владивостокскимъ выступленіемъ эс-эровъ и Гайды противъ Колчака, имѣется опредѣленное указаніе на то, что „ультиматумъ" въ значительной степени былъ подготовленъ революціонной военной организаціей, бывшей при гайдовскомъ „штабѣ",— другими словами, эс-эрами во главѣ съ кап. Калашниковымъ („Дѣло Нар." № 392) *). Въ бесѣдѣ съ Гинсомъ въ Екатеринбургѣ (май) Калашниковъ говоритъ о необходимости уволить Лебедева по политическимъ соображеніямъ, какъ „отъявленнаго реакціонера" (II, 192)**). Что-то серьезное въ Екатеринбургѣ подготовлялось. Авторитетное свидѣтельство имѣемъ мы со стороны непосредственнаго участника этихъ протестовъ кап. Кириллова. Онъ разсказываетъ: „сибирскіе дѣятели (кто они?), понимая преступленіе ставки, предложили ген. Пепеляеву послать въ Омскъ одну или двѣ дивизіи, разогнать ставку и взять власть въ свои руки, чтобы спасти Сибирь. Но ген. Пепеляевъ этого не сдѣлалъ" (В. Сиб."

*) У мемуаристовъ и въ другихъ документахъ мы можемъ найти рядъ намековъ, что въ штабѣ сибирской арміи лѣтомъ 1919 г. приготовлялось сверженіе Колчака („Кр. Ар." XXXI, 57). Въ воспоминаніяхъ Будберга (XIV, 296) и Львова (Вл.) проектъ этотъ пріобрѣтаетъ нѣсколько несуразный характеръ — говорится о совѣщаніяхъ въ Екатеринбургѣ, на которыхъ предлагалось вызвать Керенскаго для образованія новаго правительства, которое будетъ организовано при содѣйствіи чеховъ.

**) Изъ этой бесѣды вытекало, что противъ Лебедева выступалъ и Михайловъ, ѣздившій въ цѣляхъ агитаціи въ Екатеринбургъ. Возможно, что Михайловъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ Андогскаго. Возможно и то, что здѣсь была лишь обычная сплетня. Ужъ очень несообразна комбинація, въ которой вновь эс-эры перепутываются съ Михайловымъ, Гайдой, Львовымъ, казаками и т. д.

IV, 66). Пепеляевъ лично хорошо относился къ Колчаку и былъ въ дѣйствительности идейнымъ человѣкомъ. „Сибирскіе дѣятели“, очевидно, пошли временно на компромисъ и рѣшили использовать для выступленія болѣе покладистаго Гайду.

„Ультиматумъ“ произвелъ въ Омскѣ впечатлѣніе. Гайду поѣхалъ уговаривать Ноксъ, а затѣмъ, 30 мая, и самъ Колчакъ. По записанному Будбергомъ разсказу ген. Акинтіевскаго, ѣздившаго вмѣстѣ съ адмираломъ ликвидировать инцидентъ Гайда горячо оправдывался, доказывая, что онъ былъ обязанъ довести до свѣдѣнія Сов. Министровъ о томъ, что распоряженія Ставки губятъ арміи.

„Тогда Адмиралъ спросилъ Гайду, почему же онъ раньше ему этого не донесъ, не доложилъ, не сдѣлалъ никогда ни одного намека о такой оцѣнкѣ распоряженій Ставки*), а между тѣмъ это была его прямая, какъ командарма, обязанность. Эти слова Адмирала очень знаменательны, ибо даютъ всему выступленію Гайды настоящую оцѣнку, подтверждая, что интересы арміи были только внѣшнимъ предлогомъ, а внутренней причиной были обиженное честолюбіе и шалая несдержанность**)...

Послѣ довольно длительныхъ пререканій и обмѣна колкостями, Адмиралъ поставилъ Гайдѣ ультиматумъ выѣхать изъ Перми въ теченіе двухъ часовъ, причемъ, въ случаѣ согласія, ему будетъ разрѣшено уѣхать самому и еще въ званіи командующаго арміей; въ противномъ же случаѣ — будутъ приняты иныя мѣры. Гайда долго молчалъ, но затѣмъ съ усиліемъ проговорилъ, что онъ солдатъ и полученное приказаніе исполнитъ, и проситъ только разрѣшенія съѣздить домой и собраться въ дорогу, обѣщая честнымъ словомъ выѣхать въ теченіе назначеннаго срока. На это Адмиралъ отвѣтилъ, что хотя Гайда уже два раза давалъ ему честное слово и оба раза его нарушилъ, онъ

*) Гайда въ своихъ мемуарахъ говоритъ, что докладывалъ много разъ Колчаку. Слѣдовъ этихъ сообщеній не сохранилось въ литературѣ.

**) Предупреждалъ Штефанекъ (Гинсъ II, 524). О невѣрности Гайды писалъ Гришинъ-Алмазовъ В. Н. Пепеляеву (дневникъ).

все же еще разъ попробуетъ испытать прочность Гайдовскихъ обѣщаній и потому даетъ просимое разрѣшеніе.

Гайда сначала промолчалъ, но затѣмъ повышеннымъ тономъ заявилъ, что онъ согласился на предъявленное ему требованіе и обязался честнымъ словомъ его исполнить только потому, что этого требовалъ самъ Адмиралъ, а не изъ страха или по принужденію; въ противномъ бы случаѣ дѣло окончилось бы совсѣмъ иначе.

Черезъ два часа Гайда экстреннымъ поѣздомъ выѣхалъ въ Омскъ, сдавъ командованіе арміей ген. Богословскому; передъ отъѣздомъ онъ былъ у Адмирала, который успѣлъ за это время совсѣмъ отойти и даже безпокоился, не былъ ли онъ „слишкомъ жестокъ къ Гайдѣ“. Тутъ же появился всюду сующій свой носъ ат. Дутовъ, сталъ просить за Гайду, и Адмиралъ совсѣмъ смягчился...

Гайда явился въ Омскъ съ отборнымъ конвоемъ въ 356 человѣкъ и сейчасъ онъ самая реальная сила во всемъ Омскѣ.

Въ результатѣ какъ будто бы Адмиралъ и побѣдилъ, но нехорошая эта побѣда; ядовита та обстановка, въ которой возможны такія коллизіи“ (XIV, 276—8).

Колчакъ рѣшилъ поручить особой комиссіи въ составѣ ген. Дитерихса, Иностранцева и Матковскаго разсмотрѣть причины столкновенія Гайды съ Лебедевымъ*). О работѣ этой комиссіи въ „Бѣломъ Дѣлѣ“ разсказалъ Иностранцевъ. Свою инструкцію для разслѣдованія Колчакъ сопроводилъ словами: „какое рѣшеніе вы примете... приму и я“. Онъ отмѣтилъ, что Гайда „уже давно истощалъ его терпѣніе, не исполняя почти ни одного указанія, даваемаго ему изъ Ставки и не соглашаясь почти ни съ однимъ распоряженіемъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ верховный правитель подчеркивалъ, что при популярности Гайды, онъ не можетъ не считаться съ нимъ:

*) Лебедеву было приказано считаться больнымъ, чтобы не давать Гайдѣ повода осуществить свою выходку (Будбергъ, XIV, 273).

„Всѣ тѣ, которые думаютъ, что полнота власти, врученная мнѣ, есть дѣйствительная полнота — глубоко заблуждаются. Вотъ почему мнѣ нужно разслѣдованіе знающихъ и компетентныхъ лицъ и разслѣдованіе всестороннее, т. е. имѣя въ виду и ту и другую стороны. Мнѣ нужно знать — чѣмъ недоволенъ Гайда, и что толкнуло его на этотъ невозможный поступокъ, но, съ другой стороны, уже давно доходятъ до меня слухи о недовольствѣ многихъ и другихъ въ арміи дѣятельностью начальника штаба ген. Лебедева, и мнѣ нужно также знать, есть ли основанія для такаго недовольства, и не дало ли управленіе арміей дѣйствительно нѣкоторыхъ основаній къ совершенію Гайдой его, тѣмъ не менѣе антидисциплинарнаго, проступка. Ген. Лебедевъ, немедленно по полученіи телеграммы Гайды, просилъ меня освободить его отъ должности начальника штаба, но я призналъ это, въ данную минуту, совершено невозможнымъ именно въ видахъ дисциплинарныхъ и просилъ его, лишь на время разслѣдованія, временно устраниться отъ дѣлъ“. (Б. Д.“ I, 98).

По словамъ Иностранцева, комиссія, признавая нарушеніе Гайдой дисциплины, не могла въ то же время не удостовѣрить, что управленіе арміей изъ ставки находилось въ „малоопытныхъ въ военномъ отношеніи рукахъ“. Многія жалобы Гайды комиссія признала основательными. Она допросила Гайду, который „со слезами на глазахъ“ разсказывалъ, что онъ былъ „близокъ къ тому, чтобы двинуть армію на Омскъ“. Но „удержался отъ этого замысла“, который „не пошелъ дальше сердца“. Теперь Гайда завѣрялъ верховнаго правителя въ „полной преданности и въ дальнѣйшей готовности его служить дѣлу возрожденія Россіи“. Комиссія остановилась на компромиссѣ: оба виновника столкновенія должны остаться на мѣстахъ, въ отношеніи Гайды слѣдуетъ остановиться на выговорѣ за поступокъ*). Такое половин-

*) Я долженъ отмѣтить, что въ изложеніи Иностранцева сквозитъ попытка нѣсколько обѣлить Гайду.

чатое рѣшеніе не удовлетворило конечно, Будберга. Но тотъ же Будбергъ съ обычной для себя образностью живописуетъ тогдашнюю омскую обстановку:

„Пока что обстановка въ Омскѣ самая напряженная; шепчутся о перемѣнахъ и переворотахъ; наличіе здѣсь Дутова и Иванова-Ринова, въ связи съ острымъ подъемомъ казачьяго значенія, даетъ благодатную почву для разныхъ слуховъ и предположеній. Политиканство и интриги глушатъ здѣсь, какъ бурьянъ, всю созидательную работу; всѣ рвутся къ власти; бѣдный Адмиралъ дѣйствительно находится въ какомъ то плѣненіи; какъ бы хотѣлось, что бы онъ нашелъ въ себѣ рѣшимость собрать въ одну кучу всѣхъ мѣстныхъ политикановъ и выслать ихъ изъ предѣловъ Сибири подобно тому, какъ то было сдѣлано съ членами Директоріи. Я даже говорилъ съ Акинтіевскимъ, бываюшимъ у Адмирала ежедневно съ оперативнымъ докладомъ, чтобы забросить Адмиралу идею о полезности и необходимости забрать Гайду, Дутова, Иванова-Ринова и полдюжены наиболѣе честолюбивыхъ политикановъ и отправить ихъ за границу черезъ Семипалатинскъ и далѣе, черезъ предѣлы Китая; это сразу освѣжитъ Омскую атмосферу и дастъ возможность работать спокойно, избавивъ насъ отъ всякихъ аспирантовъ, переворотчиковъ и жадныхъ авантюристовъ, работа которыхъ, по видимости какъ будто бы и въ нашу пользу, вредитъ общему дѣлу хуже всякихъ красныхъ выступленій“ (XIV, 279).

Какъ переживалъ Колчакъ всѣ эти неурядицы?

„Меня поразило, — разсказываетъ Иностранцевъ — какъ сильно измѣнился адмиралъ за тѣ нѣсколько дней, что я его не видалъ. Онъ сильно осунулся и въ глазахъ его, какъ бы нѣсколько потухшихъ, отражалась, видимо гнетущая его забота“ (96). Колчакъ рѣшилъ, очевидно, послѣдовать совѣту, который еще въ дни пребыванія въ Екатеринбургѣ, давалъ ему Будбергъ. Ввиду „капризности и неисполнительности“ Гайды и той „враждебности“ къ зап. арміи, которая чувствовалась въ атмосферѣ Екатеринбурга, Будбергъ совѣтовалъ подчи-

нить Гайдѣ обѣ арміи, „видя въ этомъ единственный выходъ изъ создавшагося положенія". „Я считалъ — говоритъ Будбергъ — что разъ верховное командованіе не въ силахъ заставить Гайду думать не только о своей арміи, если оно не въ силахъ его убрать... то надо сдѣлать его отвѣтственнымъ за общее положеніе фронта" (XIV, 263).

II іюня Западная армія въ оперативномъ отношеніи была подчинена Гайдѣ. Милюковъ, слѣдуя вновь „весьма содержательнымъ и убѣдительнымъ„ мемуарамъ Гайды, такъ изображаетъ послѣдующее. Первая же попытка Гайды распространить на офицеровъ западной арміи*) тѣ же дисциплинарныя распоряженія, которыя выполнялись въ сибирской арміи, вызвала окрикъ Колчака: „всѣ заслуженные офицеры глубоко оскорблены вашимъ приказомъ"... Тогда, 19 іюня, Гайда подалъ прошеніе объ отставкѣ. Колчакъ ему отказалъ, но послѣ новаго бурнаго объясненія, 7-го іюля, въ Екатеринбургѣ, отставка была принята, и командованіе фронтомъ было передано Дитерихсу. Гайда уѣхалъ во Владивостокъ.

Дѣло было не совсѣмъ такъ. Достаточно сравнить это изложеніе хотя бы съ записями Будберга. 18 іюня Гайда прибылъ съ фронта съ требованіемъ немедленно послать три новыхъ дивизіи для осуществленія какого то задуманнаго маневра въ Красноуфимскомъ направленіи. Подъ вліяніемъ Будберга Колчакъ въ этомъ отказалъ.**) Въ сущности, къ моменту новыхъ требованій со стороны Гайды вопросъ объ его отставкѣ былъ предрѣшенъ. Безтактный приказъ Гайды западной арміи дѣй-

*) Зап. армія, по характеристикѣ записки Калашникова, была проникнута „антидемократическимъ духомъ".

**) Будбергъ считалъ лучшимъ потерять Пермско-Кунгурское направленіе со всѣми запасами и заготовками, нежели рисковать неподготовленнымъ людскимъ запасомъ. Единственнымъ шансомъ выправить катастрофическое положеніе Будбергъ считалъ попытку добиться нѣсколькихъ недѣль передышки, что бы подправить разстроенныа части и подготовить сырые еще резервы омскаго и иркутскаго военныхъ округовъ (XIV, 286).

ствительно возбудилъ военныхъ. Гайда обвинялъ командованіе въ неудачахъ и обѣщался исправить положеніе и дать побѣду. Если вѣрить сообщеніямъ „тайныхъ агентовъ", функціонировавшихъ при иностранныхъ военныхъ миссіяхъ, то даже ген. Богословскій (нач. штаба Гайды) считалъ въ это время цѣлесообразнымъ удалить Гайду (іюльское донесеніе „Джона"). Главная же причина заключалась въ томъ, что рѣшено было объединить все командованіе на фронтѣ въ однѣхъ рукахъ, и на руководящую роль намѣчался Дитерихсъ. Вставалъ вопросъ: будетъ ли Гайда подчиняться Дитерихсу. Тогда онъ и былъ уволенъ отъ командованія сибирской арміей. Со словъ ген. Бурлина Будбергъ объясняетъ эту рѣшимость разстаться съ претенціознымъ „сибирскимъ героемъ" тѣмъ, что съ момента подчиненія Деникина Колчакъ почувствовалъ подъ собою большую опору и большую независимость отъ давленія со стороны авторитета иностранцевъ, къ помощи которыхъ прибѣгъ Гайда. (XIV, 295) *)

Къ Гайдѣ мы вернемся. Уѣхалъ онъ изъ Омска съ соотвѣтствующей помпой.

„Гайда съ особымъ поѣздомъ отбылъ въ заграничный отпускъ, получивъ отъ адмирала 70.000 франковъ золотомъ. Его хотѣли отправить обычнымъ пассажиромъ экспресса, но онъ заартачился; создался цѣлый конфликтъ, въ который вмѣшался Дутовъ, и въ концѣ концовъ Омскъ скисъ и разрѣшили Гайдѣ ѣхать своимъ поѣздомъ и со своимъ конвоемъ. Злые языки говорятъ, что вся собака зарыта въ томъ, что вагоны Гайды нафаршированы золотомъ, платиной и уральско-сибирскими сувенирами, которые невозможно и небезопасно вести прямо въ экспресѣ, да еще и съ проѣз-

*) Гайда обратился за поддержкой къ Жанену: „Онъ проситъ" — пишетъ послѣдній — „моего покровительства и при случаѣ поддержки чехо-словацкихъ войскъ: кажется, онъ боится, что его хотятъ арестовать. Я говорю ему, что онъ можетъ вполнѣ разсчитывать на мою поддержку; теперь, когда онъ больше не состоитъ на службѣ у русскихъ, послѣдніе не имѣютъ на него никакихъ правъ"... (M. Sl. XII, 235).

домъ мимо Семенова, у котораго на счетъ мимоѣдущихъ цѣнностей особый нюхъ для учуянія и станція Даурія для освобожденія владѣльцевъ отъ этихъ цѣнностей.

Знающіе Гайду говорятъ, что онъ не проститъ Адмиралу своей отставки, и что Адмиралъ дѣлаетъ большую ошибку, разрѣшивъ ему ѣхать черезъ всю Сибирь вольнымъ человѣкомъ. (XIV, 320).

Въ всякомъ случаѣ въ этой отставкѣ самъ по себѣ „демократизмъ“ Гайды, какъ склонны утверждать нѣкоторые изъ иностранцевъ, никакой роли не игралъ.

* * *

Раздѣленныя на три отдѣльныхъ арміи*) сибирскія войска продолжали терпѣть неудачи. Бывшая армія Гайды, при отступленіи потерявшая мобилизованныхъ въ Прикамьѣ, въ сущности была отведена въ тылъ — къ Ялуторску, Тюмени и Тобольску. Западной арміей (теперь третьей) — наиболѣе надежной, а не наиболѣе разложившейся — командовалъ замѣнившій Ханжина Сахаровъ. Она должна была совершить контръ-маневръ подъ Челябинскомъ. По мысли, вѣроятно Лебедева, предполагалось уступить челябинскій узелъ, а потомъ окружить совѣтскія войска ударными группами Войцеховскаго съ сѣвера и Каппеля съ юга. Будбергъ, противникъ всякихъ „контръ-маневровъ“, не находитъ словъ, чтобы очернить этотъ планъ. Челябинскую операцію онъ называетъ „челябинскимъ преступленіемъ“ (XIV, 331). Съ бумажной, теоретической точки зрѣнія, по его мнѣнію, все это очень заманчиво, такъ что немудрено, что ничего не понимающій въ сухопутномъ дѣлѣ адмиралъ согласился на операцію, но съ точки зрѣнія ея реальнаго выполненія — операція безумная. Милюковъ вслѣдъ за

*) Первая — ген. Пепеляева; вторая Лохвицкаго, третья Сахарова. Южная армія Бѣлова, отрѣзанная съ конца іюля, дѣйствовала самостоятельно.

Будбергомъ называетъ челябинскую операцію „фантастическимъ планомъ". Я воздержусь отъ столь категорическихъ сужденій, такъ какъ надо прежде всего выслушать мнѣніе военныхъ спеціалистовъ — пока они еще не высказались. Обращу вниманіе читателей на общее осторожное сужденіе Деникина по поводу того, что въ это время происходило на восточномъ фронтѣ: „Кто безошибочно учтетъ положеніе, когда при слегка только колеблющемся балансѣ числа и техники, рѣшающее значеніе имѣлъ духъ войскъ подымавшійся и опускавшійся всегда неожиданно и съ широкой амплитудой колебанія" (V, 93). Сахаровъ конечную неудачу Челябинской операціи приписываетъ полному бездѣйствію 1 и 2 армій (бывшая армія Гайды).

При оцѣнкѣ сужденій современниковъ мы должны помнить, что Дитерихсъ высказывался противъ контръманевра, желая отвести третью армію за Тоболъ, а Будбергъ всецѣло поддерживалъ Дитерихса. Дневникъ министра Пепеляева въ значительной степени объясняетъ намъ, почему Колчакъ пошелъ на рискъ челябинской операціи. 25 іюля Пепеляевъ записываетъ: „Ген. Дитерихсъ — сказалъ правитель — былъ противъ этихъ боевъ и за отходъ безъ боя отъ Челябинска, но я приказалъ дать бой. Это рискъ — въ случаѣ неудачи мы потеряемъ армію и имущество. Но безъ боевъ армія все равно будетъ потеряна изъ за разложенія. Я рѣшилъ встряхнуть армію. Если бы вы знали, что я пережилъ за эти дни".

Наступленія требовали союзники, о наступленіи шли телеграммы изъ Парижа, говорившія, что продолжающееся отступленіе возбуждаетъ тягостное удивленіе и впечатлѣніе и можетъ отразиться на помощи (Письмо Маклакова „Пр. Рев." № I, 122). Въ это время произошло какъ бы фактическое международное признаніе омской власти, и какъ разъ въ дни челябинской неудачи въ Омскѣ происходило совмѣстное засѣданіе высокихъ со-

южныхъ комиссаровъ съ министрами для распредѣленія между союзниками матеріальной помощи, оказываемой правительству.

Въ дни боевъ подъ Челябинскомъ все вниманіе правителя обращено на фронтъ. Онъ отмѣняетъ всѣ министерскіе доклады. Тѣмъ не менѣе „челябинская операція проиграна". „Лебедевъ пытается въ своихъ донесеніяхъ замаскировать непріятную правду — записываетъ Будбергъ 30 іюля — но она ясна". Сахаровъ съ этимъ не согласенъ. Онъ считаетъ, что, несмотря на отходъ, челябинская операція имѣла весьма существенное значеніе.

„Бои и дѣйствія нашихъ войскъ показали, что мы имѣемъ всѣ шансы разбить большевиковъ; въ войскахъ укрѣпилась увѣренность въ своихъ силахъ. Кромѣ того населеніе этого большого и абсолютно анти-большевицкаго района увидѣло на дѣлѣ, убѣдилось, что были приложены всѣ усилія спасти ихъ отъ большевиковъ; казаки, крестьяне и башкиры, участвуя сами и будучи свидѣтелями этого одного изъ самыхъ большихъ сраженій, знали, какъ много работы и жертвъ было принесено, чтобы разбить силы и стремленія красныхъ завладѣть Челябинскимъ краемъ; знали и то, что наше отступленіе произошло не по винѣ западной арміи.

Эти тяжелые бои, — а они стоили намъ свыше 5000 потерь убитыми, раненными и плѣнными, большевики, по ихъ же документамъ, потеряли больше 11.000 человѣкъ, — эти бои скрѣпили армію въ сильный, хорошо сложенный и жизненный организмъ". (126).

Можно допустить, что выводы Сахарова чрезмѣрно оптимистичны. Однако, обращаю вниманіе на запись Пепеляева 15 августа: Дитерихсъ „бодро смотритъ на положеніе и готовится наступать". Дитерихсъ не могъ съ такою легкостью отбросить планъ Будберга отхода на Тоболъ и Ишимъ и созданія тамъ укрѣпленнаго лагеря (XIV, 331) — онъ повидимому, раздѣлялъ цѣлесообраз-

ность этого плана *), — если бы челябинская операція была дѣйствительно такой полной военной катастрофой, какъ она рисуется Будбергу.

* * *

„Каркающій старый воронъ", какъ атестуетъ себя самъ Будбергъ, продолжаетъ оставаться пессимистомъ.

„Тѣ ужасныя слова — записываетъ 18 августа — которыя были мнѣ сказаны недавно видными представителями фронта: „солдаты не хотятъ воевать; офицеры въ большинствѣ неспособны уже на жертвенный подвигъ; армія выдохлась" — не выходятъ изъ моей памяти, и я знаю и чувствую, что это правда. Армія въ ея настоящемъ положеніи это сломанная во многихъ мѣстахъ палка, по наружному виду ее еще можно, хотя и съ большимъ трудомъ, склеить, но она разлетится вдребезги при первой попыткѣ ею опять ударить" (XV, 275).

При такой безнадежности, вообще, никакой борьбы быть не могло. Но борьба продолжалась, и даже Будбергъ временами излѣчивается отъ своего пессимизма. Армія сохранила свою силу, имѣла въ сентябрѣ свои успѣхи **) и даже послѣ настоящей уже катастрофы, послѣдовавшей за эвакуаціей Омска въ ноябрѣ, оставалась „палкой", которой при иныхъ условіяхъ можно было бы „ударить" очень больно. Эти иныя условія зависѣли отъ тыла, который, дѣйствительно, погубилъ и фронтъ и все дѣло возрожденія Россіи.

Послѣ Челябинской операціи, Лебедевъ, имя котораго сдѣлалось крайне непопулярно, ушелъ. Его замѣнилъ Дитерихсъ, въ рукахъ котораго временами объединялись функціи наштаверха, военнаго министра и главнокомандующаго. Въ Омскѣ ждали „варяга" — гене-

*) Такой планъ Какуринъ считаетъ единственнымъ правильнымъ рѣшеніемъ.

**) Этотъ успѣхъ 3 арміи признаетъ и Тухачевскій (статья въ сб. „Бор. за Ур." 79).

рала Головина. Будбергъ, привѣтствовавшій Дитерихса, конечно, немедленно въ немъ разочаровался. Вначалѣ появились только нѣкоторые „но“... Затѣмъ сомнѣнія: думалъ, что „онъ умнѣе, дѣльнѣе и способнѣй распредѣлять работу“. Наконецъ обычная запись: „въ ставкѣ безграмотность и безголовіе“ (XV, 269). Записи становятся однообразны. Въ концѣ августа прибылъ въ Омскъ долгожданный Головинъ. „...Всѣ мои надежды обращены на Головина“ — пишетъ воспрянувшій духомъ Будбергъ: „мнѣ кажется, что это настоящій человѣкъ для того, чтобы благотворно вліять на адмирала... я убѣдился, что адмиралъ его слушается, ему довѣряетъ и очень считается съ его мнѣніемъ. Изъ бесѣды съ Головинымъ я убѣдился, что онъ понимаетъ отлично всю нашу обстановку и что онъ сумѣетъ очень тактично, но достаточно крѣпко приняться за леченіе нашихъ болѣзней“. Для устраненія прежнихъ ошибокъ надо, чтобы „правые разумно полѣвѣли а лѣвые отказались отъ своихъ утопій и подкоповъ, и стали на дѣловую почву; тогда станетъ возможной средняя дорожка совмѣстной работы по возстановленію опрокинутыхъ и разрушенныхъ основаній государственной и общественной жизни на новыхъ, здоровыхъ, пріемлемыхъ для народа и выгодныхъ народу началахъ“ (Ib. 307).

Это было бо́льшей утопіей, чѣмъ „фантастическіе“ планы мѣстныхъ стратеговъ.

Головинъ пробылъ около мѣсяца въ Омскѣ. Болѣзнь, и очевидно, нежеланіе связывать свое имя съ безнадежнымъ или, по меньшей мѣрѣ, невѣрнымъ дѣломъ побудила его покинуть Омскъ.*) Послѣ бесѣды съ возвращающимся Головинымъ въ Токіо Болдыревъ записалъ 14 ноября: „какъ умный и предусмотрительный

*) Невольно Головинъ, представивъ передъ отъѣздомъ верховному правителю докладъ о твердомъ положеніи на фронтѣ, — тѣмъ самымъ обнадеживалъ и вводилъ въ заблужденіе военныхъ совѣтниковъ адмирала.

человѣкъ, онъ сейчасъ же понялъ, что ошибся (въ смыслѣ оцѣнки сибирской обстановки) и сразу отошелъ, правда, не безъ благожелательнаго содѣйствія своего „друга“ — ген. Дитерихса и другихъ“ (280). Въ чемъ выразилось „давленіе“ Дитерихса на „быстрый отъѣздъ“ Головина изъ Омска, мы не знаемъ. Но Колчакъ, довѣрявшій Головину и ждавшій его пріѣзда, не противодѣйствовалъ его отъѣзду. Очевидно, омская „обстановка“ измучила верховнаго правителя достаточно — принося себя фатально въ „жертву“, онъ не могъ требовать жертвенности отъ другихъ *).

Возможно, что Дитерихсъ, какъ всѣ другіе, былъ „никудышнымъ стратегомъ“ и что только во время прибывшій Головинъ нѣсколько исправилъ планъ готовившихся операцій на линіи рѣки Тобола. Во всякомъ случаѣ первый этапъ операціи, пока силы были равны **), проходилъ неудачно для совѣтской арміи: послѣ сентябрьскихъ боевъ она принуждена была отступить ***). Настроеніе въ Омскѣ подняла шумиха съ поголовной мобилизаціи сибирскихъ казаковъ, которая, по расчету Иванова-Ринова, должна была дать 18 т. Этотъ казачій корпусъ долженъ былъ совершить рейдъ на Курганъ въ тылъ наступавшей красной арміи. Собралъ Ивановъ-Риновъ только $7^1/_2$ тыс., но тѣмъ не менѣе началъ свой обходъ красной арміи крупнымъ успѣхомъ. „Сейчасъ Ивановъ-Риновъ — записываетъ Будбергъ, человѣкъ очень непосредственный, несмотря на свой критицизмъ — становится близокъ къ исторической славѣ... Омскъ ли-

*) Н. Н. Головинъ разсказывалъ мнѣ, что Колчакъ потребовалъ, чтобы онъ ѣхалъ съ охраной, и заставилъ двухъ молодыхъ офицеровъ, сопровождавшихъ Головина, принести присягу передъ иконой въ томъ, что они его охранятъ. Такова была обстановка.

**) По подсчету Какурина въ 5-ой совѣтской арміи числилось 22 тыс. штыковъ, 2 т. сабель и 84 орудія; у противника было 20 т. шт., 8 т. сабель.

***) Въ запискѣ Сукина подчеркивается, что этотъ первый успѣхъ Головинъ оцѣнивалъ не только какъ „тактическую побѣду“, но и какъ „рѣшительный стратегическій успѣхъ“.

куетъ. Мнѣ совѣстно за свой пессимизмъ" (11 сентября). Въ итогѣ „ударный кулакъ" все же не удался—конный корпусъ въ тылъ противника проникнуть не смогъ. Пополненная новыми резервами красная армія перешла въ наступленіе и переправилась черезъ Тоболъ. Колчаковскія войска спѣшно отошли за рѣку Ишимъ. По мнѣнію Какурина, „конецъ тобольской операціи знаменовалъ собою конецъ организованнаго сопротивленія противника. Его войска потеряли уже всякую боеспособность и въ дальнѣйшемъ арміямъ восточнаго фронта предстояло преодолѣвать не сопротивленіе противника, а пространство" (II, 357).

Какъ пессимизмъ Будберга, такъ и совѣтскій оптимизмъ Какурина требуютъ поправокъ. Еще разъ обратимъ вниманіе на запись Пепеляева: ...„Дитерихсъ сказалъ мнѣ, что туркестанская армія большевиковъ готова намъ сдаться, идутъ переговоры... на нашемъ фронтѣ устойчиво" (12 октября).

Записка Сукина отмѣчаетъ, что Дитерихсъ началъ наступленіе съ вѣрой, что большевиковъ удастся не только сломить, но и обратить въ полное бѣгство.

Моментъ былъ, конечно, критическій. Будбергъ чрезвычайно негодуетъ на Дитерихса, когда тотъ на вопросъ 11 августа, что онъ будетъ дѣлать въ случаѣ неудачнаго наступленія, отвѣтилъ: „разобьемся на партизанскіе отряды" и, какъ въ 1918 году, „начнемъ снова". „Это же полный абсурдъ—комментируетъ авторъ дневника — ибо трудно представить себѣ обстановку болѣе отличную отъ 1918 г., чѣмъ настоящая; тогда мы боролись съ разрозненными толпами мѣстной красноармейщины, а сейчасъ противъ насъ регулярная армія, руководимая военными спецами изъ нашего же брата; тогда населеніе было за насъ, а теперь противъ насъ; все это дѣлаетъ партизанскую войну для насъ почти невозможной" (XV, 265). Неоспоримо правъ въ этомъ отношеніи Будбергъ. Попытка поднять запоздалую волну добро-

вольчества могла быть только жестомъ отчаянія. Такіе жесты рѣдко достигаютъ цѣли. Для подъема нужно настроеніе — его, конечно, въ Омскѣ уже не было. Кругомъ скорѣе была разлита желчная критика, которая могла выращивать только чувство апатіи и пессимизма. Пытался обратиться еще разъ къ сибирякамъ Потанинъ, призывая всѣхъ гражданъ „къ оружію", такъ какъ врагъ у воротъ Сибири. Старикъ предлагалъ себя въ „заложники", ибо возрастъ лишалъ его возможности биться въ рядахъ защитниковъ родины. Обращеніе его было напечатано въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" 24 августа (№ 218). Дитерихсъ склоненъ былъ придать войнѣ религіозный характеръ — это соотвѣтствовало его специфически-православному складу мыслей *) Съ его санкціи появились добровольческія дружины „Святого креста" и „зеленаго знамени" (для мусульманъ), религіозно-патріотическія общества патріарха Гермогена и др. Къ этимъ начинаніямъ „Жанны д'Аркъ въ рейтузахъ", какъ ядовито называлъ Дитерихса Ивановъ-Риновъ, большинство относилось скептически, на этомъ сошлись антиподы — Сахаровъ и Будбергъ.

Поддерживалъ это движеніе и В. Пепеляевъ. 21 сентября онъ записываетъ: „вчера ушли первые отряды „Святого креста" и мусульманъ — всего 500 штыковъ и 100 сабель... Всѣмъ понравились дружины, а раньше нѣкоторые министры совѣтовали мнѣ не связывать своего имени съ этими „черносотенцами" и ихъ движеніемъ. Я же предпочитаю связывать" **). Добровольческое движеніе нашло откликъ въ деревнѣ. Это фактъ несомнѣн-

*) У Дитерихса, по словамъ Сахарова, весь вагонъ былъ уставленъ иконами и хоругвями. Руководился онъ неотвязной идеей объ особенномъ призваніи спасти Россію (289). Едва ли не впервые въ воззваніяхъ Дитерихса было упомянуто объ антихристѣ.

**) Очевидно, въ своемъ пессимизмѣ Будбергъ былъ пристрастенъ, говоря о провалѣ „добровольческой авантюры" на „первомъ же этапѣ": „очередная шумиха собрала около 200 человѣкъ добровольцевъ". Будбергъ долженъ, однако, отмѣтить, что большинство изъ нихъ производитъ „очень хорошее впечатлѣніе" (XV, 305).

ный. Здѣсь оно сталкивалось, правда, съ той снбирской обстановкой, которая коверкала подчасъ самыя хорошія начинанія правительственной власти. „Стремленіе крестьянъ къ формированію добровольческихъ дружинъ — докладываетъ пор. Утберъ изъ Ачинска — было большимъ до паденія Омска. Послѣ продвиженія красныхъ (оно) смѣнилось нежеланіемъ, боязнью, что красные потомъ будутъ избивать дружинниковъ. Тоже порка крестьянъ правительственными отрядами и незаконная реквизиція иногда переходятъ въ грабежъ и служатъ тормозомъ формированія дружинъ“ („П. Дв.“ 75).

„Тылъ“ вообще становился угрожающимъ факторомъ. Какуринъ готовъ признать, что „не столько потеря въ бояхъ, сколько работа внутреннихъ центробѣжныхъ силъ обусловливала... значительное паденіе численности вооруженныхъ силъ противника“ (II, 213). Генералъ Лебедевъ, пробывшій послѣ оставленія поста наштаверха „въ самой толщѣ арміи и населенія“ *), писалъ Колчаку 1-го декабря: „я увѣренъ, что нужно искать новыхъ методовъ борьбы съ большевиками, не строя все на исходѣ чисто военной борьбы“ („Б. за Ур.“ 352).

---

*) Онъ командовалъ на лѣвомъ фронтѣ такъ называемой степной группой.

ГЛАВА III.

Партизанское движеніе.

1. Элементы движенія.

Среди „внутреннихъ центробѣжныхъ силъ“ на первое мѣсто надо поставить возстанія, подрывавшія и разлагавшія тылъ.

Городъ оставался „сравнительно спокоенъ“. Колосовъ объясняетъ это явленіе малочисленностью пролетаріата въ Сибири (300—400 т. на 9—10 мил. населенія). Въ сущности, только въ омскихъ декабрьскихъ событіяхъ мы встрѣчаемъ активное участіе куломзинскихъ жел.-дор. рабочихъ; въ очень рѣдкихъ случаяхъ источники отмѣчаютъ „иниціативу“ рабочихъ, — напр., въ попыткѣ возстанія на ст. Иманская, близъ Красноярска, 27 декабря („Парт. Дв.“ 39). Всѣ болѣе или менѣе значительныя городскія вспышки связаны съ выступленіемъ мобилизованныхъ солдатскихъ частей подъ вліяніемъ пропаганды большевицкихъ или иныхъ агитаторовъ. Такой характеръ носило второе возстаніе въ Омскѣ 1 февраля, не поддержанное ни арміей, ни рабочими и начавшееся съ того, что солдаты одной части перерѣзали своихъ офицеровъ *). Аналогичное встрѣчаемъ мы въ попыткахъ поднять возстаніе въ Новониколаевскѣ (фев-

*) Тумаркинъ „Контръ-революція въ Сибири“. „Сиб. Ог.“ 22, 1, 97; Гинсъ II, 100.

раль), въ Томскѣ и Туринскѣ (мартъ), въ апрѣльскомъ возстаніи въ Тюмени и въ іюльскомъ — въ Красноярскѣ, въ Енисейскѣ, Бодайбо и др.*). Всѣ эти возстанія, инспирированныя и организованныя въ значительной степени коммунистами, согласно приведенной выше резолюціи второй партійной конференціи, больше всего затрагивали военныхъ (сообщеніе „Зари“ 5 ноября о расправѣ съ офицерами во время Маріинскаго бунта). И не приходится удивляться ожесточенію именно военныхъ круговъ. Поэтому такъ легко казаки „звѣрѣли“ и рубили „товарищей безъ пощады“ (изъ письма 19 іюня).

Томское возстаніе, „задуманное“ еще въ февралѣ, „приводится въ исполненіе“ въ мартѣ. „Большая часть товарищей — по словамъ участника Смирнова — была вполнѣ увѣрена въ успѣхѣ дѣла“. Уже распредѣляли комиссарскіе портфели. О началѣ возстанія Смирновъ разсказываетъ:

„Вечеромъ 1 марта въ офицерскомъ клубѣ было собраніе. Въ клубѣ былъ положенъ динамитъ въ печку. Взрывъ долженъ былъ, по замыслу, убить чуть ли не сотню присутствующихъ. Въ то же время на клубъ долженъ былъ сдѣлать нападеніе подведенный сюда отрядъ. А затѣмъ въ другихъ частяхъ города выступятъ рабочіе и солдаты и, пользуясь дезорганизаціей власти, закончатъ дѣло.

Разсчетъ не оправдался. Прежде всего взрывъ оказался очень слабымъ. Убитыхъ было семь или де-

*) Бездоказательно Колосовъ утверждаетъ, что эти возстанія нерѣдко организовались „съ участіемъ агентовъ власти, провоцировавшихъ населеніе на преждевременныя выступленія“ („Б.“ XX, 223). Колосовъ повторяетъ лишь слова большевиковъ, которые это говорятъ въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ надо оправдаться за неудачу. Таковы, напр., утвержденія Авдѣева, въ статьѣ „Въ кровавомъ омутѣ“ („Молодая Гвардія“ 1923 № 4—5) о дѣйствіяхъ тюменьской контръ-развѣдки, „желавшей проучить рабочихъ и солдатъ“. Разсказъ самого Авдѣева приводитъ къ противоположнымъ выводамъ. Поразительна та легкость, съ которой возникаютъ эти утвержденія. Въ позднѣйшей эс-эровской прокламаціи, обращенной къ „братьямъ-чехамъ“ отъ имени цент. бюро воен. орг. въ Сибири, прямо говорится, что „наемныя убійцы“ расправляются съ крестьянами и провоцируютъ ихъ на бунты „съ цѣлью поголовнаго уничтоженія“ („В. С.“ VI, 97).

сять человѣкъ. Оставшіеся офицеры быстро оправились отъ замѣшательства, схватили оружіе и выбѣжали на улицу. Въ этотъ моментъ къ клубу подошелъ небольшой отрядъ коммунистовъ во главѣ съ Ильмеромъ. Произошла перестрѣлка, часть товарищей была убита.

Однако оставшіеся все же рѣшили выступать. Но 4 марта ихъ военный штабъ былъ захваченъ цѣликомъ, и, послѣ военно-полевого суда, было разстрѣлено 20 человѣкъ *). („Б. за Ур". 199).

Столь же неудачна была и февральская попытка поднять возстаніе въ казармахъ Ново-николаевскаго полка. Солдаты оказались „пассивными". Какъ отмѣчаетъ докладъ ген. Бабушкина, большевики базировались на нѣмцахъ-военноплѣнныхъ, среди которыхъ имѣлись коммунистическіе комитеты. Военно-плѣнные должны были принять „дѣятельное участіе" въ случаѣ переворота и изъ нихъ надѣялись „создать наиболѣе боеспособныя войска".

Характерно, что въ Тюмени, гдѣ возстаніе начали мобилизованные при небольшомъ участіи рабочихъ, распропагандированныхъ коммунистической ячейкой, прежде всего возставшіе направились въ лагерь военно-плѣнныхъ. Но тамъ никто не присоединился къ возстанію. Молва о сотняхъ жертвъ въ этомъ „сепаратномъ" возстаніи совершенно ложна. Управляющій губерніей прис. пов. Копачелли въ своемъ докладѣ исчисляетъ ихъ въ размѣрѣ 34. Со стороны чеховъ и добровольцевъ изъ интеллигентовъ потеря выразилась въ одномъ тяжело раненномъ. (Матеріалы о тюменьскомъ бунтѣ напечатаны въ № 8 „Прол. Рев.").

Изъ сказаннаго видно, что городскія вспышки большого значенія не имѣли.

Иное дѣло возстанія, которыя принято называть

*) Большую роль играли въ этомъ дѣлѣ бывшіе нарымскіе ссыльные латыши.

крестьянскими, хотя специфическія черты крестьянскаго движенія въ нихъ почти отсутствовали, и поэтому называть ихъ крестьянскими надо съ большими оговорками. То было движеніе партизанское, чрезвычайно разнородное по своему составу; движеніе, принявшее въ сибирскихъ условіяхъ огромные размѣры и дѣйствительно представлявшее мѣстами большую угрозу въ тылу арміи. Достаточно указать на то, что бывали, напр., моменты, когда желѣзная дорога отъ Барнаула до Семипалатинска на протяженіи 100—150 верстъ находилась 2—3 недѣли въ рукахъ партизанскихъ отрядовъ, чѣмъ разстраивалось все движеніе грузовъ въ этой части Сибири (Колосовъ XX, 225). „Тайшетская пробка" (между Тайшетомъ и Канскомъ) на два мѣсяца остановила все ночное движеніе (Будбергъ XIV, 275); поѣзда ходили съ большими перебоями, а воинскіе эшелоны „почти съ регулярной правильностью" терпѣли крушенія (Колосовъ 237). Амурская жел. дор., занятая повстанцами, не функціонировала двѣ недѣли *).

* * *

Породилъ возстаніе, конечно, „разбойничій колчаковскій режимъ" — рубитъ сплеча с-р. Раковъ въ своемъ декабрьскомъ письмѣ 19 г. партійнымъ товарищамъ**), не замѣчая того, что самъ называетъ „тайшетскія событія" „характернымъ эпизодомъ большевицкихъ возстаній въ Енисейской губ.". Трафаретъ легко прививается и находитъ себѣ мѣсто на страницахъ первой исторіи гражданской войны. Ссылаясь на извѣстную уже намъ записку Калашникова, Милюковъ, между прочимъ, пишетъ: „Съ точки зрѣнія начальства всѣ возстанія объяснялись воздѣйствіемъ большевицкихъ агентовъ. Но

*) Чехо-словацкая сводка отмѣчала 57 нападеній на районъ ст. Тайшетъ въ теченіе времени съ 18 марта по 3 апрѣля (записка Калашникова).

**) „Въ застѣнкахъ Колчака" (голосъ изъ Сибири) 42.

большинство возстаній не имѣло ничего общаго съ большевизмомъ" *). Авторъ до нельзя упростилъ въ общемъ интересную и цѣнную по фактамъ записку, представленную адм. Колчаку изъ среды демократическаго окруженія Гайды. Обратимся лучше непосредственно къ первоисточнику. „Обычно — говоритъ записка — всѣ волненія и возстанія объясняются вліяніемъ большевицкихъ агитаторовъ, группирующихъ вокругъ себя бывшихъ красноармейцевъ. Безспорно большевицкіе и сочувствующіе имъ элементы появляются на сцену каждый разъ, какъ только возникаютъ волненія, стремясь придать имъ направленіе борьбы за „власть совѣтовъ". Но, во-первыхъ, требуетъ объясненія, какимъ образомъ эти агитаторы могли пріобрѣсти вліяніе среди сельскаго населенія, такъ недавно горячо привѣтствовавшаго сверженіе ихъ власти. Во-вторыхъ, въ рядѣ случаевъ можно указать на мотивы возстанія, не имѣющіе ничего общаго съ большевизмомъ". Совпаденіе неудачъ на фронтѣ съ внутренними волненіями и общественнымъ недовольствомъ свидѣтельствуетъ, по мнѣнію записки, о наличности общихъ причинъ, вызывающихъ эти явленія. Ихъ искать слѣдуетъ „въ методахъ управленія страны"**).

Въ дѣйствительности, какъ это видно отчасти изъ нѣкоторыхъ фактовъ, приводимыхъ и въ запискѣ, причины, вызывавшія крестьянское и повстанческое движеніе, были гораздо сложнѣе и многообразнѣе. Въ сущности, пока одинъ только Колосовъ пытался въ своей

*) Отвѣчая на мою критику въ статьѣ „Критика или памфлетъ" („П. Нов." № 2983) П. Н. Милюковъ указывалъ, что я приписываю ему самому то, что онъ излагалъ отъ имени своихъ источниковъ. Но авторъ добавлялъ къ изложенію записки Калашникова: „правильность анализа причинъ недовольства подтверждается рядомъ другихъ данныхъ". Очевидно тѣмъ самымъ авторъ солидаризируется съ запиской Калашникова. Но главнымъ является то, что въ запискѣ Калашникова нѣтъ ни выраженій, ни утвержденій, которыя я приводилъ въ кавычкахъ изъ текста Милюкова.

**) Къ запискѣ Калашникова мы еще вернемся. Милюковъ пользовался текстомъ, приведеннымъ въ воспоминаніяхъ Гайды (132—34). По русски записка напечатана въ № 6—7 „Вольн. Сибири".

статьѣ, напечатанной въ „Быломъ“ (XX кн.), подвести нѣкоторые итоги и дать общую картину крестьянскаго движенія въ Сибири въ періодъ власти адм. Колчака. Въ его распоряженіи была даже спеціальная карта, составленная осенью 19 г., что дало автору возможность начертить топографію возстаній.

„Я буду — писалъ онъ — обрисовывать это движеніе не какъ ученый, а какъ лѣтописецъ—современникъ, не какъ историкъ, а какъ политикъ, принимавшій непосредственное участіе въ общемъ ходѣ событій и въ ихъ рѣшеніи“ (224).

Но Колосовъ, будучи достаточно тенденціознымъ политическимъ писателемъ, всетаки изслѣдователь. При крайне враждебномъ отношеніи къ правительству Колчака онъ не могъ не скрыть всей сложности описываемаго явленія; не могъ откинуть отрицательныя стороны движенія. Наблюденія и выводы его знаменательны: главенствующее теченіе въ повстанческомъ движеніи онъ назвалъ „сибирской махновщиной“.

„Обычно *) — пишетъ Колосовъ — крестьянское движеніе опредѣлялось въ Сибири, какъ движеніе большевицкое, и въ извѣстномъ смыслѣ оно было таковымъ. Большевицкіе нелегальныя организаціи скоро учли, особенно послѣ неудачныхъ опытовъ чисто городскихъ возстаній, всю важность деревенскаго бунта и направили туда значительныя силы. Позиція ихъ была тѣмъ выгоднѣе, что легче было противопоставить, по закону антитезы, власти Колчака идею власти Совѣтовъ. Такъ большевики и поступали. Коммунистовъ тогда въ Сибири еще не знали (даже терминъ этотъ не пользовался распространеніемъ), большевиковъ же помнили еще по 1917—1918 г. г., и психологически деревня чувствовала къ нимъ опредѣленное тяготѣніе“ (239) **).

Крестьянское движеніе въ Сибири — продолжаетъ авторъ—не только при Колчакѣ, а и раньше, за

*) Это „обычно“ относится у Колосова не только къ колчаковскому „начальству“.

**) Авторъ разсматриваетъ „большевизмъ“, какъ стихійный и бозсознательный протестъ противъ всякихъ формъ неравенства.

предыдущій періодъ революціи (оно и тогда существовало), начиная съ 1917 г., представляло собою очень сложное общественное явленіе, далеко не однородное по составу своихъ участниковъ и далеко не равноцѣнное въ разныхъ своихъ частяхъ. По своему составу оно не всегда было демократическимъ, напротивъ, въ немъ извѣстное участіе, иногда даже руководящее, играли обезпеченнные слои деревни, зажиточные и богатые крестьяне. Такъ случилось, напр., на Алтаѣ, въ Семипалатинской губ. и др. мѣстахъ. Не всегда оно руководилось и революціонными цѣлями въ общепризнанномъ смыслѣ этого слова. Больше того, случалось, что крестьянскія движенія начинались столкновеніями съ властями на почвѣ, далекой отъ всякой революціи, или принимали характеръ не столько революціонный, сколько анархистски—бунтарскій, даже просто погромный. Нерѣдко крестьянство вообще отказывалось признавать какіе-бы то ни было, хотя бы самые законные и неизбѣжные виды обязательнаго отбыванія общественныхъ повинностей. Свобода въ такихъ случаяхъ понималась или очень примитивно — въ смыслѣ освобожденія отъ всякой государственной власти или въ смыслѣ права „свободно“ заниматься всѣмъ, кто бы чѣмъ ни пожелалъ, вплоть до свободной выкурки „самогонки“, добываніе которой столь распространено въ сибирской деревнѣ... Нѣкоторый примитивный анархизмъ вообще свойственъ крестьянскому міровоззрѣнію и онъ неизбѣжно долженъ былъ проявиться въ крестьянскомъ движеніи...; крестьянство являлось часто настроеннымъ противъ всякаго рода мобилизацій, систематически уклоняясь отъ нихъ не только потому, что оно не желало признавать мобилизаціи для какой-либо данной цѣли, а потому, что оно было вообще противъ поставки рекрутъ въ солдаты; оно отказывалось платить налоги, хотя бы эти налоги шли на расходы по удовлетворенію его же нуждъ, какъ это бывало не разъ при сборѣ земскихъ повинностей и т. д... (241—3).

Чрезмѣрно подчеркивая „примитивный анархизмъ крестьянскаго мышленія“, Колосовъ отмѣчаетъ, что въ этомъ недовѣріи къ государству „не послѣднюю роль играли съ давнихъ поръ элементы вообще антисоціальные

(не забудемъ все-таки, что Сибирь страна ссылки — я говорю не про политическую ссылку, а уголовную) и въ ней осѣло не мало элементовъ просто ушкуйническихъ" и что „въ результатѣ такого переплетенія взаимно скрещивающихся началъ крестьянское движеніе то тутъ, то тамъ должно было вырождаться въ такія формы, которыя ни съ какой стороны не могли быть пріемлемы ни для какого государственнаго теченія" (241—43).

Одновременно съ сибирской махновщиной, „умалять значеніе которой — по мнѣнію Колосова — было бы большой политической ошибкой, особенно при общей мало-культурности сибирскаго населенія", существовали и другіе типы движенія. „Наилучшее выраженіе ихъ — по словамъ автора — мы находимъ въ постановленіяхъ повстанческаго съѣзда въ с. Черный-Ануй, въ Алтаѣ, происходившаго въ началѣ сентября 1919 г.". Политическое настроеніе этихъ „сердняцкихъ трудовыхъ землепашескихъ слоевъ" Колосовъ опредѣляетъ стремленіемъ къ демократической государственности. Ихъ политическая программа носила „отпечатокъ земскихъ традицій" — понимай, с.-р. настроеній. Было и опредѣленное „совѣтское теченіе", нашедшее спеціальный районъ „для своего развитія и для своего идейнаго соревнованія". Этотъ районъ — Минусинскій край (246).

Былъ — добавимъ отъ себя — и фронтъ „монархическій". Была невѣроятная путаница понятій и представленій. Ген. Сахаровъ не измышляетъ факта, когда разсказываетъ, что одинъ изъ повстанческихъ вождей, шт. кап. Щетинкинъ, въ большевицкомъ районѣ дѣйствовалъ царскимъ именемъ. Доставленная контръ-развѣдкой въ штабъ арміи прокламація гласила: „Пора кончить съ разрушителями Россіи съ Колчакомъ и Деникинымъ, продолжающими дѣло предателя Керенскаго. Надо всѣмъ встать на защиту поруганной Святой Руси и Русскаго народа. Во Владивостокъ пріѣхалъ уже Великій Князь Николай Николаевичъ, который и взялъ на

себя всю власть надъ Русскимъ народомъ. Я получилъ отъ него приказъ, присланный съ генераломъ, чтобы поднять народъ противъ Колчака... Ленинъ и Троцкій въ Москвѣ подчинились Великому Князю Николаю Николаевичу и назначены его министрами... Призываю всѣхъ православныхъ людей къ оружію за царя и совѣтскую власть" (158—59) *).... Конечно, это была демагогія, но подпольная демагогія пускается только тогда, когда имѣется для воздѣйствія подходящая среда. Среду эту составляла не только „серебряная гвардія" — люди порядка, консерваторы деревни, которыхъ Колосовъ встрѣчалъ въ Красноярскомъ у. и которые желали возстановленія твердой власти, „не особенно останавливаясь на томъ, откуда она исходитъ" (235). Чрезвычайно показательно, что на Алтаѣ, въ той его части, гдѣ возникало повстанчество, появился даже лже-царевичъ Алексѣй, и въ деревняхъ его встрѣчали съ колокольнымъ звономъ и быстро переходили на его сторону всѣ мѣстные „большевики". Самозванцемъ оказался кош-ачагскій почтово-телеграфный служащій, Пуцято. „Онъ арестованъ контръ-развѣдкой — записываетъ Пепеляевъ 16 октября — и находится въ Бійскѣ. Къ мѣсту, гдѣ арестованъ, собираются толпы любопытныхъ. Управляющій губерніей телеграфируетъ, что въ него уже вѣрятъ". Не только деревня, но цѣлый городъ переполошился, когда въ Бійскѣ была принята телеграмма на имя верховнаго правителя: „не желая погибнуть отъ руки большевиковъ, прошу дать вооруженную охрану. Цесаревичъ Алексѣй". Парень 18—19 лѣтъ, одѣтый въ матросскій костюмъ, произвелъ въ XX вѣкѣ такую сенсацію, что

*) Повидимому, авторъ все-таки только излагаетъ содержаніе прокламаціи. Его изложеніе совпадаетъ, однако, съ утвержденіемъ омскаго журналиста Вс. Иванова („Въ гражданской войнѣ" 136) „собственными глазами видѣвшаго этотъ документъ", Щетинкинъ дѣйствовалъ именемъ бѣлой гвардіи („Пар. Дв." 76). По словамъ Гинса, Щетинкинъ выступалъ отъ лица вел. князя Михаила Александровича (I, 370).

затмилъ славу Хлестакова. По словамъ „Свободнаго Края“ за „цесаревичемъ“ былъ изъ города отправленъ воинскій отрядъ, приготовлено два лучшихъ номера въ гостиницѣ и устроенъ въ честь высокаго гостя обѣдъ...

Крестьянскій „монархизмъ“ имѣлъ специфическія черты. Н. А. Андрушкевичъ въ своихъ интересныхъ воспоминаніяхъ о дѣятельности въ качествѣ правительственаго комиссара Уманскаго у. и уполномоченнаго по охранѣ государственнаго порядка въ Уссурійскомъ краѣ, разсказываетъ, что населеніе встрѣтило воззваніе приморской земской управы противъ Колчака весьма своеобразно: „понято изъ него было только одно, что нѣкій Колчакъ, бандитъ, завладѣлъ въ Омскѣ властью“ (125). Колчаковцы — это „тѣ же хунхузы, только русскіе“ (135). Съ другой стороны, „большевики за царя, за порядокъ; большевики господъ уничтожаютъ, тѣхъ, что куражатся надъ простымъ народомъ“ *).

* * *

Причины повстанческаго движенія, дѣйствительно, разнообразны. Картина, какъ увидимъ ниже, получается чрезвычайно пестрая, и чрезвычайнымъ упрощеніемъ вопроса является попытка доказать, что крестьянское или повстанческое движеніе возникало преимущественно на почвѣ эксцессовъ военной власти. Эксцессы при усмиреніяхъ часто подливали масло въ огонь. Это безспорно: „излишняя жестокость, проявленная казаками при подавленіи мятежа — писалъ, напр., 11 декабря 18 г. ген. Шильниковъ, начальствовавшій надъ карательнымъ отрядомъ въ Минусинскомъ у. — случаи незаконмѣрныхъ дѣйствій, которыя, не смотря на цѣлый рядъ моихъ приказовъ и словесныхъ распоряженій офицерамъ, всетаки

*) Т. И. Полнеръ передавалъ мнѣ, что при поѣздкѣ черезъ Сибирь (осень 1918) онъ не разъ задавалъ вопросъ о царѣ и слышалъ, что „царя“ надо, но такого, который „ходилъ бы подъ отчетомъ“.

были допущены и озлобленіе еще увеличили" („Парт. Дв." 31.). Но вѣдь можно поставить дилемму по другому, какъ разрѣшили ее большевики въ грандіозномъ антоновскомъ возстаніи 1920—21 г. Они дѣйствительно огнемъ и мечомъ безпощадно („образцово безпощадно", по выраженію Ленина) подавили это движеніе и тѣмъ спасли свое положеніе*).

Въ Сибири были иныя условія: лѣсная „пустыня", таежныя урочища, неприступныя скалы — все это содѣйствовало успѣху партизанской борьбы. Правительство, „поразительное по своей политической близорукости, совершенно не отдавало себѣ отчета, насколько серьезно крестьянское движеніе и какую грозную опасность оно представляло" (Колосовъ 239). „Ставка на возстанія въ тылу обращаетъ мало вниманія" — гласитъ запись Будберга 15 мая. „Значеніе возстанія достаточно не оцѣнено" — сообщаетъ шт.-кап. Суровцевъ о положеніи въ Енисейской губ. въ апрѣлѣ. Неудачи являются „слѣдствіемъ веденія операцій малыми силами" („П. Дв." 148). При такихъ условіяхъ „эксцессы" власти неизбѣжно должны были только озлоблять населеніе.

Будбергу представляется, что лучше было бросить „всѣ эти усмиренія и ограничиться охраной жел. дороги": „быть можетъ, безъ усмиренія все усмирилось бы само собой, особенно, когда подошло бы время полевыхъ работъ" (XIV, 268). Очевидно, Будбергъ не былъ одинокъ въ такихъ сужденіяхъ. По словамъ Колосова, „нѣкоторые весьма интеллигентные люди, съ мнѣніемъ которыхъ я считался, такъ какъ они внимательно наблюдали мѣстную жизнь, полагали даже, что къ веснѣ 19 г. крестьянское движеніе само сойдетъ на нѣтъ, смоется... стихійнымъ тяготѣніемъ трудового населенія къ землѣ" (261).

*) Еще не было октябрьскаго антоновскаго возстанія, какъ на заборахъ Тамбова, по сообщенію „Извѣстій" Губисполкома, расклеивались объявленія о сожженіи многотысячныхъ селъ за „срывъ продкампаніи" („Пути Революціи", 295).

Колосовъ тогда уже не былъ согласенъ съ такимъ оптимистическимъ выводомъ, и тѣмъ не менѣе самъ замѣчаетъ: „если бы жизнь въ сибирской деревнѣ вошла въ нормальное русло, то, очевидно, всѣ конфликты и всѣ партійныя группировки, намѣтившіяся въ ней, постепенно бы сами собой потонули въ общемъ стремленіи крестьянъ „къ красотѣ ржаного поля", какъ выразился нѣкогда Глѣбъ Успенскій" (266). Но какъ деревня могла бы войти въ нормальное русло? Дѣло, въ изображеніи Колосова, стояло прозаически: „товаръ — вотъ средство политическаго завоеванія деревни". Надо было принять „экстренныя мѣры" къ снабженію деревни, но этого товара въ достаточномъ количествѣ при наилучшихъ условіяхъ правительство дать не могло. „Деревня— доносилъ управляющій Иркутской губ. Вологодскому и Пепеляеву — возмущена налогами и отсутствіемъ товаровъ. При самодержавіи у нихъ былъ товаръ, а при большевикахъ не собирали налоговъ. Эти воспоминанія ихъ настраиваютъ противъ нынѣшней власти" (Субботовскій 303). Подобныя сужденія, вышедшія изъ лагеря соціалистовъ (управляющій Иркутской губ. — эс-эр.) *), во всякомъ случаѣ не свидѣтельствуютъ о томъ, что крестьянство сибирской деревни было глубоко захвачено идейнымъ содержаніемъ, которое ему предлагали антагонисты власти. И дѣло было не въ томъ, что „населеніе подозрѣваетъ, что правительство не хочетъ собирать Учредительное Собраніе" (Милюковъ примѣнительно къ калашниковской запискѣ. 136). Имъ мало интересовались въ деревнѣ.

* * *

Земельный вопросъ — основа крестьянскаго бы-

*) Будбергъ, все время говорящій о необходимости другихъ мѣръ въ отношеніи крестьянъ, чѣмъ тѣ, которыя примѣняло правительство (XIV, 249), никогда реально не указываетъ, каковы должны были быть эти мѣры.

тія — въ сибирской деревнѣ не игралъ той роли, которая ему выпала въ крестьянскомъ движеніи европейской Россіи. Онъ имѣлъ значеніе во внутреннихъ отношеніяхъ самой деревни... Конечно, ошибочно представлять себѣ сибирскую деревню единой въ своихъ соціальныхъ интересахъ. Наблюдавшееся разслоеніе существенно вліяло на характеръ движенія, а подчасъ и на его возникновеніе въ той или иной мѣстности. Наблюденія Будберга (вѣрнѣе, передача имъ въ дневникѣ словъ Пепеляева) совершенно правильны: главная основа возстаній — новоселы, „поселенія столыпинскихъ аграрниковъ *), не приспособленныхъ къ сибирской жизни и охочихъ на то, чтобы поживиться за счетъ богатыхъ старожиловъ“ (XIV, 255). Какъ разъ въ тѣхъ уѣздахъ Енисейской губ., гдѣ повстанческое движеніе приняло широкіе размѣры и пріобрѣло „совѣтскій“ характеръ, переселенческія хозяйства значительно преобладали надъ старожильческими **). Степно баджейская волость, сдѣлавшаяся однимъ изъ центровъ движенія, была волостью молодой — 17 переселенческихъ селеній и 7 старожильскихъ („Сѣв. Кр.“ № 150). Тасѣевская — 14 старожильскихъ селеній и 54 переселенческихъ.

Недавно переселившіеся подверглись во время войны наибольшему разоренію. Наказы крестьянскимъ депутатамъ въ августѣ еще 17 г. отмѣчаютъ, что переселенцы Енисейской и Иркутской губ., и частью Томской, имѣютъ большое количество хозяйствъ безъ посѣвовъ и рабочаго скота ***). Жители Тайшетской волости въ концѣ 19 года жалуются, что два года существуютъ безъ посѣвовъ („Пар. Дв.“ 278).

„Пролетарская часть“ крестьянства легко восприни-

*) Столыпинская земельная реформа толкнула на переселеніе „бѣдняковъ“, въ 1907 — 257646; 1908 — 420883 и т. д.

**) Въ Ачинскомъ у. переселенческихъ хозяйствъ 61%, въ Канскомъ 77, Красноярскомъ 50, Минусинскомъ 47, Енисейскомъ 58.

***) Кардонская. „Сибирское крестьянство въ дни октябрьской революціи“. „Пролет. Рев.“ кн. 81, стр. 56.

мала „революціонную пропаганду съ первыхъ же дней революціи“ *). По линіи экономическихъ интересовъ проходило здѣсь политическое раздѣленіе. Это отчетливо проявлялось въ столкновеніяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ 1917 г. уже на первомъ губернскомъ крестьянскомъ съѣздѣ въ Красноярскѣ, о которомъ разсказываетъ Колосовъ:

„районы подъ-таежные, оторванные отъ центра, наиболѣе глухіе, наименѣе грамотные... стояли за одну оріентацію въ политическихъ вопросахъ, а районы земледѣльческіе, хлѣбопашескіе за другую. При этомъ оказывалось, что первые районы — переселенскіе, вторые — старожильскіе“. Переселенцы, по характеристикѣ Колосова, это „паріи“ сибирской жизни. Они „привыкали ко всякаго рода ссудамъ, которыя развращали ихъ, и рабочее населеніе перерождали въ нищихъ, попрошаекъ-профессіоналовъ. Въ итогѣ получалось своего рода „бродячая Русь“, хищнически обращавшаяся съ землей, лѣсомъ, природными богатствами. Этотъ безхозяйственный элементъ... въ сибирской переработкѣ, конечно, долженъ былъ отнестись очень сочувственно къ такимъ политическимъ лозунгамъ, какъ, напр., захватъ земли, упорно пропагандировавшій канскими делегатами на томъ же губернскомъ крестьянскомъ съѣздѣ въ Красноярскѣ. Но вѣдь въ Сибири, въ частности въ Енисейской губ., частныхъ земельныхъ собственниковъ совсѣмъ почти нѣтъ. По Енисейской губ., напр., только 0,9% всѣхъ земель состоитъ въ рукахъ частныхъ собственниковъ, остальная земля либо крестьянская, либо государственная. Тѣмъ не менѣе мысль о захватѣ земель подкупала крестьянъ, несмотря на всю свою парадоксальность въ сибирскихъ условіяхъ (въ Канскѣ весной 17 г. было вынесено постановленіе о конфискаціи государственныхъ земель!) т. е. она подкупала крестьянъ-переселенцевъ. Можно, вѣдь, было захватывать землю

*) Авторъ предисловія къ сборнику матеріаловъ „Партизанское движеніе“ (Максаковъ) отмѣчаетъ одну важную для сибирскихъ настроеній черту — именно изъ этихъ переселенцевъ рекрутировались кадры рабочихъ на жел. дороги.

у старожиловъ и казаковъ, которые являлись тоже старожилами и лучше, чѣмъ кто либо другой, были надѣлены землей" (236).

И довольно обычное явленіе, что новоселы грабятъ старожильскія поселенія. „Въ настоящее время — доноситъ полк. Зѣвакинъ 9 марта въ Иркутскъ — въ Тальской волости собралось около 500 вооруженныхъ новоселовъ, которые формируютъ изъ своего состава полки, грабятъ старожильскія селенія" („Пар. Дв." 99).

Большевики искустно пользовались настроеніемъ въ деревнѣ, примѣняя методъ двойной бухгалтеріи. Современный источникъ отмѣчаетъ намъ непріязнь, съ которой былъ встрѣченъ, напр., большевицкій партизанскій отрядъ Карандашвили, дѣйствовавшій отъ имени верхоленскаго революціоноаго комитета. Однако, конфискація у зажиточныхъ жигальцевъ привлекла симпатій части крестьянства, съ которой побѣдители дѣлились „добычей" („Дѣло Нар." № 390 — 13 янв.).

На почвѣ внутреннихъ отношеній въ деревнѣ наблюдались характерныя явленія. Довольно яркую иллюстрацію даетъ Колосовъ, излагая исторію отношеній между двумя волостями Канскаго у. — Тасѣевской и Рожденственской:

„эти двѣ волости — Монтеки и Капулети Канскаго у.; онѣ разной политической оріентаціи: Тасѣево — совѣтской, Рождественское — трудно опредѣлить какой, скажемъ, „земской", хотя это будетъ не точно. Столкновенія между ними случались постоянно и доходили иногда до кровавыхъ стычекъ, особенно обострявшихся при приходѣ карательныхъ отрядовъ. Къ моменту полевыхъ работъ столкновенія между ними такъ обострялись, что для сѣнокоса и уборки хлѣбовъ приходилось выходить на работу съ оружіемъ въ рукахъ... Крестьяне скоро сами поняли, что нужно либо... воевать другъ съ другомъ, либо работать... Путая войну съ работой, они рисковали остаться на зиму безъ запасовъ... обѣ волости заклю-

чили перемиріе на періодъ полевыхъ работъ и свято его соблюдали" (265).

Сибирскій кооператоръ Окуличъ обвинялъ впослѣдствіи („Возрожденіе" № 282) правительство (еще сибирское) за то, что оно не сумѣло сорганизовать старожильское крестьянство, какъ не сумѣли раньше на него опереться областники. Но не такъ просто было это сдѣлать въ бурю гражданской войны. Населеніе, мало склонное къ жертвенности, предпочитало пассивность и выжиданіе: не знаемъ, гдѣ врагъ и гдѣ друзья, не принимаемъ участія въ партійной борьбѣ, признаемъ ту партію, при которой не будетъ насилья — говоритъ одна изъ крестьянскихъ резолюцій Черемховскаго у. („Сибирь" № 38). Не будь атаманщины, сибирская деревня занималась бы своимъ дѣломъ — спѣшитъ сдѣлать заключеніе Будбергъ (XIII, 297). Въ кривомъ зеркалѣ жизни все отражается по другому: противъ Семенова какъ разъ возстаетъ богатое крестьянство, а бѣдное за атамана... Это до нѣкоторой степени понятно въ условіяхъ „атаманщины" — отъ поборовъ страдали преимущественно зажиточные слои населенія.

Антагонизмъ въ деревнѣ осложнялся еще и тѣмъ, что къ старожильскому элементу относилось и казачество *). Только въ этой обстановкѣ становятся понятными острыя столкновенія между казаками и крестьянами. Не только въ Семирѣчьи, но и въ другихъ мѣстахъ гражданская война принимала какъ бы форму борьбы казачества съ крестьянствомъ („Сиб. Ог." 23, № 1, 88; Гинсъ II, 378). Казачество легко было двинуть на усмиреніе крестьянскихъ бунтовъ, но власть оказы-

*) Отмѣчаетъ это въ отношеніи возстанія въ Кустанаѣ Тургайской обл. и записка Калашникова. Здѣсь сыграли роль давніе конфликты между хуторянами-украинцами и казаками, желавшими, вопреки постановленію Вр. Пр., выселить новоселовъ. Пользуясь запиской Калашникова, Милюковъ пропускаетъ всѣ ея подчасъ существенные ньюансы. Во всемъ текстѣ Милюкова нѣтъ вообще даже намека на сложныя соціальныя и бытовыя явленія, игравшія роль среди причинъ повстанническаго движенія.

валась безсильной передъ разнуздавшимися во время усмиреній инстинктами. Авторъ очерка „Пятая армія и сибирскіе партизаны“ (Викторъ Эльцинъ, въ сб. „Борьба за Уралъ и Сибирь“ 275) разсказываетъ, какъ крестьяне при приближеніи совѣтскихъ войскъ, пользуясь мобилизаціей казаковъ, близъ Устъ-Каменогорска (Семипалатинской обл.) „цѣликомъ сжигали станицы и убивали стариковъ и дѣтей, которые были теперь единственнымъ населеніемъ станицъ“. Другую картину рисовалъ Колосовъ въ своемъ „отвѣтѣ“ чешскому полк. Прхалу — дѣло касалось уже усмиренія крестьянскаго бунта казаками изъ сосѣднихъ станицъ въ Ачинскомъ у.: „Когда они приходили въ какую-либо деревню для экзекуціи, то сзади ихъ отрядовъ ѣхали обозы изъ ихъ же станицы и на эти обозы жены и отцы пришедшихъ казаковъ нагружали крестьянское добро и увозили къ себѣ домой, благо это не далеко. Забирали они все, отъ сельско-хозяйственныхъ машинъ до самоваровъ и полотенецъ... Офицеры, которые иногда пытались ихъ остановить, не имѣли надъ ними никакой власти“ *)...

Взаимоотношенія въ деревнѣ подчасъ осложнялись и національнымъ составомъ переселенцевъ. Заманскій районъ (центръ повстанчества) — недавнее населеніе изъ русскихъ, эстонцевъ и латышей. Тренія происходятъ между отдѣльными группами крестьянъ, между селеніями, между національностями („Сиб. Край“ № 150). Переселенцы латыши являются наиболѣе безпокойнымъ элементомъ — отмѣчаетъ енисейскій губернскій комиссаръ Троицкій („Пар. Дв.“ 37). Передъ нами Тасѣевская, Перовская, Вершино-рыбинская волости Канскаго у. Здѣсь большевики пустили „глубокіе корни“ — оказывается, что окрестные (ст. Клюквенная) поселки населены преимущественно латышами, у которыхъ большевики находятъ радушный пріемъ („Парт. Дв.“ 36). Въ составѣ

*) „Отвѣтъ“ Колосова напечатанъ въ приложеніи къ брошюрѣ Солодникова „Сибирскія авантюры“, стр. 79.

„красныхъ“ до 60% латышей (Ib. 112). Отъ большевицкаго уже обозрѣвателя и непосредственнаго участника событій мы знаемъ, что первое крупное славогородское возстаніе (ранней осенью 18 г.) встрѣчало особенное сочувствіе среди мѣстныхъ нѣмецкихъ поселенцевъ, жаждавшихъ „мести и расправы“ („Сиб. Огни“ 26, № 5—6, 160).

Надо подчеркнуть и еще одну специфически сибирскую черту, отмѣченную уже Колосовымъ. Сибирь—страна ссылки не только политической, но и уголовной. Знаменательно, что именно въ Красноярскѣ — большевицкой цитадели (сибирскій Кронштадтъ) въ 1917 г. были выпущены изъ тюремъ уголовные. И бывшій красноярскій комиссаръ Гуревичъ свидѣтельствуетъ, что „убійства и грабежи посыпались, какъ изъ рога изобилія“ („В. Сиб.“ III, 33). Шайки бѣглыхъ каторжанъ дѣйствуютъ часто подъ видомъ или отъ имени большевицкихъ организацій — напр., бѣжавшіе каторжане съ Сахалина*). Лица съ уголовнымъ прошлымъ руководятъ дѣйствіями приверженцевъ совѣтской власти. Среди этого элемента легко вербовались большевицкіе отряды, отличавшіеся „безшабашной разгульной жизнью“ („Пар. Дв.“ 72)**).

2. Большевики и стихія.

Я отмѣтилъ тѣ черты, которыя вытекали изъ общихъ условій сибирской жизни и которыя создались въ періодъ какъ бы дореволюціонный. Въ этихъ общихъ условіяхъ легко развивалась революціонная бацилла бытового анархизма и тотъ „духъ злобы и мести“, который насаждалъ повсюду большевизмъ. Не въ

*) Парфеновъ „На Дальнемъ Востокѣ“ 95. Сахалинскіе каторжане образовали партизанскіе отряды противъ Калмыкова.

**) Кежемская и Инычукская вол. Илимскаго края искони были освобождены отъ воинской повинности. Мобилизація здѣсь неизбѣжно вызывала отпоръ („П. Дв.“ 193).

одной только Томской губ. повстанческіе отряды „очень часто“ не имѣли „ничего общаго ни съ какой политикой“ (Колосовъ 227). Вѣрнѣе, всѣ партизанскіе отряды перемѣшивались съ анархическими бандами деклассированныхъ элементовъ и носили въ той или другой степени „просто погромный характеръ“. Неизбѣжно и чисто крестьянское движеніе, посколько таковое существовало, подъ руководствомъ этихъ бандъ пріобрѣтало по преимуществу такой же погромный характеръ. Это станетъ ясно, когда мы перейдемъ къ характеристикѣ „вождей“ движенія.

„Народъ совершенно развратился, никому не хочетъ подчиняться“ — говоритъ намъ одно изъ крестьянскихъ писемъ іюня 19 г. Голосъ этотъ совпадаетъ съ мнѣніемъ контръ-развѣдывательнаго отдѣленія, сообщавшаго 3 марта о Тасѣевѣ: населеніе, развращенное революціей, не желаетъ нести обязательствъ; переселенческое населеніе настроено большевицки („П. Дв.“105 6). Эту стихію и пытаются сорганизовать и использовать противъ власти сибирскіе коммунисты... Позднѣйшая совѣтская беллетристика не поскупилась въ наложеніи красокъ при изображеніи борьбы сибирскихъ партизановъ съ „колчаковщиной“. Она охотно рисуетъ темноту сибирскаго мужика, его тупую злобу и нелѣпую жестокость, звѣрскую ненависть и бездумныя убійства *). Подъ звѣриной шкурой, конечно, будетъ выступать тоска по настоящей жизни. Но совѣтскіе беллетристы забываютъ сказать, что въ сущности „звѣриное начало“ обнаружи валось не въ массѣ сибирскаго крестьянства (ср., напр., съ воспоминаніями ген. Сахарова), а въ тѣхъ повстанческихъ бандахъ, которыя организовывали большевики.

Эти отряды составлялись изъ разнообразныхъ элементовъ, собиравшихся въ тайгѣ и оттуда дѣйствовавшихъ. Прежде всего, это выброшенные на арену граж-

*) См. очеркъ М. Слонима съ разборомъ повѣстей Шишкова, Вс. Иванова, Сейфулиной въ „Вольн. Сибири“ V, 81.

данской войны обломки старыхъ армій, являющіеся въ значительной степени случайными спутниками политики большевиковъ — изъ бывшихъ „фронтовиковъ", хорошо снабженныхъ оружіемъ, унесеннымъ съ фронта (винтовками, патронами и даже пулеметами), не склонныхъ сражаться въ рядахъ регулярныхъ армій, вербуются дезертиры; изъ нихъ набираются банды во главѣ съ лихими разбойническими атаманами.

Въ тайгѣ оказались и остатки красногвардейскихъ отрядовъ, разсѣянныхъ въ лѣтній періодъ освобожденія Сибири отъ большевиковъ — это была своего рода бродячая рать, къ которой присоединялись всѣ сохранившіеся вооруженные отряды германскихъ военно-плѣнныхъ *)... Мадьярскія части преимущественно сосредоточиваются въ тѣхъ центрахъ крестьянскаго движенія, которые Колосовъ относитъ къ сочувствующимъ совѣтской платформѣ. Участіе военноплѣнныхъ отмѣчается постоянно и въ рядѣ мѣстъ: то продвигается изъ Читы отрядъ въ 500—600 человѣкъ съ орудіями и пулеметами, преимущественно изъ мадьяръ, подъ командой члена большевицкой „Центро-Сибири" Прокофьева въ цѣляхъ продержаться въ Олекминскѣ до „прихода Троцкаго"; то черезъ Зею проходитъ отрядъ въ 4000 человѣкъ, преимущественно мадьяръ, вооруженныхъ пулеметами, подъ руководствомъ той же „Центро-Сибири" (сокращенное названіе „Центр. Исп. Ком. всей Сибири") **). Участіе мадьяръ—это больше всего противочешская акція. И не такъ уже были неправы чехи, настаивая на заключеніи всѣхъ мадьяръ въ иркутскіе концентраціонные лагеря: контръ-развѣдка доносила, между прочимъ,

*) Эти отряды явились основой партизанскихъ ячеекъ на Д. Востокѣ. (Парфеновъ, Op. cit. 97). См. также у Гуревича „Форма крестьянскаго движенія". („Рев. Рос." № 57 стр. 35). Не надо забывать, что на малыхъ хуторахъ — заимкахъ, было много военноплѣнныхъ, въ качествѣ рабочихъ.

**) „Парт. Дв." 207—08. Среди этихъ отрядовъ имѣется даже „лучшій мадьярскій отрядъ" („Центросибирцы" 90).

что среди мадьяръ (апрѣль) разрабатывается планъ нападенія и захвата Иркутска („Парт. Дв.“ 153)*). Красноярскіе коммунисты ухитрялись снабжать свои отряды оружіемъ, и любопытно, что изъ среды военно-плѣнныхъ мадьяръ командируются къ партизанамъ инженеры, химики, оружейные мастера (Шпилевъ. „Прол. Рев.“ т. 72, стр. 83). Причудливо сплетались обстоятельства въ сибирской обстановкѣ!

* * *

Мнѣ кажется, невозможно даже оспаривать утвержденіе, что разнообразная сибирская „стихія“ была широко не только использована большевиками, но отчасти ими вызвана и организована. Партійный работникъ, информировавшій Москву о сибирскихъ дѣлахъ, писалъ 29 октября (18 г.) Свердлову: ...„Въ крестьянской средѣ также настроенія ломаются въ пользу совѣтской власти. Прокатываются волной стихійныя крестьянскія возстанія... Къ сожалѣнію, возстанія начинаются безъ нашего руководства“ („Хр.“ 252). Въ дѣйствительности, и въ первыхъ возстаніяхъ рука большевиковъ видна съ очевидностью — напр., въ самомъ большомъ славогородскомъ... Въ дальнѣйшемъ организаціонное вліяніе — вплоть до снабженія деньгами **), становится еще болѣе ощутительнымъ. Въ Тасѣевскомъ районѣ руководителями съ самаго начала въ большинствѣ случаевъ являются активные партійные работники, перешедшіе на нелегальное положеніе. Характеренъ методъ, примѣняемый коммунистами. Авторъ „Записокъ партизана“ (Яковенко) разсказываетъ, какъ большевицкіе агенты разъѣзжали подъ видомъ посланцовъ Красильникова и взимали съ населенія незаконные поборы, а коммунистическіе гла-

*) Газета „Русь“ 14 авг. отмѣчаетъ агитацію мадьяръ среди крестьянъ. Въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о владѣльцахъ шинкозъ, вокругъ которыхъ группируется крестьянская голытьба.

**) Напр. въ Енисейской губ. „Пар. Дв.“ 101.

вари обличали и боролись съ этимъ самоуправствомъ (24). Передъ беззастѣнчивой демагогіей большевики, конечно, не останавливались.

Относительно роли большевиковъ въ Енисейской губ. (а вѣдь это была центральная и самая опасная, въ сущности, „пробка") нѣтъ никакихъ сомнѣній. Оставляя въ сторонѣ свидѣтельства Колосова и др., достаточно познакомиться съ тектомъ воззваній революціоннаго штаба манскихъ партизанъ (Красноярскій у.) противъ „вампира Колчака" („Пар. Дв." 46, 83) *).

Возстаніе открыто поднимается подъ лозунгомъ возстановленія совѣтской власти. Первый такъ называемый „крестьянскій" съѣздъ канскаго, красноярскаго и ачинскаго уѣздовъ, на которомъ выступаютъ „товарищъ Кравченко", командующій „крестьянской арміей" и „товарищъ Щетинкинъ", командующій ачинскимъ отрядомъ, носитъ опредѣленно большевицкій характеръ. И рѣчи и резолюціи не оставляютъ сомнѣній. Напр., резолюція по „текущему моменту" начинается словами: „убѣдившись воочію въ пользѣ, приносимой совѣтской властью" и въ томъ, что „власть совѣтовъ есть наша непосредственная власть"**). Распоряженія партизанскимъ отрядамъ на „шиткинскомъ фронтѣ" (сѣверныя волости Канскаго у. и смежныхъ Нижнеудинскаго и Киренскаго — вспомогательный какъ бы фронтъ къ основному тасѣевскому) отдаются даже на бланкахъ РСФСР отъ имени „военно-революціоннаго штаба".

Всѣ „четыре фронта" въ Енисейской губ. — отмѣчается въ докладѣ второй общесибирской коммунистической конференціи — руководитъ Крайкомитетъ. Близъ ст. Камарчаги (районъ Красноярска) уже образована повстанцами „канско-заманская федеративная совѣтская рес-

*) Этотъ „вампиръ" обличаетъ и руку, приложившую печать къ съѣзду „крестьянскихъ делегатовъ" пинчугской волости въ декабрѣ 19 г. — въ резолюціи фигурируетъ также „вампиръ Колчакъ".

**) Протоколы напечатаны въ сб. „Партизанское Движеніи".

публика". „Во всей амурской области крестьянство хорошо вооружено и сорганизовано коммунистами" („Б. за Ур." 217). И это соотвѣтствовало дѣйствительности. Чрезвычайно опасно увлекаться внѣшними политическими лозунгами, ибо, по словамъ Шумяцкаго, „революція шла къ своей цѣли всѣми путями, доступными въ тотъ моментъ". Мы видѣли уже не разъ, какъ гибки были въ этомъ отношеніи большевики не только въ Амурской области (отмѣчаетъ записка Калашникова, слѣдуя сообщенію „Забайкальской Нови"), но и въ другихъ мѣстахъ повстанческіе отряды именовались „крестьянскими народными арміями". Выкидывали и знамена: „за власть народа", за „всеобщіе крестьянскіе совѣты" и т. д. Такъ, напр., по соображеніямъ „психологическимъ", послѣ славогородскаго возстанія при организаціи съѣзда совѣтовъ послѣдній былъ названъ „крестьянскимъ съѣздомъ" („Сиб. Ог." 26 V—VI, 163).

Въ значительной степени правъ сибирскій дѣятель, коммунистъ Ширямовъ, дающій въ предисловіи къ матеріаламъ „Послѣдніе дни колчаковщины" такую, быть можетъ, нѣсколько преувеличенную характеристику роли большевиковъ въ партизанскомъ движеніи:

...„взглядъ на развернувшееся въ Сибири грандіозное партизанское движеніе, какъ на движеніе чисто стихійное, взглядъ ошибочный. Опубликованные Истпартомъ документы достаточно подтверждаютъ сказанное. Это было движеніе, это была борьба, организованная съ перваго же выстрѣла, коммунистической партіей и ею и ея членами, ея работниками руководимая на всемъ протяженіи Сибири. Мы еще не имѣемъ всѣхъ документовъ этой борьбы, но и то отрывочное, что уже собрано и стало достояніемъ печати, ясно рисуетъ картину этого руководства...

Два основныхъ района партизанской борьбы сибирскаго крестьянства — Алтайскій и Енисейско-Минусинскій — оба начали эту борьбу съ выступленія мелкихъ отрядовъ, во главѣ которыхъ стояли коммунисты.

Въ Алтайскомъ районѣ передъ возстаніемъ былъ

созванъ рядъ совѣщаній коммунистическихъ ячеекъ, на которыхъ было вынесено рѣшеніе выступить противъ Колчака и организовать крестьянство для вооруженной борьбы съ нимъ. Начальникомъ штаба мамонтовской партизанской арміи былъ коммунистъ Жигалинъ... Понятно, что и здѣсь во главѣ возставшихъ крестьянъ во многихъ случаяхъ были выдвинуты новые вожди изъ своей среды, вошедшіе впослѣдствіи въ партію..." („П. Дн." 20—21.

* * *

Кто же были эти „вожди?" Само собой разумѣется, тотъ фактъ, что среди нихъ были „интеллигенты" и „даже офицеры", абсолютно не противорѣчитъ большевицкому характеру этихъ начинаній. Развѣ прап. Крыленко — извѣстный „тов. Абрамъ", не былъ офицеромъ въ годы европейской войны? Между тѣмъ, это отмѣтить считала нужнымъ записка Калашникова и особенно подчеркиваетъ Милюковъ. Участіе „интеллигентныхъ руководителей" скорѣе можетъ служить въ пользу мнѣнія о большевицкой организаціи возстаній. Дѣйствовавшіе мѣстами „интеллигенты", если и не являлись всегда коммунистами, то работали, за весьма малымъ исключеніемъ, по ихъ указкѣ и, дѣйствительно, очень быстро входили въ ихъ ряды. Не слѣдуетъ и здѣсь обманываться этикетками. Званіе тогдашняго эс-эра, особенно мартовскаго происхожденія, отнюдь не гарантировало отъ того, что подъ эс-эровской фирмой, взятой въ 1917 г., скрывался въ 19 г. подлинный большевикъ.

Коснемся персонально нѣкоторыхъ наиболѣе крупныхъ и извѣстныхъ „вождей".

Каждый районъ имѣетъ своихъ вождей. Локальная замкнутость вообще характерная черта всѣхъ крестьянскихъ движеній эпохи гражданской войны *). На

*) Ее отмѣчаетъ и изслѣдователь махновскаго движенія — Кубанинъ (Op. sit. 6).

первое мѣсто надо поставить томскую знаменитость, бывшаго унтеръ-офицера Шевелева-Лубкова. Какъ будто бы относительно его нѣтъ никакихъ сомнѣній: и Колосовъ и колчаковскія военныя власти одинаково характеризуютъ отряды Лубкова, какъ разбойническое предпріятіе, которое руководится только „интересами грабежа“ („Пар. Дв.“ 79). Лубковъ не былъ коммунистомъ, но „тов. Лубковъ“ не разъ доказалъ преданность совѣтской власти“ („Сиб. Ог.“ 23, III, 139), — его дѣятельности посвящена даже особая брошюра, выпущенная въ 1928 г. омскимъ истпартомъ, въ Омскѣ же создана была школа его имени*). „Типичнымъ бандитомъ“ является и Роговъ, одинъ изъ руководителей повстанческаго движенія въ Алтайской губ. — такую характеристику даетъ ему корреспондентъ с-р. „Воли Россіи“ (6 авг. 21 г.) Онъ занимался больше грабежомъ — долженъ признать и обозрѣватель въ „Сиб. Огняхъ“ (22, I, 76). Таковъ же и бійскій Новоселовъ, хотя и выступаетъ онъ съ лозунгомъ „вся власть Учр. Собр.“. Роговъ и Новоселовъ оставили кровавый памятникъ въ Кузнецкомъ уѣздѣ: ими „былъ произведенъ настоящій погромъ интеллигенціи, нѣчто въ родѣ уманской рѣзни гайдамаковъ, при чемъ интеллигенція („буржуи“) уничтожались безъ различія профессій, пола и возраста. Число вырѣзанныхъ опредѣлялось въ одномъ Кузнецкѣ въ нѣсколько сотъ, именно, по подсчету томской газеты „Рабочее Знамя“ — въ 325 чел., а на самомъ дѣлѣ, вѣроятно, гораздо больше, особенно принимая во вниманіе и весь уѣздъ“ (Колосовъ 242).

Вотъ другой главарь алтайскаго движенія Мамонтовъ — сынъ зажиточнаго славогородскаго крестьянина. Онъ не былъ коммунистомъ, но былъ среди сочувствующихъ. Еще на фронтѣ числился среди братавшихся, потомъ принималъ активное участіе въ октябрь-

*) Это странно, потому что Лубковъ въ 1921 г. дѣйствовалъ уже противъ коммунистовъ.

скомъ переворотѣ, служилъ въ совѣтской милиціи и ушелъ „крестьянствовать“ послѣ сверженія совѣтской власти. Повздорилъ со стражникомъ и его убилъ. Бѣжалъ и, собравъ двадцать „недовольныхъ“, сталъ совершать „налеты“ („Б. за Ур.“ 273; „С. Ог.“ 22, I, 191). Позже Мамонтовъ во главѣ сибирской бригады сражался на противоврангелевскомъ фронтѣ и въ февралѣ 21 г. былъ убить крестьянами. Фигура этого „вождя“ достаточно ясна. Какъ было указано, начальникомъ штаба при немъ былъ коммунистъ Жегалинъ. Здѣсь же дѣйствовалъ анархистъ Голиковъ и одинъ изъ членовъ большевицкаго комитета Громовъ-Амосовъ.

Въ Енисейской губ. орудуютъ прежде всего Яковенко и братья Бабкины — тасѣевскій районъ Нижнеудинскаго у. Яковенко — авторъ записокъ и будущій наркомъ земледѣлія. Это не мѣшало его дѣятельности носить характеръ какой то смѣси бандитизма съ коммунизмомъ. Въ Минусинскомъ у. оперируютъ два „интеллигента“ — Кравченко и Щетинкинъ. Колосовъ даетъ такую характеристику Кравченко: „агрономъ по образованію, много работавшій притомъ въ Минусинскомъ у., поручикъ запаса во время войны 1914—18. г.г., примыкавшій къ эс-эрамъ по общему уклону своего міровоззрѣнія. Въ 1918 г. онъ былъ очень далекъ отъ большевиковъ“ (250). Во всякомъ случаѣ, по своимъ настроеніямъ это былъ весьма странный эс-эр, воспринявшій удивительнымъ образомъ всю большевицкую демагогію —его воззванія съ угрозой „краснымъ террором“: „за каждую жертву съ нашей стороны они заплатятъ десятками жертвъ“ („Пар. Дв.“ 94). Кравченко — дезертиръ, отсюда и его „атаманство“. Повидимому, это былъ горькій пьяница—такъ въ сущности, аттестуютъ его большевицкіе источники („Б. за Ур.“ 277). Его помощникъ Щетинкинъ — шт.-кап. изъ выслужившихся фельдфебелей. Назвать его „интеллигентомъ“ трудно — сами большевики говорятъ, что „по нраву и по кругозору“

онъ оставался „скорѣе рядовымъ солдатомъ“ (Ib.) Въ Щетинкинскомъ коммунизмѣ весьма много антигосударственныхъ началъ, характеризовавшихъ первоначальный періодъ большевизма — періодъ такъ называемой „власти на мѣстахъ“. Но онъ „коммунистъ“ и такимъ выступаетъ на всѣхъ съѣздахъ...

Если возмешь другихъ — второстепенныхъ уже дѣятелей, то все равно натолкнешся на типъ, представляющій помѣсь коммуниста съ „башибузукомъ“. Всѣ партійные люди того времени — утверждаетъ коммунистъ Шпилевъ („Прол. Рев.“ т. 78, 84) — руководили партизанствомъ. Не высоко приходится ставить такую партію! Въ воспоминаніяхъ одного военнаго дѣятеля въ Сибири я встрѣтилъ указаніе на то, что, если вначалѣ во главѣ партизанства стояли каторжане и разбойники, то впослѣдствіи люди „разныхъ классовъ, профессій и политическихъ убѣжденій“. Лѣтопись сибирскихъ событій такой метаморфозы не открываетъ. Картина была неизмѣнна съ перваго дня участія коммунистической партіи въ организаціи сибирскаго повстанчества — несомнѣнно уголовщина, переплетавшаяся съ политикой, главенствовала надъ всѣмъ.

* * *

То тамъ, то здѣсь разныя свидѣтельскія показанія отмѣчаютъ участіе представителей эс-эровской партіи, наряду съ коммунистами, въ организаціи партизанскаго движенія. Дѣло идетъ не о томъ теченіи въ партизанствѣ, которое Колосовъ назвалъ близкимъ „земскимъ традиціямъ“ и которымъ эс-эры до нѣкоторой степени руководили*) На Алтай уѣхалъ самъ Колосовъ, когда стало небезопасно его пребываніе въ Красноярскѣ; на Алтаѣ непосредственное участіе въ партизанской ра-

*) Объ этомъ „руководствѣ“ все же приходится говорить съ оговоркою. По признанію с.-р. Гуревича партія не успѣла за время революціи создать своихъ ячеекъ въ крестьянской средѣ („Рев. Рос.“ № 57, 32).

ботѣ принималъ видный сибирскій эс-эръ Казанцевъ, занимавшій постъ предсѣдателя енисейской губ. зем. управы (Гуревичъ. „В. Сиб.“ II, 128). Этого участія партійные дѣятели не скрывали. Вопросъ идетъ о помощи „совѣтскому“ теченію въ партизанской борьбѣ. Контръ-развѣдка систематически говоритъ о планомѣрной работѣ „постороннихъ силъ“, дѣйствующихъ наряду съ большевиками. Этими „посторонними силами“ являются эс-эры (донесеніе о Красноярскѣ — „Пар. Дв.“ 82). Свѣдѣнія контръ-развѣдки дополняютъ большевицкіе мемуаристы — объ офицерахъ въ Тасѣевѣ изъ партійныхъ эс-эровскихъ рядовъ говоритъ, напр., Яковенко (24). Даже легально работающіе, занимающіе оффиціальные посты дѣятели оказываютъ нерѣдко помощь мѣстному партизанству. Можно привести немало уже зарегистрированныхъ фактовъ такой помощи, вродѣ того, что партизанъ Славинъ въ Хабаровскѣ черезъ начальника милиціи с.-р. Крахмалева получаетъ паспортъ для нелегальной работы („Центросибирцы“ 83). И это въ сатрапіи ат. Калмыкова!

Въ книгѣ Ильюхова и Титова можно найти немало достаточно показательныхъ примѣровъ этого „сотрудничества“ и на томъ Дальнемъ Востокѣ, который остается въ значительной степени внѣ поля нашего зрѣнія. Приморскій областной комитетъ большевиковъ, въ союзѣ „съ максималистами, анархистами и лѣвыми эс-эрами“ руководившій партизанскимъ движеніемъ, имѣлъ непосредственныя связи съ владивостокской земской управой. При ея содѣйствіи удалось такъ „обвести“ власть, что она дала согласіе на отправку „въ пострадавшіе отъ гражданской войны районы“ 2000 п. муки по жел. дорогѣ: „эта мука нами была разгружена на глазахъ у бѣлыхъ и интервенціонныхъ гарнизоновъ и безъ всякаго препятствія съ ихъ стороны доставлена въ партотрядъ“ (54). Изъ этого факта уже видно, что кап. Блукисъ, начальникъ гарнизона въ Бодайбо, доносившій своему на-

чальству 10 мая, что „гражданскія власти, состоящія исключительно изъ эс-эровъ, или бездѣйствуютъ или сочувствуютъ“ (дѣло идетъ о большевицкомъ выступленіи), могъ быть правъ въ своемъ утвержденіи (онъ говорилъ, что можетъ его „документально“ подтвердить). Въ іюлѣ въ Приморской области эс-эры дѣйствуютъ еще болѣе опредѣленно. Делегація владивостокскаго приморскаго земства посѣщаетъ нелегальный ольгинскій съѣздъ „трудящихся“ и предлагаетъ совмѣстную работу въ партизанской борьбѣ при условіи признанія власти земства. Авторы работы по исторіи партизанства въ Приморьѣ утверждаютъ, что съѣздъ отнесся враждебно къ выступленію представителей партіи с.-р. (128).

Въ сущности, по иному не могло и быть. Колосовъ указываетъ, что зимой 18—19 г. г. подъ вліяніемъ слуховъ, что совѣтская власть сильно измѣнилась*), идея единаго фронта „становится уже господствующей среди сибирскаго населенія, какъ города, такъ и деревни, какъ въ низахъ, такъ и въ интеллигентныхъ верхахъ“ (245). Въ январѣ выдѣляется новая фракція „сибирской автономной группы с.-р.“, стоящая на платформѣ совѣтской власти — къ подпольной дѣятельности какъ этой, такъ и другихъ эс-эровскихъ группъ, мы еще вернемся.

Если сентябрьскій черноакуйскій съѣздъ на Алтаѣ большинствомъ голосовъ отвергъ „чисто совѣтскую платформу“ и въ согласіи съ „земскими традиціями“ выдвинулъ идею организаціи „особаго народнаго Собранія“ изъ представителей земствъ, городовъ, кооперативовъ и профсоюзовъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ говорилъ о „мирныхъ переговорахъ съ совѣтской Россіей на условіяхъ прекращенія гражданской войны**). Колосову эти

*) Тенденція, подчеркивающая измѣненіе курса политики большевиковъ, проходитъ и черезъ записку Калашникова. Очень наивно звучатъ теперь „вѣсти изъ совѣтской Россіи“ объ избраніи „середняка“ Калинина „всероссійскимъ старостой“, что свидѣтельствуетъ о прекращеніи репрессій въ отношеніи къ „мелкой буржуазіи“.

**) По свидѣтельству Авдѣева, изъ 62 делегатовъ 8 высказались

споры казались уже „академическими“. Фактъ становился принципомъ — идеи диктовалъ тотъ, кто побѣждалъ. Побѣждала красная армія, являющаяся „рупоромъ, носительницей совѣтской власти“. Ея побѣда — становилась побѣдой „идейной“ (245). Отвѣтъ, какъ мнѣ кажется, на вопросъ, поставленный выше, данъ вполнѣ опредѣленный. Впослѣдствіи, впрочемъ, „Соціалистическій Вѣстникъ“ и не сомнѣвался въ томъ, что эс-эры и эс-деки въ Сибири поддерживали большевицкихъ партизанъ противъ власти адм. Колчака (№ 39).

3. Возстанія.

При обслѣдованіи крестьянскаго и партизанскаго движенія въ эпоху правительства Колчака надо рѣшительно устранить утвержденіе, проходящее въ текстѣ писаній всѣхъ противниковъ сибирскаго „диктатора“, что эти движенія, будто бы, начались только при Колчакѣ. Къ сожалѣнію, это невѣрное утвержденіе попало и на страницы изслѣдованія Милюкова, который своимъ авторитетомъ историка покрываетъ мемуаристовъ. Въ два—три мѣсяца не могло вырости движеніе въ размѣрахъ, которые мы наблюдаемъ въ первые мѣсяцы 19 г.

Авторитетнаго свидѣтеля находимъ мы въ лицѣ бывшаго въ Сибири Гуревича. Въ своихъ очеркахъ, напечатанныхъ въ „Револ. Россіи“ — оффиціальномъ органѣ партіи с.-р., онъ опредѣленно говоритъ: „новая власть въ лицѣ эс-эровскаго Зап. Сиб. Комиссаріата... скоро почувствовала неблагопріятное настроеніе крестьянства“... „Въ общемъ и цѣломъ“ — поясняетъ авторъ — „деревня просто на просто желала, чтобы ее оставили въ покоѣ“. Недовольство проявилось съ первымъ призывомъ въ армію и принудительнымъ сборомъ податей (№ 57, 33 34). Начались возстанія, которыя подавлялись съ „свирѣпой

за совѣтскую власть, 38 за народное собраніе. Какова была оріентація остальныхъ, къ сожалѣнію, мы не знаемъ („Пр. Рев.“ № 6—7).

и ненужной жестокостью". Вотъ другой документъ, направленный по адресу временнаго предсѣдателя Директоріи въ началѣ октября. Читинскій лѣсничій Борисовъ, работавшій въ Петроградѣ въ Исполнит. Комитетѣ и въ Комитетѣ Спасенія Родины и Революціи, пишетъ Авксентьеву: агенты правительства „порятъ розгами, выколачивая подать, бьютъ кулаками, порятъ по всякому случаю и даже безъ случая... наростаетъ глухое недовольство, которое можетъ вылиться сначала въ бойкотъ, а потомъ въ бунтъ или въ возстаніе. Говорятъ съ сожалѣніемъ о большевикахъ и даже о царѣ"...

Въ сущности, всѣ центры возстаній создались задолго до перехода правительственной власти въ руки адм. Колчака.

Первое большое возстаніе возникло въ Славогородскомъ у. въ сентябрѣ 18 г. (нѣсколько еще раньше было возстаніе въ Рубцовской волости); въ октябрѣ произошли возстанія въ семи волостяхъ Маріинскаго у. Томской губ. и въ Верхнеудинскомъ у. Забайкальской области; къ началу ноября относится организація отрядовъ Кравченко и Щетинкина въ канскомъ и красноярскомъ уѣздахъ; въ началѣ декабря — бунтъ въ Тасѣевѣ и Мазинской вол. Амурской обл. Едва ли не всѣ эти бунты въ той или иной степени были организованы коммунистическими ячейками*).

Историкъ сибирскаго движенія Парфеновъ („Сибирскіе эс-эры и разстрѣлъ славогородскихъ крестьянъ". „Пр. Рев." № 7) славогородское возстаніе ставитъ въ связь съ другими возстаніями въ августѣ и сентябрѣ на почвѣ мобилизаціи. Возстаніе пріобрѣло массовый характеръ въ силу „безсмысленнаго разстрѣла и наложенія контрибуціи"... Вѣроятно, въ значительной степени такъ и было. Но когда впослѣдствіи участники возстанія протестовали противъ упрощеннаго изложенія, они также

*) Шпилевъ. „Къ исторіи партизанской работы при Колчакѣ" („Пр. Рев." № 72, 74).

были правы. Такое освѣщеніе — утверждалъ одинъ изъ нихъ, Чуевъ*), — можетъ дать только тотъ, кто не былъ очевидцемъ событій"... Коммунистическій военно-революціонный штабъ возстанія (ком. Теребилло) проводилъ совершенно опредѣленную свою линію.

Объ октябрьскомъ возстаніи въ Маріинскомъ у. губернскій комиссаръ Гатенбергъ докладывалъ министру вн. дѣлъ:

„Причиной возстанія служили провокаціонные слухи о паденіи власти сибправительства, захватѣ крупныхъ сибирскихъ городовъ, сообщеніе объ отобраніи у крестьянъ союзниками 95% хлѣбныхъ запасовъ, лошадей, фуража. Элементъ возставшихъ въ большинствѣ красные Маріинскаго фронта при іюльскихъ бояхъ, съ наступленіемъ холодовъ вышедшіе изъ таежныхъ пространствъ съ оружіемъ и провоцировавшіе крестьянъ. Установлена причастность къ организаціи возстанія отвѣтственныхъ работниковъ мѣстнаго союза кооперативовъ, пріютившихъ бывшихъ совѣтскихъ дѣятелей" („Хр." Прил. 234).

Въ минусинскомъ движеніи, развернувшемся въ самомъ началѣ ноября, выступаютъ уже довольно опредѣленно отмѣченныя выше черты, хотя начальникъ Минусинскаго округа ген. Шильниковъ въ своемъ отчетѣ 11 декабря и говоритъ, что

„изъ всѣхъ данныхъ развѣдокъ и слѣдственнаго матеріала можно заключить, что настоящіе безпорядки являются обыкновеннымъ крестьянскимъ бунтомъ, почти безъ всякой политической окраски, и нѣтъ никакихъ данныхъ предполагать, что они были подготовлены извнѣ и заранѣе. Интеллигентныхъ руководителей движенія не было. Быстрое присоединеніе болѣе зажиточныхъ крестьянъ объясняется тѣмъ, что ихъ обманули, что города Иркутскъ, Красноярскъ и Ачинсъ уже взяты большевиками... стращали крестьянъ, которые въ іюнѣ свергли большевиковъ, говоря

*) „Чернодольское возстаніе" „Сиб. Ог." 26, № 5—6. Черный долъ — с. Архангельское въ 8 верстахъ отъ Славгорода.

имъ, что только присоединеніемъ къ настоящему возстанію можете заслужить снисхожденіе, когда здѣсь утвердится совѣтская власть" („П. Дв." 31—32).

Военная власть не сумѣла вполнѣ разобраться въ обстановкѣ, по своей „близорукости" не придавая большого значенія начавшемуся броженію. Между тѣмъ, если не въ Минусинскомъ у., то въ сосѣднихъ уже уѣздахъ съ августа были организованы не только большевицкія повстанческія ячейки, но и „банды" изъ разсѣянныхъ лѣтомъ красногвардейцевъ и военноплѣнныхъ. Минусинское возстаніе 18 г. интересно своей бытовой обстановкой. Дѣло началось со сбора податей и разгона волостныхъ земскихъ управъ. Въ с. Дубенское образуется противоправительственный комитетъ. Возставшіе — ихъ исчисляютъ въ 5000 чел. — идутъ на казачьи станицы, чтобы сбросить „казацкое иго". Шныряютъ большевицкіе агенты. Руководитъ возстаніемъ самогонщикъ Кульчицкій, организующій 11 ноября нападеніе на ст. Каратузъ. „Сформированная наканунѣ дружина изъ казаковъ, около 100 человѣкъ — сообщаетъ оффиціальный докладъ — заперлась въ церкви и церковной оградѣ. Произошла небольшая перестрѣлка, послѣ чего начали вести переговоры о сдачѣ казаками оружія. Получивъ обѣщаніе оставить ихъ живыми, казаки выдали мятежникамъ 147 винтовокъ, послѣ чего крестьяне бросились въ церковь, вытаскивали оттуда по одиночкѣ и съ дикимъ крикомъ убивали казаковъ кто чѣмъ могъ" („П. Дв." 31).

Казаки въ станицахъ организуютъ самооборону. Въ самомъ Минусинскѣ, окруженномъ съ трехъ сторонъ, — число возставшихъ насчитывается уже въ 10 тыс. — мобилизованные городской Думой граждане пополняютъ гарнизонъ: въ совокупности 957 чел.. Въ городѣ имѣется орудіе и 4 пулемета. Активно дѣйствуетъ противъ мятежниковъ казачья дружина въ 250 чел. Несмотря на малочисленность правительственныхъ силъ,

мятежниковъ удается разсѣять. Дружина крестьянъ-добровольцевъ охраняетъ телеграфную линію и уничтожаетъ самогонные аппараты. Назначенная военно-слѣдственная комиссія разсмотрѣла 770 дѣлъ; 160 человѣкъ преданы военно-полевому суду — изъ нихъ 87 вынесенъ смертный приговоръ. Успокоенія, однако, не наступило, и въ февралѣ нач. минус. военнаго округа доноситъ:

...„крестьянская масса подъ вліяніемъ непрекращающейся работы большевиковъ и въ связи съ волненіями въ Красноярскомъ и Канскомъ уѣздахъ, начинаетъ волноваться. Большую роль въ дѣлѣ возбужденія населенія противъ существующаго правительства сыграли казаки енисейскаго полка, со стороны которыхъ были случаи грабежей и также насилій надъ женщинами... Всѣ попытки произвести какія-либо разслѣдованія о злоупотребленіяхъ казаковъ оканчиваются ничѣмъ, ибо по произведеннымъ дознаніямъ все обыкновенно обстоитъ благополучно“... („П. Дв.“ 35).

Въ первомъ минусинскомъ возстаніи имѣется одна черта, отмѣченная еще Пишономъ для крестьянскихъ настроеній начала 18 г. — отчетливо сказывается борьба деревни съ городомъ. Пишонъ говоритъ о возможности въ Сибири жакеріи — грабежа городовъ вооруженными крестьянами (Докладъ. 32). Впослѣдствіи этотъ грабежъ принималъ мѣстами самыя уродливыя формы. Вотъ жанровая картина, зафиксированная представителемъ совѣтской арміи В. Эльцинымъ на пути слѣдованія черезъ Барнаулъ Семипалатинскъ-Бійскъ.

„Недалеко отъ г. Камня наше вниманіе было прковано слѣдующимъ обстоятельствомъ“. „Вначалѣ изрѣдка, а потомъ все чаще стали попадаться по дорогѣ подводы съ гвоздями, желѣзомъ, домашней рухлядью, поломанными машинами, отвинченными кранами, самоварами, мануфактурой и прочимъ. Голиковъ (нач. партизанъ) разъяснилъ намъ, что, очевидно, въ городѣ нашли много „добра“. Но крестьянинъ, который насъ везъ, объяснилъ это проще: „коли везутъ

столько, значитъ, партизаны хорошо поработали"... На нашъ вопросъ, гдѣ они берутъ это добро, онъ отвѣтилъ: „почитай, что больше всего въ лавкахъ да магазинахъ"... („Б. за Ур." 267—8).

Шайка Гришки Хромого въ Иманскомъ у. поступала еще проще: она, развинтивъ рельсовые гайки, скатывала подъ откосъ товарные поѣзда; товары погружались на подводы, и крестьяне той волости, гдѣ хозяйничалъ Гришка, получали даромъ и керосинъ, и сахаръ, и муку и многое другое (Андрушкевичъ 134).

* * *

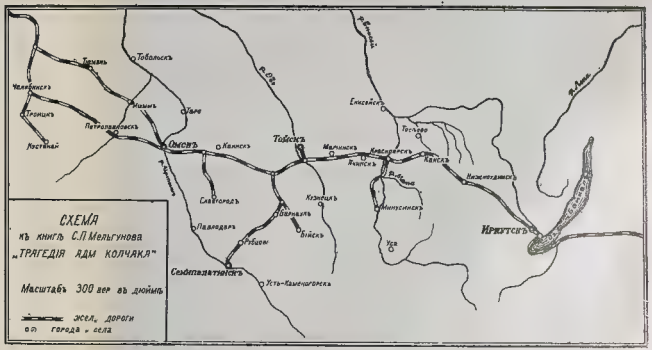
Я не имѣю возможности подробно изложить исторію крестьянскаго и повстанческаго движенія за описываемый періодъ времени. Это требуетъ большой и спеціальной работы. Колосовъ, какъ мы знаемъ, имѣлъ въ своемъ распоряженіи особую карту*), на которой было занесено нѣсколько десятковъ партизанскихъ „фронтовъ" къ серединѣ ноября 19 г., когда партизанское движеніе достигло наивысшаго развитія. Послѣдуемъ его указаніямъ**).

Первая южная группа — это Алтайская губ., хлѣбная житница Сибири, районъ обезпеченныхъ крестьянъ и маслодѣльныхъ артелей. Самый крупный очагъ—Славогородскій у. Центръ движенія с. Солоновка — мѣсто пребыванія главнаго штаба повстанческихъ войскъ. Другой центръ — семипалатинскій районъ съ жел. дор. ст.

*) Къ сожалѣнію, часть моей основной рукописи пропала, и мнѣ пришлось ее возстанавливать, причемъ нѣкоторыми матеріалами вторично я воспользоваться уже не могъ.

**) Записка Калашникова отмѣчаетъ возстанія: 1) Въ Енисейской губ. — уѣзды Енисейскій, Красноярскій, Ачинскій, Канскій, Минусинскій. 2) Въ Томской губ. — уѣзды Томскій, Маріинскій, Кузнецкій, Щегловскій, Ново-Николаевскій. 3) Въ Алтайской губ. — у. Барнаульскій. 4) Въ Иркутской губ. — уѣзды Нижнеудинскій и Балаганскій. 5) Въ Забайкальѣ — у. Верхнеудинскій, Селенгинскій, Читинскій, Акмолинскій, Нерчинскій. 6) Амурская обл. — Чепскій районъ. 7) Приморская обл. — у. Хабаровскій, Иманскій, Ольгинскій и Уссурійскій.

Рубцовка. Повстанческіе отряды Мамонтова, оперирующіе въ треугольникѣ Славгородъ—Барнаулъ—Усть-Каменогорскъ — цѣлая армія въ 25 тыс. чел., вооруженная пулеметами (имѣвшая даже орудія), состоявшая изъ



дор. въ 60—70 верстахъ отъ Красноярска; Мана — горная рѣка) со „столицей" повстанческой территоріи въ с. Степномъ Баджеѣ. Здѣсь велась планомѣрная агитація, собирались съѣзды крестьянъ, издавалась гектографированная газета „Крестьянская Правда". Колосовъ подчеркиваетъ, что этотъ районъ въ теченіе полугода былъ недоступенъ правительственнымъ войскамъ, и „власти

*) Издавались, между прочимъ, на пишушей машинкѣ „Извѣстія Гл. Штаба Алтайскаго округа".

столько, значитъ, партизаны хорошо поработали"... На нашъ вопросъ, гдѣ они берутъ это добро, онъ отвѣтилъ: „почитай, что больше всего въ лавкахъ да магазинахъ"... („Б. за Ур." 267—8).

гой центръ — семипалатинскій районъ съ жел. дор. ст.

*) Къ сожалѣнію, часть моей основной рукописи пропала, и мнѣ пришлось ее возстанавливать, причемъ нѣкоторыми матеріалами вторично я воспользоваться уже не могъ.

**) Записка Калашникова отмѣчаетъ возстанія: 1) Въ Енисейской губ. — уѣзды Енисейскій, Красноярскій, Ачинскій, Канскій, Минусинскій. 2) Въ Томской губ. — уѣзды Томскій, Маріинскій, Кузнецкій, Щеглозскій, Ново-Николаевскій. 3) Въ Алтайской губ. — у. Барнаульскій. 4) Въ Иркутской губ. — уѣзды Нижнеудинскій и Балаганскій. 5) Въ Забайкальѣ — у. Верхнеудинскій, Селенгинскій, Читинскій, Акмолинскій, Нерчинскій. 6) Амурская обл. — Чепскій районъ. 7) Приморская обл. — у. Хабаровскій, Иманскій, Ольгинскій и Уссурійскій.

Рубцовка. Повстанческіе отряды Мамонтова, оперирующіе въ треугольникѣ Славгородъ—Барнаулъ—Усть-Каменогорскъ — цѣлая армія въ 25 тыс. чел., вооруженная пулеметами (имѣвшая даже орудія), состоявшая изъ пѣхоты и конницы*). Ее нѣсколько разъ разсѣивали правительственныя войска, но она вновь возрождалась. Въ ноябрѣ, послѣ паденія Омска, повстанцы, численность которыхъ большевицкіе источники съ необычайнымъ преувеличеніемъ (поскольку рѣчь идетъ о чемъ то организованномъ) доводятъ до 120 т., захватили Славгородъ, Семипалатинскъ, Барнаулъ. Въ горномъ Алтаѣ (югъ Бійскаго у.) третій центръ въ Черномъ-Ануѣ. Наконецъ, въ части граничащей съ Кузнецкимъ у. Томской губ.—районъ дѣятельности Рогова и Новоселова.

Вторая группа — Каинскій и Тарскій уѣзды Томской губ., гдѣ выступаютъ небольшіе отряды 50—600 чел. подъ началомъ Лубкова и др.

Третья группа — Енисейская губ. На югѣ, въ ея житницѣ — Минусинскомъ краѣ, держится „армія“ Кравченко и Щетинкина, насчитывающая отъ 20—25 т. бойцовъ и имѣющая всѣ рода оружія (у Кравченко 3 орудія, 25 пулеметовъ). Колыбель Кравченко — Степно-баджайская вол. на южной границѣ Канскаго и Красноярскаго у. Щетинкинъ занимаетъ сѣверную часть Ачинскаго у. Обѣ группы, соединившись, образовали весной общій камарчагско-манскій фронтъ (Камарчаги — ст. жел. дор. въ 60—70 верстахъ отъ Красноярска; Мана — горная рѣка) со „столицей“ повстанческой территоріи въ с. Степномъ Баджеѣ. Здѣсь велась планомѣрная агитація, собирались съѣзды крестьянъ, издавалась гектографированная газета „Крестьянская Правда“. Колосовъ подчеркиваетъ, что этотъ районъ въ теченіе полугода былъ недоступенъ правительственнымъ войскамъ, и „власти

*) Издавались, между прочимъ, на пишушей машинкѣ „Извѣстія Гл. Штаба Алтайскаго округа“.

Колчака до 1 іюня здѣсь буквально не существовало". Повстанцамъ крайне благопріятствовали географическія условія. Повстанческая армія на Манѣ была окончательно разбита къ 15 іюня и ушла въ Урянханскъ и въ Монголію. Отсюда вновь выступила въ Минусинскомъ у., завладѣла Минусинскомъ (сентябрь—январь). Долгое пребываніе на одномъ мѣстѣ дало возможность „совѣтскому" повстанчеству занятся „идеологическимъ" строительствомъ, выразительницей котораго явилась печатная газета „Соха и Молотъ" (60 №№) — комунистическо-эсэровская смѣсь.

На сѣверѣ отъ Канска, въ 120 верстахъ отъ жел. дороги, находился второй очагъ Енисейской губ. — Тасѣево. Изъ 49 волостей земская управа, по словамъ Колосова, могла сноситься лишь съ 10—12 волостями, примыкавшими къ желѣзной дорогѣ. Мѣсто операцій бр. Бабкиныхъ и Яковенко. На востокъ отъ Канска лежалъ тайшетскій повстанческій районъ — на границѣ Енисейской и Иркутской губ. Сѣверныя волости Канскаго у. и Нижнеудинскаго, Киренскаго у. Иркутской губ. занималъ „шиткинскій фронтъ".

Движеніе въ Енисейской губ. и по своему территоріальному положенію, и по своему характеру было, конечно, наиболѣе серьезнымъ и опаснымъ для власти. Будучи лучше организованнымъ, оно выработало своеобразный повстанческій бытъ, своеобразную повстанческую дисциплину, которая поддерживалась суровыми репрессивными мѣрами: напр., въ Тасѣевѣ за вторую кражу полагалась смертная казнь. Яковенко приводитъ любопытную солдатскую инструкцію — она даже нѣсколько сантиментальна: говорится въ ней о любви къ людямъ, устраненіи пороковъ и пр. Здѣсь призывы къ коммунизму — каждый повстанецъ долженъ быть коммунистомъ — перемѣшаны съ добродѣтельными нравоученіями и медицинскими наставленіями объ ограниченіи половыхъ сношеній и т. д,. Все это отнюдь, конечно,

не препятствовало царившему пьянству и разгулу (Яковенко 81—83).

Идеологію мѣстнаго большевизма хорошо можно иллюстрировать выдержками изъ „Военныхъ Извѣстій“, которыя издавалъ штабъ шиткинскаго фронта (отдѣльныя статьи воспроизведены въ сборн. „Парт. Движ.“). Напр., о мирной парижской конференціи „Извѣстія“ писали: „Во многихъ мѣстахъ полился уже кровавый дождь. Причина вновь начавшейся кровавой бойни есть парижская мирная конференція, засѣдающая въ Версалѣ, члены которой высшіе аристократы, буржуи всего міра... Каждое вновь образованное государство старается захватить себѣ лакомый кусочекъ земли. Вотъ на этой-то почвѣ разгорѣлась новая капиталистическая война съ многочисленными человѣческими жертвами“ и т. д.

Въ повстанческомъ быту создавались свои особые начатки „государственности“.

Была и мѣстная „контръ-революція“. Передъ „судомъ“ проходили дѣла о непризнаніи совѣтской власти. Въ Тасѣевѣ имѣется даже свой Совѣтъ Нар. Хозяйства, который, между прочимъ, за собираніе ягодъ въ лѣсу каралъ по всей строгости законовъ военнаго времени. Были школы, командные курсы, театръ и пр. Оригинальность складывающагося быта оспаривать нельзя. Напр., завѣдующимъ политотдѣломъ въ Тасѣевѣ состоялъ священникъ Вашкировъ, проповѣдывавшій безбожіе. Но крестьяне упорствовали. Тогда попъ-растрига облекался въ рясу и исполнялъ просимыя требы...

Въ сущности, это были разбойничьи отряды — „Перстни“ и „Коршуны“ временъ Грознаго, перенесенные въ обстановку XX вѣка и умѣло вскормленные большевиками на сибирской почвѣ. Для того, чтобы подобрать стихію, надо было ее обмануть, надо было самимъ сдѣлаться бандитами, ибо эти разбойныя партизанскія дружины подчасъ носили подлинно бандитскій характеръ.

Одна иллюстрація изъ болѣе поздняго уже времени

и взятая изъ жизни другой территоріи можетъ дать наглядное представленіе о формахъ сибирской партизанщины. Чтобы не расширять и не осложнять изложенія, я оставлялъ въ сторонѣ большой узелъ повстанческаго движенія — Приамурье и Приморскую область. Здѣсь можетъ быть отмѣчена та же прямая связь партизанъ съ коммунистами, лѣвыми с-р, просто с-р. и всякаго рода анархистами-максималистами. Специфическая черта, пожалуй, — помощь, которую оказываютъ повстанцамъ китайцы *). Своеобразіе обстановки опредѣлялось и „нейтралитетомъ“ американцевъ и наличностью японскихъ силъ. И здѣсь былъ свой „Кузнецкъ“ — несчастный городъ Николаевскъ на Амурѣ. Послѣ трехъ мѣсяцевъ господства „красныхъ партизанъ“ (съ марта 1920 г.) отъ города остались лишь „сплошная груда камня, желѣза, бревенъ и проволоки“ и 2000 человѣкъ изъ двѣнадцатитысячнаго населенія **). Трудно найти болѣе жуткія страницы человѣческаго озвѣренія и психопатологіи чѣмъ тѣ, которыя развернули передъ міромъ партизаны, пополненные наемными китайцами, во главѣ съ атаманомъ унтеръ-офицеромъ Тряпицынымъ, бывшимъ петербургскимъ рабочимъ „анархистомъ“, и начальникомъ его штаба „максималисткой“ Ниной Лебедевой-Кіашко, племянницей бывшаго военнаго губернатора Забайкальской обл.. Николаевская трагедія, отличная отъ аналогичныхъ событій въ другихъ мѣстахъ, быть можетъ, лишь по своему разнузданному масштабу, пріобрѣла особый колоритъ въ силу того, что здѣсь погибла и значительная часть находившагося въ Николаевскѣ японскаго гарнизона. Партизаны, въ сущности, не захватили городъ, а вошли въ него по добровольному соглашенію японскаго

*) Въ сборникѣ „Революція на Дальнемъ Востокѣ“ (1923) и въ книгѣ Ильюхова и Титова „Партизанское движеніе въ Приморьѣ“ (1928) можно найти обильный бытовой матеріалъ. Имѣются также данныя и въ новой книгѣ Парфенова „На Дальнемъ Востокѣ“ (1928) — между прочимъ о партизанскомъ движеніи въ Забайкальѣ.

**) В. Е—чъ „Исчезнувшій городъ“. Владивостокъ 1920.

командованія съ городскимъ самоуправленіемъ, осуществлявшимъ лозунгъ: „долой гражданскую войну“. Исторія этихъ партизанскихъ звѣрствъ излагалась уже не разъ*). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что партизаны Тряпицынъ и Лебедева, члены областного исполнительнаго Комитета Совѣтовъ, дѣйствовали первоначально въ полномъ контактѣ и даже по директивамъ высшихъ партійныхъ круговъ**), не только мѣстныхъ, но и центра. Ужасы, имѣвшіе мѣсто въ Николаевскѣ, и „буферная“ тактика большевиковъ на Дальнемъ Востокѣ заставили, однако, послѣднихъ открещиваться отъ отвѣтственности за дѣйствія партизанъ (заявленіе Іоффе на чаньчуйской конференціи) и заявить, что Тряпицынъ просто уголовный авантюристъ. Это характерно для большевицкой тактики. Приморская областная коммунистическая конференція вынесла 11 іюля даже резолюцію о преданіи Тряпицына и К-о суду за самочинныя дѣйствія, преслѣдовавшія „исключительно личныя интересы честолюбія и власти“, но за два дня до этого партизанскій штабъ былъ разстрѣленъ частью своихъ же партизанъ, подстрекаемыхъ „бѣлогвардейскими элементами“ и возставшихъ во главѣ съ прап. Андреевымъ подъ лозунгомъ возстановленія „демократической власти“ противъ узурпаціи „кровожадной своры“ Тряпицына. Черезъ нѣсколько уже лѣтъ большевицкая исторіографія до нѣкоторой степени реабилитируетъ ошибки „товарищей“, объявленныхъ въ свое время „уголовными авантюристами“, которые заплатили за свои ошибки жизнью.

---

*) Она подробно разсказана въ книгѣ Милюкова. Матеріялы спеціальной комиссіи, разслѣдовавшей „Гибель Николаевска на Амурѣ въ маѣ 1920 г.“ собранъ въ книгѣ подъ такимъ заглавіемъ Гутмана (Гана). Итоги различныхъ данныхъ приведены въ моей замѣткѣ „Еще одна жуткая страница“ въ „Совр. Зап.“ кн. XXI.

**) Эту солидарность въ Амурской и Приморской обл. подчеркиваетъ въ дневникѣ и Болдыревъ. „Бригада“ Тряпицына оффиціально считалась частью красной арміи“ (Парфеновъ 147) и была послана въ Хабаровскій у. по иниціативѣ дальневосточнаго „революціоннаго штаба“ (Ib 91).

„Но — добавляетъ редакція сборника „Революція на Дальнемъ Востокѣ“ — вѣроятно мало кто не сдѣлалъ бы тѣхъ же ошибокъ въ той дьявольски трудной обстановкѣ, при полной оторванности и малой подготовкѣ къ государственной и дипломатической работѣ“ *).

* * *

„Карта“ Колосова свидѣтельствуетъ о немаловажномъ явленіи. Какъ ни пространственна сама по себѣ территорія большевицко-крестьянскихъ партизанскихъ дѣйствій — все это чисто тыловое движеніе**). Тамъ, гдѣ идетъ непосредственная война съ большевиками, въ сущности, крестьянскихъ возстаній нѣтъ; тамъ, гдѣ большевики успѣли проявить свою власть, антибольшевицкое настроеніе держится твердо. И никакіе эксцессы власти не могутъ повернуть настроеніе крестьянъ въ пользу совѣтчины. Часто цитируется приведенная Л. Кролемъ записка начальника Уральскаго края Посникова, который ушелъ въ апрѣлѣ въ отставку въ силу невозможности для гражданской власти бороться съ „военной диктатурой“ на мѣстахъ. „Руководить краемъ голоднымъ, удерживаемымъ въ скрытомъ спокойствіи штыками, не могу“ — писалъ Посниковъ (169). И именно

*) Берлинскіе анархисты, помѣстившіе три очерка М. Володина въ „Анарх. Вѣстн.“ (1923) о „трагедіи Николаевска на Амурѣ“ пошли въ реабилитаціи еще дальше. Они дѣлаютъ уже апоѳеозъ вѣрнымъ борцамъ за рабочее и крестьянское дѣло, преданнымъ коммунистами.

**) Большевицкая критика (Авдѣевъ въ № 7 „Прол. Рев.“) упрекалъ Колосова за то, что онъ упустилъ изъ вида движеніе въ Тобольской губ. Эти возстанія въ ближнемъ тылу носятъ случайный характеръ, существеннаго значенія не имѣли и общей картины здѣсь не измѣняютъ. Если первоначально (іюль—августъ 18 г.) столкновенія возникали на почвѣ сбора налоговъ, самовольныхъ лѣсныхъ порубокъ, то позднѣе исключительно на почвѣ мобилизацій. Наиболѣе значительны они были въ Тарскомъ у., гдѣ народился организованный повстанческій отрядъ. Характерно, что основную группу его составили пришедшіе изъ Совѣтской Россіи подъ видомъ военно-плѣнныхъ красноармейскіе командиры, зажившіе уже хозяйствомъ. При приближеніи фронта въ виду опасности мобилизаціи, агитаціи мѣстныхъ и пріѣзжихъ изъ Россіи агентовъ большевиковъ, они ушли въ повстанцы (банда Избышева въ іюлѣ). (Докладъ полк. Франка „Пр. Рев.“ № 8).

этотъ край, удерживаемый въ спокойствіи только штыками, далъ массовое добровольчество при наступленіи „красныхъ“ и массовое бѣженство — и бѣжала отнюдь не „буржуазія“ отъ своего „классоваго“ врага. Уходятъ низы *).

Явленіе, которое мы отмѣчали для конца 18 г. и начала 19-го — ко времени успѣховъ на фронтѣ, сохраняетъ свою силу въ теченіе всего 19 года, т. е. въ періодъ уже неудачъ и крушенія фронта. Оффиціальныя сводки агентурныхъ свѣдѣній въ одинъ голосъ указываютъ на то, что солдаты „европейцы“, т. е. съ Урала и дальше, гораздо рѣзче настроены противъ большевиковъ, чѣмъ сибиряки, которые „не знаютъ, что творятъ большевики, и не вѣрятъ тому, что про нихъ разсказываютъ“ — такъ передаютъ слова солдатъ сотрудники культурно-просвѣтительныхъ ячеекъ въ 7 и 11 уральской дивизіи (5 октября — „Пос. Дн.“ 46). То же наблюдается и въ 8 камской дивизіи, гдѣ большинство солдатъ добровольцы и не любятъ сибиряковъ за ихъ сочувствіе большевизму **). Эти факты показываютъ, какъ мало обоснованы выводы Какурина, пытающагося доказать ad maiorem gloriam совѣтской власти, что на

*) „Возстанія“ партизанъ, конечно, были и здѣсь. Объ этомъ свидѣтельствуетъ хотя бы приказъ командующаго западной арміей ген. Ханжина отъ 6 апрѣля о разстрѣлѣ укрывателей участниковъ возстанія и сожженіи ихъ домовъ и имущества. Факсимиле приказа приведено у Субботовскаго (259). Шайка дезертировъ, въ значительной степени вербующихся изъ „бѣдноты“, дѣйствуютъ въ Тюкалинскѣ, Акмолинской обл. (сентябрь). Любопытно, что очевидецъ отмѣчаетъ массовое явленіе, когда деревня постанавливаетъ „всѣмъ міромъ“ громить большевиковъ, чтобы покончить съ гражданской войной. („Пр. Рев.“ № 8).

**) Нѣчто аналогичное наблюдалъ Кроль среди гласныхъ крестьянъ пермскаго губернскаго земства, пережившихъ и не пережившихъ большевизмъ. Пріуральскіе гласные относились къ коммунистамъ со страшнымъ озлобленіемъ и ненавистью; зауральскіе, относясь „крайне отрицательно“, чувства озлобленія не проявляли. (168). Явленіе повсемѣстное. Сибирскій летчикъ пор. Толстовъ, совершившій полетъ въ Архангельскъ, въ своихъ показаніяхъ 2 іюля отмѣчаетъ, что на окраинахъ, гдѣ населенію приходится нести всѣ тягости войны, крестьяне ожесточены на большевиковъ и нерѣдко цѣлой деревней поступаютъ въ противобольшевицкіе партизаны. (Праж. Арх.).

территоріи „красныхъ“ тыловыя движенія имѣли характеръ временныхъ колебаній, а у „бѣлыхъ“ — это уже „закономѣрное историческое явленіе“ (II, 94). У „красныхъ“ тыловое движеніе яко-бы не носило массоваго характера, у „бѣлыхъ“ — это подлинно народное движеніе. У „красныхъ“ къ движенію примыкалъ темный элементъ деревни, у „бѣлыхъ“ — сознательный элементъ. Эти выводы не обоснованы, — скорѣе приходишь къ заключеніямъ противоположнымъ. „Голытьба“, которая въ 18 году идетъ въ красные отряды, конечно, должна быть отнесена къ „темнымъ“ элементамъ деревни. Случаются неожиданности. „Крестьянскій посадъ“ Куса — заводское поселеніе Уфимскаго района — даетъ весной 18 г. отрядъ добровольцевъ для борьбы съ крестьянскими бунтами: черезъ три недѣли Куса стоитъ уже во главѣ антибольшевицкаго возстанія во всемъ округѣ (Подшиваловъ, 107) Одинъ документъ конца января 19 г. отмѣчаетъ намъ трюки, къ которымъ прибѣгали большевики въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ Перми и сочувствующихъ „бѣлымъ“ — мобилизованные крестьяне снабжаются удостовѣреніями, что они пошли добровольцами. Цѣль такихъ удостовѣреній вызвать со стороны побѣдителей расправу надъ „добровольцами“. Массовое антибольшевицкое движеніе въ Самарской, Оренбургской, Уфимской и Пермской губ., дѣйствительно, носило чисто крестьянскій характеръ и этимъ существенно отличается отъ движенія сибирскаго. Такой же массовый характеръ носили возстанія въ Симбирской и Казанской губ. весной 19 г. (Анишевъ 228).

Сибирская деревня, не пережившая большевиковъ*) въ значительной степени была нейтральна: „вотъ тутъ ваши, а тамъ ихніе“. Сибирскій крестьянинъ тугъ на

*) Н. К. Волковъ по пріѣздѣ изъ Сибири подчеркивалъ въ статьѣ, напечатанной въ „Общемъ Дѣлѣ“ (№ 97), что деревня оставалась въ сторонѣ отъ первой большевицкой волны — и о большевикахъ знало больше „по наслышкѣ“.

энтузіазмъ, поэтому онъ не проявлялъ его — говорятъ одни; въ силу отсутствія этого энтузіазма онъ былъ холоденъ къ большевизму — пытаются утверждать другіе („Б. за Ур." 251). Одно частное деревенское письмо 1 іюня 19 г., послѣ уже широкой волны повстанчества, характеризуетъ отношеніе къ власти, какъ безразличное: крестьяне продолжаютъ не сочувствовать большевикамъ, но и не желаютъ, чтобы кто-либо ихъ трогалъ, не желаютъ, чтобы брали солдатъ; не желаютъ платить податей. Они желаютъ жить вольно, а кто правитъ—имъ все равно. Повсюду жажда окончанія гражданской войны и стремленіе заняться своимъ личнымъ благополучіемъ. Крестьяне не сознаютъ современныхъ событій и не уясняютъ себѣ цѣлей борьбы съ большевиками — сообщаетъ въ октябрѣ сотрудникъ по культурно-просвѣтительной части 3 арміи. Крестьяне не считаютъ войну своей, говоря, что воюютъ „бѣлые" и „красные", а имъ достается „въ чужомъ пиру похмелье" („П. Дн." 47—48). Крестьяне нейтральны. Донесеніе по Ново-Николаевскому району отъ 30 ноября сообщаетъ:

„...настроеніе крестьянъ какое-то запуганное. Боятся высказывать свое мнѣніе даже наединѣ. Отношеніе къ правительству равнодушное: оно и за правительство и не противъ большевиковъ. Чувствуется что война всѣхъ утомила и мѣшаетъ ихъ работѣ. У всѣхъ единодушное желаніе, чтобы она скорѣ окончилась. При этомъ многіе относятся совершенно безразлично, въ чью пользу эта война закончится, въ пользу ли сибирскаго правительства, или въ пользу большевиковъ, только бы окончилась. На войну большинство смотритъ, какъ на „убіеніе своего брата", исключеніе составляетъ самая незначительная часть, по преимуществу изъ зажиточныхъ крестьянъ. Свѣдѣнія о правительствѣ, его намѣреніяхъ и задачахъ и о положеніи фронта самыя скудныя, по большей чести, неправильныя... Ярыхъ большевиковъ среди населенія нѣтъ, нѣтъ и открытой большевицкой агитаціи, но скрытая есть и распространяются провокаціонные слухи. О со-

вѣтской власти кр-не не имѣютъ яснаго представленія" („П. Дн." 66).

Таково настроеніе къ моменту, когда власти „верховнаго правителя" фактически уже не было. Аналогичное можно отмѣтить съ самомъ центрѣ партизанскаго движенія. 5 декабря 19 г. въ красноярской городской думѣ, „при закрытыхъ дверяхъ" гласный Смирновъ говоритъ по поводу разросшагося движенія Щетинкина: „Вѣдь сначала населеніе отнеслось къ нему враждебно. А далѣе?.. Когда пришли туда наши отряды?. Это надо не забывать въ моментъ объявленія новой мобилизаціи, которая ляжетъ главнымъ образомъ на деревню. Настроеніе деревни сейчасъ или нерѣшительное или отрицательное къ власти. Деревня нерѣдко говоритъ: „пусть войну эту кончаютъ Колчакъ съ Ленинымъ единоборствомъ. Наше дѣло сторона". Такое настроеніе деревни очень опасно для правительства и особенно для государства" („П. Дн." 78). Нейтралитетъ означаетъ пассивность*). Пассивность открываетъ дорогу „вольницѣ". Властвуетъ меньшинство и терроризируетъ большинство.

Не только для Сибири, но и для всей Россіи мнѣ представляется недоказуемымъ тезисъ, который легъ какъ бы въ основу соціологическихъ „размышленій" С. Л. Франка о революціи въ „Русской Мысли". Онъ, между прочимъ, писалъ о причинахъ неудачи „бѣлаго движенія": „при приближеніи „бѣлыхъ", въ которыхъ народъ — правомѣрно или нѣтъ, это въ данномъ случаѣ безразлично — видѣлъ насадителей старой власти, власти „господъ", онъ забывалъ свои, такъ сказать, „домашніе", „семейные" счеты съ опостылѣвшей ему совѣтской властью и снова давалъ ей свою поддержку" (256). Насколько крестьяне забывали свои „домашніе" споры,

*) Крестьяне с. Варваровки въ Никольско-Уссурійскомъ у., объявивъ нейтралитетъ, выдали тѣмъ не менѣе всѣхъ большевицкихъ агитаторовъ (Ильюховъ, 30). Это вылавливаніе деревенскихъ „хулигановъ" самими крестьянами можно отмѣтить во многихъ мѣстахъ— см. напр., докладъ полк. Франка изъ Тюмени („Пр. Рев." № 8) и др.

свидѣтельствуетъ та кровавая междоусобная борьба, которая подчасъ шла въ самой крестьянской средѣ. И не только въ Сибири. Вотъ что пишетъ, отчасти какъ очевидецъ, авторъ цитированныхъ уже очерковъ, В. Я. Гуревичъ: „характерныя проявленія этой междоусобицы имѣли мѣсто уже въ апрѣлѣ и маѣ 1918 г. въ Самарской и Уфимской губ., гдѣ въ нѣкоторыхъ селахъ (напр., знаменитой Ивановкѣ Николаевскаго, нынѣ Пугачевскаго у.) борющіяся партіи, поперемѣнно бравшія верхъ въ зависимости отъ приходившей извнѣ помощи со стороны красногвардейцевъ или возставшихъ противъ Соввласти уральскихъ казаковъ — по нѣсколько разъ вырѣзывали другъ друга, добивая въ слѣдующій разъ успѣвшихъ скрыться отъ предыдущей рѣзни“ („Рев. Рос.“ № 57—58, стр. 31)*).

* * *

Случайныя настроенія легко измѣняются. Крестьянское движеніе въ Сибири чрезвычайно быстро пережило новую эволюцію. Ея исторія выходитъ уже за предѣлы поставленной темы. Отмѣчу бѣгло только нѣкоторые

*) Тезисъ Франка опровергаетъ всеобщее сочувствіе приходу „господской“ власти, которое можно отмѣтить рѣшительно во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ царитъ коммунистическая деспотія. Дѣло другое — потомъ населеніе разочаровывалось въ новой власти. Этого сочувствія не могло бы быть при томъ психологическомъ воспріятіи, которое пытается установить авторъ „размышленій о революціи“. Фактъ сочувственнаго ожиданія побѣды Деникина и Колчака можно документовать безконечнымъ количествомъ свидѣтельствъ. Авторъ интересныхъ очерковъ „Къ познанію прошедшаго“ въ „Русской Мысли“ разсказываетъ, какъ прихожане въ Центр. Россіи въ 1919 г. требовали въ церквахъ поминовенія за здравіе Колчака и Деникина. Но для насъ болѣе цѣнны свидѣтельства враждебной стороны. Не отрицаетъ этого факта сочувствія, напр., Буревой въ своей книжкѣ „Колчаковщина“ (Вслѣдъ за большевицкой публицистикой онъ сейчасъ же оговаривается: такъ думаетъ „темное крестьянство и несознательные рабочіе“ (4). Любопытно, что и Черновъ подтверждаетъ этотъ фактъ. „Мнѣ самому приходилось сталкиваться съ крестьянами — пишетъ онъ — которые увѣренно говорили: „Колчакъ и Деникинъ — это наши друзья“. Не устраняетъ значенія факта увѣреніе Чернова, что подобная концепція объясняется пропагандой большевиковъ о связи учредиловцевъ съ Колчакомъ. Большевики, „стремясь оклеветать и забросать грязью“ партію с.-р., лили воду на колчаковскую мельницу“ („Рев. Рос.“ № 1).

штрихи для характеристики этихъ настроеній; они даютъ возможность правильнѣе оцѣнить то, что было въ такъ называемый колчаковскій періодъ.

Пришла въ Сибирь совѣтская власть, и крестьянское противосовѣтское движеніе охватываетъ въ 1920—21 году, дѣйствительно, всю Сибирь. Конечно, „партизанщина“ этого времени, по отзыву совѣтскихъ дѣятелей, носитъ уже только „грабительскій и дезорганизаторскій характеръ“. Если въ отдѣльныхъ случаяхъ старые „вожди“ оказываются подчасъ во враждебномъ совѣтской власти лагерѣ; если отдѣльныя разбойныя банды не могутъ подчиниться государственному режиму большевиковъ и продолжаютъ гулять по таежнымъ лѣсамъ и урочищамъ вольной Сибири, то все же деклассированнымъ элементамъ гораздо легче было слиться съ большевицкой „государственностью“, ибо большевики всегда, въ сущности, опирались на своего рода деклассированные элементы. „Строителямъ“ государства пришлось вступить въ борьбу съ Лубковыми и другими повстанческими атаманами, много разъ высказывавшими „преданность“ совѣтской власти. Эта преданность хороша была только въ моментъ борьбы съ противникомъ, когда по нѣмецкому методу 1917 г. разнуздывалась стихія для развала арміи и тыла противника. Безподобную картину рисуетъ авторъ очерка „Пятая армія и сибирскіе партизаны“. На территоріи Мамонтова лежитъ г. Усть-Каменьскъ, куда вступилъ одинъ изъ полковъ пятой арміи и организовалъ ревкомъ изъ большевиковъ и лѣвыхъ эс-эровъ. Городъ былъ мертвъ, хозяйничали 12 тыс. партизанъ, разъѣзжавшихъ съ „пѣснями и криками... въ различныхъ одеждахъ, отъ порванной поддевки до поповской рясы, съ кадилами въ рукахъ, при чемъ на шеяхъ лошадей были подвязаны кисти церковныхъ одѣяній“ („Б. за Уралъ“, 272). Пикари*) „шуровали“ по

*) Такъ назывались на Алтаѣ отряды, вооруженные желѣзными пиками, насаженными на длияныя деревянныя древки.

складамъ и магазинамъ и устроили бунтъ, когда около винныхъ складовъ была поставлена вооруженная охрана. Ревкомъ только и занимался тѣмъ, что выдавалъ записки объ имуществахъ, не подлежащихъ конфискаціи и реквизиціи. Единственной цѣлью ревкома было — расформировать и разоружить людей, „выбитыхъ изъ колеи и представляющихъ ферментъ для всяческихъ движеній и возстаній“...

Не выбившемуся изъ колеи крестьянству было труднѣе приспособиться къ государственному принужденію новой власти, ибо отрицательное отношеніе къ прежней власти въ значительной степени опредѣлялось жертвами, которыя требовала война. Новая власть пришла не только „для уничтоженія колчаковщины, но и за хлѣбомъ для Москвы и Петрограда“ (Смирновъ).

Движеніемъ сибирскаго крестьянства въ 1920—21 годахъ руководятъ уже не сомнительные авантюристы, а новый политическій крестьянскій союзъ, въ составъ котораго входятъ или въ контактѣ съ которымъ работаютъ не только соц.-рев. и нар.-соц., но и представители вновь создавшихся нелегальныхъ офицерскихъ организацій. Такъ жизнь, завершивъ одинъ кругъ, начинаетъ его сначала.

Эс-эровская печать характеризуетъ нѣкоторые изъ партизанскихъ отрядовъ, какъ „черносотенно-башибузукскіе“. И тѣмъ не менѣе ей приходится признать, что симпатіи населенія на сторонѣ этого „сброда“, потому что онъ идетъ противъ коммунистовъ.

Такъ извѣстный намъ Лубковъ орудуетъ подъ вызывающимъ флагомъ: „безъ комунистовъ и жидовъ“, и тѣмъ не менѣе корреспондентъ „Рев. Россіи“ (№ 12) отмѣчаетъ, что его банда не носила „бандитскаго характера: банда пополняется элементомъ изъ наиболѣе хозяйственной и честной части населенія“ *).

О дѣятельности и организаціи крестьянскаго союза

*) Еще въ „Вол. Рос.“ 6 авг. 21 г.

мы имѣемъ пока, главнымъ образомъ, оффиціальные большевицкіе матеріалы — заключеніе слѣдователя. Ч. К. Павлуновскаго и нѣкоторыя показанія арестованныхъ членовъ Союза*) въ февралѣ 21 г.

Что же пишетъ Павлуновскій? („Сиб. Огни" 22, № 2). Союзъ былъ „безпартійнымъ" для того, чтобы сблизить разнородные элементы, отошедшіе отъ партій или даже ушедшіе отъ политики — преимущественно въ сектанство. Въ иниціативную группу, образовавшуюся уже въ мартѣ 1920 г., вошли пять эс-эровъ и три эн-эса. Территоріей дѣятельности крестьянскаго союза должна была быть Западная Сибирь — Алтайская, Семипалатинская, Омская, Красноярская, Томская, Новониколаевская, Тюменская и Челябинская губ. Характерно показаніе Игнатьева относительно Алтайской губ.: „въ нѣкоторыхъ случаяхъ мнѣ приходилось встрѣчаться съ организаціями крестьянскаго союза, руководимыми лицами, ничего общаго не имѣющими съ нашей организаціей. Эти организаціи стремились къ проведенію монархическихъ началъ и идеи націонализаціи земли". Въ Омскѣ эс-эры изъ мѣстнаго отдѣла крестьянскаго союза вошли въ соглашеніе со штабомъ военной организаціи Густомесова, не имѣвшей опредѣленной политической платформы. Густомесовъ — студентъ петроградскаго политехническаго института, голосовавшій въ 1917 г. при выборахъ въ Учр. Собраніи за эс-эровъ. Въ Самарѣ онъ принялъ участіе въ борьбѣ съ большевиками. „Директорія — показываетъ самъ Густомесовъ — застала меня подъ Белебеемъ. Никакого желанія зашищать Директорію у меня не было... Разгону Директоріи сочув-

*) О крестьянскихъ возстаніяхъ послѣ Колчака имѣются кое-какія данныя (особенно о грандіозномъ тобольскомъ возстаніи 21 г.) въ „Револ. Россіи" №№ 10, 14 15. См. также очеркъ П. Турханскаго „Крестьянское возстаніе въ Зап. Сибири въ 1921" („Сиб. Арх." II). Авторъ отмѣчаетъ, что возстаніемъ была охвачена огромная территорія: вся губернія Тобольская, часть Томской, Акмолинской, Оренбургской и Пермской.

ствовалъ. Въ арміи Колчака получилъ штабсъ-капитана. Подъ Красноярскомъ сдался совѣтскимъ властямъ... изъ лагеря бѣжалъ и скрылся въ степи. Побѣгъ устроенъ сочувствовавшей въ Омскѣ офицерской организаціей". Послѣ длительныхъ разговоровъ „бѣлогвардейской организаціи" съ крестьянскимъ союзомъ достигнуто было соглашеніе, при чемъ Густомесовъ заявилъ о признаніи имъ „политическаго руководства" со стороны партіи с.-р.

Въ обзорѣ Павлуновскаго отмѣчены довольно характерныя черты дѣятельности Союза въ разныхъ районахъ Сибири. Такъ, тюменская организація, подготовляя возстаніе, выпустила воззваніе съ лозунгомъ: „да здравствуютъ свободные крестьянскіе совѣты". Послѣ того какъ возставшими былъ захваченъ Тобольскъ, повстанческій штабъ издавалъ газету „Голосъ Народной Арміи". Лозунги газеты: „Съ нами Богъ. Да здравствуетъ совѣтская власть и сибирское крестьянство. Долой коммунистовъ". 22 февраля въ Тобольскѣ была сконструирована временная власть. Высшимъ гражданскимъ учрежденіемъ въ городѣ являлся крестьянскій городской совѣтъ. Представителемъ городского совѣта былъ избранъ кадетъ Степановъ, начальникомъ гарнизона с.-р. Силинъ, комендантомъ города „бѣлогвардеецъ" кап. Замятинъ. Въ красноярскую организацію, возглавляемую нар.-соц. Сибирцевымъ, тоже входятъ: „эс-эры, эн-эсы, земцы и бѣлогвардейцы". „Земцы" настаивали на созывѣ земскаго собора по сверженіи совѣтской власти; эс-эры и эн-эсы выдвигали требованіе Учр. Собранія; „бѣлогвардейцы" стояли за монархію, но соглашались и на Земскій Соборъ и на Учр. Собр.". Соглашеніе было достигнуто на слѣдующей редакціи спорнаго пункта: „основа устройства государственнаго быта — всеобщее избирательное право, Земскій Соборъ—Учр. Собраніе". Та же картина въ Новониколаевской губ. Воззваніе къ войскамъ приглашало „уничтожить власть палачей и даровать измученной странѣ хлѣбъ, миръ и свободу". „Такимъ образомъ — заклю-

чаетъ Павлуновскій — новый типъ контръ-революціи въ Сибири нашелъ свое выраженіе въ сибирскомъ крестьянскомъ союзѣ, въ которомъ сомкнулись въ единомъ фронтѣ всѣ антикоммунистическіе элементы" *).

Союзъ былъ ликвидированъ, часть членовъ его принесла покаяніе и отмежевалась отъ „авантюры". Большая часть членовъ союза была разстрѣляна.

Комментировать эти матеріалы, прошедшіе черезъ однобокую чекистскую призму, еще преждевременно. Многое представляется въ нихъ не совсѣмъ понятнымъ, но многое чрезвычайно показательно и находитъ подтвержденіе въ другихъ источникахъ, которыми мы уже можемъ располагать... Характерно, напр., то, что отмѣчаетъ попутно корреспондентъ „Рев. Рос.": въ Тобольскомъ возстаніи 21 г. интеллигенція и партіи играли незначительную роль; интеллигенціи не довѣряли, обвиняя ее въ сутрудничествѣ съ коммунистами. Никакими политическими „планами" возставшіе не задавались, ими руководила одна мысль: долой коммунистовъ. Послѣ сверженія коммунистовъ „буржуазіи" возвращалось отнятое имущество. Любопытно, что большевицкая пресса, въ свою очередь, отмѣчала, что сибирское движеніе „кулаковъ" какъ бы связано съ именемъ Колчака, при чемъ у крестьянъ складывалось убѣжденіе, что верховный правитель сумѣлъ уйти изъ рукъ большевиковъ **).

---

*) Аналогичное отмѣчаетъ намъ корреспондентъ „Рев. Рос." (№ 12) въ иркутскомъ возстаніи 1920 г. (сентябрь). Среди партизанъ дѣйствуютъ вмѣстѣ остатки „народно-рев. арміи", группа „колчаковцевъ" и бурятскіе отряды.

**) Еще имѣется одна общая черта для этихъ „кулацкихъ" и казацкихъ возстаній. Они отличаются большой жестокостью. Во время колыванскаго возстанія въ Томской губ. (май 1920 г.) „вырѣзаны поголовно всѣ коммунисты („Рев. Рос." № 12—13). Въ Тобольскомъ возстаніи также поголовно уничтожали коммунистовъ — на нихъ смотрѣли, какъ на породу, которой „нѣтъ мѣста на землѣ" („Р. Р." № 14—15). Особенно плохо приходилось, по словамъ Туруханскаго, продовольственникамъ: убивали ихъ женъ, дѣтей, родственниковъ, рубили топорами, отрубали руки и ноги, вскрывали животы (69). Убивали всѣхъ, у кого не было на шеѣ креста; также расправлялись съ красноармейцами, которые переходили къ возставшимъ. (Авторъ, между прочимъ,

4. Борьба съ партизанствомъ.

Всѣ цифры, опредѣляющія количество организованнаго партизанства, конечно, совершенно произвольны. Парфеновъ, неизвѣстно на основаніи какихъ данныхъ, исчисляетъ къ сентябрю 19 г. эту силу въ 120 тысячъ *). Еще труднѣе при разнохарактерности ея состава выдѣлить въ ней чисто крестьянскій элементъ **), но когда рѣчь идетъ о сентябрѣ и послѣдующихъ мѣсяцахъ (для минусинскаго партизанства это было время наибольшей организованности), надо имѣть въ виду, что это уже вторая волна разсѣяннаго партизанства, воскресавшаго и обраставшаго тѣломъ съ момента, когда начиналась катастрофа, и Сибирь на нѣсколько мѣсяцевъ отдавалась во власть анархіи. Въ таежныхъ деревняхъ считали, что власть верховнаго правителя пала, а сторонники идеи единаго фронта черезъ кооперативы усиленно разглашали, что совѣтская власть перемѣнилась, и слухи ползли и ширились въ малоосвѣдомленной сибирской деревнѣ ***).

указываетъ, что были эксцессы противъ евреевъ, остановленные только вліяніемъ тобольскаго епископа Николая Покровскаго, который угрожалъ погромщикамъ анафемой).

Звѣрскимъ усмиреніемъ въ свою очередь отвѣтили большевики, объявляя, что за „каждую каплю крови коммуниста“ они будутъ разстрѣливать десятками. Въ покоренныхъ деревняхъ дѣйствительно разстрѣливали черезъ пятаго, не исключая женщинъ и дѣтей. Истребляли чуть ли не поголовно сельское духовенство. Большевики „хвастливо“ заявляли: „мы на двадцать лѣтъ гарантировали себя отъ повторенія возстанія“.

*) Алтайская армія Мамонтова — 30 т.; енисейская Щетинкина — 15 т.; томская Лобкова — 10 т; иркутская Кардашвили и Кравченко — 25 т.; амурская Шилова — 15 т.; уссурійская Шевченко — 15 т.: забайкальская Якимова — 10 т.

**) Среди этого элемента особо выдѣляются „таежные охотники“. „Очень честные люди, за деньги прекрасно служатъ“ — такъ характеризуетъ ихъ въ енисейскомъ районѣ полк. Мартыновъ.

***) „Въ Енисейской губ. и въ Нижнеудинскомъ уѣздѣ — докладываютъ начальнику штаба 1 мая — отсутствуетъ какая-либо правительственная информація. Не только крестьяне и горожане систематически питаются вздорными провокаціонными слухами, но подчасъ и представители власти, какъ начгары и земскіе дѣятели, въ виду полнаго отсутствія газетъ, живутъ слухами, распространяемыми съ про-

Какъ надлежало бороться съ разнузданной большевиками стихіей? Несомнѣнно одно: сибирская власть не обратила должнаго вниманія и недооцѣнила грозной опасности, которая таилась въ крестьянскихъ возстаніяхъ, начавшихся раннею осенью 18 г., т. е. черезъ два-три мѣсяца послѣ освобожденія Сибири отъ большевиковъ. Основной военный фронтъ отвлекалъ вниманіе. „Сельскія дружины", которыя организовались для борьбы съ шайками („Наша Заря" 30 іюня), не имѣли по большей части даже оружія*). Мѣстные батальоны подчасъ представляли собою не силу, а безсилье. Яркую оцѣнку того, что наблюдалось, напр., въ Канскѣ, даетъ въ мартовскомъ рапортѣ полк. Мартыновъ. Прибывъ въ Канскъ 17 октября, Мартыновъ нашелъ здѣсь батальонъ байкальскаго полка: „это была толпа въ 353 чел., раздѣтыхъ и разутыхъ людей, офицеры разбѣжались" („Пар. Дв." 109). Рота „цензовой" молодежи, „цѣликомъ почти переколота" въ Канскомъ у.; отрядъ Красильникова, „потерявшій $^{3}/_{4}$ своего состава" (донесеніе полк. Кадинеца изъ Красноярска 24 февраля) — все это достаточно характеризуетъ первоначальные методы борьбы. Отовсюду вытекаютъ жалобы на то, что веденіе карательныхъ операцій малыми силами влечетъ за собою только неудачи и ободряетъ партизанскіе отряды. „Мнѣніе всѣхъ офицеровъ отряда, что неудачи въ дѣйствіяхъ нашихъ отрядовъ является слѣдствіемъ веденія операцій малыми силами. Значеніе возстанія достаточно не оцѣнено" (Докладъ кап. Суровцева — „П. Дн." 148).

Въ первые мѣсяцы и карательныя мѣры въ отношеніи повстанцевъ, при наличіи многочисленныхъ эк-

---

вокаціонными цѣлями главарями большевицкаго движенія" („П. Дв." 149). Населеніе не знаетъ даже о существованіи верховнаго правителя — сообщаютъ изъ Тарскаго у. Тобольской губ. Въ іюнѣ населеніе с. Танашова въ 100—150 в. отъ Омска убѣждено, что Омскъ уже три недѣли въ рукахъ большевиковъ" („Пр. Рев." № 8).

*) См. напр. докладъ команд. тарскимъ военнымъ округомъ (Тобольской губ.) полк. Франка („Прол. Рев." № 8).

сцессовъ отдѣльныхъ отрядовъ, носятъ сравнительно мягкій характеръ... Гражданскія власти всегда пытаются сдержать карательные отряды. „Подходить къ создавшимся условіямъ только съ тактической и стратегической точекъ зрѣнія, какъ это дѣлаютъ военныя власти, невозможно — пишетъ командующему войсками управляющій Иркутской губ. 21 марта — проявить же какую-нибудь умиротворяющую работу общественныя силы не могутъ, ибо всякое общеніе съ массами можетъ быть истолковано любымъ доносчикомъ по своему“ (Ib. 200). „Общественныя силы“ удерживаютъ военныя власти отъ рѣшительныхъ мѣръ. Въ одномъ изъ рапортовъ, поступившихъ управляющему Иркутской губ. (с-р. Яковлева), изъ района Шиткина сообщается: „мѣстныя военныя власти готовятъ истребленіе Шиткина, предпринято скрытое наступленіе. Все это опредѣленно учтется населеніемъ, и я очень опасаюсь расширенія движенія“. Въ противовѣсъ военнымъ мѣрамъ „общественныя силы“ могли предложить только воззванія. Конечно, въ это бурное время всякаго рода умиротворяющія воззванія (напр., воззваніе къ повстанцамъ Енисейской губ., подписанное управляющимъ губерніей Бондаремъ, бывшимъ эмигрантомъ и участникомъ красноярскаго возстанія 1905 г.), не достигали цѣли.

Сама военная власть всячески борется съ эксцессами на мѣстахъ. „Мы сами насаждаемъ большевизмъ грабежами и насиліемъ“ (дѣйствія Трофимова и Красильникова) — рапортуетъ полк. Мартыновъ въ штабъ иркутскаго военнаго округа 9 марта о положеніи въ Енисейской губ. „Прекратить самыми рѣшительными мѣрами, не стѣсняясь даже смертной казни“ — кладется резолюція въ штабѣ на цитированномъ выше докладѣ начальн. минусинскаго военнаго района ген. Шильникова о безуспѣшной борьбѣ его съ дѣйствіями отдѣльныхъ карательныхъ отрядовъ... Въ маѣ, командующій войсками иркутскаго военнаго округа ген. Артемьевъ доклады-

ваетъ военному министру: „Атаманъ Красильниковъ совершенно бездѣйствуетъ, занимается исключительно пьянствомъ и безобразіемъ, тѣмъ же занимаются его офицеры; солдаты производятъ самочинные обыски съ цѣлью грабежа, насилуютъ женщинъ. Все населеніе жаждетъ большевизма. Положеніе критическое". (Ib. 147). Быть можетъ, здѣсь невольно очень сгущены краски*). Но характерно, что это сообщеніе идетъ отъ высшей военной власти. Ясно, что она не пыталась покрывать своимъ авторитетомъ бытовыя насилія эпохи**). Послѣ возмутительной расправы, выразившейся въ повѣшеніи канскаго городского головы, отрядъ Красильникова былъ отправленъ на фронтъ. Но не въ одномъ только отрядѣ Красильникова было дѣло. „Трехмѣсячное топтаніе на одномъ и томъ же мѣстѣ частей енисейскаго отряда — докладываетъ начальникъ развѣдки штаба иркутскаго округа 1 мая — вызываемое его малочисленностью, громаднымъ райономъ возстанія, моральной слабостью частей, начальники которыхъ просятъ пополненія на замѣнъ отдаваемыхъ подъ военно-полевой судъ за грабежи не присылать, и разнообразіемъ вооруженія, съ наступленіемъ распутицы можетъ заставить послѣдніе остатки благомыслящаго населенія принять красную оріентацію" (Ib. 149).

Къ концу марта было рѣшено „топтаніе на мѣстѣ" въ отношеніи Енисейской губ. кончить. Общее командованіе на партизанскомъ фронтѣ было вручено ген. Розанову. Цѣлью этого назначенія, очевидно, было стремленіе вытѣснить „атаманщину" при подавленіи возстаній. По крайней мѣрѣ военный министръ, ген. Степановъ,

---

*) Сопоставить хотя бы съ гибелью $^3/_4$ отряда Красильникова.

**) Два офицера изъ отряда Красильникова приговорены къ смертной казни, какъ слѣдствіе обнаружившихся преступленій (докладъ шт.-кап. Суровцева. Ib, 148). Начальникъ Тарскаго военнаго округа полк. Франкъ въ іюлѣ жалуется, что карательный отрядъ кап. Фомина, несмотря на запрещеніе пускать въ ходъ артиллерію, разбилъ снарядами большое село Усть-Таву („Пр. Рев." № 8, 199).

въ секретной телеграммѣ Розанову 13 мая удивляется, что „за два мѣсяца общаго высшаго руководства не принято мѣръ парализовать впредь чисто атаманскія наслоенія отдѣльныхъ отрядовъ, не связанныхъ единымъ объединяющимъ началомъ, обязательнымъ для каждой воинской организаціи“ (Ib. 174).

Съ большой суровостью сталъ дѣйствовать Розановъ. Къ іюню партизанское возстаніе внѣшне было подавлено*). Розановъ 24 іюня могъ объявить о прекращеніи военнаго положенія. Военнымъ начальникамъ предписывалось „перейти къ нормальнымъ условіямъ жизни“ и „приступить къ постепенной передачѣ временно взятыхъ на себя гражданскихъ и административныхъ обязанностей“.

— „Вмѣстѣ съ тѣмъ“, — говорилъ Розановъ въ приказѣ 24 іюня — „я нахожу возможнымъ отмѣнить слѣдующія мои обязательныя постановленія, вызванныя исключительной обстановкой, при которой подавлялись уже ликвидированныя возстанія:

1. О разстрѣлѣ заложниковъ (обязательное постановленіе отъ 28-го марта 1919 года).

2. О разстрѣлѣ на мѣстѣ безъ суда, за преступленія, перечисленныя въ моемъ обязательномъ постановленіи отъ 26-го марта сего года, а замѣной указанной мѣры пресѣченія преданіемъ полевому суду (обяз. постан. отъ 26 го 1919 г.), и

3. Приказъ отъ 27-го марта начальникамъ военныхъ отрядовъ, дѣйствующихъ въ районѣ возстанія“... („П. Дв.“ 188).

На описаніяхъ жестокостей, пожалуй, можно и не останавливаться, тѣмъ болѣе, что провѣрить настоящую дѣйствительность при современномъ состояніи матеріала мы абсолютно не можемъ. О томъ, что усмиреніе было жестоко, свидѣтельствуетъ, помимо изданныхъ обязательныхъ постановленій, хотя бы такая телеграмма (14

*) Этимъ было выполнено пожеланіе тор.-пром. съѣзда въ Минусинскѣ 21 апр., указывавшаго на необходимость покончить до лѣта съ „большевицкими бандами“ (Ib. 127).

апрѣля), посланная иркутскимъ штабомъ въ Омскъ и во Владивостокъ: ...„въ отношеніи ликвидаціи возстанія въ районѣ Тайшетъ проводятся самыя жестокія мѣры до разстрѣловъ и повѣшенія безъ суда включительно“ (Ib. 124*). Но въ описаніи противной стороны слишкомъ много тенденціознаго: и въ брошюрѣ Ракова, повѣствующаго съ чужихъ словъ, и въ статьяхъ Колосова. Не приходится уже говорить о большевикахъ. Здѣсь тенденція у нѣкоторыхъ „историковъ“ переходитъ въ измышленіе. Любопытно, что Парфенова изобличили свои же коммунисты по другому дѣлу — по дѣлу о подавленіи возстанія въ Славгородскомъ у. Подавлялъ тамъ возстаніе отрядъ Анненкова. Конечно, онъ разстрѣлялъ и выпоролъ въ короткій срокъ въ славгородскомъ и кузнецкомъ районѣ больше 5000 человѣкъ. Въ одномъ Славгородѣ было разстрѣляно 1667 чел. Парфеновъ красочно разсказываетъ, какъ Анненковъ (12 сентября 18 г.) приказалъ изрубить болѣе 500 человѣкъ на площади въ Славгородѣ. Въ дѣйствительности, какъ оказалось, „никакихъ большевиковъ не рубили“.

Одинъ изъ непосредственныхъ участниковъ движенія среди похороненныхъ Парфеновымъ нашелъ благополучно здравствующихъ („С. Ог.“ 26 VI, 16).

Колосовъ очень возмущается, что на карательную дѣятельность правительства въ Енисейской губ., на „ужасы жизни“ общество плохо реагировало: очевидно „нервы у всѣхъ притупились“. Да, притупились. Время было жестокое. Въ оправданіе тѣхъ, которые были жестоки, надо сказать, что съ ними, какъ мы видѣли, также жестоко расправлялись. Самъ Колосовъ разсказываетъ про Енисейскъ, захваченный повстанцами въ февралѣ: „войска попадали въ засаду и гибли, жестоко

**) Какой-то бюллетень „кооператоровъ“ сообщалъ, что при очищеніи отъ большевиковъ ж. д. на югѣ повѣшено до 2000 чел. Самъ этого „бюллетеня“ я не видѣлъ. Заимствую выдержку, приведенную въ оффиціальномъ обзорѣ печати штаба верховной ставкя за іюнь (Матеріалы Пражск. Арх.).

истребляемые повстанцами. У крестьянъ, живущихъ по тракту на Енисейскъ, въ эту зиму народился особый промыселъ: „туда мы возили войска, а оттуда гробы— объяснилъ мнѣ этотъ видъ промысла одинъ изъ крестьянъ".

* * *

„Верховный правитель" формально отвѣчаетъ за все. Но адм. Колчака сдѣлали не только отвѣтственнымъ, ему приписали не только иниціативу суровыхъ мѣръ въ отношеніи повстанцевъ, но ему даже приписали выработку детальныхъ мѣръ „безпощадной" расправы „по японски". На этомъ примѣрѣ можно довольно наглядно показать, какъ складываются легенды, какъ онѣ подхватываются безъ критики политическими противниками и незамѣтно входятъ въ литературу. Дла Колосова „нѣтъ никакого сомнѣнія", что приказъ ген. Розанова о сожженіи мятежныхъ деревень, объ учрежденіи института заложниковъ — является почти механическимъ воспроизведеніемъ циркулярнаго распоряженія „омскаго падишаха". За всѣ ужасы отвѣтственъ „самъ Колчакъ" — утверждалъ впослѣдствіи Вас. Гуревичъ, нашедшій въ матеріалѣ Колосова „вполнѣ исчерпывающее до конца" доказательство „личной отвѣтственности" Колчака: „Провести какое-нибудь принципіальное различіе между нимъ, Ив. Риновымъ или Семеновымъ дѣйствительно совершенно невозможно" *).

Такой выводъ диктуется лишь неумѣніемъ или нежеланіемъ критически отнестись къ публикуемому документу. Чтобы это доказать, я долженъ буду подробно остановиться на нѣкоторыхъ деталяхъ. Для личности Колчака это чрезвычайно важно. Во время слѣдствія ему былъ заданъ вопросъ: извѣстна ли ему дѣятельность Розанова въ Красноярскѣ. Колчакъ отвѣтилъ:

---

*) „Дѣла и дни бѣлаго адмирала" „Вол. Рос." 24 № 1—2, 158.

„Мнѣ извѣстенъ одинъ пріемъ, который я ему запретилъ, это—разстрѣливаніе заложниковъ за убійство на линіи кого-либо изъ чиновъ охраны. Онъ бралъ этихъ людей изъ тюрьмы. (Поповъ: вы запретили, а не предали суду за убійство?) Нѣтъ, потому что я считалъ, что, въ сущности говоря, онъ имѣлъ право бороться всѣми способами, какіе только возможны... но... я считалъ, что отвѣтственность лицъ, не причастныхъ къ дѣлу, недопустима... Я не думаю, чтобы Розановъ такія распоряженія давалъ, потому что по этому поводу есть телеграммы, которыя я посылалъ Артемьеву и Розанову, которыя имѣются даже въ газетѣ въ видѣ приказа Артемьеву, гдѣ я давалъ общія указанія... Это указаніе, конечно, не указывало, какъ общую мѣру, сжиганіе деревень, но я считаю, что во время боевъ и подавленія возстанія такая мѣра неизбѣжна и приходится прибѣгать къ этому способу. Эта мѣра, конечно, не можетъ быть примѣнена въ видѣ распоряженія, но только какъ мѣра во время столкновенія... Сколько мнѣ извѣстно изъ доклада того же Розанова, я зналъ два или три такихъ случая... и я призналъ это правильнымъ, потому что эти случаи относились къ д. Степно-Баджейской...*) Это была укрѣпленная база повстанцевъ, слѣдовательно она могла быть разрушена и уничтожена, какъ всякое укрѣпленіе. Второй случай — Кіяжское и третій случай Тасѣево“... Далѣе Колчакъ передаетъ бесѣду съ „однимъ изъ членовъ революціоннаго комитета“: „когда я въ одну деревню пришелъ съ повстанцами, я нашелъ нѣсколько человѣкъ, у которыхъ были отрѣзаны уши и носы вашими войсками“. Я отвѣтилъ: „я навѣрное такого случая не знаю, но допускаю, что такой случай былъ возможенъ“. Онъ продолжаетъ: „Я на это реагировалъ такъ, что одному изъ плѣнныхъ я отрубилъ ногу, привязалъ ее къ нему веревкой и пустилъ его къ вамъ въ видѣ око за око, зубъ за зубъ“. На это я ему только могъ сказать: „Слѣдующій разъ весьма возможно, что люди, увидавъ своего человѣка съ отрубленной ногой, сожгутъ и вырѣжутъ деревню. Это обычно на войнѣ и въ борьбѣ такъ дѣлается“. (Допросъ 211—13).

**) Колчакъ отмѣчаетъ, что въ данномъ случаѣ деревня была сожжена самими повстанцами.

Таково объясненіе Колчака. По иному интерпретируютъ его политическіе противники*). 27 марта ген. Розановъ, назначенный начальникомъ военныхъ силъ, дѣйствовавшихъ по подавленію безпорядковъ въ Енисейской губ. и Нижнеудинскомъ у. Иркутской губ., издалъ упомянутый выше приказъ начальникамъ военныхъ отрядовъ въ районѣ возстанія. Страннымъ образомъ среди всѣхъ матеріаловъ, изданныхъ совѣтской властью о подавленіи партизанскаго движенія, только текста этого приказа нѣтъ. Колосовъ въ своей книгѣ приводитъ лишь выдержки изъ него. Гуревичъ воспроизводитъ его полностью, заимствуя изъ изданной въ Прагѣ брошюры Солодовникова „Сибирскія авантюры и ген. Гайда“ (86—87)... У насъ, такимъ образомъ, не можетъ быть никакой увѣренности въ томъ, что текстъ приказа в п о л н ѣ соотвѣтствуетъ подлиннику. (Припомнимъ, что въ этомъ сомнѣвался Колчакъ).

Приказъ гласилъ:

„1. При занятіи селеній, захваченныхъ ранѣе разбойниками, требовать выдачи ихъ главарей и вожаковъ; если этого не произойдетъ, а достовѣрныя свѣдѣнія о наличности таковыхъ имѣются — разстрѣливать десятаго.

2. Селенія, населеніе которыхъ встрѣтитъ правительственныя войска съ оружіемъ, сжигать; взрослое мужское населеніе разстрѣливать поголовно; имущество, лошадей, повозки, хлѣбъ и т. д., отбирать въ пользу казны.

3. Если при проходѣ черезъ селенія, жители по собственному почину не извѣстятъ правительственныя войска о пребываніи въ данномъ селеніи противника, а возможность извѣщенія была, на населеніе накладывать денежныя контрибуціи за круговой порукой. Контрибуціи взыскивать безпощадно...

*) Отмѣчу, впрочемъ, что большевицкіе историки (Парфеновъ, 71) и политики (Виленскій-Сибиряковъ въ сбор. „Центросибирцы“) не приписываютъ введеніе института задожниковъ какой-то личной иниціативѣ Колчака.

4. При занятіи селеній, по разбору дѣла неуклонно накладывать контрибуціи на всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя способствовали разбойникамъ, хотя бы косвенно, связавъ ихъ круговой порукой.

5. Объявить населенію, что за добровольное снабженіе разбойниковъ не только оружіемъ и боевыми припасами, но и продовольствіемъ, одеждой и проч., селенія, виновные — будутъ сжигаться, а имущество отбираться въ пользу казны. Населеніе обязано увозить свое имущество или уничтожать его во всѣхъ случаяхъ, когда имъ могутъ воспользоваться разбойники. За уничтоженное такимъ образомъ имущество населенію будетъ уплачиваться полная стоимость деньгами или возмѣщаться изъ реквизированнаго имущества разбойниковъ.

6. Среди населенія брать заложниковъ, въ случаѣ дѣйствія односельчанъ, направленнаго противъ правительственныхъ войскъ, заложниковъ разстрѣливать безпощадно.

7. Какъ общее руководство, помнить: на населеніе, явно или тайно помогающее разбойникамъ, должно смотрѣть, какъ на враговъ и расправляться безпощадно, а ихъ имуществомъ возмѣщать убытки, причиненные военными дѣйствіями той части населенія, которая стоитъ на сторонѣ правительства". (Сол. 86—87).

Даже Колосовъ сообщаетъ:

„Весной 1919 г. мнѣ былъ доставленъ „Приказъ" начальника гарнизона г. Енисейска пор. Толкачева отъ 3 апрѣля за № 54, въ которомъ пор. Толкачевъ опубликовалъ полученную имъ отъ командующаго войсками иркутскаго военнаго округа ген. Артемьева телеграмму, датированную 23 марта за № 0175—632... Телеграмма съ прямой ссылкой на Колчака была такова:

— „Передаю слѣдующія повелѣнія Верховнаго Правителя: „Возможно скорѣе рѣшительнѣе окончить съ Енисейскимъ возстаніемъ, не останавливаясь передъ самыми строгими, даже и жестокими мѣрами въ отношеніи не только возставшихъ, но и населенія, поддерживавшаго ихъ: въ этомъ отношеніи примѣръ

японцевъ, въ Амурской области, объявившихъ объ уничтоженіи селеній, скрывающихъ большевиковъ, вызванъ, повидимому, необходимостью добиться успѣховъ въ трудной партизанской борьбѣ въ лѣсистомъ мѣстѣ. Во всякомъ случаѣ, въ отношеніи селеній Кіяйское, Нарвское должна быть примѣнена строгая кара. Я считаю, что способъ дѣйствія долженъ быть приблизительно таковъ:

1. — Въ населенныхъ пунктахъ надлежитъ организовать самоохрану изъ надежныхъ жителей.

2. — Требовать, чтобы въ населенныхъ пунктахъ мѣстныя власти сами арестовывали, уничтожали агитаторовъ и смутьяновъ.

3. — За укрывательство большевиковъ, пропагандистовъ и шаекъ должна быть безпощадная расправа, которую не производить только въ случаѣ, если о появленіи тѣхъ же лицъ (шаекъ) въ населенныхъ пунктахъ было своевременно сообщено ближайшей военной части, а также о времени ухода этой шайки и направленіи ея движенія было своевременно донесено войскамъ. Въ противномъ случаѣ на всю деревню налагать денежный штрафъ, руководителей деревни предавать военно-полевому суду за укрывательство.

4. — Производить неожиданные налеты на безпокойные пункты и районы: появленіе внушительнаго отряда вызоветъ перемѣну настроенія въ населеніи.

5. — Въ подчиненныхъ вамъ частяхъ установить суровую дисциплину и порядокъ. Никакихъ незакономѣрныхъ дѣйствій, грабежей, насилій не допускать. Съ уличеннымъ расправляться на мѣстѣ, пьянство искоренять, пьянствующихъ наказывать, отрѣшать, карать.

6. — Начальниковъ, не умѣющихъ держать ввѣренныя имъ части на должной высотѣ, отрѣшать, предавая военно-полевому суду за бездѣйствіе власти.

7. — Для развѣдки и связи пользоваться мѣстными жителями, беря заложниковъ. Въ случаѣ невѣрныхъ и несвоевременныхъ свѣдѣній или измѣны — заложниковъ казнить, а дома, имъ принадлежащіе, сжигать. При остановкахъ, на ночлегахъ, при расположеніи въ деревняхъ части держать сосредоточенными, приспособлять занимаемыя помѣщенія къ обо-

ронѣ, сторожевое охраненіе выставлять, держаться принципа качественности, а не численности охраненія, при чемъ должна быть постоянная провѣрка несенія службы; брать заложниковъ изъ сосѣднихъ незанятыхъ красными частей селеній. Всѣхъ способныхъ къ боямъ мужчинъ собирать въ какое-нибудь большое зданіе, содержать подъ охраной и надзоромъ на время ночевки, въ случаѣ измѣны, предательства — безпощадная расправа".

„Нѣтъ никакого сомнѣнія, — продолжаетъ Колосовъ — что эта телеграмма представляла собой циркулярное распоряженіе, посылавшееся Колчакомъ не только г. Артемьеву, но и другимъ уполномоченнымъ по охранѣ государственнаго спокойствія, въ томъ числѣ, разумѣется, ген. Розанову. Съ этой точки зрѣнія заслуживаютъ сопоставленія прежде всего даты, которыми помѣчены какъ „Приказъ" ген. Розанова, такъ и телеграмма Артемьева, передавшая „повелѣнія Верховнаго Правителя": — телеграмма имѣетъ помѣтку 23 марта (несомнѣнно опять-таки, что около этого числа Артемьевъ и получилъ распоряженіе Колчака), а „Приказъ" датированъ 27 числомъ того же мѣсяца. Очевидно, какъ только ген. Розановъ получилъ инструкцію отъ адмирала Колчака, — по всей вѣроятности одновременно съ тѣмъ, какъ ее получилъ ген. Артемьевъ, — такъ онъ тотчасъ же примѣнилъ ее къ дѣлу, не откладывая ни одного дня, но и не опережая адмирала самовольными дѣйствіями. Онъ поступалъ по точному смыслу Полевого Устава, который адмиралъ Колчакъ считалъ лучшимъ Сводомъ Законовъ для управляемой подъ его диктатурой страны".

Уже на основаніи внѣшней формы этой телеграммы можно было бы сказать, что она не могла воспроизводить цѣликомъ распоряженіе верховнаго правителя. Перепечатывая эту телеграмму съ сокращеніемъ, Гуревичъ выпустилъ, между прочимъ, весьма важныя строки: „Я считаю, что способъ дѣйствія долженъ быть приблизительно таковъ" и т. д. Приведенная фраза, очевидно,

должна была принадлежать уже ген. Артемьеву. Сама по себѣ телеграмма пор. Толкачеву способна вызывать недоумѣніе. Дѣло въ томъ, что съ назначеніемъ ген. Розанова „уполномоченнымъ командующаго войсками иркутскаго воен. округа по охраненію госуд. порядка и общественнаго спокойствія по Енисейской губ.“, еще 18 марта приказомъ ген. Артемьева начальникъ красноярскаго гарнизона былъ освобожденъ отъ тѣхъ обязанностей уполномоченнаго, которыя были на него возложены 24 февраля. Вмѣстѣ съ тѣмъ, начальникъ енисейскаго карательнаго отряда ген.-майоръ Афанасьевъ поступилъ въ распоряженіе Розанова. Почему командующему иркутскаго военнаго округа надо было посылать спеціальную телеграмму начальнику красноярскаго гарнизона?*) Колосовъ, а за нимъ Гуревичъ, совершенно ошибочно ставятъ Розанова на равное положеніе съ Артемьевымъ. Розановъ, бывшій на правахъ командира отдѣльнаго корпуса, непосредственно ему подчинялся**). Вся оффиціальная переписка въ силу этого шла черезъ Артемьева. И тотъ самый приказъ, который приводитъ Колосовъ, былъ Артемьевымъ адресованъ непосредственно Розанову. Отъ имени Артемьева въ немъ опредѣленно стоитъ: „приказываю“ — послѣ введенія объ общемъ распоряженіи верховнаго правителя. Если въ телеграммѣ штаба Розанову стояло „приказываю“, а въ телеграммѣ пор. Толкачеву: „я считаю, что способъ дѣйствія долженъ быть приблизительно таковъ“, то можно заключить, что Толкачеву было послано для освѣдомленія циркулярное распоряженіе верховнаго правителя,

*) Начальникъ этотъ никакими уполномочіями не обладалъ и имя его даже не упоминается въ матеріалахъ „Партизанскаго движенія“.

**) Очевидно, Розановъ былъ назначенъ по предписанію изъ Омска. Въ приказѣ 18 марта Артемьевъ объявляетъ: „ген.-лейт. Розановъ 13 сего марта прибылъ въ мое распоряженіе“. Со своей стороны Розановъ былъ недоволенъ такимъ назначеніемъ и указывалъ на „возможность осложненій“, т. к. начальникъ охраны долженъ назначаться непосредственно верховнымъ правителемъ. („Пар. Д.“ 118).

а Розанову уже приказъ, который буквально повторялъ проектъ верховнаго правителя. Можно было бы сдѣлать еще нѣсколько предположеній и прежде всего то, что для Колосова была снята не совсѣмъ вѣрная копія. Въ ней имѣются разнорѣчія съ документомъ, который воспроизведенъ изъ бумагъ иркутскаго штаба въ книгѣ „Партизанское Движеніе“ (115). Но ларчикъ открывается проще: заложничество, разстрѣлъ всѣхъ способныхъ къ бою мужчинъ въ случаѣ измѣны и предательства — въ сущности творчество уже штаба иркутскаго военнаго округа. Такого распоряженія не отдавалъ Колчакъ. Вотъ точный текстъ того, что Артемьевъ получилъ изъ Омска, отъ военнаго министра Степанова:

„Верховный правитель приказалъ вамъ передать:

1) Его настоятельное желаніе возможно скорѣе покончить съ енисейскимъ возстаніемъ, не останавливаясь передъ самыми строгими, даже жестокими мѣрами въ отношеніи не только возставшихъ, но и населенія, поддерживающаго ихъ. Въ этомъ отношеніи примѣръ японцевъ Амурской области, объявившихъ объ уничтоженіи селеній, скрывающихъ большевиковъ, вызванъ повидимому, самой необходимостью добиться успѣха въ трудной партизанской борьбѣ въ лѣсистой мѣстности. Во всякомъ случаѣ, въ отношеніи селеній Кіяйское и Копское должна быть примѣнена строгая кара...“ (П. Дв. 113).

„Верховный Правитель приказалъ“... Совершенно ясно, что верховнымъ правителемъ была дана самая общая директива, которую отъ себя нѣсколько конкретизировалъ военный министръ и значительно расширила мѣстная власть, чѣмъ и вызвала контръ-распоряженіе верховнаго правителя о недопущеніи надъ мирнымъ населеніемъ насилій, жестокостей, нарушенія имущественныхъ правъ и не допущеніи въ видѣ кары сжигать деревни, хотя бы въ нихъ были причастные къ возстанію *).

*) Приказъ спеціально повторенъ Дитерихсомъ 21 октября („Св. Край“ № 356).

Неужели всякое распоряженіе, которое формально дѣлалось именемъ верховнаго правителя, всегда непосредственно исходило отъ адмирала? Въ такомъ случаѣ, пожалуй, придется, каждый консисторскій указъ стараго времени признать „Указомъ Государя Императора". Для всего имѣется трафаретныя формы.

* * *

Въ борьбѣ съ повстанческими бандами жестокость въ смыслѣ физическаго уничтоженія врага была и самозащитой. Всетаки и это надо признать. Въ своемъ іюньскомъ объявленіи Розановъ заявлялъ, что енисейское возстаніе подавлено арміей, чехословаками и итальянцами. Дѣйствуютъ также румынскіе, а позже польскіе отряды. Всѣхъ ихъ обвиняютъ въ жестокостяхъ и насиліяхъ. Жестокости были въ дѣйствительности, что легко подтвердить фактами, столь же несомнѣнными, какъ факты, касающіеся дѣятельности русскихъ отрядовъ*). Иностраннымъ обвинителямъ сибирскаго режима не слѣдуетъ объ этомъ забывать. Неизбѣжно отвѣтственность становится общая. Самъ Жаненъ 16 августа записывалъ:

„Д. пришелъ поговорить со мною о приказѣ полковника Крейчи (командира чешскаго батальона въ Томскѣ) по поводу охраны жел. дороги. Я еще не записалъ этой исторіи. Охраняющій неприкосновенность Сибирской магистрали на ввѣренномъ ему участкѣ Крейчи, оберегая свои полки, уже давно издалъ приказъ, оповѣщающій окрестное населеніе, о томъ, что оно отвѣтственно, какъ за охрану дороги при попыткахъ ея разрушить, такъ и за непредотвращеніе таковыхъ. Всякія происшествія сразу прекратились,

*) Таковы были дѣйствія польскихъ легіонеровъ въ Алтайской обл. Полк. Франкъ изъ тарскаго района въ іюнѣ доносилъ о такихъ же дѣйствіяхъ начальника польскаго отряда Кадлеца: онъ „ограбилъ нѣсколько селеній начисто, включительно до бѣлья и одежды". Дѣйствія эти мотивировались местью за разореніе сибирскими стрѣлками Галиціи (!), („Прол. Рев." № 8, 199).

уже давно ничего не было. Чтобы лучше нести эту охрану, деревни просили даже дать имъ оружіе. Приказъ этотъ удивилъ русскія власти, когда онѣ о немъ узнали; я получилъ отъ министра Тельберга извѣщеніе о томъ, что „Комитетъ законности“ (у этого учрежденія должна таки быть работа, если представить себѣ тѣ жестокости, которыя повсюду совершаются) отмѣнилъ приказъ и увѣдомилъ объ этомъ Крейчи.

Я отвѣтилъ черезъ посредство министерства иностранныхъ дѣлъ, что Крейчи подчиненъ мнѣ, а не имъ, что отмѣна приказа недѣйствительна, и что я извѣщаю объ этомъ полковника. Послѣ этого они просили, чтобы я самъ отмѣнилъ приказъ. Я не захотѣлъ отвѣтить рѣзко, по-атамански; эти люди по утвержденію подозрительнаго лотарингца Пуаро *), можетъ быть, разставляли мнѣ капканъ. Съ другой стороны, я не люблю, чтобы мною вертѣли. Чехи хорошо относятся къ населенію, охрана же магистрали для нихъ тяжелое бремя. Я спросилъ Крейчи: сможетъ ли онъ вывернутся безъ этихъ мѣръ, на что онъ отвѣтилъ отрицательно. Я указалъ тогда русскимъ, что 16-го марта ген. Розановъ издалъ въ Красноярскѣ приказъ, объявляющій, что за всякое нападеніе на желѣзную дорогу въ качествѣ отвѣтчиковъ будетъ браться изъ тюремъ извѣстное количество политическихъ заключенныхъ и вѣшаться на мѣстѣ преступленія. Трупы ихъ будутъ оставляться на висѣлицахъ. Я добавлялъ, что приказъ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе, надѣлалъ много шуму въ области, и что раньше чѣмъ отмѣнять приказъ Крейчи, я, чтобы предотвратить всякое моральное противодѣйствіе со стороны чеховъ, долженъ знать, отмѣненъ ли Розановскій. Сукинъ отвѣтилъ мнѣ, что приказъ этотъ отмѣненъ. Я былъ готовъ поклясться головой, что это сущій вздоръ; поэтому я запросилъ о датахъ и потребовалъ подтвержденія, чтобы привести ихъ въ своемъ приказѣ. На этомъ дѣло стало... Крейчи, по крайней мѣрѣ, никого не повѣсилъ“... („M. Sl.“ XII 237—38).

Крейчи никого не повѣсилъ. Допустимъ, что это такъ, но разстрѣливали и вѣшали другіе. Приказы чеш-

*) Офицеръ миссіи.

скихъ военныхъ властей, изданные самостоятельно, мало чѣмъ отличались отъ приказовъ русскихъ военныхъ властей на территоріи возстаній. Разница только въ томъ, что чехословаки выступали рѣшительно тогда, когда дѣло касалось ихъ зоны, когда нападеніе происходило на чешскіе эшелоны и касалось желѣзнодорожныхъ путей. Вотъ общій приказъ ген. Сырового:

„...Опустошеніе ж. дороги группами бунтовщиковъ въ районѣ Тулунъ — Тайга дѣлаетъ невозможнымъ правильное сообщеніе между частями чехословацкихъ войскъ, задерживаетъ перевозку войскъ и ихъ продовольствія; терроръ, примѣняемый бунтовщиками противъ ж.-д. служащихъ и мѣстнаго населенія, принуждаетъ взять этихъ жителей подъ защиту.

Приказываю: очистить полотно ж.-д. и районъ 10 верстъ сѣвернѣе и 10 верстъ южнѣе полотна ж.-д. отъ бунтовщиковъ, отобрать у жителей военное оружіе и прокламаціи и дать знать населенію твердое рѣшеніе чехо-словацкихъ и другихъ союзныхъ войскъ, что не будетъ допущено никакого насилія надъ беззащитнымъ населеніемъ, порчи коммуникаціонныхъ средствъ и повторяющихся убійствъ чешскихъ солдатъ. Сообщитъ всѣмъ населеннымъ пунктамъ въ этой 20-ти верстной полосѣ, что эта зона нейтральная, и привлечь къ отвѣтственности представителей населенныхъ пунктовъ въ означенной полосѣ, если они заблаговременно не сообщатъ о каждомъ волненіи въ деревняхъ“... („П. Дв.“ 175).

Общій приказъ конкретизируется мѣстнымъ начальниками. Таковымъ былъ, напр., майскій приказъ полковника Прхала, начальника 3 й дивизіи въ Красноярскѣ, объявлявшаго всѣмъ жителямъ, находящимся на разстояніи десяти верстъ по обѣимъ сторонамъ жел. дор., что уличенные въ большевицкой агитаціи, въ порчѣ путей, въ насиліяхъ, не подчиняющіеся распоряженіямъ чехословацкихъ и прочихъ союзныхъ властей, будутъ подвергнуты строгимъ карамъ, не исключая и смертной

казни *). Еще раньше (30 марта) подп. Жакъ, командиръ I-го чехо-словацкаго стрѣлковаго полка, въ отвѣтъ на воззваніе возставшихъ, обвинявшихъ чеховъ въ союзѣ съ буржуазной Россіей противъ пролетаріата и предлагавшихъ вступить въ братскіе переговоры, отвѣтилъ, что „разрушители желѣзной дороги будутъ разстрѣливаться, деревни, поддерживающія возстанія, будутъ „уничтожены" (сообщеніе чешскаго начальника штабу иркутской военной власти — „Пар. Дв." 203). Тогда же (27 марта) начальникъ гарнизона ст. Тайшетъ, майоръ Беранекъ, объявилъ, что „вообще въ случаѣ всякаго вооруженнаго выступленія противъ существующаго порядка виновные подвергаются смертной казни. Деревни, помогающія вышеуказаннымъ преступленіямъ, будутъ совершенно уничтожены" (Ib. 204).

Жестока была не только теорія, но и практика. Плѣнныхъ большевиковъ вѣшали **). Деревни сжигались (телеграмма Клецанды — „П. Дв." 180). Чешскія батареи обстрѣливали деревни снарядами, удушливыми газами (телеграмма Розанова въ Омскъ Жанену — Ib. 307). Колосовъ обвинялъ представителей чехо-словацкаго войска въ прямомъ соучастіи въ дѣйствіяхъ ген. Розанова въ Красноярскѣ, гдѣ они были такой же „фактической властью". „Если бы чехи чего-нибудь не пожелали — говоритъ онъ — то у ген. Розанова не нашлось бы силъ заставить поступить такъ, какъ онъ хочетъ. Въ частности въ тюрьмѣ, откуда брались для расправы заключенные, не только фактическими, но и формально, по установившемуся порядку, хозяевами были тѣ же чехи"... По даннымъ Колосова, списки заложниковъ, подлежа-

*) Приказъ Прхала и далъ поводъ къ выступленію Колосова „Приказъ полк. Прхала и мирное населеніе Енисейской губ."

**) 8 мая 25 плѣныхъ, взятыхъ въ бою на ст. Тайшетъ, послѣ допроса повѣшены. (Телеграмма подп. Жака—Ib. 210). См. еще оперативную сводку 15 іюня подп. Клецанды („П. Дв." 183); о десяткахъ повѣшенныхъ въ районѣ Нижнеудинска доноситъ оф. связи прап. Дмитріевъ (Ib. 153). Также донесеніе полк. Главацкаго (Ib. 211) и т. д. Матеріалы объ Иркутскѣ у Виленскаго (Сибиряка) „Пр. Рев." I, 155.

щихъ разстрѣлу, составлялись въ штабѣ Розанова, затѣмъ шли на разсмотрѣніе въ чешскую контръ-развѣдку и послѣ того уже окончательно фиксировались. Д-ръ Павлу въ бесѣдѣ съ Колосовымъ рѣшительно опровергалъ подобную процедуру. Несмотря на это, Колосовъ указываетъ, что послѣ отъѣзда Павлу цѣлая группа заложниковъ была разстрѣлена за „звѣрское" убійство чешскаго унтеръ-офицера *).

Примѣры легко можно умножить. Весьма претенціозный Монтандонъ готовъ приписать чехамъ репутацію даже особой жестокости. Онъ дѣлаетъ мало-вразумительный экскурсъ въ область народной психологіи:

„Въ общемъ чехи стяжали себѣ въ Сибири славу жестокостью... Съ другой стороны, было бы несправедливо считать ихъ исключеніемъ ибо... народы центрально-восточной (Европы)... обладаютъ жестокостью..., до которой далеко и чувствительнымъ французамъ, и математическимъ нѣмцамъ, и добрымъ мистикамъ русскимъ и украинцамъ" (37).

Достовѣрности свидѣтельскихъ показаній Монтандона, увидѣвшаго у „бѣлыхъ" больше жестокости, чѣмъ у „красныхъ", я не очень вѣрю. Вотъ что онъ разсказываетъ о времени своего пребыванія въ Красноярскѣ (30 іюля). Произошло возстаніе 31 пѣхотнаго полка.

„Однако съ слѣдующаго же дня оно было подавлено казаками и чехами. Усмиреніе было безпощадно. Видимость суда была инсценирована чешскимъ командиромъ: солдаты названнаго полка входили съ одной стороны въ зданіе, проходили передъ судьями и при выходѣ съ другой стороны разстрѣливались, какъ кролики. Такъ истреблялся каждый третій"... (28).

Я привожу это, какъ примѣръ тенденціознаго свидѣтельства иностранныхъ обозрѣвателей о сибирскихъ событіяхъ. Откажемъ имъ въ полномъ довѣріи въ этомъ

*) Раковъ говоритъ о разстрѣлѣ Розановымъ 49 заложниковъ, „несмотря на протестъ союзниковъ" (41). Кто и когда въ то время протестовалъ?

случаѣ, но откажемъ и тогда, когда они говорятъ и объ агентахъ русской власти.

Психологія жестокости, рождаемая самозащитой и местью, хорошо объяснена другимъ иностранцемъ, Люд. Грондижъ:

„Поляки и чехи носили изувѣченные трупы своихъ товарищей, которыхъ захватили эти партизаны: несчастные изгнанники, вовлеченные въ совершенно имъ чуждую гражданскую войну, претерпѣли передъ смертью безчисленныя пытки; глубокія дыры выжжены на тѣлѣ раскаленнымъ желѣзомъ, члены отрѣзаны по кусочкамъ, снесены черепа, выколоты глаза, содрана кожа — и сотня другихъ изобрѣтеній, въ которыхъ узнаешь фантазію убійцъ, бѣжавшихъ изъ большихъ сибирскихъ тюремъ". (388).

И когда подумаешь объ этихъ иностранцахъ, застрявшихъ въ лѣсахъ и степяхъ Сибири въ періодъ гражданской войны, съ ея уродливыми явленіями партизанщины и атаманщины, то правда же не бросишь упрека въ присущей какому нибудь народу особой жестокости. Только представьте себѣ итальянцевъ, атакующихъ въ сибирскіе морозы ледяныя горы въ Тасѣевѣ, въ двухстахъ верстахъ отъ желѣзной дороги, въ непроходимой тайгѣ. Таежники двигаются по тропинкамъ на лыжахъ. Они почти неуловимы („П. Дв." 109). А войскамъ приходится брать окопы, устроенные изъ толстыхъ бревенъ, засыпанныхъ снѣгомъ и политыхъ водою. Они знаютъ, что „цѣль" партизанъ — „безпощадное физическое истребленіе враговъ" *). Жалости не бываетъ въ звѣриной борьбѣ...

* * *

Оставляя совершенно въ сторонѣ вопросъ о морально-общественной опѣнкѣ, надо признать, что мѣры борьбы правительства съ партизанствомъ во многомъ

*) Ильюховъ и Титовъ, (168).

были нецѣлесообразны. Нельзя было на насиліе не отвѣчать острыми мѣрами принужденія. Когда военный министръ Степановъ телеграфировалъ 29 іюня командующимъ войсками,*) что „банды нужно безпощадно уничтожать", такъ какъ вытѣсненіе „бандъ изъ одного района въ другой цѣли не достигаетъ" („Парт. Дв." 174) — онъ въ сущности констатируетъ лишь жестокій законъ всякой войны. „Инструкціями" съ прописной моралью нельзя было бороться съ грабительскими инстинктами полуразбойническихъ и деклассированныхъ массъ. Большевики, издававшіе „инструкціи", стали сами весьма скоро прибѣгать къ рѣшительнымъ мѣрамъ — и прежде всего къ отобранію оружія. Колосовъ, который все же съ симпатіей относится къ партизанамъ всѣхъ оттѣнковъ, долженъ признать, что „временами" для излѣченія гангрены на тѣлѣ партизанскихъ армій требовались „хирургическія мѣры леченія"... Безъ вмѣшательства регулярной арміи партизаны не справились бы собственными силами съ нарушеніемъ „революціоннаго порядка" въ своей средѣ (261).

Но общія репрессивныя мѣры всегда били по всему населенію. Представимъ себѣ сожженную деревню, или порку безъ разбора, или всеобщую контрибуцію. Они затрагивали все населеніе и легко приводили нейтральныхъ во враждебный лагеръ **). А между тѣмъ, въ каждой деревнѣ были сочувствующіе власти. У насъ еще мало матеріала для всесторонней характеристики деревни. Изъ дневника большевика партизана Яковенко мы узнаемъ, что даже въ самомъ Тасѣевскомъ районѣ среди населенія были сильныя „ликвидаторскія" теченія

*) Эта телеграмма также приписана была лично Колчаку.

**) Отстаивая суровыя мѣры для борьбы съ возстаніями—вплоть до сожженія деревень, кап. Колесниковымъ въ упомянутой уже запискѣ рѣзко возражаетъ противъ „полумѣръ", какой является „порка". Онъ указываетъ, что порка, напр., „кустанаевцевъ" (возстаніе въ апрѣлѣ) повела къ массовымъ переходамъ солдатъ: „намъ невозможно служить, мы драные".

и что съ этой „провокаціей“ приходилось бороться разстрѣлами (75). Въ Тасѣевѣ готовилось „контръ-революціонное“ выступленіе въ цѣляхъ „искупить вину“ передъ Колчакомъ... У повстанцевъ своя контръ-развѣдка, которая раскрываетъ два „заговора“ въ крестьянской средѣ (31).

Авторы исторіи партизанскаго движенія въ Приморьѣ откровенно говорятъ, что всѣ зажиточные крестьяне, всѣ „кулаки“ были за колчаковскую власть (Ильюховъ 57—58). Описывая центръ движенія (сунчанскіе рудники, Ольгинскаго у.), они должны отмѣтить, что отъ 20—30% поселянъ — баптисты — рѣшительные противники партизанъ (153) .Идетъ борьба и со старообрядческою частью населенія. Мѣстами „батьковцы“ (атаманы партизанъ) не уступаютъ карательнымъ отрядамъ въ поркѣ и разстрѣлахъ старообрядцевъ. И тутъ же отряды ген. Смирнова порятъ „безъ разбора“...

Правительство Колчака не сумѣло разрѣшить кардинальнаго въ сибирской жизни вопроса — дилеммы государственности, и погибло. Таково заключеніе Колосова. А что сдѣлала въ тѣ дни для внѣдренія государственности та партія, которая какъ будто бы была органически связана съ деревней и къ которой принадлежалъ Колосовъ? Она поддерживала бунтарскія настроенія въ деревнѣ, протягивая иногда непосредственно руку большевицкимъ демагогамъ для того, чтобы свалить въ Сибири „диктатора“, не анализируя того, что было, и не задумываясь надъ тѣмъ, что будетъ на слѣдующій день. Другая тактика могла бы дать и другіе результаты.

ГЛАВА IV.

Атаманщина.

1. Анненковъ, Калмыковъ и Семеновъ.

Въ борьбѣ съ повстанческими мятежами мы видѣли „атаманскіе“ отряды въ дѣйствіи. Мы слышали жалобы на эксцессы и отмѣчали тѣ бытовыя условія, которыя этимъ эксцессамъ сами по себѣ содѣйствовали. Критическая исторія „атаманщины“ также должна еще быть написана. Слишкомъ сгущены краски той картины, которую рисуютъ мемуаристы. Конечно, совершенно фантастичны, напр., утвержденія о кострахъ, на которыхъ семеновцы яко-бы сжигали дѣтей. А между тѣмъ объ этихъ фактахъ эс-эры доводили до свѣдѣнія ген. Жанена („Д. Нар.“ № 396). Не слѣдуетъ упускать изъ вида, что большевики, въ свою очередь, ловко пользовались „атаманщиной“, съ одной стороны, для своеобразной агитаціи среди населенія, а съ другой, для осуществленія нѣкоторыхъ болѣе практическихъ цѣлей: напр., дѣлали „эксы“ отрядами, одѣтыми въ погоны. Большевицкіе источники вскрываютъ довольно отчетливо эту работу. „Атаманщина“ въ Сибири стала собирательнымъ именемъ. Имъ окрещивалось всякое насиліе, всякій произволъ того или другого агента военной власти (Андрушкевичъ 137). Быть можетъ, этимъ и опредѣлялась точно какъ бы психологія момента, но очень

неточно передается характеръ атаманскихъ добровольческихъ отрядовъ.

Наиболѣе враждебенъ атаманскимъ отрядамъ бар. Будбергъ — для него это „саркома“, разъѣдающая организмъ. Старому военному психологически чужда гражданская война съ ея принципомъ добровольчества. Онъ въ корнѣ разойдется съ кап. Колесниковымъ, въ своей запискѣ пропагандирующимъ широкую вербовку добровольцевъ, которыхъ надо „влить въ полки“. Эти люди „поднимутъ духъ и зажгутъ своей вѣрой массу*). Но и самъ Будбергъ, всегда искренній въ своихъ непосредственныхъ впечатлѣніяхъ, долженъ внести поправку:

„Совершенно неожиданнымъ оказался докладъ ген. Щербакова, ѣздившаго въ Семирѣчье съ порученіемъ Адмирала разобраться съ нареканіями на сидящаго тамъ атам. Анненкова. Щербаковъ (самъ семирѣченскій казакъ) вынесъ такое заключеніе, что всѣ нареканія на Анненкова измышлены штабомъ южнаго отряда, и что этотъ атаманъ представляетъ собой рѣдкое исключеніе среди остальныхъ сибирскихъ разновидностей этого званія: въ его отрядѣ установлена желѣзная дисциплина, части хорошо обучены и несутъ тяжелую боевую службу, причемъ самъ атаманъ является образцомъ храбрости, исполненія долга и солдатской простоты жизни.

Отношенія его къ жителямъ таковы, что даже и всѣми обираемые киргизы заявили, что въ районѣ Анненковскаго отряда имъ за все платится и что никакихъ жалобъ къ Анненковскимъ войскамъ у нихъ нѣтъ.

Надо думать, что этотъ докладъ достаточно близокъ къ истинѣ, такъ какъ Щербаковъ—человѣкъ наблюдательный, съ собственнымъ твердымъ взглядомъ и умѣньемъ разбираться въ вещахъ и людяхъ; прежнее представленіе объ Анненковѣ, какъ о сугу-

*) Записка начальника штаба дивизіи кап. Колесникова, убитаго подъ Челябинскомъ, попала въ руки большевиковъ („Б. за Ур.“ 343-7). Между прочимъ, авторъ предлагаетъ широкое производство въ офицеры солдатъ: „Они должны быть приняты въ офицерскую среду, какъ равные, ибо чинъ получили цѣною крови и доблести“.

бомъ разбойникѣ, онъ объясняетъ враждебнымъ отношеніемъ къ этому отряду штаба ген. Бржозовскаго и тѣми двумя полками, которые подъ названіемъ Анненковскихъ черныхъ гусаръ и голубыхъ уланъ наводили ужасъ въ тылу своими грабежами и насиліями надъ мирнымъ населеніемъ. По словамъ Щ. эти полки не были въ подчиненіи А., и послѣдній много разъ просилъ, чтобы ихъ прислали ему въ отрядъ, и онъ быстро приведетъ ихъ въ порядокъ" (XIV, 318).

Анненковцы довольно своеобразное явленіе. Близокъ къ истинѣ Гинсъ, назвавъ эти отряды самозародившейся „Запорожской Сѣчью" (II, 378). Совѣтскій историкъ такъ описываетъ бытъ партизанъ: „части Анненкова были отлично вымуштрованы, другъ къ другу обращались на „ты": ты, братъ, атаманъ; въ арміи... не было... никакой отчетности и канцелярій, жили на „честное слово" („Сиб. Ог." 23, I, 80). „Запорожская Сѣчь" — буйная вольница. Можно не сомнѣваться, что даже при внутренней дисциплинѣ анненковцы проявляли на своей территоріи немало самовластія, особенно при антагонизмѣ, существовавшемъ между крестьянскимъ и казачьимъ населеніемъ.

Съ анненковцами на фронтѣ власти часто приходилось бороться. Напр., Будбергъ записываетъ въ моментъ пребыванія на фронтѣ третьей арміи (ст. Петропавловская): „безобразничаютъ и насильничаютъ анненковскіе гусары и уланы... Только что по приговору суда разстрѣлено 16 человѣкъ изъ этого отряда и вновь предано полевому суду 2 офицера, но это не производитъ никакого впечатлѣнія, до того всѣ распустились" (XV, 267).

Съ аналогичными явленіями приходилось бороться и въ бригадѣ Красильникова. И все же ген. Иностранцевъ признаетъ эту бригаду одной изъ лучшихъ съ точки зрѣнія ея боевой цѣнности*). Въ ней было и

*) Эта „особая дисциплина" была не только въ Сибири. „Грабятъ, а сражаются великолѣпно" — охарактеризовалъ ее кн. Е. Н. Трубецкому на югѣ одинъ офицеръ-доброволецъ („Ар. Р. Рев." XXiII, 187).

своеобразное идейное служеніе и непоколебимая твердость: конница Анненкова и отрядъ Красильникова составляли часть того ядра „каппелевцевъ", которые, не слагая оружія, съ боями двигались на востокъ послѣ военнаго разгрома. При всей своей распущенности эти атаманскіе отряды не проявляли стремленія захватить власть*), чѣмъ отличались дальневосточные атаманы.

* * *

Самый дальній атаманъ — атаманъ уссурійскихъ казаковъ Калмыковъ продолжалъ и въ 19 г. дѣлать „фантастическія исторіи" (выраженіе Колчака на допросѣ). Повидимому, это былъ умный демагогъ**); и только путемъ демагогіи бывшій подпор. сибирскаго сапернаго батальона проникъ въ замѣстители войскового атамана. У прославленнаго за освобожденіе Хабаровска въ 18 г. (встрѣчѣ его населеніемъ могли бы, по выраженію автора въ „Революціи на Д. В." (81), позавидовать герои древняго Рима), поддержаннаго французами и японцами***) атамана закружилась голова. Уже первый приказъ Калмыкова о неподчиненіи Колчаку какая-то фантасмагорія: тутъ и „свобода народа" и утвержденіе, что только земство, избранное народомъ, является законнымъ правительствомъ и угроза разстрѣла всякому соціалисту (Андрушкевичъ, 121). Въ воззваніяхъ Калмыкова причудливо сочеталось Учредительное Собраніе съ угрозой вѣшать „совѣтъ собачьихъ депутатовъ". Гражданскихъ властей — „колчаковцевъ", хабаровскій сатрапъ просто не признавалъ. „Хозяйничалъ" атаманъ,

*) Какъ-то маловѣроятно, что Красильниковъ предлагалъ свой отрядъ Гайдѣ для похода противъ Колчака (Вегманъ. Прим. 44 къ тексту Болдырева).

**) Калмыковъ, повидимому, въ революціонное время былъ однимъ изъ соратниковъ извѣстнаго Дзевалтовскаго (Парфеновъ. „На Д. В." 94).

***) Когда Хорватъ силою разоружилъ отрядъ Калмыкова въ Гродековѣ, послѣдовалъ протестъ со стороны японцевъ.

держа всѣхъ подъ страхомъ своего отряда*), въ который зачислялъ добровольцами рѣшительно всѣхъ. Было у него много зеленой молодежи и красноармейцевъ**). „Маленькій тщедушный" атаманъ былъ жестокъ. Легенды ходили о расправѣ его съ большевиками въ Хабаровскѣ***). Расправлялся также круто и со своими — напр., онъ разстрѣлялъ всю военно-судебную комиссію за „грабежи и вымогательство" (Андрушкевичъ, 131).

Калмыкова „мы считали уголовнымъ преступникомъ", говоритъ Гинсъ (II, 399). И, однако, у этого „хабаровскаго разбойника" былъ свой патріотизмъ, который дѣлалъ его иногда и героемъ: онъ „спасъ права россійскаго государства отъ незаконныхъ притязаній Китая" (Гинсъ, II, 399). Китайцы не простили Калмыкову — онъ былъ ими впослѣдствіи разстрѣленъ.

Своеобразенъ былъ и образъ жизни атамана: онъ жилъ, какъ монахъ, въ тѣсной кельѣ, всю обстановку которой составляла простая желѣзная кровать и аналой съ библіей****).

О старшемъ забайкальскомъ братѣ Калмыкова приходилось говорить уже не разъ. У этого замыслы шире, хотя данныхъ, кромѣ энергіи и импульсивности, никакихъ нѣтъ. Семеновъ—одинъ изъ рожденныхъ революціей. Недаромъ еще лѣтомъ 17 г. подъесаулъ Семеновъ избирается командующимъ 3-мъ верхнеудинскимъ казачьимъ полкомъ. Сынъ казачьяго урядника, полубурятъ по воспитанію, малокультурный, онъ — подходящій

*) Конкурента Калмыкова — кандидата на званіе атамана, полк. Февралева—агенты Калмыкова открыто арестовали во Владивостокѣ и убили (Будбергъ XV, 329).

**) 4 февр. красноармейцы, которыхъ въ отрядѣ насчитывалось до 40%, устроили бунтъ; Калмыковъ его подавилъ, а бунтовавшіе скрылись въ американскомъ лагерѣ. („Рев. на Д. В." 185; Ильюховъ, 197).

***) Леховъ. „Къ исторіи пріамурской организаціи Р. К. П.; Будбергъ. XIII, 278.

****) Идеалистическій образъ Калмыкова пытался нарисовать въ „Новомъ Времени" г. Груздинскій (№ 2643), что вызвало рѣшительное возраженіе со стороны ген. Флуга (26 февр. 30 г.). Флугъ привелъ конкретные факты.

вождь по мѣстнымъ условіямъ. На монгольской конференціи въ февралѣ 19 г. ему подносится званіе какого-то „свѣтлѣйшаго князя“ *); онъ по душѣ той казачьей вольницѣ изъ молодежи, которая его окружаетъ, создавая колоритный бытъ. Едва ли этимъ простымъ душамъ могло претить то, что приводило въ негодованіе Будберга. Онъ говоритъ, что будто бы на вагонѣ Семенова была надпись: „Безъ доклада не входить, а то выпорю“. Такое „казацко-разбойничье“ остроуміе, можетъ быть, и соотвѣтствовало читинскому быту. Чего стоитъ, напр., приказъ Семенова 23 іюля, предписывающій сажать въ женскій монастырь срокомъ до 3-хъ мѣсяцевъ женъ сражающихся на фронтѣ, которыя ведутъ разгульную жизнь („Забайк. Новь“).

Свѣдѣніями о всякаго рода насиліяхъ семеновцевъ полны сводки правительственнаго информаціоннаго отдѣла. (Субботовскій 180). Также пестрѣли ими и газетныя сообщенія. Все это дѣлалось подъ видомъ борьбы съ большевизмомъ, но „понятіе“ о томъ, кто большевикъ, было слишкомъ неопредѣленно. Любопытное наблюденіе дѣлаетъ Андрушкевичъ: пороли учительницъ, начальниковъ станцій, телеграфистовъ, и что удивительно — „это продѣлывали тѣ же самые учителя и телеграфисты, предпочитавшіе семеновскіе чины есауловъ и полковниковъ скромному чину прапорщика“ (131). Но дѣло заключалось не въ этихъ эксцессахъ — Семеновъ систематически подрывалъ верховную власть. Онъ задерживалъ товары, предназначенные служить для предмета обмундировки арміи (телеграмма Тельберга 27 марта), перехватывалъ телеграммы, адресованныя въ Омскъ съ довѣрительными свѣдѣніями (жалоба полк. Татаринова изъ Пекина — „П. Дв.“ 108) и т. д. Врядъ ли командированный на Востокъ Ивановъ-Риновъ серьезно предполагалъ, что правительственный конфликтъ

*) Какъ увѣряетъ Вегманъ, Семеновъ умудрился получить крестъ даже отъ іерусалимскаго патріарха.

съ Семеновымъ можетъ быть ликвидированъ съ переводомъ послѣдняго на фронтъ въ званіи командующаго войсками, выдѣленными изъ приамурскаго военнаго округа (письмо Иванова-Ринова у Субботовскаго 179). Читинскій владыка или „соловей-разбойникъ", по выраженію Будберга, конечно, никуда ѣхать не собирался. Честолюбіе его шло дальше.

Трудно сказать, насколько серьезно было у Семенова намѣреніе выдѣлить Дальній Востокъ въ автономную область подъ протекторатомъ Японіи — это вновь утверждаетъ Будбергъ на основаніи свѣдѣній контръразвѣдки (XIII, 282). Объ этомъ шелъ, будто бы, договоръ съ Ивановымъ-Риновымъ, который, будучи оскорбленъ удаленіемъ изъ Омска, сталъ на Дальнемъ Востокѣ оріентироваться на атамановъ. Но мысль о самостоятельности Семеновъ лелѣялъ и, во всякомъ случаѣ, противопоставлялъ себя адм. Колчаку. Въ моментъ разрыва семеновская газета „Русскій Вѣстникъ" поносила верховнаго правителя и кандидатомъ выставляла самого Семенова (Андрушкевичъ 131). Въ этомъ отношеніи чрезвычайно показательна бесѣда Семенова съ Чжанъ-Цзо-Линомъ въ Мукденѣ, въ сентябрѣ 19 г. По разсказу Чжанъ-Цзо-Лина Спицыну и ген. Афанасьеву, поѣхавшивъ въ Мукденъ, по порученію Хорвата, для установленія съ Китаемъ дѣлового сотрудничества, Семеновъ на вопросъ о признаніи омскаго правительства отвѣтилъ, что „оффиціально онъ признаетъ омское правительство, но фактически не подчиняется Омску". Далѣе Семеновъ просилъ ген. Чжанъ-Цзо-Лина „придерживаться благожелательнаго къ нему отношенія и не мѣшать ему въ борьбѣ съ ген. Хорватомъ". По словамъ Чжанъ-Цзо-Лина, Семеновъ „по внушенію стоящихъ за его спиной японцевъ мечтаетъ о диктатурѣ на Д. Востокѣ и настойчиво стремится къ этой цѣли. Атаманъ Семеновъ охваченъ честолюбивыми замыслами и безусловно подготовляетъ переворотъ, ожидая лишь удобнаго момента,

чтобы вступить въ рѣзкій конфликтъ съ омскимъ правительствомъ и объявить себя диктаторомъ Д. Востока*).

Орудуетъ у Семенова и пресловутый „полковникъ“ Завойко („мелкотравчатый революціонный выкидышъ“, по характеристикѣ Будберга), который еще въ мартѣ, по дорогѣ въ Омскъ, создавалъ политическую комбинацію съ диктатурой Семенова на должность командующаго войсками всего Д. Востока (Будбергъ XIII, 298). Попавъ въ Омскъ въ апрѣлѣ, Завойко организуетъ „второй переворотъ“. Окуличъ въ своемъ фельетонѣ о Вологодскомъ („Возр.“ № 282) разсказываетъ: „пишущему эти строки, совмѣстно съ представителемъ Сибирскаго казачьяго войска есауломъ В., по порученію казачьей конференціи, вслѣдствіе просьбы г. Завойко, пришлось выслушать опредѣленное предложеніе въ присутствіи иностраннаго дипломатическаго представителя, въ вагонѣ англійскаго ген. консула, на ст. Омскъ. Мы уклонились отъ обсужденія этой темы, заявивъ, что казаки пойдутъ за адмираломъ**).

Семеновъ, при всей своей некультурности, умѣлъ быть „политикомъ“. При свиданіи съ нимъ въ Читѣ 4-го декабря Болдыревъ записываетъ: „въ немъ много такту“.

---

*) Въ Мукденѣ за время пребыванія Семенова къ Чжанъ-Цзо-Лину неоднократно являлся японскій консулъ и внушалъ, что Семеновъ—русскій Наполеонъ и что ему предстоитъ большое будущее въ Россіи („П. Дн.“ 109—112).

**) Удаленный изъ Омска, Завойко вернулся къ Семенову. Характерна его послѣдующая роль. Онъ является „вдохновителемъ“ и посредникомъ при переговорахъ Семенова въ 1920 г. съ лѣвой общественностью, включая большевиковъ... Семеновъ принимаетъ делегацію Вр. Нар. Собр. Приморской области и высказываетъ удовольствіе, что имѣетъ возможность „говоритъ глазъ на глазъ съ представителями государственной партіи большевиковъ, пора кончить братоубійственную войну и протянуть другъ другу руку“. Атаманъ заявлялъ себя противникомъ буржуазіи и выражалъ готовность сложить передъ Учр. Собр. свои полномочія. Помимо пріема делегаціи происходитъ особое засѣданіе съ „демократической общественностью“. Кого только здѣсь нѣтъ: „земцы“, кооператоры, представители профессіональныхъ союзовъ, соціалистическаго международнаго бюро. (Докладъ члена делегаціи Кушнарева. „Дальиспартъ“ I, 264 – 66). Жанровая картина изъ исторіи политическаго быта того времени!

„Въ отношенію меня, какъ высшаго военнаго начальника въ Сибири, онъ всегда былъ вполнѣ лойяленъ. И сейчасъ исключительной корректностью онъ какъ бы подчеркиваетъ свое неодобреніе совершившемуся въ Омскѣ и свою рѣзкую оппозицію Колчаку“ (121). А 21 декабря въ разговорѣ съ начальникомъ японской миссіи Мацудой Болдыревъ признаетъ поведеніе Колчака въ отношеніи Семенова даже „безтактнымъ“ (128)*)...

* * *

Прямая и непосредственнная поддержка Семенова японцами, осторожная тактика французовъ и другихъ иностранцевъ — только Ноксъ высказался рѣшительно противъ Семенова — ставила, какъ мы видѣли, верховнаго правителя въ чрезвычайно трудное положеніе. По пріѣздѣ въ Омскъ, Будбергу на первыхъ порахъ разрѣшеніе дилеммы о Семеновѣ и другихъ атаманахъ кажется простымъ. Какъ будто бы только нерѣшительность адмирала ставитъ препоны. 30 апрѣля, при первомъ свиданіи съ Колчакомъ, Будбергъ высказываетъ ему свое „credo“: „атаманы и атаманщина это самые опасные подводные камни на нашемъ пути возстановленія государственности“... Адмиралъ отвѣтилъ, что онъ „давно уже началъ эту борьбу, но онъ безсиленъ что-либо сдѣлать съ Семеновымъ“... „Боюсь — записываетъ Будбергъ, — что по этой части адмирала обманываютъ его докладчики, а особенно Ив. Риновъ и другіе спасители Семенова“. Будбергъ совѣтуетъ „самому

*) Приходилось отмѣчать взаимоотношенія Семенова „Временнымъ правительствомъ автономной Сибири“. Мин. ин. дѣлъ этого „лѣваго“ правительства, Арк. Петровъ, въ своемъ отчетѣ о поѣздкѣ въ Японію 15 сентября, между прочимъ, отмѣчаетъ „полный контактъ храбраго и честнаго д е м о к р а т а ат. Семенова съ сибирскимъ правительствомъ“, чѣмъ окончательно бита „карта агентовъ бюрократіи („Кр. Ар.“ XXXV, 69 — въ этой книгѣ помѣщены и другіе матеріалы о правительствѣ Дербера, которыми я въ свое время воспользоваться не могъ).

адмиралу... принять командованіе надъ отрядомъ и идти на Читу; пусть японцы устраиваютъ всесвѣтный скандалъ и разоружаютъ самого верховнаго главнокомандующаго"... „Радикальность предлагаемыхъ мною мѣръ смутила даже адмирала и онъ перешелъ на отчаянное положеніе дѣла снабженія арміи" (XIV, 226—7). Радикализмъ Будберга, конечно, отзывается величайшей утопіей. Черезъ три мѣсяца Будбергъ все такъ же еще рѣшителенъ: „Къ горю нашему у Адмирала нѣтъ прочной рѣшимости поставить все на карту и покончить прежде всего со всѣми атаманами... Надо это сдѣлать хотя бы цѣной собственнаго провала, ибо иначе эта язва съѣстъ и Адмирала, и насъ, сожретъ всю бѣлую идею и сдѣлаетъ ее надолго постылой и ненавистной для всей Сибири"... (XIV, 308—9).

Принципіально правъ, вѣроятно, Будбергъ. Но дѣло было во много разъ сложнѣе, ибо рѣшительныя дѣйствія могли создать правительству новыя осложненія, прежде всего, съ организованнымъ казачествомъ. Для этого казачества забайкальскій атаманъ не былъ одіозной фигурой. И „общественность" не склонна была, по видимому, реагировать такъ рѣзко, какъ этого хотѣлось Будбергу. Мы имѣемъ характерный отзывъ уполномоченнаго предсѣдателя совѣта министровъ — Яшнова, вернувшагося съ Д. Востока. Онъ скорѣе даже симпатизируетъ Семенову: „мнѣ часто казалось, что Семеновъ жаждетъ дружескаго вниманія, между тѣмъ Семеновъ изолированъ, такъ какъ даже мѣстные к-д. держатся въ сторонѣ". Въ силу такой изолированности и слабости характера, чувство превалируетъ надъ разумомъ, въ чемъ въ „минуты искренности" самъ Семеновъ сознается; онъ оказался „во власти вѣтровъ, дующихъ съ востока" („От. Вѣд." 19 № 3). Такой полной изоляціи въ дѣйствительности не было: харбинскій комитетъ к-д. поддерживаетъ Семенова — писалъ въ свое время Будбергъ (XIII, 293). Управляющимъ граж-

данской частью въ Забайкальѣ былъ быв. членъ Гос. Думы к-д. Тасинъ.

Отношеніе Болдырева къ семеновскому конфликту — отношеніе, которое, очевидно, диктовалось скорѣе обостреннымъ самолюбіемъ и непріязнью къ Колчаку, также достаточно характерно.

Тактика, предложенная Будбергомъ, вѣроятно, сама по себѣ болѣе подходила къ натурѣ откровеннаго, честнаго верховнаго правителя. Приходилось, однако, вопреки чувству итти на компромисы. Уступками мелкому людскому честолюбію сохранялось хоть видимое „единство“ власти „съ такимъ трудомъ нынѣ возстановляемой Россіи“: „центральной власти,—по выраженію пекинскаго посланника Кудашева,—приходилось считаться съ подчасъ нелѣпыми затѣями мѣстныхъ атамановъ“. Во имя этого „единства“ центральной власти приходилось даже привѣтствовать Калмыкова *).

Дальневосточные „наполеоны“ чувствовали, однако, свою силу, и по мѣрѣ того, какъ возрастаютъ неудачи центральной власти, увеличивается ихъ апломбъ: „семеновское представительство въ Омскѣ, въ лицѣ полк. Сыробоярскаго, держитъ себя здѣсь очень важно—записываетъ Будбергъ 4 іюня — на правахъ какого то посланника“ **). „Атаманы считаютъ, что наша пѣсенка спѣта“ — вновь отмѣчаетъ Будбергъ 19 сентября. И онъ самъ понимаетъ, что никакого политическаго значенія не можетъ имѣть присланное штабомъ приамурскаго военнаго округа заключеніе прокурора о дѣяніяхъ Калмыкова. „Я давно добивался этого документа, чтобы дать адмиралу оружіе для начала борьбы съ атаманами; сейчасъ все это запоздало, ибо хозяевами положенія являются

*) Телеграмма 30 декабря 18 г., (вызвавшая потомъ осужденіе) по поводу вооруженнаго выступленія Калмыкова противъ китайскихъ захватническихъ тенденцій. Телеграмма подписана была Вологодскимъ. Колчакъ, какъ извѣстно, въ эти дни былъ тяжко боленъ.

**) Одновременно на фронтѣ семеновскіе агенты пытаются организовать антиколчаковскую акцію (Будбергъ XIV, 280).

казаки и ихъ конференція, опредѣленно поддерживающая дальневосточныхъ атамановъ" (XV, 307).

Каково же заключеніе? Итогъ подводитъ Андрушкевичъ: „наличіе атаманщины доказывало, что правительство верховнаго правителя не такъ сильно, какъ надо. Опытъ атамановъ показалъ далѣе, что можно дерзать на все. Именно послѣ побѣды Семенова стали какъ-то болѣзненно замѣтными проявленія атаманщины. На фронтѣ обнаружилось самовластіе и непокорность Гайды, потомъ бунтъ Гайды во Владивостокѣ, непокорность и ослушаніе ген. Розанова въ Владивостокѣ и т. д. Я лично считаю, что начало развала нашего дѣла въ Сибири было положено ат. Семеновымъ" (137—8 *).

---

*) Среди атамановъ я не упоминалъ Гамова въ Амурской обл. — явленія меньшаго калибра чѣмъ Семеновъ и Калмыковъ, и ген.-лейт. бар. Унгерна—фигуры совершенно своеобразной. „Застѣнки" въ Даурiи стали дѣйствительно легендарны, какъ и самый образъ мрачнаго даурскаго „анахорета", человѣка безкорыстнаго, ненормальнаго въ своей жестокости. Онъ является въ тогѣ какого то священнодѣйствующаго мстителя. Вотъ выдержка изъ одного болѣе поздняго приказа Унгерна — начальника азіатской конной дивизіи 21 мая 21 г. Онъ объявлялъ, что единственнымъ хозяиномъ земли русской является императоръ Михаилъ Александровичъ, что Монголія должна быть исходнымъ пунктомъ для выступленія противъ совѣтской Сибири, и что онъ будетъ уничтожать вмѣстѣ съ семьями комиссаровъ, коммунистовъ и евреевъ. Въ борьбѣ съ разрушителями и осквернителями Россіи мѣра наказанія можетъ быть лишь одна: „смертная казнь разныхъ степеней". Старая основа правосудія „правда и милость" измѣнились. Теперь должны царствовать „правда и безжалостная суровость. Зло, пришедшее на землю, чтобы уничтожить божественное начало въ душѣ человѣческой, должно быть вырвано съ корнемъ... Суровость суда ведетъ къ миру, къ которому мы всѣ стремимся, какъ къ высшему дару неба" („Рев. на Д. Востокѣ", 431).

ГЛАВА V.

Правительство.

1. Совѣтъ министровъ.

Въ исключительно трудныхъ условіяхъ протекала дѣятельность центральнаго правительства. Для „лѣвой“ общественности — даже въ части ея „праваго“ сектора — у власти были „фашисты“ съ чисто кастовыми тенденціями (Колосовъ). Они вели классовую, анти-демократическую политику — утверждалъ бывшій членъ Директоріи (Зензиновъ 167). Факты, однако, не соотвѣтствуютъ такой характеристикѣ*). Это такъ ясно изъ сопоставленія, которое дѣлаетъ болѣе примитивный Раковъ — для него „разбойническій колчаковскій режимъ“ является воплощеніемъ „пресловутой кадетской государственности“ (42).

Во всякомъ случаѣ, во внѣшныхъ лозунгахъ „диктатуры“ не было признаковъ какой либо классовой исключительности. Управляющій дѣлами совѣта министровъ Тельбергъ въ интервью 12 января такъ опредѣлилъ эти лозунги: мы сторонники демократіи, но наша задача только возстановленіе государства („Сиб. Ж.“).

*) Для представителя совѣтской юстиціи Гойхбарга, будущаго обвинителя по процессу колчаковскихъ министровъ, признакомъ классоваго антидемократизма являлась ассигновка Совѣта министровъ на разслѣдованіе дѣла объ убійствѣ имп. Николая II.

Вопросъ иной, какъ эти лозунги претворялись въ сибирской жизни съ ея анархическими устремленіями. Но власть на верхахъ была, по выраженіи Н. К. Волкова (членъ группы Милюкова) проникнута стремленіемъ къ „свободѣ и демократизму“ („Общ. Д.“ № 97). Чрезвычайно показательно, что въ обзорахъ печати, составляемыхъ начальникомъ ценз-контр. бюро Павловскимъ, для внутренняго употребленія, т. е. не на показъ *), красной нитью проходитъ мотивъ: большевики справа такая же язва государства, какъ и большевики слѣва (напр., обзоръ за іюль — Пражск. Арх.). Если диктатура „очень снисходительная направо, выказывала крайнее недовѣріе и раздраженіе ко всему лѣвому“ — таково утвержденіе „Чехо-Сл. Дн.“ (№ 269), то виноваты были въ этой однобокости только „лѣвые“, поскольку подъ ними подразумѣвались соціалисты двухъ главенствующихъ партій. Въ Сибири они все время ходили по скользкой тропѣ между практическимъ признаніемъ и отрицаніемъ большевизма. Легальная оппозиція правительству одновременно была и нелегальной революціонной борьбой съ правительствомъ, вплоть до устройства террористическихъ покушеній. На такой почвѣ довѣріе у власти вырости не могло. Между тѣмъ, у Колчака, мнѣ кажется, было искреннее стремленіе не только считаться, но и дѣйствовать въ согласіи съ общественнымъ мнѣніемъ. Вся его февральская поѣздка въ прифронтовую полосу проходила подъ флагомъ „новая свободная Россія строится на фундаментѣ объединенія власти и общественности“ („Пр. Вѣст.“ № 82).

Можно, конечно, во имя послѣдовательнаго демократизма утверждать, какъ это сдѣлалъ М. Кроль въ засѣданіи областной Думы 16 августа, что „исторія не знаетъ примѣра, когда бы диктатура спасала страну“

*) Сводки эти представлялись верховному правителю. Павловскій въ нихъ не подбиралъ пріятныхъ для Колчака данныхъ. Верховный правитель сводки прочитывалъ и дѣлалъ свои помѣтки.

(„Сибирь“ № 34). Но ораторъ скорѣе свидѣтельствовалъ лишь о своемъ недостаточномъ знакомствѣ съ исторіей. Во всякомъ случаѣ, диктатура Колчака съ перваго момента была облечена въ особыя конституціонныя формы, установленныя актомъ Совѣта министровъ 18 ноября*). Постановленіе о временномъ устройствѣ государственной власти въ Россіи гласило:

„1. Осуществленіе верховной государственной власти принадлежитъ верховному правителю.

2. Верховному правителю подчиняются всѣ вооруженныя силы Россійскаго государства.

3. Власть управленія во всемъ ея объемѣ принадлежитъ верховному правителю. Въ дѣлахъ управленія подчиненнаго опредѣленная степень власти ввѣряется, согласно закона, подлежащимъ мѣстамъ и лицамъ.

Верховному правителю принадлежитъ въ особенности принятіе чрезвычайныхъ мѣръ для облегченія комплектованія и снабженія вооруженныхъ силъ и для водворенія гражданскаго порядка и законности.

4. Всѣ проэкты законовъ и указовъ разсматриваются съ совѣтѣ министровъ и, по одобреніи ихъ оными, поступаютъ на утвержденіе верховнаго правителя.

5. Всѣ акты верховнаго правителя скрѣпляются предсѣдателемъ совѣта министровъ или главнымъ начальникомъ подлежащаго вѣдомства; изъ сего изъемлются указы о назначеніи и увольненіи предсѣдателя совѣта министровъ, каковые скрѣпляются управляющимъ дѣлами совѣта министровъ.

6. Въ случаѣ тяжкой болѣзни или смерти верховнаго правителя, а также въ случаѣ отказа его отъ званія правителя или долговременнаго его отсутствія, осуществленіе верховной власти переходитъ къ совѣту министровъ“ („Хр.“ 266).

* * *

Что же представлялъ собою Совѣтъ министровъ? По мнѣнію Льва Кроля**), номинально власть принадле-

*) Позже, 29 января 19 г., при открытіи Сената верховный правитель принялъ соотвѣтственную присягу.

**) Ему, между прочимъ, принадлежитъ терминъ „Конституціонная диктатура“.

жала Колчаку — фактически прежнему сибирскому правительству (159). Въ представленіи Якушева Колчакъ окружилъ себя реакціонными дѣятелями павшаго царскаго режима („В. С." VI, 73). Въ изображеніи Ракова Колчакъ просто „маріонетка". Вся власть въ рукахъ развѣтвленной монархической организаціи.

Характеристику „сибирскаго правительства" мы уже давали. Уходили одни министры (Ключниковъ, Старынкевичъ), приходили другіе. Но въ сущности ни одной новой реакціонной фигуры не появилось. По старому на правомъ флангѣ были кадеты (Тельбергъ). Привлекались на министерскіе посты и лѣвые — нар.-соц. Преображенскій, инж. Окороковъ, выбранный въ свое время правительственнымъ комиссаромъ въ Алтайской губ. Совсѣмъ новымъ человѣкомъ былъ Сукинъ — молодой 28-лѣтній чиновникъ русскаго посольства въ Америкѣ. На него впослѣдствіи сыпались нападки. Упрекали его въ американофильскихъ тенденціяхъ — очевидно, ими не могли быть тенденціи, реакціонныя по существу *). Государственный контролеръ Красновъ пользуется „общимъ уваженіемъ" — констатируетъ пристрастный критикъ Л. Кроль (185). Возможно, что на министерскихъ постахъ не было „звѣздъ" русской общественности: „видные дѣятели, — по словамъ Милюкова — размѣстились по другимъ центрамъ". Въ Омскѣ русская общественность была представлена „не яркими и не вліятельными фигурами". Но это уже не вина адм. Колчака. Приходилось брать тотъ людской матеріалъ, который былъ подъ рукой. „Случилось такъ — писалъ к-д. Клафтонъ на югъ своимъ политическимъ друзьямъ — что лучшіе офицеры и лучшіе политическіе вожди тамъ, у васъ на Дону, а

*) Колчакъ проявлялъ, можетъ быть, подчасъ даже излишнюю щепетильность. Такъ онъ долгое время не соглашался на назначеніе полк. Клерже (сотрудника „Нов. Времени") въ освѣдомительный отдѣлъ (Воспоминанія ген. Рябикова). Адмиралъ высказывался и противъ кандидатуры Гондати, не считая возможнымъ выдвигать имена, связанныя со старымъ режимомъ (Сукинъ).

сѣрая масса здѣсь, и эта сѣрая масса должна складывать государство именно здѣсь"... „Наши партійные дѣятели сдѣлали огромную ошибку, бросивъ Сибирь на произволъ судьбы и сконцентрировавъ всѣ свои силы тамъ, на Дону... Здѣсь полное безлюдье. Всѣ должны учиться, чтобы подняться надъ губернскимъ масштабомъ до государственнаго горизонта, а учиться нѣтъ времени, работать приходится среди опасеній внезапныхъ рецидивовъ большевизма, въ полномъ хаосѣ психологическаго и государственнаго разложенія и усталости"...*).

На бывшаго въ Сибири проф. Перса ближайшіе помощники Колчака произвели скорѣе отрицательное впечатлѣніе. Саблинъ пишетъ изъ Лондона въ Омскъ 22 октября: „омское правительство, за исключеніемъ Михайлова и Сукина **), Пёрсъ считаетъ составленнымъ изъ людей даже не второстепенныхъ. Для Москвы, для національнаго правительства эти дѣятели были бы совершенно непріемлемы".

Отзывается Персъ съ большой похвалой о Дитерихсѣ. Правительство онъ критикуетъ, но не потому, что оно „сознательно грѣшитъ, а потому, что оно составлено изъ людей, которые въ нормальное время служили бы въ мелкихъ департаментахъ". Для Будберга „остальные члены кабинета (особо онъ говоритъ о Михайловѣ и Сукинѣ) сѣрыя, безцвѣтныя, безобидныя, по-своему добросовѣстныя фигурки совершенно негосударственнаго масштаба; они усердно засѣдали, старались что-то сдѣлать, раздули кадило на всероссійскій размахъ, но не справились съ узкими задачами Омскаго Градоначальства. Активнаго вреда они не принесли, грязнаго и порочащаго власть сами не дѣлали, но оказались пигмеями

*) Очеркъ Н. А. въ парижскомъ к.-д. сборникѣ „Памяти погибшихъ", 168.

**) Именно эти лица„—дипломатическій вундеркиндъ" и „геніальный финансистъ"—въ глазахъ Будберга будутъ особо неподходящи для законодательной и административной дѣятельности.

передъ грозными требованіями даннаго историческаго часа русской жизни" (XV, 336).

Когда Будбергъ переноситъ вопросъ въ область изысканія геніевъ, то здѣсь нечего сказать. Не могъ ихъ создать верховный правитель; не могла ихъ породить и Сибирь. Въ оправданіе простыхъ смертныхъ можно сказать, что „звѣзды" въ другихъ центрахъ также оказались у разбитаго корабля, и что сибирскія условія были запутаннѣе и сложнѣе.

Возможно, что внутренняя сибирская политика во многихъ отношеніяхъ была неудачной, но никакого классоваго характера она не носила. Сводка отдѣла пропаганды при Добр. Арміи даетъ такую характеристику правительству, возглавляемому Вологодскимъ: правительство лѣвое, но проводитъ умѣренную политику.

2. Теорія и практика.

Можетъ быть, слишкомъ молодой еще Михайловъ былъ плохимъ министромъ финансовъ. Его мѣропріятіямъ мемуаристы охотно приписываютъ „гибель" сибирскаго рубля. Возможно, что реформа съ девальваціей керенокъ была одной изъ самыхъ ошибочныхъ реформъ въ Сибири. Только... исторія финансовъ всего міра за послѣдніе годы смутъ и общественныхъ перетурбацій какъ-то поучаетъ тому, что устойчивость финансовъ — цѣнность денегъ, больше зависитъ отъ общественной психологіи, нежели отъ экономическихъ основаній. Вѣроятно, это научная ересь. Но всегда ли наука поспѣваетъ за жизнью?

Не спеціалистъ долженъ пока воздерживаться отъ оцѣнокъ финансовыхъ мѣропріятій сибирской власти. Еще скрыты многіе изъ двигавшихъ жизнь факторовъ. То, что обывателю-мемуаристу кажется несуразнымъ въ законѣ 19 апрѣля объ изъятіи керенокъ, спеціалисту будетъ понятно. У насъ могъ бы быть надежный источ-

никъ для характеристики сибирскихъ финансовъ въ написанныхъ, но, къ сожалѣнію, еще не изданныхъ воспоминаніяхъ начальника кредитной канцеляріи у Колчака А. А. Никольскаго. Его сужденія достаточно компетентны. Онъ объяснаетъ, что мотивъ изданія закона 19 апрѣля былъ цѣлесообразенъ — при продвиженіи въ Европу, наплывъ оттуда „керенокъ" въ Сибирь могъ бы имѣть катастрофическое вліяніе на все народное хозяйство. Признавая, что осуществленіе закона было неудачно, и что онъ принесъ больше вреда, чѣмъ добра, все же авторитетный свидѣтель укажетъ, что, если бы успѣхъ на фронтѣ продолжался — и послѣдствія закона были бы иныя. Много причинъ было для обезцѣненія сибирскаго рубля, упавшаго въ 25 разъ за полтора года и среди нихъ — политика державъ, мало считавшихся съ реальными нуждами сибирской власти*). И все-таки Никольскій, подходящій съ критикой къ дѣятельности министра финансовъ Михайлова и его преемника Гойера, признаетъ, что финансовое вѣдомство выполнило свое главное назначеніе",**) принявъ „ужасное" наслѣдіе и пустыя кассы.

*) Напр., проектъ выпуска кредитныхъ билетовъ для нуждъ французскаго командованія въ Сибири по курсу 60 сант. за рубль. Непринятіе иностранными банками (и русскимъ — Русско-Азіатскимъ) сибирскихъ денежныхъ знаковъ, какъ денегъ непризнаннаго еще правительства. Нежеланіе Америки выдать кредитные билеты, заготовленные еще въ 17 г. по заказу Временнаго Правительства (выданы были только въ ноябрѣ 19 г.), что было чрезвычайно важно при денежномъ голодѣ въ Сибири. Голодъ этотъ объяснялся въ значительной степени технической трудностью печатанія денегъ въ сибирскихъ условіяхъ и т. д. Министру финансовъ пришлось потратить много усилій на то, чтобы доказать французскому правительству гибельность для русскаго денежнаго обращенія выпуска французскимъ банкомъ самостоятельныхъ денежныхъ знаковъ. Правительство предпочитало даже вовсе отказаться отъ полученія 18 милліоновъ фр. въ иностранной валютѣ на нужды русской арміи (письмо 16 іюля — Субботовскій, 78). Между прочимъ, авторъ отмѣчаетъ, съ какимъ трудомъ щепетильный Колчакъ согласился, въ концѣ концовъ, тронуть золотой запасъ, который считалъ общенароднымъ достояніемъ, находящимся въ Омскѣ на храненіи и слѣдовательно неприкосновеннымъ. Израсходовано было только около 100 мил. Колчакъ, по словамъ Сукина, какъ бы „лично" стоялъ на стражѣ золотого фонда.

**) Воспоминанія Никольскаго переданы въ Пражскій Архивъ.

Я буду разсматривать дѣятельность правительства не съ этой точки зрѣнія. Мнѣ важно выяснить его „классовую“ подоплеку и ту специфическую реакціонность, которую приписываютъ ему противники и большинство наблюдателей изъ иностранцевъ. Въ дѣятельности правительства Будбергъ усматриваетъ не реакціонность, а полную отрѣшенность отъ жизни. Ему, какъ военному, мыслится разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ совсѣмъ въ иной плоскости. 10 сентября онъ записываетъ:

„Весь вечеръ пропалъ даромъ въ безсмысленномъ засѣданіи Комитета Экономической Политики, гдѣ пережевывались „общіе принципы реквизиціи“. Удивительные мы люди: на фронтѣ идетъ наступленіе, долженствующее рѣшить судьбу Сибирскаго бѣлаго движенія и всей Россіи; тылъ разваливается и пылаетъ возстаніями, а въ это время 12 министровъ и ихъ товарищи убиваютъ три съ лишнимъ часа на обсужденіе вопросовъ самой отвлеченной теоріи. Я рекомендовалъ использовать прямо положеніе о реквизиціяхъ, вышедшее во время большой войны, но рѣшили все же поговорить... Такія засѣданія напоминаютъ мнѣ дискуссіи о спасеніи души въ вагонѣ, который летитъ кувыркомъ съ многосаженной насыпи, причемъ пассажиры уже не знаютъ, гдѣ у нихъ верхъ и гдѣ низъ, гдѣ крыша, а гдѣ полъ“ (XV, 307).

Безспорно, многія мѣропріятія того времени были теоретичны и являлись почти ненужной уступкой демократической догмѣ. Напр., распространеніе суда присяжныхъ въ губерніяхъ Енисейской и Иркутской, Забайкальской, Амурской и Приморской областяхъ, на Сахалинѣ и въ полосѣ отчужденія В.-Кит. ж. д. („Пр. Вѣст.“ 30 января). Какой тамъ судъ присяжныхъ въ обстановкѣ гражданской войны, да еще такой специфической, какъ, напр., въ Енисейской губ., охваченной пожаромъ партизанскаго движенія! Гришка Хромой—главарь шайки въ Иманскомъ у., чинившій судъ и расправу безъ всякой волокиты, совершавшій семейные раздѣлы и пр.,

можетъ быть, въ это время больше подходилъ къ тамошнему быту. „Полк. Вортъ“ (Уордъ) въ своей наивной простотѣ, также занимавшійся въ Уссурійскомъ краѣ судебнымъ разбирательствомъ крестьянскихъ споровъ, вѣроятно, удовлетворялъ реальныя повседневныя нужды деревни.

* * *

Я не имѣю возможности, да, пожалуй, и надобности, разсматривать всю законодательную дѣятельность правительства. Остановлюсь только на нѣсколькихъ мѣропріятіяхъ и особенно на тѣхъ двухъ, которыя въ представленіи противниковъ особенно ярко подчеркнули реакціонную сущность правительства, — это изданіе выборнаго закона для городского самоуправленія и мѣры, касавшіяся земельнаго вопроса. Любопытно, что чешскіе демократы, весьма суровые въ оцѣнкѣ дѣятельности правительства, какъ разъ въ противоположность русскимъ соціалистамъ, именно въ этихъ областяхъ и считали только положительной дѣятельность правительства („Чех. Сл. Дн.“ № 269 — годовщина государственнаго переворота).

2 февраля былъ опубликованъ этотъ новый законъ о выборахъ въ городскія Думы, принятый правительствомъ еще 27 декабря. Въ дѣйствительности былъ безъ измѣненія принятъ проектъ Гаттенберга, утвержденный еще старымъ сибирскимъ правительствомъ. „Вся сибирская печать — писалъ въ № 32 „Чех. Сл. Дн.“ — съ удовлетвореніемъ констатируетъ, что новый законъ о выборахъ совершенно пріемлемъ, что верховный правитель Сибири, несмотря на сильное давленіе реакціонныхъ круговъ, которые выступаютъ иногда подъ фирмой либеральныхъ партій... идетъ дѣйствительно къ демократическому строительству“... И позже, по поводу иркутскихъ выборовъ въ іюнѣ тотъ же органъ (№ 129) говорилъ: „Демократичность закона Колчака о выбо-

рахъ въ мѣстное самоуправленіе... даетъ возможность сибирской демократіи проявить себя самымъ широкимъ образомъ въ мѣстныхъ самоуправленіяхъ, столь убогихъ въ Россіи вообще (!,*) и осуществить здѣсь въ противоположность реакціи здоровыя основы демократическія и соціалистическія".

„Вся печать"... — чешскій авторъ ошибся. „Лѣвая" демократія не могла признать что-либо положительное за законодательствомъ „диктатора". Конечно, новый законъ „шагъ назадъ", шагъ „контръ-революціонный", нарушеніе „принциповъ народоправства" (иркутская „Мысль" № 1 — 18 февраля). Въ чемъ дѣло? — введенъ избирательный „цензъ": возрастъ 21 годъ для активнаго избирательнаго права и 25 для пассивнаго; ограничено народовластіе „цензомъ" осѣдлости — не менѣе года; наконецъ, мажоритарная система. Сибирскіе демократическіе „вундеркинды", очевидно, и не представляли себѣ, что въ дни Временнаго правительства мажоритарную систему выборовъ въ противоположность пропорціональной защищали соціалисты Водовозовъ, Мякотинъ и такіе спеціалисты, какъ покойный В. М. Гессенъ. Они не отдавали себѣ отчета въ томъ, что послѣ неудачи примѣненія пропорціональной системы въ Россіи, давшей псевдо-городское и земское самоуправленіе, число мажоритаристовъ или по меньшей мѣрѣ сторонниковъ существенныхъ коррективовъ къ системѣ 17 г. значительно увеличилось въ рядахъ даже соціалистической демократіи**). „Благомыслящая демократія", конеч-

*) Очевидно, авторъ весьма мало былъ освѣдомленъ о дѣятельности городскихъ и земскихъ самоуправленій въ Россіи „вообще".

*) Иркутская городская Дума еще 22 октября обсудила проектъ новаго закона сибирскаго правительства о выборахъ. Эс-эровская партія тогда же выступила съ заявленіемъ, что отмѣна пропорціональной системы является нарушеніемъ принципа народоправства. Протестовала фракція и противъ проведенія закона въ административномъ порядкѣ, видя въ этомъ нарушеніе прерогативъ Обл. Думы и Сиб. Учр. С. („Сибирь" № 81). Любопытенъ отзывъ с-р. Маслова, прибывшаго тогда изъ Архангельска, — онъ писалъ Чайковскому: избирателяный за-

но, отнеслась съ сочувствіемъ къ новому закону. Привѣтствовалъ законъ, „составленный на демократическихъ началахъ“ предсѣдатель екатеринбургской думы Кроненбергъ („Заря“ № 42). Надо быть „пристрастнымъ“ — писалъ проф. Мокринскій въ „Сибирской Жизни“ 5 марта, — для того, чтобы отвергать демократичность закона 27 ноября. Я не нашелъ и протестовъ противъ закона или его проекта въ реакціонныхъ кругахъ, о которыхъ говорилъ „Ч. Сл. Дн.“. Нѣкоторая критика была со стороны кооперативной „Зари“, полагавшей желательнымъ повысить до 25 лѣтъ возрастный цензъ. Протестъ раздался только со стороны екатеринбургской группы партіи народной свободы, бывшей въ то время подъ вліяніемъ Л. Кроля слишкомъ „лѣвой“: партія протестовала противъ требованія осѣдлости (Кроль, 163).

Если демократія потерпѣла пораженіе на выборахъ-то причиной этого былъ не „куцій законъ“, а настроеніе избирателей. Новые выборы дали дѣйствительно значительный процентъ домовладѣльцамъ. Выборы отмѣчены абсентеизмомъ („Сибирь“ № 60). Въ Иркутскѣ въ выборной кампаніи приняло участіе лишь 30% избирателей*), въ Шадринскѣ 28%, въ Курганѣ 20%**) („Заря“ № 114).***)

* * *

Новаго закона о земскомъ самоуправленіи правительствомъ издано не было. 20 декабря Совѣтъ министровъ по докладу Гаттенберга постановилъ: 1) остано-

---

конъ измѣненъ такъ, какъ въ Архангельскѣ. Любопытно и то, что эс-эровская „Мысль“ (№ 5) отмѣчала, что само населеніе въ Иркутской губ. высказалось за мажоритарную систему.

*) При бойкотѣ выборовъ большевицки настроенными рабочими въ Иркутскѣ 45 мѣстъ получили домовладѣльцы, 28 соціалисты и 2 блокъ („Сиб. Ог.“, 27, V. 95).

**) Здѣсь соціалисты имѣли только 5 мѣстъ.

***) Показательно замѣчаніе быв. мин. финансовъ Комуча извѣстнаго намъ Ракова: выборы показали, что существуютъ лишь двѣ крайности. Для промежуточной политики нѣтъ мѣста (45).

вить производство выборовъ въ земство, предоставивъ мин. вн. дѣлъ въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, эти выборы разрѣшать и 2) продолжить дѣятельность управъ до новой сессіи земскихъ собраній по новому закону („Пр. Вѣст.“ № 29).

Въ свое время мы отмѣчали положительное отношеніе Колчака къ земству и его разочарованіе въ силу характера приморскаго земства. Это разочарованіе должно было распространиться на многія земства Сибири революціоннаго производства. По традиціи мы привыкли относиться съ нѣкоторымъ піететомъ къ земскому самоуправленію и по отношенію къ нему правительства опредѣлять демократическій или революціонный уклонъ послѣдняго. Земства 17 г. имѣли мало общаго съ подлиннымъ мѣстнымъ самоуправленіемъ. Они были скорѣе политической школой, въ значительной степени партійной при преобладаніи эсъ-эровскихъ элементовъ, часто не имѣвшихъ абсолютно никакого отношенія къ интересамъ и задачамъ органовъ самоуправленія. Такія земства „Заря“ не безъ основанія называла политическими „говорильнями“ *). Въ Сибири, гдѣ новое земство не имѣло никакихъ традицій, отмѣченное явленіе должно было сказываться сугубо. Само населеніе относилось къ земству довольно прохладно. Такъ, управляющій Иркутской губ. (с.-р. Яковлевъ) въ докладѣ министерству долженъ отмѣтить, что большинство волостей къ земству равнодушно; ему приходится говорить о „темнотѣ населенія“ по поводу январьскихъ выборовъ въ земство. („Мысль“ № 5). Крестьяне катарбейской волости, Иркутскаго у. даже отказались отъ выборовъ (Jb. № 4); населеніе въ Вилюйскомъ у., Якутской обл. ходатайствуетъ о закры-

*) „Зауральскій Край“ (6 ноября) этимъ объяснялъ отношеніе деревенскаго населенія къ общественнымъ вопросамъ и полный абсентеизмъ на выборахъ (дѣло касается Шадринскаго у.). Столь же показательно для газеты присутствіе на общекооперативномъ съѣздѣ 130 делегатовъ вмѣсто 400—500. Конечно, въ данномъ случаѣ роль играла и близость къ фронту.

тіи земства, „ничего не приносящаго отраднаго населенію, ведущему кочевой образъ жизни“ („Сельск. Жизнь“ 3 іюля) и т. д. Чрезвычайно ярокъ разсказъ Андрушкевича о земствѣ, избранномъ въ 17 г., въ Иманскомъ у.:

„Всѣмъ выборнымъ дѣломъ руководила партія соц.-революціонеровъ. Къ выборамъ были допущены за неявкой основного населенія, не понимавшаго въ чемъ дѣло, совѣты солдатскихъ депутатовъ, комитеты общественной безопасности и т. д. Итогъ былъ слѣдующій: въ Иманскую уѣздную земскую управу оказались избранными: предсѣдателемъ управы—сельскій учитель, разжалованный по суду дьяконъ, а членами управы: одинъ мѣщанинъ Имана, тюремный надзиратель, станціонный жандармъ и одинъ изъ волостныхъ старшинъ.

Всѣ эти люди были, въ сущности, людьми не плохими. Но обязанные своимъ положеніемъ членовъ партіи соц.-рев., они и держались за партію, считая своимъ долгомъ идти за ней, и подписывали, скрѣпя сердце, все, что имъ подсовывали земскіе чиновники, партійные ставленники...

...земскія управы получаемыя отъ казны средства стали тратить прежде всего на свое содержаніе, на содержаніе многочисленнаго земскаго чиновничества, на взносы Земгору и Далькрайземгору, на политическія партіи, на печатаніе воззваній и т. п., и при такихъ условіяхъ, да еще при паденіи стоимости рубля, у земства ничего не оставалось на удовлетвореніе крестьянскихъ нуждъ. Мосты не починялись. Показательныя хозяйства захирѣли. Всѣ переселенческія учрежденія, перешедшія въ вѣдѣніе земства, — пропадали. Врачи и учителя не получали жалованья и разбѣгались. Богатѣйшая, образцовая, показательная пасѣка въ Иманѣ — пропала, а имущество ея перешло въ руки одного изъ членовъ земской управы.

Однажды ко мнѣ явился одинъ земскій врачъ и, положивъ книги отъ ввѣренной ему больницы на столъ, заявилъ, что онъ больницу закрылъ и уѣзжаетъ, такъ какъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ не получалъ жалованія. Всѣ необходимѣйшія лѣкарства израсходованы, а новыхъ невозможно добыть

отъ земской управы... Я препроводилъ ключи отъ больницы въ земскую управу, а земская управа—сторожу больницы. Сторожъ надѣлъ на себя докторскій халатъ и самъ занялся медицинской дѣятельностью, раздавалъ кстати и некстати оставшіяся лѣкарства. Когда же отъ леченія сторожа прока не оказалось — населеніе отказалось давать больницѣ дрова. И сторожъ для отопленія своей комнаты сжегъ всю деревянную обстановку больницы...

Правительство рѣшило переизбрать составъ волостныхъ земскихъ управъ. Изъ распоряженій по этому поводу явствовало, что правительство надѣялось, что теперь къ земскому волостному дѣлу станутъ люди болѣе благоразумные, государственно настроенные и что новые люди будутъ болѣе полезными въ дѣлѣ государственнаго строительства...

Въ опредѣленный срокъ я получилъ подлинныя выборныя дѣлопроизводства и былъ весьма смущенъ: всѣ избирательныя записки по волостямъ оказались написанными одной и той-же рукой, на одинаковыхъ лоскутахъ бумаги и повсюду оказались избранными тѣ же старшины—предсѣдателями, а писаря — секретарями. Было ясно,—крестьяне на выборы не пошли, и избирательныя записки повсюду написаны писарями, выполнявшими требованіе о производствѣ выборовъ. О томъ же донесла и полиція“ (121—24).

А вотъ характеристика уѣзднаго земства въ противоположномъ концѣ Сибири, ближе къ Европейской Россіи—въ Тарскомъ уѣздѣ, Тобольской губ. Характеристику даетъ очень наблюдательный и вдумчивый команд. мѣстнымъ военнымъ райономъ полк. Франкъ:

...Волостная управа находится въ самомъ хаотическомъ состояніи... Предсѣдатели управъ — или посторонніе, чужіе люди населенію... или захудалые неграмотные крестьяне. Писаря или секретари—просто темныя личности, живущія на взятки и вымогательства. Земская уѣздная управа... остатокъ совѣтской власти—бывшіе члены Совдепа и революціоннаго трибунала, а нѣкоторые съ уголовнымъ прошлымъ. Большинство членовъ управы (уѣздной)—элементъ также пришлый, не

имѣющій ничего общаго съ земствомъ... Члены заняты торговлей, спекуляціей, политикой и всѣмъ, чѣмъ угодно, но не дѣломъ земствъ."

Франкъ настаивалъ на „немедленномъ" переизбраніи земскихъ управъ („Прол. Рев." № 8, 200).

Колчаковское правительство не рѣшилось уничтожить земство — утверждаетъ Колосовъ. У меня нѣтъ никакихъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о такомъ даже намѣреніи. Правительство, очевидно, относилось съ нѣкоторой настороженностью къ земству производства 17 г. и хотѣло, чтобы новый законъ внесъ оздоровленіе въ жизнь мѣстнаго самоуправленія. По тактическимъ соображеніямъ оно настойчиво предписывало, однако, военнымъ властямъ земцевъ не трогать. Не трогать „земцевъ", — означало не трогать эс-эровъ. Предписаніе изъ Омска подчеркивало это, напр,. по поводу цитированнаго выше революціоннаго воззванія приморскаго земства противъ Колчака*). Тѣмъ не менѣе столкновенія власти съ земствомъ, конечно, происходили. Въ январѣ во Владивостокѣ собрался дальневосточный съѣздъ земствъ и городовъ. Управляющій мин. вн. дѣлъ Гаттенбергъ телеграфировалъ, что „обсужденію съѣзда подлежатъ только вопросы экономическо-хозяйственнаго значенія" и что онъ не разрѣшаетъ касаться вопросовъ „конструкціи власти". Ясно было, что съѣздъ, подъ постояннымъ предсѣдательствомъ Медвѣдева и почетнымъ Якушева, долженъ былъ въ политическихъ вопросахъ стать на путь воззванія Приморскаго земства. „Съѣзду, послѣ его рѣшенія — пишетъ Якушевъ, — продолжать занятія по утвержденной повѣсткѣ, въ дальнѣйшемъ не

*) Поэтому весьма неосновательно было утвержденіе В. Лебедева („Pour la Russie" № 5), что Колчакъ послѣ переворота принялъ мѣры къ ликвидаціи демократическаго режима во Владивостокѣ и Приморской области. Ивановъ-Риновъ х о т ѣ л ъ арестовать земцевъ, но ихъ спасли американцы. Они были изгнаны заграницу. Кто? Страннымъ образомъ они продолжали во Владивостокѣ свою подрывную работу.

чинилось препятствій.“ Тѣмъ не менѣе при закрытіи съѣзда по иниціативѣ группы членовъ была принята резолюція о томъ, что „единственнымъ выходомъ изъ создавшагося положенія является немедленное возобновленіе государственнаго порядка, установленнаго законами Вс. Вр. Правительства 1917 г., и созывъ Сибирскаго Учр. Собранія“.

На другой день, 28 января, мѣстной властью была арестована часть участниковъ съѣзда, освобожденныхъ вмѣшательствомъ военнаго командованія*). Но едва ли не первымъ случаемъ репрессіи — вѣрнѣе угрозы — со стороны центральной власти было рѣшеніе Пепеляева предать суду руководителей иркутскаго губ. земства за резолюцію 7 іюля, осуждающую переворотъ 18 ноября и требущую созыва Учр. Собранія („Кр. Ар.“ 31, 12). Въ правительствѣ шли долгіе споры о легализаціи союза земствъ и городовъ (Будбергъ, XIV, 300). Уставъ Сибземгора не былъ утвержденъ, но это не мѣшало союзу энергично развивать свою дѣятельность и къ іюню 19 г. даже „процвѣтать.“ („La Russie Démocratique“ №6).

Мы не разъ встрѣчаемся съ указаніемъ на аресты земскихъ дѣятелей и кооператоровъ военными властями. При всемъ желаніи, ихъ нельзя отнести на счетъ преслѣдованія земствъ и кооперацiи, какъ это хочется Колосову и другимъ. Трудно въ отдѣльныхъ случаяхъ даже установить, гдѣ аресты являются актомъ произвола и гдѣ они вызваны государственною необходимостью. Несомнѣнно участіе многихъ изъ этихъ „земцевъ“ въ противоправительственномъ движеніи — и часто на сторонѣ большевиковъ.

* * *

Еще во время дѣятельности „Сибирскаго Прави-

*) Якушевъ. „Дальневосточныя самоуправленія въ борьбѣ съ властью“ Сборникъ „Мѣст. Самоупр.“ Труды Общества въ Чехословакіи. Прага 1926.

тельства" съѣздъ представителей земствъ и городовъ Приамурской, Камчатской и Сахалинской областей вынесъ 17 октября протестъ противъ изданія земельнаго закона, идущаго вразрѣзъ съ закономъ Всер. Учр. Собр. Здѣсь была ахиллесова пята всякаго земельнаго законодательства. Мы говорили о компромиссѣ, на который шли эс-эры на Уфимскомъ Госуд. Совѣщаніи. Сибирскіе эс-эры этихъ компромиссовъ не желали знать, слѣпо и формально отстаивая законъ 5 января. Все, что нарушало „волю" Учр. Собранія 17 г., было актомъ реакціоннымъ*). При такихъ условіяхъ сожительства и компромисса достигнуть было невозможно. Между тѣмъ и здѣсь „буржуазный" историкъ гражданской войны поставитъ правительству въ вину: „земельный вопросъ безконечно разрабатывался въ канцеляріяхъ; но предварительныя „всероссійскія" декларації правительства (напр. 4 апрѣля) были двусмысленны и, поскольку доходили до крестьянства, вызывали законное недовѣріе — хоть въ Сибири и не было помѣщиковъ" (Милюковъ 126).

Обратимъ вниманіе, что въ своей рѣчи 16 февраля земскимъ представителямъ въ Екатеринбургѣ Колчакъ подчеркнулъ, что онъ сторонникъ передачи всей земли крестьянамъ... Черезъ полгода верховный правитель въ объявленіи 29 іюля писалъ: „Я и мое правительство заявили, что мы считаемъ справедливымъ и необходи-

*) Самымъ большимъ „реакціонеромъ" придется признать А. В. Пѣшехонова, который еще въ московскомъ органѣ н-совъ „Народное Слово" писалъ 11 апрѣля 18 г.: „законъ" 5 января — это проектъ, лишь частично проведенный черезъ У. С. Пѣшехоновъ возмущался дѣйствіемъ московскаго губернскаго комитета, издавшаго подъ видомъ закона „партійную прокламацію".

Среди демократій очень многіе не признавали „закона" 5 января. Не признавала его, очевидно, конференція „Союза Возрожденія" 20—24 сентября 19 г. въ Ростовѣ на Дону. Ея постановленія гласили: Земельный вопросъ можетъ разрѣшить только У. С., поэтому правительство гражданской войны можетъ принимать только временныя мѣры, оставляя крестьянамъ ту землю, которая фактически находится въ ихъ распоряженіи, при условіи, что земля эта обрабатывается („La Russie Dem." №8)

мымъ отдать всю землю трудящемуся народу". Сама же земельная декларація 8 апрѣля*) гласила:

„Доблестныя арміи Россійскаго Правительства продвигаются въ предѣлы Европейской Россіи. Онѣ приближаются къ тѣмъ кореннымъ русскимъ губерніямъ, гдѣ земля служитъ предметомъ раздоровъ, гдѣ никто не увѣренъ въ своемъ правѣ на землю и въ возможности пожать плоды своего труда. Богатая раньше хлѣбомъ родина наша нынѣ голодна и бѣдна.

„Долгомъ Правительства является создать спокойную и твердую увѣренность земледѣльческаго населенія въ томъ, что урожай будетъ принадлежать тѣмъ, кто сейчасъ пользуется землей, кто ее запахалъ и засѣялъ.

„Заявляемъ поэтому, что всѣ, въ чьемъ пользованіи земля сейчасъ находится, всѣ, кто ее засѣялъ и обработалъ, хотя бы не былъ ни собственникомъ, ни арендаторомъ, имѣетъ право собирать урожай.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ Правительство приметъ мѣры для обезпеченія безземельныхъ, малоземельныхъ крестьянъ и на будущее время, воспользовавшись въ первую очередь частновладѣльческой и казенной землей, уже перешедшей въ фактическое обладаніе крестьянъ.

„Земли же, которыя обрабатывались исключительно или преимущественно силами семьи владѣльца, —земли хуторянъ, отрубниковъ, укрѣпленцевъ, подлежатъ возвращенію ихъ законнымъ владѣльцамъ.

„Принимаемыя мѣры имѣютъ цѣлью удовлетворить неотложныя земельныя нужды трудящагося населенія деревни.

„Въ окончательномъ же видѣ вѣковой земельный вопросъ будетъ рѣшенъ Національнымъ Собраніемъ.

„Стремясь обезпечить крестьянъ землей на началахъ законныхъ и справедливыхъ, Правительство съ полной рѣшительностью заявляетъ, что впредь никакіе самовольные захваты ни казенныхъ, ни общественныхъ, ни частновладѣльческихъ земель допускаться не будутъ, и всѣ нарушители чужихъ земельныхъ правъ будутъ предаваться законному суду.

*) Милюковъ совершенно не обратилъ вниманія на то, что она обращена къ европейскому населенію. Изданіе ея раньше было бы преждевременно (термина „всероссійскія" въ декларації нѣтъ).

„Законодательные акты объ упорядоченіи земельныхъ отношеній, о порядкѣ временнаго использованія захваченныхъ земель, послѣдующемъ справедливомъ распредѣленіи ихъ и, наконецъ, объ условіяхъ вознагражденія прежнихъ владѣльцевъ послѣдуютъ въ ближайшее время.

„Общей цѣлью этихъ законовъ будетъ передача земель нетрудового пользованія трудовому населенію, широкое содѣйствіе развитію мелкихъ трудовыхъ хозяйствъ безъ различія того, будутъ ли они построены на началахъ личнаго или общиннаго землевладѣнія.

„Содѣйствуя переходу земель въ руки трудовыхъ крестянскихъ хозяйствъ, Правительство будетъ широко открывать возможность пріобрѣтенія этихъ земель въ полную собственность.

„Правительство совершаетъ этотъ отвѣтственный и полный глубокаго историческаго значенія шагъ, исходя изъ непреклоннаго убѣжденія, что только такой рѣшительной мѣрой можно возродить и обезпечить благосостояніе многомилліоннаго русскаго крестьянства, а благосостояніе крестьянства есть та здоровая и прочная основа, на которой поставлена будетъ твердыня обновленной, свободной и цвѣтущей Россіи".

Можно съ этой декларацією не соглашаться, но ничего двусмысленнаго въ ней нѣтъ *). Во всякомъ случаѣ она была во много разъ демократичнѣе того, что предлагала партія к.—д. на югѣ во главѣ съ самимъ Милюковымъ. Изъ разсказа Гинса мы знаемъ, что декларація явилась въ Совѣтѣ министровъ результатомъ компромисса и что, несмотря на протесты ген. Лебедева и другихъ, была подписана адмираломъ:

„Министерство земледѣлія представило свой проектъ. Основная идея его заключается въ томъ, что государство устанавливаетъ особое управленіе всѣми

*) Неопредѣленность только въ вопросѣ о вознагражденіи.

Гинсъ говоритъ, что онъ убѣждалъ Совѣтъ Министровъ заявить въ декларації, что „возстановленія помѣщичьихъ земель производится не будетъ", но большинство высказалось противъ такого категорическаго заявленія, указывая, что оно можетъ поощрить къ захватамъ даже тамъ, гдѣ ихъ раньще не было. (II, 152).

землями, вышедшими изъ обладанія ихъ прежнихъ владѣльцевъ.

Эти земли описываются и принимаются въ вѣдѣніе государства, причемъ до окончательваго разрѣшенія земельнаго вопроса онѣ сдаются въ аренду землевладѣльческому населенію.

Этотъ законъ вызвалъ яростныя нападки аграріевъ...

Лѣвые круги были тоже недовольны закономъ. Они, наоборотъ, считали, что сдача земель „въ аренду“ есть, въ сущности, реставрація частной собственности, и что крестьяне иначе и не поймутъ этого... Проектомъ министерства были недовольны, однако, не только соціалисты, но и умѣренные демократическіе элементы, которые считали задачей государственной власти расширить въ странѣ мелкое трудовое землевладѣніе за счетъ крупнаго.

Я былъ на сторонѣ этихъ послѣднихъ и возражалъ противъ проекта въ Совѣтѣ министровъ...

Мои предложенія имѣли нѣкоторый успѣхъ. Они собрали въ Совѣтѣ министровъ шесть голосовъ. Но семь голосовъ было подано за проектъ министра земледѣлія, и онъ сталъ закономъ“. (II 154—57). *).

*) Возраженіе ген. Лебедева, очевидно, формулировало только точку зрѣнія военнаго министерства, представившаго особую записку по поводу проекта министерства земледѣлія 24 марта. Никакъ нельзя назвать эти возраженія—возраженіемъ „аграріевъ“. Въ соображеніяхъ министерства были и серьезные аргументы. По мнѣнію министерства, надлежало не вторгаться въ область коренного разрѣшенія земельнаго вопроса. Разъ правительственная декларація говоритъ, что окончательное рѣшеніе земельнаго вопроса принадлежитъ Нац. Рос. Собр., слѣдуетъ ограничиваться лишь временнымъ улаживаніемъ обостренныхъ отношеній между захватившимъ землю и вложившимъ свой трудъ въ нее. Государство можетъ взять временно въ свое завѣдываніе земли, вышедшія изъ „обладанія владѣльцевъ, и регулировать фактически установившіеся отношенія“. Записка министерства совершенно правильно указывала, что неизвѣстна „фактическая обстановка въ области земельныхъ отношеній“. Аграрная политика большевиковъ внесла много новаго въ крестьянскій міръ — напр., дѣленіе на два класса, переходъ отъ правъ на землю въ предѣлахъ трудовой нормы къ праву владѣнія по потребительской нормѣ. Если законъ стремится закрѣпить землю за ея фактическимъ владѣльцемъ, слѣдуетъ считать, что у большевиковъ земля находится не въ фактическомъ пользованіи крестьянъ, какъ землевладѣльцевъ, а въ распоряженіи коммунистическихъ организацій бѣдноты. Записка обращала вниманіе и на то, что въ разныхъ мѣстахъ Россіи (Украина, Донъ) разрѣшеніе земельнаго

Для Сибири все это не имѣло значенія*). Здѣсь поднимались иные вопросы—внутренне-крестьянскіе, къ помѣщичьей землѣ отношенія не имѣвшіе. Повидимому, для многихъ они были еще неясны. Въ жизненной практикѣ на задній планъ отступала строгая догматическая принципіальность. Иллюстраціей могутъ служить выступленія представителей эс-эровскаго направленія на третьемъ западно-сибирскомъ съѣздѣ крестьянскихъ депутатовъ въ Омскѣ 18 января (18 г.). Для борьбы съ большевизмомъ ораторы пытаются пробудить въ крестьянинѣ собственическіе инстинкты: съ установленіемъ соціализма не будетъ частной собственности, отнимутъ „послѣднюю корову", плуги и т. д.... „Намъ не до жиру, быть бы живу". (Кардонская Jb. 69). Небезинтересны наблюденія, которыя сдѣлалъ Л. Кроль среди крестьянъ — гласныхъ пермскаго губернскаго земства: „наиболѣе захватившій въ данный моментъ крестьянъ-гласныхъ вопросъ былъ — о возвратѣ земель, захваченныхъ крестьянами у крестьянъ". Одни были за возвратъ, другіе — противъ. И тѣ и другіе прошли въ гласные „подъ эс эровскимъ флагомъ". Подъ этимъ флагомъ „были типичные собственники" (175).

Для отдѣльныхъ мѣстъ Сибири могли быть „безтактными" и другіе постановленія Совѣта министровъ; напр., постановленіе 14 марта о предоставленіи преимуществъ въ отношеніи земельнаго устройства переселяющимся семьямъ павшихъ въ бояхъ. Земельный надѣлъ опредѣлялся въ 15 десятинъ, при чемъ заявлялось, что

вопроса можетъ принять иное направленіе. Получится сумбуръ. Со всѣмъ этимъ должно считаться всероссійское законодательство.

*) Реально земельный вопросъ становился съ момента захвата части Уфимской и Пермской губ. Парфеновъ доказываетъ, что здѣсь совершалось насильственное возстановленіе помѣщиковъ и что особую роль играли добровольческіе офицерскіе отряды Каппеля (95). Возможно, что такіе случаи были. С.-р. Раковъ въ „Въ застѣнкахъ Колчака" говоритъ уже о „возстановленіи полностью помѣщичьей власти въ Уфимской губ." (43). Такія же обвиненія самарскому правительству предъявляются въ Сборникѣ „Борьба за Казань",— матеріалы о чехо-учредиловской интервенціи въ 1918 г. (Изд. 24 г.).

земля будетъ даваться въ собственность. Или указъ 2 іюля объ изъятіи изъ пользованія крестьянъ государственныхъ земель, входящихъ въ надѣлъ селеній Тасѣево, Канскаго у. и Степно-Баджайска, и обращеніи ихъ въ земельный фондъ, назначенный для устройства воиновъ *).

Для того, чтобы въ Сибири разрѣшить земельный вопросъ, требовался сложный органическій законъ, который во временномъ порядкѣ гражданской войны издать нельзя было. Примѣненіе закона 5 января вызвало бы еще большія осложненія.

* * *

Есть еще одинъ вопросъ — своего рода лакмусова бумажка для правительства — и чрезвычайно сложный въ періодъ гражданской войны. Этотъ вопросъ просто разрѣшили большевики, уничтоживъ всякую неказенную печать. Мы уже касались положенія печати въ періодъ, непосредственно примыкавшій къ перевороту 18 ноября. Тогда были условія особыя. А какъ дальше? „Для будущаго историка нашей борьбы — писало иркутское „Дѣло“ 6—7 января 1920 г. (№ 388) — положеніе печати при вологодско-колчаковскомъ режимѣ дастъ цѣнный матеріалъ для выявленія истиннаго лица правительства преступленій“. Цензурные курьезы или цензурные провинціальные абсурды, какъ выражались „От. Вѣд.“ (напр., бѣлые мѣста въ оффиціальныхъ отдѣлахъ), были нерѣдки, — и не было въ нихъ ни плана, ни смысла, ни цѣли. Но скорпіоны, какъ и раньше, обрушивались не только на лѣвую печать, какъ пытается изобразить обозрѣватель въ иркутскомъ „Дѣлѣ“. Шумнымъ инцидентомъ въ Омскѣ былъ арестъ отвѣтственнаго редактора „Зари“ В. С. Парунина. Онъ былъ

*) Якушинъ. „Колчаковщина и интервенція въ Сибири“ 86. Источникъ, надо сказать, не очень надежный.

вызванъ въ милицію и арестованъ на 3 мѣсяца распоряженіемъ начальника Западно-Сиб. военнаго округа за статью „Къ самосуду“. Арестъ былъ произведенъ на основаніи стараго приказа Иванова-Ринова отъ 16 августа, отмѣненнаго Колчакомъ. Парунинъ былъ тотчасъ же освобожденъ распоряженіемъ военнаго министра, и виновникъ ареста вынужденъ былъ уйти въ отставку. Та же „Заря“ — выразительница „темныхъ силъ“, по характеристикѣ с.-р. „Сибири“ (№ 83) — была закрыта въ іюнѣ за статью „Земщина и опричнина*). Распоряженіемъ Дитерихса 26 августа была закрыта въ Омскѣ „Наша Заря“ за „непозволительный выпадъ противъ одного изъ членовъ правительства“. Редакторъ газеты н.-с. Галецкій былъ арестованъ. Къ сожалѣнію, номера съ „непозволительнымъ выпадомъ“ мнѣ не удалось увидѣть. „Наша Заря“ не разъ сама писала, что пренебрежительное отношеніе къ власти должно быть изжито, что нельзя всякое мѣропріятіе по укрѣпленію власти трактовать, какъ реставрацію стараго, какъ дѣлаютъ „пѣшехонскіе с.-д. и с.-р.“

И едва-ли не единственный случай, когда репрессіи коснулись газетъ косвенно по иниціативѣ самого верховнаго правителя — это въ дѣлѣ съ „Отеч. Вѣдомостями“ въ критическій моментъ на фронтѣ. Раздраженнымъ адмираломъ была послана 20 іюня Дитерихсу телеграмма по поводу противоправительственной работы газетъ на фронтѣ, съ угрозой закрыть „Нашъ Уралъ“ и „Отечеств. Вѣд.“ На основаніи этой телеграммы для „Отеч. Вѣд.“ была установлена военная цензура.

Репрессіи на печать всегда исходили со стороны военныхъ властей, т. е. мы присутствуемъ при обычной коллизіи на театрѣ военныхъ дѣйствій — коллизіи, ко-

*) Вызывающій тонъ статьи привелъ даже къ протесту правленія Союза Сиб. маслодѣловъ, который принималъ участіе наряду съ Совѣтомъ кооперативныхъ съѣздовъ въ изданіи газеты. Повидимому, на этой почвѣ произошли отколъ части сотрудниковъ и возникновеніе „Нашей Зари“.

торая привела къ подачѣ въ отставку мин. вн. дѣлъ Гаттенберга. Военное положеніе расширяли помимо желанія Колчака. Для общаго режима былъ чрезвычайно показателенъ характеръ „Правительственнаго Вѣстника". Неужели въ оффиціальномъ органѣ реставраціоннаго правительства можно было бы встрѣтить, напр., статью о секретномъ арестантѣ № 1 — о Н. И. Фоминѣ-Медвѣдевѣ (по харьковскому процессу 1879 г.) или подробный отчетъ о лекціи с.-д. Маслова „Экономическое возрожденіе Россіи"?

При тяжелыхъ сибирскихъ экономическихъ условіяхъ (съ мая „Заря" — богатый органъ кооператоровъ — выходила на коричневой бумагѣ) печать далеко не была представлена слабо для того времени. Выходило 157 періодическихъ органовъ. Изъ нихъ 61 журналъ. Въ Зап. Сибири — 39 газетъ и 33 журнала; въ Восточной — 32 газеты и 22 журнала. Было 74 ежедневныхъ газеты. Изъ нихъ 22 „демократическихъ", 7 органовъ соціалистической мысли, 2 изданія рабочихъ с.-д. Среди журналовъ 23 кооперативныхъ, 8 земскихъ, 4 общ. политическихъ, 6 проф. рабочихъ. Въ одномъ Омскѣ издавалось 6 газетъ и 10 журналовъ („Мысль" № 14).

Общая печать довольно полно отражала жизнь того времени, рисуя ее отнюдь не въ радужныхъ тонахъ и рѣзко выступая противъ дѣйствій правительственныхъ агентовъ, нарушавшихъ принципы правового государства. Просматривая, напр., „Зарю", находишь немало протестовъ противъ закрытія газетъ, внѣсудебныхъ разстрѣловъ (напр., двухъ кооператоровъ въ дер. Лузино, Иркутской губ. — № 100), противъ репрессій со стороны военныхъ властей въ отношеніи союза кооперативовъ „Центросибирь" *) — высылка членовъ (№ 26). Печать отнеслась съ осужденіемъ къ принятому въ

*) Союзъ потребительныхъ товариществъ „Центросибирь" не имѣлъ отношенія къ политическому большевицкому центру, которому было дано аналогичное сокращенное наименованіе.

іюнѣ Совѣтомъ министровъ „закону о большевицкомъ бунтѣ“ *). Эту критику оффиціальный „обзоръ печати“ доводилъ до свѣдѣнія верховнаго правителя, отмѣчая, съ своей стороны, что судебное разбирательство является отличіемъ государственной власти отъ беззаконной.

* * *

Слишкомъ мрачно рисуютъ намъ подчасъ реакцію въ „русской Вандеѣ“. Нѣкій „соціалистъ“ Семашко въ открытомъ письмѣ Тальбергу („Шанх. Хр.“ № 1) утверждалъ въ іюнѣ, что онъ вынужденъ жить за границей, такъ какъ при режимѣ Колчака ему мѣсто отведено было бы лишь въ арестанской камерѣ. Возможно — все зависѣло бъ отъ того, что дѣлалъ бы Семашко. Быть можетъ, ему не нашлось бы мѣста и на югѣ Россіи, гдѣ соціалисты жили въ общемъ довольно безопасно и гдѣ тѣмъ не менѣе, по мнѣнію ген. Болдырева, на основаніи получаемой информаціи, „ущемленіе“ соціалистовъ шло еще большимъ темпомъ (232) **). Искусственныя предпосылки порой расходятся съ жизнью. Проф. Легра въ своемъ дневникѣ совершенно убѣжденъ, что иркутскій „губернаторъ“ с.-р. Яковлевъ при новомъ режимѣ, „конечно“, будетъ арестованъ (M. Sl. 28, II, 192). Этого не случилось. Онъ не былъ даже отставленъ, хотя, какъ мы увидимъ, роль Яковлева была чрезвычайно двойственна.

С.-р. Колосовъ опредѣленно злоумышлялъ противъ режима и все-же довольно спокойно жилъ въ самомъ центрѣ партизанскаго движенія въ Красноярскѣ. Колосовъ обличалъ режимъ, пользуясь печатнымъ словомъ. Онъ безъ труда могъ выпустить обличительную брошюру,

*) Проектъ Новикова и Руднева, долго обсуждавшійся въ разныхъ комиссіяхъ. (Воспоминанія Руднева, 256).

**) Изъ обличительной статьи Минора въ „La Rep. Russe“ (№ 19) мы узнаемъ, что какой-то эсъ-эръ Выхристовъ также долженъ былъ искать убѣжища за границей.

такъ какъ этого рода литература цензурѣ не подлежала; онъ могъ въ мартѣ—маѣ издавать „Новое Земское Дѣло“, въ которомъ освѣщалъ по своему крестьянское движеніе (XX, 264). Въ Иркутскѣ выходила весьма оппозиціонная газета „Мысль“ (с-р.) и „Дѣло„ (с-д.) и органъ совѣта профессіональныхъ союзовъ „Сибирскій Рабочій“. Въ Иркутскѣ существовалъ соціалистическій клубъ имени с. д. Патлыхъ — центръ революціонной пропаганды. И военныя власти его такъ или иначе терпѣли.

Въ Тюмени во главѣ газеты „Нашъ Путь“ могъ стоять с. д. Гистеръ (фактически большевикъ), Авдѣевъ и др. *).

Если власть запрещала всесибирскій учительскій съѣздъ, если изымала изъ земскихъ рукъ руководство учебными заведеніями, то дѣлала она это по необходимости,—революціонное земство къ культурно-просвѣтительной работѣ было мало способно. Несмотря, однако, на репрессіи, земство оказывалось, по признанію самаго Колосова, „удобной почвой для полуоткрытой организаціи общественныхъ силъ на антиколчаковской платформѣ“ (XX, 240). Очевидно, режимъ не былъ такъ жестокъ, какъ его изображаютъ на словахъ.

„Милитаризація“ режима происходила не въ силу стремленія правительства подавить всякую гражданственность, а въ силу самой жизни, въ силу того, что въ Сибири, можетъ быть, было еще труднѣе разрѣшить

*) Во время мартовскаго Тюменскаго возстанія Авдѣевъ и его жена Дилевская были разстрѣляны конвоемъ (Авдѣевъ остался живъ). Управляющій губерніей Копачелли въ цитированномъ выше докладѣ говорилъ о томъ, что Авдѣевъ „безсознательно, не желая этого, создавалъ въ рабочихъ кругахъ большевицкое настроеніе“. Самъ Авдѣевъ („Прол. Рев.“ № 8, 190) говоритъ: „Я и Дилевская вполнѣ сознательно желали сверженія его (Колчака) и въ этомъ направленіи дѣйствовали и среди рабочихъ“. Поскольку часть рабочихъ приняла участіе въ бунтѣ мобилизованныхъ, это было результатомъ пропаганды и указанныхъ лицъ. Для „режима“ характерно было общественное волненіе, вызванное разстрѣломъ Авдѣева, и объясненіе, которое давала власть.

проблему двоевластія въ періодъ гражданской войны*) Бытъ подавлялъ право. Между тѣмъ, мы имѣемъ основаніе думать, что правительственная власть при извѣстныхъ условіяхъ, отъ нея уже независящихъ, могла бы упорядочить этотъ бытъ. Порядокъ въ Сибири налаживался. Объ этомъ свидѣтельствовалъ тотъ самый управляющій Уральской областью Посниковъ, записки котораго о невозможности бороться съ эксцессами военщины получили популярность въ литературѣ: „диктатура смягчалась и цивилизовалась" (Гинсъ II 191). Комитетъ защиты законности и порядка — комитетъ „трехъ", созданный при верховномъ правителѣ, пытался вносить въ жизнь элементы здороваго правопорядка. Не всегда это удавалось. Но „директивы" изъ Омска никогда не поощряли расправы и беззаконія на мѣстахъ**).

3. „Звѣздная палата".

Виновниковъ отыскивать легко и они всегда находятся — особенно въ періоды тѣхъ или иныхъ неудачъ. Гинсъ, склонный въ мемуарахъ отгородиться отъ той группы, къ которой онъ примыкалъ, входя въ составъ членовъ Совѣта министровъ, и подчеркивающій свою демократическую позицію, готовъ видѣть причину неудачъ правительства въ фактической отмѣнѣ „конституціи" 18 ноября. Совѣтъ министровъ, поскольку рѣчь шла не о законодательныхъ распоряженіяхъ, а о политикѣ текущаго дня, сталъ отходить на задній планъ. Политика стала сосредоточиваться въ рукахъ какъ бы уменьшен-

*) Едва ли могло помочь дѣлу прикомандированіе къ карательнымъ отрядамъ „особыхъ уполномоченныхъ", пользующихся довѣріемъ общества, лучше всего юристовъ, для наблюденія за закономѣрностью ихъ дѣйствій". Эту много разъ уже испытанную мѣру „особыхъ комиссаровъ" предлагала к. д. фракція въ красноярской гор. Думѣ 5 декабря („П. Дн." 77).

**) „Прав. Вѣстн." (№ 90) отмѣчаетъ, напр., указаніе верховнаго правителя при пріемѣ еврейской делегаціи, что мѣры, принятыя на фронтѣ въ смыслѣ выселенія евреевъ,—единичное явленіе.

наго совѣта министровъ — въ „Совѣтѣ“ верховнаго правителя, въ который входили главнѣйшіе министры*) Этотъ совѣтъ собирался три раза въ недѣлю и долженъ былъ служить связью между верховнымъ правителемъ и совѣтомъ министровъ. Онъ сталъ — говорятъ — своего рода „звѣздной палатой“. У Гинса, не попавшаго, въ силу положенія, имъ занимаемаго, въ узкій кругъ ближайшихъ сотрудниковъ верховнаго правителя, замѣчается нѣсколько сгущенно-отрицательное отношеніе: Совѣтъ верховнаго правителя, узурпировавъ власть, самъ былъ безсиленъ что-либо сдѣлать. Концепція Гинса породила уже легенды, попавшія на страницы исторіи гражданской войны Милюкова. Онъ пишетъ: „Верховный правитель былъ обставленъ подобающимъ его званію этикетомъ и непроницаемо окруженъ группой приближенныхъ людей, составлявшихъ особый Совѣтъ верховнаго правителя“ (124). Для Милюкова здѣсь сказалось желаніе Колчака „рѣшать все самому“. Все это мало соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Совѣтъ верховнаго правителя не былъ нарушеніемъ „конституціи“ 18 ноября — тогда уже, по словамъ Колчака, былъ намѣченъ и малый совѣтъ. Произошло въ дѣйствительности то, что происходитъ неизбѣжно въ кипучей работѣ: въ военное время изъ большихъ коллегіальныхъ учрежденій выдѣляются малыя для скорыхъ рѣшеній (Болдыревъ жаловался даже на медленность работы такой малочисленной коллегіи, какъ Директорія). Естественно, что верховодятъ всегда наиболѣе энергичные и иниціативные люди. Такъ называемая „группа Михайлова“ (въ нее входилъ въ свое время и Гинсъ), конечно, и была такой иниціативной группой. Къ тому же Большой Совѣтъ не былъ однороденъ. Это признаетъ и Гинсъ, самъ выступавшій не разъ за-

*) Предсѣдатель совѣта министровъ, министръ вн. дѣлъ, финансовъ, иностр. дѣлъ и управляющій дѣлами. Въ засѣданія приглашались и отдѣльныя лица по усмотрѣнію верховнаго правителя.

стрѣльщикомъ оппозиціи. „Соотношеніе восьми и семи голосовъ“ — говоритъ онъ — „становилось невыносимымъ“ (II, 170).

Если послушать Гинса, все дѣло въ „звѣздной палатѣ“; если послушать разсказы Будберга, несомнѣнно тенденціозные, о засѣданіяхъ Совѣта министровъ, то въ сущности становятся понятны тѣ нападенія, которыя направлялись по адресу совѣта:

„13 августа. Вернулся домой въ 4 ч. утра; въ 11 ч. ночи началось знаменательное закрытое засѣданіе Сов. Министровъ; грозность положенія смыла сразу весь глянецъ искусственно дружескихъ отношеній, и началась грызня, обвиненія и уязвленія.

Гинсъ обрушился на замѣстителя предсѣдателя Сов. Мин. Тельберга и на Совѣтъ Верх. Правителя съ яркими обвиненіями въ олигархіи, въ проведеніи указовъ заднимъ числомъ и т. п....

Я вполнѣ раздѣлилъ мнѣніе Преображенскаго и другихъ уважающихъ себя министровъ о необходимости всему составу Сов. Мин. немедленно же подать въ отставку, ибо происшедшимъ Сов. Мин. доведенъ до послѣдней степени униженія и дальше идти некуда...

Гинсъ поставилъ на голосованіе, довѣряетъ ли Сов. Мин. Совѣту Верх. Правителя, который ведетъ свою собственную политику, не считаясь совершенно со всѣмъ Правительствомъ; это предложеніе, конечно, не получило большинства, ибо за Михайловымъ всегда стоитъ квалифицированное большинство въ нашемъ Совѣтѣ...

Государственный Контролеръ внесъ предложеніе обратиться непосредственно къ Верх. Правителю съ запросомъ по поводу участившихся за послѣднее время единоличныхъ указовъ, выпускаемыхъ по такимъ случаямъ, въ которыхъ нѣтъ ничего спѣшнаго, чрезвычайнаго, и что можетъ быть проведено нормальнымъ порядкомъ черезъ Сов. Мин.; предложеніе это также большинства не получило.

Постепенно страсти разгорались, упали всѣ фиговые листы; во всей безнадежности представилась разрозненность, хилость и дряблость Правительства,

пестрота его членовъ, искусственность состава, ничтожество предсѣдателя...

Начались безчисленныя голосованія разныхъ резолюцій и предложеній; результаты 7 противъ пяти, шесть противъ шести и т. п. На голосованіи, не помню, какой по счету резолюціи, я наотрѣзъ отказался голосовать (не воздержался, а отказался), заявивъ, что все сегодняшнее засѣданіе слишкомъ ярко показываетъ, что никакого объединеннаго комитета у насъ нѣтъ, а при такомъ положеніи я считаю недопустимой профанаціей голосованія серьезнѣйшихъ и животрепещущихъ вопросовъ государственнаго бытія и судьбы нашей родины...

Вологодскій совершенно растерялся, прекратилъ голосованіе и закрылъ засѣданіе, заявивъ, что иного исхода у него нѣтъ...

Сегодняшнее засѣданіе это апоѳеозъ всей дѣятельности нашего Совѣта, — упали всѣ ризы, и стали видны всѣ кости, всѣ изъяны и язвы.

Когда возвращались домой, я весь трясся отъ негодованія"... (XV, 266—69).

Необходимы нѣкоторые комментаріи къ повѣствованію Будберга о засѣданіи Совѣта министровъ 16 августа. Сыръ-боръ загорѣлся потому, что Тельбергъ въ отсутствіе Вологодскаго провелъ положеніе о совѣтѣ обороны въ порядкѣ указа верховнаго правителя. Нарушеніе формальности, очевидно, было лишь предлогомъ, такъ какъ вопросъ о совѣтѣ обороны, по словамъ Гинса же, получилъ раньше принципіальное одобреніе Совѣта министровъ (262). „Самоувѣренность" Тельберга, можетъ быть, въ данномъ случаѣ объяснялась стремленіемъ избѣжать осложненій, такъ какъ, по словамъ Гинса, „генералы" — въ частности главнокомандующій Дитерихсъ, — были противъ новаго учрежденія: совѣтъ обороны — военный совѣтъ министровъ и генераловъ, долженъ былъ совмѣстно обсуждать всѣ вопросы, затрагивающіе компетенціи, какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ властей. Не имѣя протоколовъ Совѣта министровъ, абсолютно нельзя иногда установить точ-

ность показаній того или иного мемуариста, непосредственнаго участника министерской работы. Гинсъ, въ качествѣ примѣра самовластія „звѣздной палаты", указываетъ, между прочимъ, на увольненіе Хорвата и на назначеніе вмѣсто него Розанова: „совѣтъ министровъ ничего не зналъ" (265). Открываемъ дневникъ Пепеляева. 10 іюля тамъ записано: „Совѣтъ правителя. Рѣшено упразднить должность верховнаго уполномоченнаго на Д. Востокѣ. Хорватъ совершенно бездѣйствуетъ". 11 іюля: „Совѣтъ министровъ. Прошло упраздненіе верховнаго уполномоченнаго"...

Какъ бы то ни было, положеніе было ненормально. Въ засѣданіи Совѣта министровъ 31 августа верховный правитель очень рѣзко отмѣтилъ недопустимость наблюдаемой разноголосицы въ мнѣніяхъ членовъ совѣта, при которой рѣшенія по важнѣйшимъ государственнымъ вопросамъ принимаются большинствомъ одного голоса или перевѣсомъ голоса предсѣдателя (Будбергъ. XV, 292). Были авторитетные голоса изъ демократической общественности, которые именно Совѣтъ министровъ обвиняли въ отсутствіи твердаго курса. Къ такимъ голосамъ принадлежитъ голосъ кооператора Сазонова. По его мнѣнію, двоевластіе 18 ноября выродилось въ двѣнадцативластіе. Каждый министръ считаетъ себя полнымъ властелиномъ. Совѣтъ министровъ занимается больше политикой, чѣмъ законодательствомъ („Св. Край" № 347).

Мы видимъ, что эта позиція діаметрально противоположна концепціи Гинса.

Отмѣченный выше конфликтъ грозилъ разрастись. Верховный правитель былъ удрученъ „кризисомъ", но высказался противъ перемѣнъ въ министерствѣ, считая, что эти перемѣны не могутъ спасти дѣла. Однако, подъ вліяніемъ Вологодскаго, согласно мнѣнію большинства членовъ Совѣта министровъ, Колчакъ рѣшилъ итти на отставку Михайлова и Тельберга, около именъ кото-

рыхъ въ августовскіе дни сосредоточивались всѣ нападки. Сукинъ сохранилъ свой постъ, такъ какъ верховный правитель считалъ, что Сукинъ лишь выполнитель его директивъ и директивъ Сазонова, который считался мин. ин. дѣлъ *).

Михайловъ — одна изъ самыхъ одіозныхъ для многихъ фигуръ — ушелъ. Мы больше не встрѣтимъ его имени въ какихъ-либо послѣдующихъ „интригахъ".

Не является ли это доказательствомъ того, что не однимъ только личнымъ честолюбіемъ руководствовался молодой сибирскій политическій дѣятель? „Наша Заря" 19 августа сопроводила эту отставку словами: „И друзья и враги его одинаково признаютъ, что главная заслуга Михайлова въ томъ, что въ самыя тяжелыя историческія минуты, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ онъ оставался вѣрнымъ чувству долга и не уходилъ въ сторону ни страха ради, ни ради малодушнаго сомнѣнія въ личномъ успѣхѣ". На Михайлова нападали и слѣва и справа.

„Звѣздную палату" оказалось легко разрушить, и Гинсъ, въ качествѣ уже управляющаго дѣлами, могъ засѣдать непосредственно въ „совѣтѣ" верховнаго правителя. 15 сентября Пепеляевъ записываетъ:

> „Совѣтъ верх. правителя. Присутствовали: Красновъ, Гинсъ, Уструговъ, Сукинъ, Гойеръ, я, Дитерихсъ, Дутовъ, Будбергъ. Обмѣнъ мнѣній сосредоточивался на вопросѣ о созывѣ законосовѣщательнаго органа. Некогда писать всѣ мотивы. Рѣшено учредить государственное земское совѣщаніе. Верховный правитель издаетъ грамоту".

При реорганизаціи кабинета министровъ поднимается вопросъ и о смѣнѣ предсѣдателя Вологодскаго. По мнѣнію Милюкова, это былъ безвольный и безцвѣтный человѣкъ (44). Авторъ, очевидно, слѣдуетъ за ха-

*) Будбергъ прочилъ Хорвата въ министры иностраннымъ дѣлъ.

рактеристикой Будберга: „совершенно потухшій, бездѣятельный и ни на что уже негодный человѣкъ“ (XV, 333). Вологодскій не былъ „боевымъ человѣкомъ“, говоритъ Окуличъ. Онъ, подобно кн. Львову, вѣрилъ въ „побѣду добрыхъ началъ“. Колоритную личность Вологодскаго никакъ нельзя отнести къ безцвѣтнымъ фигурамъ. Онъ былъ мягокъ, добръ, но и непоколебимъ въ своей позиціи. Факты много разъ регистрировали передъ нами эту черту. Надо было имѣть большое общественное мужество для того, чтобы публично говорить, что онъ потерялъ кредитъ у демократіи и что добровольно несетъ „пятно позора“ за декабрьскія омскія убійства (интервью въ „Сиб. Жизни“ 4 марта). Демократъ приносилъ личную жертву для — Россіи. Вологодскій заявилъ, что у него нѣтъ теперь права считать себя принадлежащимъ къ партіи с.-р. Этимъ самымъ онъ говорилъ, что основы его міросозерцанія не измѣнились. И подлинный демократизмъ его не поблекъ. Сибирская „неразбериха“ поглотила всѣ его физическія силы. Вологодскій былъ боленъ — боленъ переутомленіемъ. „Болѣзнь его была неопредѣленной — пишетъ Гинсъ — температура безпричинно повышалась. Предсѣдатель производилъ впечатлѣніе разслабленнаго человѣка. (Рѣчь идетъ о сентябрѣ). Однажды онъ пріѣхалъ на засѣданіе и чуть не упалъ въ обморокъ (III, 329).

Въ общественныхъ кругахъ въ предсѣдатели Совѣта министровъ намѣчались кандидатуры кооператора Балакшина и Бѣлорусова. Начала выдвигаться на первыя роли фигура энергичнаго Пепеляева, назначеннаго послѣ Гаттенберга министромъ вн. дѣлъ. По словамъ Гинса, онъ нравился верховному правителю тѣмъ, что понималъ военныя задачи. Для лѣвой общественности это былъ „максималистъ справа“. И именно ему приходилось „демократизировать“ курсъ правительственной политики.

ГЛАВА VI.

Общественность.

I. Настроенія и группировки.

Приходилось уже неоднократно отмѣчать, какъ рѣзко иностранные наблюдатели характеризуютъ омскую и сибирскую общественность. Они, конечно, улавливали лишь то, что рѣзко выдѣлялось на общемъ обывательскомъ повседневномъ фонѣ и что само по себѣ не можетъ характеризовать внутреннее содержаніе политической общественности. Журналистъ Павлу, перефразируя разсказъ Светонія о прибытіи Британика въ Римъ, готовъ былъ воскликнуть: если-бы нашелся такой человѣкъ, который пожелалъ купить Омскъ, онъ могъ бы легко это сдѣлать... Что же? — можно было бы повторить слова одного иностранца, сказанныя въ оправданіе дѣятельности своихъ компатріотовъ въ Сибири: война рождаетъ не однихъ героевъ... Гражданская война почти синонимъ моральной распущенности... Это одинъ изъ тѣхъ заколдованныхъ круговъ, выходъ изъ котораго найти въ жизни почти невозможно. Никакія обличенія не могутъ измѣнить дѣла. Статьи въ „Св. Краѣ“ о вакханаліи взяточничества на жел. дорогѣ (напримѣръ, 18 января) едва ли уменьшили количество взятокъ; не уменьшили ихъ ни угрозы суровыхъ нака-

заній, которыя проповѣдывала „Сиб. Рѣчь“ (10 авг.), ни мѣры пропаганды.

„Гнили“ въ эти годы обнаружилось много во всемъ мірѣ. Немало ея было и въ Сибири... Но поверхностные наблюдатели съ нѣкоторой излишней поспѣшностью заносили на бумагу слухи или непровѣренныя данныя. Такъ, никакихъ данныхъ о значительныхъ хищеніяхъ въ правительственныхъ органахъ пока мы не имѣемъ. И тѣ два дѣла, которыя фигурируютъ въ мемуарахъ иностранныхъ и русскихъ, въ видѣ характерныхъ иллюстрацій, основаны больше на недоразумѣніяхъ. Какъ разъ министръ продовольствія Зефировъ и начальникъ военсообщ. ген. Касаткинъ должны быть реабилитированы. Личная честность и того и другого внѣ подозрѣній *) Я долженъ былъ упомянуть эти два имени уже потому, что оба дѣла поставлены въ пассивъ Колчаку— верховный правитель какъ бы сознательно покрывалъ темныя дѣянія своего окруженія.

При грубыхъ мазкахъ тѣневыя стороны жизни всегда будутъ запечатлѣваться особенно сильно. Съ полнымъ основаніемъ „обзоръ печати“ освѣдомительнаго бюро ген. квартирмейстера 1 августа говорилъ: „Если судить о настроеніяхъ общества только по газетнымъ свѣдѣніямъ, выводъ получается малоудовлетворительный... печать вскрываетъ картины нравственнаго убожества **) и чуть не прямого предательства. Отношеніе

*) Зефировъ обвинялся въ нанесеніи казнѣ ущерба невыгодной сдѣлкой съ чайной фирмой „Слонъ“. Дѣло было поднято по общественной иниціативѣ — „Зарей“. Касаткинъ былъ привлеченъ за бездѣйствіе власти въ борьбѣ со взяточничествомъ. Въ Совѣтѣ министровъ была принята сенаторская ревизія по возбужденному министромъ торговли Щукинымъ дѣлу омскаго промышленнаго комитета. Рядъ неправильностей въ веденіи дѣла, скрещиваніе интересовъ предпринимателей и администраціи объясняются отчасти его самочиннымъ возникновеніемъ послѣ освобожденія Сибири.

**) Нельзя всѣ обличительныя выступленія печати признать удачными. Я нашелъ, напр., въ „Зарѣ“ маленькій фельетонъ подъ такимъ характернымъ заголовкомъ: „Какъ я выпоролъ сосѣдку за паникерство“ „Я врагъ тѣлеснаго наказанія — писалъ фельетонистъ — но что прикажете дѣлать съ трусами... Я совершилъ преступленіе, но

къ національной борьбѣ можетъ быть охарактеризировано словами: нажить, бѣжать, если угрожаетъ опасность, или вообще гдѣ-нибудь укрыться.“ „Обыватели“ — сообщаетъ контръ-развѣдка главнаго штаба въ апрѣлѣ — „какъ и раньше, въ массѣ проникнуты противобольшевицкимъ духомъ, сочувственно относятся къ существующей власти, однако нерѣдко до тѣхъ поръ, пока дѣло не касается ихъ личнаго матеріальнаго участія въ вопросахъ борьбы съ большевизмомъ“ („Пар. Дв.“ 159). Подлинной жертвенности нѣтъ. И какъ въ другихъ мѣстахъ, больше руководятся соображеніемъ: „врагъ далекъ, и не стоитъ особенно заботиться“ — это отмѣчаетъ контръ-развѣдывательный отдѣлъ даже 6 декабря („П. Дн.“ 69). „Нѣтъ порыва и подвига — записываетъ пессимистъ Будбергъ уже 1 января 19 г.: „честные идейные борцы за бѣлую идею... капля среди моря общей грязи...“ „Наша Заря“ (16 авг.) находитъ возгласы: „все для войны“ своеобразной вампукой... Съ момента неудачи, общественное равнодушіе только растетъ. Тѣ-же наблюдатели изъ контръ-развѣдки по ново-николаевскому району отмѣчаютъ 30 ноября: „какой-либо попытки къ самозащитѣ со стороны („имущаго класса“) положительно не видно... О пожертвованіяхъ не слышно и тѣмъ болѣе не слышно о добровольцахъ изъ имущихъ“ („П. Дн.“ 65). „Власть наша—подводитъ какъ бы итоги „Св. Край“ (19 ноября № 380) — не была популярна въ населеніи и оказалась не на высотѣ своего положенія. Совсѣмъ никчемной оказалась общественность“. *)

если дѣло дойдетъ до суда, я увѣренъ что присяжные меня оправдаютъ“ (№ 14). Конечно, такая постановка въ сибирскихъ условіяхъ была рискована. Фельетонистъ какъ бы невольно оправдывалъ происходившіе самосуды.

*) Я не могу останавливаться на отдѣльныхъ проявленіяхъ общественной иниціативы. Но справедливость требуетъ, напр., отмѣтить энергичную дѣятельность въ Сибири Краснаго Креста во главѣ съ М. Л. Кондяковымъ, А. И. Шелашниковымъ (погибшемъ на посту), кн. И. А. Куракинымъ и др. Эти штрихи нѣсколько исправлаютъ общую картину, которую въ періодъ неудачъ рисовалъ современникъ уже слишкомъ отрицательно.

* * *

Такимъ и долженъ былъ быть обывательскій міръ. А квалифицированная интеллигенція, та, которая создаетъ общественное мнѣніе и политически руководитъ? И тутъ власть должна была чувствовать свое полное одиночество. Къ печальнымъ выводамъ приходилъ Сазоновъ: организованной общественности нѣтъ. („Св. Кр." 9 окт.). Государственной власти не на кого серьезно опереться при томъ общественномъ разбродѣ, который наблюдается кругомъ.

Правымъ общественнымъ кругамъ Колчакъ казался слишкомъ лѣвымъ. Характерно, что Ключниковъ уже въ парижскомъ докладѣ (январь) отмѣчалъ, что правые к.-д. хотятъ перемѣны власти. И хотя Устряловъ по поводу майской конференціи партіи нар. св. и писалъ въ „Сиб. Рѣчи" (№ 112), что партія окончательно вышла изъ состава оппозиціи и полуоппозиціи и сдѣлалась по преимуществу партіей правительственной *), въ дѣйствительности этого не было, ибо своей проповѣдью диктатуры **) она шла вразрѣзъ съ общей политикой самого Колчака: онъ твердо шелъ по пути, намѣченному 18 ноября ***).

Къ позиціи Колчака теоретически ближе всѣхъ примыкалъ такъ называемый „блокъ". Но конгломерату общественныхъ группъ становилось все труднѣе удерживать равновѣсіе. Его позицію били справа и слѣва. По уставу блока, всякая входящая въ него организація сохраняла самостоятельность и обязательными призна-

*) Еп. Андрей Уфимскій сказалъ, что адмиралъ попалъ въ плѣнъ къ кадетамъ. (Будбергъ, XIV, 271).

**) Статьи Устрялова въ „Русскомъ Дѣлѣ" (октябрь). Гинсъ II, 396.

***) На примѣрѣ Сибири можно видить, сколь тенденціозно было въ свое время утвержденіе П. Н. Милюкова, что въ антибольшевицкой борьбѣ к.-д. служили лишь „либеральнымъ политическимъ покрытіемъ для правонастроенныхъ руководителей борьбы" („П. Н. Милюковъ". Юбил. Сб., 16).

вались только тѣ рѣшенія, которыя приняты были единогласно. („Пр. Вѣст.“ № 49). Достичь такого соглашенія скоро стало невозможно. Политическую сущность блока легко опредѣлить двумя документами. Конференція семи нар.-соц. комитетовъ въ Омскѣ 13—15 ноября признала, что россійское правительство, возглавляемое адм. Колчакомъ, стоитъ на уровнѣ требованій историческаго момента („Пр. Вѣстн.“ № 48). Отсюда вытекалъ выводъ — созданіе широкаго общественнаго объединенія для поддержки этого правительства. Старые члены эсэровской партіи Сазововъ и Панкратовъ обращаются 23 января съ открытымъ письмомъ къ партійнымъ единомышленникамъ и призываютъ оставить „сектанскую идеологію“, которая выбрасываетъ партію „за бортъ“ въ отвѣтственный моментъ жизни страны: „Надо бросить мыслить по трафарету и искать новыхъ путей, не боясь обвиненій въ контръ-революціи и прочихъ громкихъ фразъ“. „За дѣло, друзья, родина ждетъ“ — съ пафосомъ заканчивалось обращеніе („Заря“ № 15) *). Посѣщеніе представителями блока верховнаго правителя (2 января) вызвало большое негодованіе въ нѣкоторыхъ лѣвыхъ кругахъ. Напр., меньшевикъ Ходоровъ негодовалъ на то, что вывѣска кооперативнаго всесибирскаго съѣзда и комитетовъ соціалистическихъ партій можетъ ввести въ заблужденіе нѣкоторыхъ представителей иностранныхъ державъ („Дал. Окраина“) **).

---

*) Панкратовъ впослѣдствіи постановленіемъ Ц. К. былъ исключенъ изъ партіи.

**) Союзъ сибирской кооперації и демократическій блокъ въ концѣ апрѣля обратились къ европейскому общественному мнѣнію со спеціальной телеграммой, призывающей оказать полную поддержку правительству идущему по демократическому руслу и борющемуся, какъ съ антидемократическимъ направленіемъ справа, такъ и съ анархо-разрушительными силами слѣва. („La Russie Democr.“ № 3). Цѣликомъ декларація Совѣта Всесиб. Кооп. Съѣздовъ напечатана въ № 12 „The Russion Conmonwealt“ (народоправство). Тамъ же напечатана и декларація соціалистической части „блока“ — инціативной группы „государственно-мыслящихъ“ соціалистовъ. Девизомъ своимъ они взяли девизъ народныхъ соціалистовъ: „Все для народа, все черезъ народъ“.

На первыхъ порахъ блокъ смогъ какъ будто бы выявить широкое объединеніе общественной мысли. Омское соглашеніе распространилось и на Иркутскъ („Пр. Вѣст." № 48). Конечно, подобное объединеніе могло бы существенно поддержать авторитетъ власти, если бы въ немъ дѣйствительно твердо сцѣпились демократическіе и соціалистическіе элементы съ тѣми группами, которыя называются буржуазными. Здоровое національное чувство руководило кооперативнымъ совѣщаніемъ въ Омскѣ (декабрь), когда оно признавало нужнымъ осуществленіе въ данный моментъ блока кооперації и торгово промышленнного класса („Н. Сиб." № 26). Но слишкомъ „умная" политика стремилась разбить это сцѣпленіе и выбросить изъ него право-кадетскіе элементы, съ которыми демократіи ни при какихъ условіяхъ не можетъ быть по дорогѣ. Такъ непримиримо вопросъ объ „единомъ фронтѣ" ставило лѣвое крыло к.-д. партіи — правда, весьма немногочисленное. Непримиримость отбрасывала болѣе правыхъ направо и дискредитировала въ глазахъ лѣвыхъ демократичность блока, куда эти болѣе правые пока еще входили*). За Сазоновымъ и Панкратовымъ не пошли, къ сожалѣнію, многіе изъ тѣхъ, которые прежде входили въ „Союзъ Возрожденія" и тѣмъ самымъ разрушали центральную союзную группировку, которую пытался создать блокъ. „Лѣвый" к.-д. Кроль, н.-с. Чембуловъ, с.-р. Розенблюмъ въ Екатеринбургѣ организуютъ какъ бы въ противовѣсъ блоку „всероссійскій демократическій союзъ" („Нашъ Уралъ" № 98). Блоковой органъ „Заря" привѣтствовалъ образованіе „Союза", но въ дѣйствительности демократиче-

*) Узость такого взгляда легко показать на примѣрѣ. Иркутскій кадетскій органъ „Свободный Край", редактируемый крупнымъ мѣстнымъ общественнымъ дѣятелемъ врачемъ П. И. Федоровымъ, всецѣло, напр., стоялъ за созывъ народнаго представительства, для достиженія котораго и призывалъ къ объединенію и сплоченію всѣхъ общественныхъ силъ (статьи въ № 356). И такихъ к.-д. „лѣвый" Кроль зачислялъ въ правый лагерь.

скій союзъ не былъ поддержкой правительства: союзъ признавалъ власть Колчака, какъ фактъ, съ которымъ нельзя не считаться, и только (Кроль, 193). Это была пресловутая политика: постолько-посколько. Блокъ, критикуя правительство, всемѣрно его поддерживалъ, какъ это видно изъ резолюціи 14—17 іюля, доведенной до свѣдѣнія верховнаго правителя черезъ особую делегацію:

„Въ настоящій отвѣтственный моментъ омскій блокъ политическихъ и общественныхъ объединеній, побуждаемый сознаніемъ гражданскаго долга, постановилъ довести до свѣдѣнія Россійскаго правительства слѣдующее: такъ какъ одной изъ главныхъ причинъ, обуславливающихъ наблюдаемое нынѣ тяжелое положеніе на фронтѣ и въ тылу, является недостаточно твердое и планомѣрное проведеніе въ жизнь началъ права и порядка, высказанныхъ въ программныхъ рѣчахъ верховнаго правителя и въ декларацiяхъ правительства, причемъ это уклоненіе отъ возвѣщенныхъ принциповъ доходило нерѣдко до полнаго ихъ отрицанія, блокъ полагаетъ, что уклоненія эти не должны имѣть впредь мѣста, а разъ намѣченные принципы — проводиться неукоснительно.

Вмѣстѣ съ тѣмъ только тѣсное сотрудничество правительства и государственно-мыслящаго общества, идущихъ другъ другу навстрѣчу, можетъ разрѣшить настоящій кризись...“ („Кр. Арх.“ XXXI, 62).

Наличность еще „демократическаго союза“ страшно ослабляла принципіальную позицію лѣвой соціалистической части блока. Не имѣя возможности что нибудь сдѣлать, демократическій союзъ подрывалъ почву у демократовъ, входившихъ въ блокъ, и вносилъ лишь новыя осложненія и тренія въ общественную среду. Такая межумочная позиція, дѣлавшая союзъ въ Сибири того времени мертворожденнымъ*), представляется просто какимъ-то политиканствомъ. Кроль разсказываетъ, что онъ пытался привлечь къ союзу прибывшихъ съ юга

*) Онъ возродился при особыхъ условіяхъ позже на Дальнемъ Востокѣ,

членовъ партіи Волкова и Червень-Водали. Выработанная союзомъ платформа была для нихъ пріемлема, но „въ одномъ пунктѣ мы серьезно столкнулись: на вопросѣ объ отношеніи къ адм. Колчаку... Волковъ и Червень считали необходимымъ, чтобы союзъ выдвинулъ положеніе о власти Колчака, какъ власти, которую союзъ считаетъ необходимымъ поддерживать. На это мы не шли и на этомъ мы разошлись“ (193) *).

Мы привыкли уже къ ударамъ, которые русская общественность наносила освободительному движенію. Блокъ, въ концѣ концовъ, распался. Первымъ ушло „Единство“ („Сиб. Рѣчь“ № 106). И Сазоновъ въ октябрѣ долженъ уже съ сожалѣніемъ констатировать, что организованной общественности, въ сущности, нѣтъ и что блокъ былъ скорѣе ея фальсификаціей („Св. Кр.“ № 347).

* * *

Часть сибирской интеллигенціи изъ европейскихъ бѣженцевъ, входившая въ такъ называемый „совѣтъ объединенія несоціалистическихъ общественныхъ дѣятелей земской и городской Россіи“ съ самаго начала не пошла въ „блокъ“, такъ какъ въ него, по объясненіямъ Мл. Киндякова, входили кооператоры. Это объединеніе, не сливавшееся съ организаціей демократическаго національнаго союза, который создавалъ Бѣлевскій, пыталось проводить свою собственную линію и оказывать вліяніе на направленіе политики верховнаго правителя. Въ докладной запискѣ, поданной 14 декабря **), „совѣтъ объединенія“ рѣшительно высказался противъ „компромиссовъ и соглашеній“. „Необходимо — говорила

*) Пепеляевъ пытался изъ этихъ лицъ (Волковъ, Третьяковъ, Бурышкинъ, Червень-Водали, Кирилловъ) составить отдѣленіе Національнаго Центра (запись 14 октября).

**) Записка была подписана Ивановымъ и Мельниковымъ отъ Казанской губ.; Афанасьевымъ и Бѣляковымъ (Симбирская губ.), Коробовымъ (Самарская), Киндяковымъ (Саратовская), Чихачевымъ (Пензенская).

записка — рѣшительно и смѣло поднять національное знамя и очистить исполнительный аппаратъ отъ несоотвѣтствующихъ этому требованію элементовъ. Въ области законодательной въ спѣшномъ порядкѣ должно быть отмѣнено все то, что торопливо создавалось въ угоду требованіямъ соціалистическихъ партій". Эти земцы требовали „рѣшительную, не связанную никакими компромиссами охрану собственности отъ всякихъ посягательствъ". Эта группа очень заблуждалась, полагая, что она безоговорочно поддерживаетъ верховное правительство. Въ дѣйствительности она скорѣе разрушала ту политику сцѣпленія русской общественности для осуществленія національныхъ задачъ, которую пытался осуществлять Колчакъ.

* * *

Нѣсколько особый міръ представляла собой казачья общественность, въ значительной степени объединенная усиліями Иванова-Ринова. Представители „девяти казачьихъ войскъ" *) — отъ Урала до Амура — требовали къ себѣ особаго вниманія и какъ будто претендовали на значительное вліяніе въ направленіи верховной власти **). Давленіе этой части сибирской общественности сильно сказалось въ моментъ августо-сентябрьской конференціи, совпавшей съ днями, когда вся омская общественность такъ или иначе реагировала на проектируемое измѣненіе правительственнаго курса и состава министерствъ. Казалось, что казачество дѣйствительно представляетъ собою организаціонную силу и что на него надо сдѣлать послѣднюю ставку. „Бурная стремительность" Ринова съ проектомъ всеобщей мобилизаціи сибирскихъ казаковъ

*) Уральское, Оренбургское, Семирѣченское, Сибирское, Енисейское, Иркутское, Забайкальское, Уссурійское и Амурское.

**) Ими поднимался вопросъ о созданіи спеціальнаго казачьяго министерства („Изв. Р. Т. А." 110), но это не встрѣтило сочувствія въ совѣтѣ министровъ. Казачьими дѣлами вѣдалъ помощникъ военнаго министра представитель уральскаго казачьяго войска ген. Хорошкинъ.

и рейда въ тылъ входившихъ въ Сибирь совѣтскихъ войскъ увлекла многихъ. Но чрезвычайно преувеличиваетъ Будбергъ, когда говоритъ о монополіи казачьяго блока, дѣлающей верховнаго правителя „плѣнникомъ“ омскихъ комбинацій (XIV, 319). „Сейчасъ Ив.-Риновъ сдѣлался первымъ лицомъ въ Омскѣ. Адмиралъ забылъ все старое, обвороженъ рисуемыми ему блестящими перспективами... Желаніе Ринова теперь законъ (запись Будберга 28 іюля) *).

Во всякомъ случаѣ, никакой политической „монополіи“ не было и въ эти мѣсяцы. Колчакъ пошелъ не по пути, который, можно думать, намѣчался на упомянутой конференціи. Въ нашемъ распоряженіи еще такъ мало матеріаловъ въ нѣкоторыхъ областяхъ, что приходится итти буквально ощупью и быть чрезвычайно осторожнымъ въ заключеніяхъ. Закулисные разговоры, можетъ быть, мечтанія отдѣльныхъ честолюбивыхъ дѣятелей, опасно выдать за господствующія общественныя настроенія, а тѣмъ болѣе рѣшенія.

Вернувшись 31 августа съ засѣданія Совѣта министровъ, на которомъ верховный правитель высказался противъ перемѣны въ министерствѣ и рѣзкаго измѣненія политики, Будбергъ записалъ: „выяснилось, что казачья конференція, дѣлавшаяся въ послѣднее время все наглѣе и наглѣе, явилась къ адмиралу и предложила ему принять на себя полную диктаторскую власть, подкрѣпивъ себя чисто казачьимъ правительствомъ и оперевшись преимущественно на казаковъ“ (XV, 292). Запись Пепеляева 29 августа гласитъ: „Ген. Хорошкинъ разсказалъ мнѣ о казачьей конференціи. Позиція неопредѣленна, формъ нѣтъ.“ Касаясь засѣданія Совѣта министровъ, Пепеляевъ пишетъ: „правитель изложилъ сдѣланное ему

*) „Шумиха“ Ив.-Ринова заключалась въ томъ, что, поднявъ вопросъ о добровольной мобилизаціи сибирскихъ казаковъ, онъ потомъ потребовалъ отъ правительства крупныхъ денежныхъ ассигнованій, что было, конечно, совершенно невыполнимо.

заявленіе казаковъ. Вѣрно, что ничего опредѣленнаго". Никакихъ реальныхъ предложеній, очевидно, и не было сдѣлано, и Будберговская запись скорѣе лишь передача „разныхъ слуховъ и версій". Ихъ много ходило уже по городу. Корреспондентъ Times'a Вильтонъ поспѣшилъ телеграфировать, что „есть надежда избѣжать переворота."

Мысли о „переворотѣ", о диктатурѣ, возможно, роились въ головѣ Иванова-Ринова, когда онъ 18 августа развивалъ передъ Пепеляевымъ планъ „упора верховнаго правителя на казачество и деревню", увѣряя, что къ 1 сентября въ его распоряженіи будетъ 18 тыс. штыковъ и сабель... Въ эти потаенные планы проникнуть пока не удается. Подчасъ слишкомъ своеобразно сплетаются въ Сибири разныя теченія. 29 сентября Будбергъ отмѣчаетъ, что Ивановъ-Риновъ заигрываетъ съ областниками и кооператорами. Нѣсколько неожиданно въ „Чехо-Сл. Дн." упоминается тріумвиратъ изъ Балакшина, Бѣлоруссова и Иванова-Ринова въ противовѣсъ тріумвирату Михайлова—Сукина—Тельберга („Н. Заря" № 184). Съ „блокомъ" связываетъ казаковъ и „тайный агентъ Джонъ", рапортующій своему начальству о бывшихъ будто-бы бесѣдахъ на эту тему (23 августа и 2 сентября) между Колчакомъ и Дитерихсомъ. Не стоитъ, конечно, передавать эти фантастическія или полуфантастическія бесѣды. Сомнительный освѣдомитель суммируетъ въ одно разные слухи. Но наличность слуховъ довольно ярко характеризуетъ политическую обстановку. Въ этихъ бесѣдахъ проскальзываетъ мысль, что „среди казачества сильное броженіе", что надо нѣкоторыя требованія удовлетворить, что при мобилизаціи, которая можетъ создать подъемъ въ станицахъ, возбужденіе опасно. Но характерно, что, приписывая адмиралу сознаніе необходимости „немедленныхъ реформъ" и предчувствіе приближающейся катастрофы, агентъ отнюдь не считаетъ верховнаго правителя склоннымъ въ слѣпую итти на уступки требованіямъ казачества, если бы они были заострены въ сторону диктатуры.

Была ли это ошибка со стороны „конституціоннаго“ диктатора? Диктаторы, опираясь на сплоченныя группы, могутъ легче осуществлять то, что недостижимо для раздробленной общественности. Можетъ быть, диктатура въ сибирскихъ условіяхъ могла бы спасти положеніе? Но въ „казачьей“ диктатурѣ было одно отрицательное свойство. Сибирское казачество оказалось слишкомъ тѣсно связаннымъ съ „атаманщинной“, съ ея самовластнымъ бытіемъ. Эта среда не могла быть реальной поддержкой въ дѣлѣ государственнаго строительства. Даже казачья конференція въ силу своего уклада брала атамановъ подъ свою защиту. Однако, съ мнѣніемъ казачьей конференціи приходилось считаться— это все-таки была реальная сила, поддерживавшая власть, несмотря на наличіе въ своей средѣ „переворотчиковъ“ *).

Мемуаристу легко писать: „Sine qua non всякой власти это — ея сила“. У правительства Колчака, конечно, не было достаточной силы. Въ этомъ и заключалась его трагедія. Едва ли въ ней повинны лица, въ рукахъ которыхъ находилась формально власть.

Прямому и непосредственному верховному правителю приходилось быть эластичнымъ политикомъ и примирять діаметрально противоположныя, другъ друга исключающія общественныя силы: одни требовали немедленнаго осуществленія народнаго представительства, другіе не допускали ограниченія власти.

2. Подпольщики.

При характеристикѣ сибирской общественности я прохожу мимо коммунистическаго подполья, хотя за-

*) Дитерихсъ, отрѣшившій Иванова-Ринова отъ командованія за неисполненіе операціоннаго распоряженія, долженъ былъ по требованію казачьей конфевенціи взять свое распоряженіе назадъ (Будбергъ XV, 323). И адмиралъ, по словамъ Пепеляева, не находилъ путей, чтобы уладить инцидентъ съ Ив.-Риновымъ (запись 23 сентября), который нашелъ подержку въ Дутовѣ.

глянуть во вражескій лагеръ было бы небезинтересно. Организація его — большевики опубликовали уже немало матеріала — интересна и съ бытовой и съ политической стороны.

Пройду я и мимо дѣятельности лѣвыхъ эс эровъ — въ Сибири ихъ почти не было. Эта „строго послѣдовательная интернаціональная партія“, шедшая то съ большевиками, то противъ нихъ, въ одной фракціи мирящаяся съ ними, а въ другой совершающая противъ нихъ террористическіе акты, поскольку въ Сибири существовала самостоятельно *), она цѣликомъ сливалась съ партизанской дѣятельностью всякаго рода „анархистовъ“ и максималистовъ и работала, въ сущности, только по указкамъ партійныхъ большевицкихъ революціонныхъ комитетовъ. Такъ какъ „бѣлый генералъ на бѣломъ конѣ“ сталъ реальностью, то ЦК этой партіи не только рѣшилъ всячески поддерживать партизанскую борьбу противъ „бѣлыхъ“, но и приступить къ „индивидуальнымъ террористичкимъ актамъ по отношенію къ наиболѣе выдающимся фигурамъ бѣлаго лагеря **). „И такъ какъ въ это время Колчакъ былъ именно такой центральной фигурой реакціи — разсказываетъ Каховская — то ЦК рѣшилъ отправить часть боевой организаціи въ тылъ Колчаку“. Члены группы, уже въ Москвѣ снабженые необходимыми для проѣзда на бѣлогвардейскую территорію документами, 3 мая были арестованы Чекой. При допросахъ обнаружилась цѣль поѣздки въ Сибирь, и въ серединѣ іюня они были выпущены, при чемъ слѣдователь Романовскій взялъ „обязательство“ съ членовъ „боевой организаціи“, что они вновь прибудутъ въ тюрьму добровольно, если имъ удастся только вер-

*) Любители курьезовъ могутъ найти въ „Путяхъ Революціи“ (эмигрантскій сборникъ лѣвыхъ эс эровъ) декларацію бурятско-монгольской партіи лѣвыхъ соц.-рев., послѣдователей соціально-біологическаго монизма, объединяющаго всѣхъ трудящихся Центральной Азіи.

**) И. Каховская. „Въ деникинской оккупаціи“. „Пути Революціи“, 1923 г., 220—21.

нуться въ совѣтскую Россію. Одинъ изъ арестованныхъ на всякій случай былъ оставленъ заложникомъ. Но боевая дружина въ Сибирь не поѣхала. Она направилась въ Украину, гдѣ „въ это время выдвигалась фигура Деникина".

Борьбу противъ Деникина въ тылу „до возстанія и террора включительно" пытались вести не только „лѣвые эс-эры". Пытался вести ее, по признанію Чернова, и лѣвый флангъ просто эс-эровской партіи (см. мою книгу о Чайковскомъ, 163). Было бы удивительно, если бы того же не пытались дѣлать противъ Колчака и сибирскіе эс-эры. Даже для Колосова побѣда Деникина означала „взрывъ реакціи" (разговоръ съ Павлу). Надо было сдѣлать такъ, чтобы погубить „возможность торжества бѣлыхъ генераловъ". Въ отношеніи къ верховному правителю выступали и тѣ личные мотивы, отъ которыхъ не могли избавиться дѣятели этого политическаго лагеря.

Въ Сибири позиція эс-эровъ, за исключеніемъ той небольшой группы, которая примыкала къ блоку, была необычайно двойственна, такъ какъ она соединяла легальность существованія съ нелегальностью революціонной дѣятельности. Оттѣнковъ въ этой позиціи было чрезвычайно много, и поэтому всякая общая характеристика будетъ встрѣчать возраженія. Къ тремъ основнымъ теченіямъ — правому, центру, лѣвому, со всѣми ихъ подоттѣнками, присоединились индивидуальныя позиціи, приводившія однихъ въ составъ „Демократическаго Союза" (Розенблюмъ), другихъ къ работѣ въ Экономическимъ Совѣщаніи (Огановскій — творческая работа, Алексѣевскій—оппозиція), третьихъ въ ряды формально легальной оппозиціи власти (земство), четвертыхъ въ подполье для революціонной работы, пятыхъ въ негласный союзъ съ большевиками во всякаго рода возстаніяхъ. Не говоримъ уже о тѣхъ, которые пошли въ открытый союзъ съ коммунистической властью во имя борьбы съ „реставраціей".

Получалась мѣшанина, разобраться въ которой простому смертному было достаточно трудно, тѣмъ болѣе, что отдѣльныя группы и теченія фантастически переплетались между собой. Терялась послѣдняя отчетливость: никакая власть не могла бы разобраться — гдѣ другъ и гдѣ врагъ, гдѣ нейтральный пока наблюдатель, выжидающій момента, когда придетъ его очередь дѣйствовать*). „Кто не съ нами, тотъ противъ насъ“ отвѣчала „Русская Армія“ (14 іюня) на отказъ иркутской городской Думы праздновать освобожденіе Сибири отъ большевиковъ.

Нельзя не согласиться съ Буревымъ, что основная бѣда (не только для партіи) заключалась въ томъ, что эс-эры не раскололись наканунѣ революціи („Распадъ“). При обобщающихъ характеристикахъ приходится, конечно, говорить о томъ теченіи, которое по настроеніямъ своимъ главенствовало и было наиболѣе активнымъ. Таковымъ былъ выдѣлившійся въ 19 г. изъ партіи сибирскій союзъ эс-эровъ. Этотъ союзъ „активистовъ“ фактически возглавлялся Пав. Михайловымъ, бывшимъ членомъ зап.-сибирскаго комиссаріата и Б. Марковымъ — главнымъ самарскимъ „агентомъ“ въ Сибири. Союзъ занималъ какую то среднюю еще позицію между „черновцами“ и открыто пошедшими на соглашеніе съ большевиками группой „народъ“. Въ декларацiи лѣтомъ 19 г. союзъ заявлялъ, что будетъ „поддерживать комитетъ членовъ Учр. Собр. въ его стремленіи немедленно послѣ сверженія Колчака, не откладывая, начать выборы въ сибирское Учр. Собр.“. Въ то же время онъ декларировалъ, что будетъ „содѣйствовать большевикамъ въ сверженіи диктатуры верховнаго правителя“. По его мнѣнію, лучше прервать выборы въ сибирское Учр. Собр. въ случаѣ рѣшенія народа признать совѣтскую

*) Очень характерно признаніе Буревого. Многіе изъ эс-эровъ 19 г. надѣялись: вотъ, вотъ Колчакъ и Деникинъ свергнутъ большевиковъ, удержаться не смогутъ и у власти будутъ эс-эры (Распадъ“ 72).

власть, чѣмъ медлить и тянуть съ правильнымъ устройствомъ народной жизни теперь, когда всеобщая разруха и разладъ измучили и измотали весь народъ (приложеніе къ тексту Болдырева 552).

* * *

Эс-эры помогали совѣтской власти свергнуть колчаковское правительство... Что же удивительнаго, если политическій обзоръ и сводка главнаго штаба систематически отмѣчаютъ блокированіе соц.-дем. и „большинства эс-эровъ“ съ большевиками (напр., сводка за мартъ. „Парт. Дв.“ 164). Мы еще увидимъ, что эти свѣдѣнія, не всегда точныя, по большей части совтвѣтствовали дѣйствительности. Легальная оппозиція *) с.-д. и с.-р. отступаетъ на задній планъ передъ подпольной работой.

Имѣли эс-эсеровскіе дѣятели, какъ мы видѣли, и прямое и косвенное касательство къ партизанскому движенію. Болѣе непосредственное и планомѣрное участіе принимали они въ военныхъ организаціяхъ, подготовлявшихся совершить переворотъ еще лѣтомъ и одновременно обсуждавшихъ вопросъ объ открытіи фронта большевикамъ. Несомнѣнно ихъ участіе въ вооруженныхъ выступленіяхъ въ Томскѣ, Ново-Николаевскѣ, Красноярскѣ калашниковской организаціи, гнѣздившейся въ средне-сибирскомъ корпусѣ Пепеляева **). Очевидно, были такія же ячейки и въ капеплевскихъ отрядахъ — одно изъ перлюстрированныхъ солдатскихъ писемъ (іюль) прямо говоритъ объ ожидаемомъ переворотѣ. Иногда стано-

*) Она сказывалась чаще всего въ бойкотѣ всѣхъ правительственныхъ начинаній. Напр., совѣщаніе средне-сибирской организаціи с.-д. постановило отозвать всѣхъ с.-д. „съ отвѣтственныхъ постовъ въ органахъ министерства труда“ (Мысль“ № 6). Н. К. Волковъ опредѣленно говорилъ въ своей статьѣ въ „Общемъ Дѣлѣ“ (№ 97): эс-еры работали противъ Колчака въ „тѣсномъ контактѣ съ большевнками“.

**) Связывать подпольную эс-эровскую дѣятельность съ организаціей „правыхъ областниковъ“, какъ это дѣлаетъ редакторъ пепеляевскаго дневника (Труновъ), невозможно. („Кр. Арх.“ XXXI, 57).

вишься въ тупикъ и не знаешь, кому припнсать инiативу — коммунистамъ или эс-эрамъ. „Недавно въ районѣ Томска — записываетъ Будбергъ 20 сентября — организовался на наши средства какой-то ижевскій отрядъ, оказавшійся фальшивымъ и предназначенный для захвата Омска при проѣздѣ черезъ него въ направленіи на фронтъ; контръ-развѣдка успѣла раскрыть его за нѣсколько часовъ до посадки отряда на желѣзную дорогу, но мѣры по ликвидаціи принять не успѣла, и большая часть отряда съ нашими винтовками, пулеметами и отпущенными на его формированіе милліонами ушла на сѣверъ въ тобольскую тайгу, создавъ угрожающее положен'е въ тылу самого Омска“ (XV, 217). Дѣятель сибирскаго объединенія профессіональныхъ союзовъ бундовецъ-меньшевикъ М. Фабрикантъ (Л. Лелинъ) разсказываетъ, какъ исполкомъ проф. союза въ Томскѣ въ іюлѣ рѣшилъ приступить къ организаціи все-сибирской стачки. „Стачка должна была охватить всѣ желѣзныя дороги. Въ знакъ сочувствія должны были остановиться всѣ предпріятія и учрежденія городовъ и поселковъ... Въ это время получатъ волю партизанскіе отряды и подпольныя ячейки, которыя натискомъ опрокинутъ засѣвшую въ Омскѣ власть... Съ этими планами отправился я въ Новониколаевскъ, *) гдѣ велъ переговоры съ различными партіями, въ частности, при моемъ посредничествѣ было назначено свиданіе съ эс-эромъ Пав. Михайловымъ и коммунистомъ Калашниковымъ“ („Сиб. Ог.“ 22, III, 71). Свиданіе тогда по случайнымъ причинамъ не состоялось, но Фабрикантъ уѣхалъ подъ впечатлѣніемъ, что удастся соорганизовать всѣ активныя силы для борьбы съ реакціей на почвѣ единаго революціоннаго фронта. Самъ Фабрикантъ имѣлъ непосредственную бесѣду съ Михайловымъ. Онъ такъ передаетъ слова послѣдняго: „не предрѣшая вопроса о

*) Въ Иркутскъ для связи „съ краевыми политическими организаціями“ поѣхали другіе.

власти, мы готовы поддержать всѣ дѣйствія остальныхъ партій, направленныя къ сверженію „омскаго петрушки“... но мы ни въ коемъ случаѣ не пойдемъ на блокъ съ эс-эрами центровиками“...

Боевая дружина лѣвыхъ эс-эровъ до Сибири не доѣхала, направившись къ Деникину. Но какіе-то эс-эры пытались подготовить и совершить террористическій актъ покушенія на Колчака. Н. Н. Головинъ разсказывалъ мнѣ о взрывѣ бомбы, который произошелъ въ сентябрѣ въ домѣ, гдѣ жилъ адмиралъ, въ помѣщеніи охраны. Кто это сдѣлалъ? Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось достать брошюры эс-эра Линдберга „Невѣдомая страница“ (попытка покушенія на Колчака), изданной въ 1921 г. въ Читѣ Центр. Бюро сибирскаго союза партіи с.-р. Она, можетъ быть, и раскрыла бы загадку. Кое-что намъ разсказываетъ, впрочемъ, и Колосовъ. Дѣло идетъ о декабрѣ еще 19 года:

„Я жилъ тогда въ Омскѣ полулегально. Мнѣ приходилось показываться въ такихъ мѣстахъ, гдѣ всѣ бывали, въ томъ числѣ лица весьма высокопоставленныя, мечтавшія, что скоро они будутъ въ Кремлѣ, и въ то же время я постоянно мѣнялъ мѣста своего пріюта. Ареста я особенно не опасался: послѣ этой драмы какъ то все затихло, и реакція на время притаилась. Въ Новый Годъ былъ даже опубликованъ примирительный манифесть о лѣвыхъ партіяхъ. Всѣмъ этимъ можно было пользоваться...*)

Чрезвычайно скоро послѣ моего пріѣзда меня начала захватывать повседневная революціонная суетолока, начались сношенія съ тюрьмой или, точнѣе, съ

*) Въ этой новогодней декларації, между прочимъ, говорилось: „Всѣхъ, кто въ это отвѣтственное время разлагаетъ здоровый духъ войскъ, кто возбуждаетъ населеніе противъ власти, кто препятствуетъ правильной работѣ жел. дорогъ и важнѣйшихъ предпріятій — правительство будетъ преслѣдовать съ безпощадной строгостью.

Но Правительство, стоящее внѣ всякихъ партійныхъ теченій, Правительство возрожденія страны, не видитъ основаній для борьбы съ тѣми партіями, которыя, не оказывая поддержки власти, не вступаютъ и въ борьбу съ нею. Не время теперь для внутренней розни“ (Гинсъ II, 105).

тюрьмами, въ которыхъ еще содержалось много близкихъ мнѣ лицъ, явились планы организаціи побѣговъ. Порядки оказались удивительными: при нѣкоторой настойчивости и небольшихъ тратахъ можно было много сдѣлать. Потомъ начали поступать предложенія болѣе серьезныя, но и болѣе опасныя. То тутъ, то тамъ возникали предположенія о разныхъ выступленіяхъ, въ томъ числѣ террористическихъ, прежде всего противъ Колчака. Технически они представлялись сравнительно легко выполнимыми, но меня они по разнымъ причинамъ мало привлекали. Еще ранѣе, за время петроградской жизни, я началъ приходить къ мысли, что въ этой совершенно новой обстановкѣ, въ корнѣ отличной отъ прежней, въ особенности отъ той, какая была до 1905 г., эти методы революціонной борьбы какъ то поблекли, потеряли прежнее значеніе. Дѣло было вѣдь не въ простомъ физическомъ устраненіи какого-либо лица, власть имущаго, а въ томъ резонансѣ и политическомъ значеніи, которое должно было бы сопровождать всякій аналогичный актъ. Раньше оно давалось само собой, теперь это стало какъ-то сложнѣе и заставляло медлить. Я очень боялся, кромѣ того, и провокаціи" („Б." XXI, 284—5).

Колосова террористическіе акты мало привлекали, однако, онъ поддерживалъ связи съ тѣми, которые ихъ готовили, и былъ въ курсѣ этихъ приготовленій. Такъ, между прочимъ, онъ разсказываетъ, что небольшая группа въ 10 алтайскихъ повстанцевъ „земско-соціалистическаго" направленія пробралась подъ чужими именами въ Омскъ и поступила въ личную охрану адмирала. Они поставили своей цѣлью убить Колчака. „Омскъ къ тому времени началъ уже эвакуироваться, выѣхалъ и самъ Колчакъ. Въ Барабинскѣ эти черно-ануйскіе повстанцы произвели крушеніе поѣзда Колчака, но не вполнѣ удачно. Заговоръ былъ наполовину раскрытъ*). Заподозрили нашихъ повстанцевъ. Изъ нихъ восьмерыхъ повѣсили, одинъ бѣжалъ, а послѣдній, десятый, оказался внѣ опас-

*) Въ Сибири въ свое время все это было приписано дѣйствіямъ большевиковъ.

ности и по прежнему остался въ конвоѣ адмирала. Это былъ „глаковерхъ“ черно-ануйскаго движенія. Человѣкъ чрезвычайно крупныхъ способностей, превосходный организаторъ, съ необычайно сильной волей. Онъ представлялъ собой воплощеніе тѣхъ настроеній, которыя создавали когда то крестьянскія „жакеріи“... *) Позже, наканунѣ крушенія колчаковщины, я встрѣтился съ нимъ въ Красноярскѣ. Онъ разыскалъ меня и, оставаясь по прежнему въ конвоѣ Колчака, информировалъ меня обо всемъ, что происходитъ тамъ“.

* * *

Самого Колосова интересовала работа въ болѣе широкомъ масштабѣ — сверженіе колчаковской власти. Колосовъ явился однимъ изъ вдохновителей и главныхъ дѣятелей нелегальной „земской“ организаціи, получавшей потомъ наименованіе „Политическаго Центра“ и дѣйствительно совершившей переворотъ въ Иркутскѣ.

„Центропупъ“ — такъ называли его мѣстные люди— возникъ не случайно въ Иркутскѣ, гдѣ царилъ на правахъ генералъ-губернатора свирѣпый Волковъ, окруженный „бандой“ офицеровъ, не гнушавшихся „прямыми разбоями“ **). „Сибирскія Афины“ издревле считались эс-эровской цитаделью, какъ Красноярскъ былъ большевицкимъ центромъ дореволюціонной политической ссылки. Направленіе въ Иркутскѣ было лѣвое, и эс-эровская газета „Сибирь“ въ отношеніи войны занимала рѣзко-отрицательную позицію (Архангельскій, „В. Сиб.“ № 2, 13). Эс-эровскіе пораженцы пустили глубокіе корни въ мѣстной кооперації. Поэтому и въ періодъ гражданской

*) Подобной характеристикой совершенно уничтожается болѣе ранній отзывъ Колосова о государственномъ направленіи крестьянскаго движенія подъ флагомъ „земско-соціалистическимъ“.

**) Колосовъ подлинно знаетъ о такихъ фактахъ. И ему въ голову не приходитъ, что эти „эксы“ въ большинствѣ, по крайней мѣрѣ, случаевъ производили большевики и бандиты, одѣтые подъ офицеровъ. Такихъ случаевъ по всей Сибири можно отмѣтить множество.

войны Иркутскъ оставался „притягательнымъ магнитомъ". Соціалисты здѣсь были правовѣрные и пробить закорузлую толщу было невозможно. Они, конечно, отнеслись отрицательно къ позиціи, предложенной въ свое время коалиціоннымъ „Союзомъ Возрожденія" (Докладъ Подвицкаго — „Сибирь" № 50)*) и соблюдали чистоту ризъ, но... только не въ отношеніи большевиковъ. И мѣстные соціалисты-революціонеры и мѣстные соц.-демократы наканунѣ своего выступленія противъ правительства адм. Колчака, отвергая всякія уступки и соглашенія, выступили въ иркутской городской Думѣ (26 ноября) съ платформой единаго соціалистическаго правительства, т. е. послѣ всего пережитаго вернулись къ платформѣ 17 г., на основаніи которой была воздвигнута Сиболдума.

Повидимому, не то что эс-эры были вообще „внѣ конкуренціи по части подполья и сверженія правительства" (Будбергъ), а то, что правительство не обращало должнаго вниманія на революціонный Иркутскъ и оставляло тамъ управляющимъ губерніей Яковлева, насадившаго всюду въ администраціи своихъ людей и ведшаго какую то двурушническую политику — было причиной легкаго развертыванія противоправительственной акціи**).

„Въ концѣ сентября и началѣ октября — разсказываетъ Колосовъ — въ Иркутскѣ собрался нелегальный земско-соціалистическій съѣздъ, на которомъ были представлены Иркутская, Енисейская, Томская губ., Алтай, Владивостокъ***). На немъ для объединенія политической работы земствъ было избрано Земское

*) Они столь же рѣшительно отвергли какія-либо коалиціи съ тр.-нар.-соціалистами, „Единствомъ" и союзомъ областниковъ. Въ октябрѣ для выборовъ въ Думу созданъ былъ изъ этихъ группировокъ особый „демократическій союзъ" предсѣдателемъ котораго состоялъ бывшій министръ сибирскаго правительства Патушинскій („Сибирь" №№ 78 и 79).

**) Японскій ген. штабъ уже 9 ноября получилъ сообщеніе, что въ Иркутскѣ „Дерберъ совершилъ переворотъ" (Болдыревъ, 271).

***) Всего 16 земствъ.

Полит-Бюро, въ которое вошелъ и пишущій эти строки. За октябрь и ноябрь мѣсяцы земское политическое движеніе становится своего рода политическимъ центромъ, около котораго группируются представители анти-колчаковскихъ организацій и теченій. Земское Полит.-Бюро вмѣстѣ съ ними вырабатываетъ общее отношеніе къ текущимъ событіямъ. Тогда же на этихъ совѣщаніяхъ принимается за руководящій принципъ идея „буфернаго" государства. Постепенно, однако, земское теченіе поглощается новыми или вѣрнѣе старыми политическими организаціями, вновь, почти открыто, выступающими на арену политической жизни. Въ первой половинѣ декабря того-же 1919 г. всѣми указанными группами, при участіи въ томъ числѣ и Земск. Полит.-Бюро, кладется начало для созданія той формы власти, которая позже получаетъ названіе „Политическаго Центра". Земск. Пол.-Бюро отходитъ въ это время на второй планъ, оставаясь какъ бы въ тѣни" („Б." XX, 240).

Къ этимъ, уже иркутскимъ днямъ, мы вернемся. Отмѣтимъ заранѣе одну черту. Земское политич. бюро само потомъ заявляло: „приступая къ активной борьбѣ съ „колчаковщиной", мы отчетливо учитывали, что всѣ вѣроятія за то, что волна вновь перекатится черезъ наши головы, и мы сыграемъ, такъ сказать, на руку большевиковъ. Однако это ни въ коемъ случаѣ не могло остановить организаціи" (Докладъ Сибирскаго краевого комитета партіи с.-р.—„Воля Россіи" № 45).

Кто же расчищалъ путь большевикамъ: Колчакъ или эс-эры?

3. Народное представительство.

Изложенные факты не могутъ окрасить въ розовый цвѣтъ сибирскую общественность. Какъ-то невольно вспоминаются слова изъ обращенія Сазонова: „Стыдно, граждане!" Опомнитесь! — тылъ забылъ фронтъ... („Заря" № 39).

Общественность продолжала дробиться. Росла взаимная вражда отдѣльныхъ группъ. И было совершенно невозможно объединить на какомъ либо общемъ дѣйствіи тѣхъ „соціалистовъ-земцевъ“, которые въ ноябрѣ 19 г. все еще жили отрыжками викжелевскихъ настроеній ноября 17 г., и тѣ „національные“ элементы, которые панически находились подъ впечатлѣніемъ возможности возстановленія призраковъ Комуча и Сиболдумы и поэтому съ рѣзкой рѣшимостью отметали идею созыва какого либо представительнаго законодательнаго органа.

Противники народнаго представительства въ періодъ гражданской войны теоретически, конечно, были правы. Представительный органъ требуетъ выборовъ. Развѣ могли они быть произведены въ условіяхъ сибирской дѣйствительности? Получился бы либо „разнузданный совдепъ“, либо фальсификація народнаго представительства въ духѣ-ли оріентаціи Сиболдумы или казачьей конференціи — не все ли равно? Слѣдовательно, возможно было говорить лишь о суррогатѣ народнаго представительства. Нуженъ-ли былъ такой суррогатъ? Могъ-ли онъ осуществить тотъ порядокъ и ту законность, которыхъ, по словамъ Балакшина (предсѣдателя блока), жаждало крестьянство и осуществленія которыхъ не могла достигнуть правительственная власть?

Отвѣты могутъ быть разные. Но едва ли можно вмѣнить въ особую вину „конституціонному диктатору“ то, что онъ не пытался созвать народное представительство и передать ему въ той или иной степени законодательную власть. Увлеченіе фикціями отнюдь не знаменуетъ собой реальнаго пониманія требованій жизни. Мы видѣли, что невозможность произвести выборы въ новое Учр. С., т. е. созыва нормальнаго народнаго представительства въ періодъ гражданской войны, прекрасно сознавали тѣ, которые держались за трупъ стараго Учр. Собр. Характерно, что въ моментъ выработки тактики борьбы съ большевиками весной 18 г., въ лѣвыхъ

кругахъ, отстаивавшихъ идею новаго Учр. Собр., не поднималось вопроса о какихъ-либо временныхъ суррогатахъ народнаго представительства. *) Суррогатомъ должна была сама по себѣ явиться коллегіальная и коалиціонная правительственная власть, составленная изъ авторитетныхъ представителей главенствующихъ политическихъ теченій.

Адм. Колчакъ въ будущемъ гарантировалъ созывъ Учр. Собранія, но, какъ солдатъ, считалъ ненужнымъ во время боя какіе либо предпарламенты. (При характерѣ русской общественности они слишкомъ часто становились ненужными „говорильнями“). Всѣ правительственныя прокламаціи выходили подъ флагомъ будущаго Учредительнаго и Національнаго Собранія (въ пражскомъ Архивѣ имѣется большая ихъ коллекція). Можетъ быть, въ нихъ была и доза демагогіи, какъ во всякой прокламаціи. Привычными терминами аппелировалъ, напр., ген. Пепеляевъ — областникъ-народникъ по своимъ политическимъ симпатіямъ, — призывая населеніе въ воззваніи 28 іюля бороться за вѣру и за святыни русскія, за свободный трудъ, за землю и волю, за Учр. Собраніе. Объ Учр. Собраніи говоритъ въ августовскіе дни и высшій церковный Совѣтъ. Противники „диктатуры“ скажутъ, что здѣсь крылся сознательный обманъ. Но лозунгъ самъ по себѣ всегда остается только лозунгомъ. „Обманъ“ вскрывается потомъ. Каждый лозунгъ до нѣкоторой степени самообманъ, если

*) М. В. Вишнякъ въ статьѣ „Изъ исторіи гражданск. войны“ вспоминаетъ то, что онъ писалъ въ московскомъ „Возрожденіи“ (8 іюня 18 г.), а именно: „какъ бы низко ни расцѣнивать реальную силу У. С., цѣлесообразно-ли въ создавшихся условіяхъ пренебрегать той долей авторитета, которую У. С. за собой несетъ, не взирая ни на какія превратности судьбы, какъ олицетвореніе единства Россіи и необходимая опора власти.“ („С. Зап. XV, 497]. Такъ какъ авторъ входилъ въ это время въ составъ „Союза Возрожденія“, то его напоминаніе свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что даже въ этомъ политическомъ союзѣ было слишкомъ много неяснаго и недоговореннаго. По существу же Вишнякъ признаетъ, что перевыборы У. С. диктовались „всей обстановкой“

онъ не диктуется грубой демагогіей. Предѣлы демагогіи опредѣляютъ собой и предѣлы „обмана“ *). Никогда власть адм. Колчака не переходила возможныхъ предѣловъ. Скорѣе ее можно упрекнуть въ противоположномъ—особенно верховнаго правителя. Мнѣ кажется что Колчакъ, считая себя временнымъ носителемъ верховной власти, съ излишней скропулезностью искренне боялся обвиненій въ томъ, что онъ предрѣшаетъ будущую волю народа. Народъ-хозяинъ, передъ которымъ склоняется индивидуальная воля, для Колчака, очевидно являлся какимъ-то отвлеченнымъ мистическимъ представленіемъ. Это не было догмой системы демократическаго міросозерцанія. Въ гражданской войнѣ надо имѣть смѣлость предрѣшать вопросы. Отъ этого предрѣшенія часто зависитъ успѣхъ. Въ періодъ неудачи всегда растетъ „ненависть къ власти, у которой нѣтъ мысли опереться на общественность.“ („Чехо-Сл. Дн.“). Для однихъ призывъ къ „народной санкціи“ становится демагогическимъ методомъ борьбы съ властью, для другихъ — послѣднимъ спасительнымъ рецептомъ.

Но общественность всегда и вездѣ предъявляетъ свои права. Общественность желаетъ говорить, выявлять свое мнѣніе и волю и законодательствовать. Съ этимъ приходится считаться. „Старцы“, входившіе въ общественный блокъ, отчетливо ощущали этотъ законъ гражданскаго общежитія. Они ставили себѣ задачею привлечь демократическіе элементы къ поддержкѣ правительства и поэтому въ своемъ органѣ „Заря“ все время осторожно поднимали вопросъ о созданіи представительнаго органа. Они какъ бы прощупываютъ почву, подготовляютъ общественное мнѣніе, урезониваютъ однихъ, пытаются воспитывать другихъ. 19 декабря, критикуя ста-

*) Лозунгъ „Учредительное Собраніе“ многимъ представлялся „обманомъ“ только потому, что эта идея для нихъ была синонимомъ Учр. Собранія 17 г. или его “охвостья“, фактически олицетворявшагося въ нѣсколькихъ десяткахъ представителей эс-эровской партіи.

рое Учр. Собр., „Заря“ (№ 149) подчеркиваетъ, что сама идея не потеряла своего исторически-національнаго смысла: „идея народнаго представительства, рѣшающаго настоящее и будущее страны, неизбѣжна, какъ судьба, безсмертна, какъ фениксъ.“ Полемизируя съ „Русской Арміей“ по поводу созыва Учр. Собр. (15 февр. № 35), „Заря“ указываетъ, что оффиціальная газета должна правильно воспринимать конечныя цѣли правительства и тѣ идеи, которыя имъ провозглашены“ (ссылка на рѣчи Колчака при поѣздкѣ его на фронтъ). Газета стоитъ за возможно скорый созывъ Учр. Собр. (№ 21), хотя и понимаетъ, что въ установленіи сроковъ надо быть очень осторожнымъ и что „самый кратчайшій срокъ будетъ довольно длительнымъ“. Пока же надо создать „хотя бы временный представительный органъ“ (№ 39). „Заря“ подхватываетъ слухи о готовности правительства созвать „предпарламентъ“ и привѣтствуетъ „временный законосовѣщательный или законодательный центръ“ Онъ укрѣпилъ бы власть въ отношеніи совѣтской Россіи: „для Россіи, возможно, власть Колчака представляется чѣмъ то опрокидывающимъ всѣ демократическія завоеванія и принципы февральской революціи“ (14 янв. № 3).

Я привелъ эти выдержки изъ „Зари“ потому, что, вѣдь, для вражескаго стана это — голосъ правительственной рептиліи... Если въ широкихъ общественныхъ кругахъ мысли „Зари“ не встрѣчали съ самаго начала отклика*), то въ мартѣ въ „омскомъ политическомъ болотѣ“ говорятъ о предпарлямент уже болѣе опредѣленно, и блокъ спѣшитъ разработать положеніе о совѣщательномъ органѣ („Мысль“ № 15). Подъ непосредственнымъ вліяніемъ выступленія блока (Колчакъ, видимо, очень довѣрялъ Сазонову и часто съ нимъ совѣ-

*) Бѣлевскій въ „От. Вѣд.“ пропагандировалъ созданіе при верховномъ правителѣ законодательнаго органа на подобіе Государственнаго Совѣта“. За совѣтомъ министровъ должны были остаться лишь административныя функціи (Гинсъ, II, 213).

товался) 11 марта учреждается десятичленная подготовительная комиссія по разработкѣ вопроса о „всероссійскомъ представительномъ собраніи учредительнаго характера“ *). Комиссія работала подъ предсѣдательствомъ Бѣлевскаго **) („Пр. Вѣст.“ № 183). Комиссія далеко не бездѣйствовала, но работа въ ней задерживалась, по словамъ Гинса, изъ-за отсутствія подходящихъ людей (II, 167) ***). Только 22 августа Пепеляевъ внесъ въ дневникъ запись: „блестящій проектъ основного положенія о выборахъ въ Учред. Собраніе“ — это былъ докладъ Гинса въ Совѣтѣ министровъ... Предполагалось созвать спеціальное совѣщаніе изъ представителей различныхъ общественныхъ группировокъ для обсужденія проекта. Все это не было ни обманомъ, ни фикціей.

Насколько реально ставился правительствомъ вопросъ свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что оно предлагало Комиссіи разработать два варіанта — созывъ нац. У. С. съ соблюденіемъ всѣхъ гарантій и „пулеметнаго“, т. е. производство выборовъ самимъ экстреннымъ образомъ въ случаѣ занятія Москвы. Комиссія признала, однако, невозможнымъ производить выборы въ спѣшномъ порядкѣ. Комиссія также рѣшительно высказалась противъ созыва областного Собранія съ учредительными функціями. Мнѣ пришлось познакомиться съ записями од-

*) Комиссія эта предусматривалась уже новогодней декларацією: „Лишенное возможности проводить законъ черезъ народное представительство, (правительство) стремится, однако, подготовить страну къ выборамъ во всероссійское національное собраніе и въ ближайшее время созоветъ комиссію для разработки соотвѣтствующаго положенія“.

**) Намѣчался на этотъ постъ проф. граж. права Симолинъ, но онъ отказался. Послѣ кончины Бѣлевскаго надѣялись, что его замѣнитъ Чайковскій.

***) Составъ комиссіи былъ достаточно авторитетенъ и демократиченъ. Тов. пред. состоялъ извѣстный кооператоръ-областникъ Козминъ. Среди членовъ находились проф. угол. пр. Мокринскій, Кронбергъ — бывш. управл. дѣлами правительства Урала, цивилистъ Антроповъ (Каз. ун.), проф. гос. пр. Рязановскій, проф. Никол. Морск. Академіи Казимировъ. Всѣ они примыкали къ партіи народной свободы. Недостатокъ былъ не въ людяхъ, а въ матеріалахъ. Напр., въ Омскѣ съ трудомъ удалось достать даже положеніе о выборахъ въ Уч. Собраніе.

ного изъ членовъ Комиссіи. Они отмѣчаютъ намъ живой интересъ, съ которымъ верховный правитель относился къ работѣ Комиссіи. Любопытенъ одинъ штрихъ. Комиссія противъ мнѣнія Бѣлевскаго высказалась за сохраненіе избирательныхъ правъ за женщинами. Колчакъ всецѣло всталъ на сторону Комиссіи. Между Комиссіей и Ставкой возникъ однажды существенный конфликтъ. 28 іюля Колчакъ издалъ приказъ, въ которомъ говорилось: „Только побѣда можетъ дать Россіи миръ и спокойствіе и съ ними Національное Собраніе, ибо нельзя жертвующимъ за возрожденіе отечества своей жизнью и кровью отказать въ участія въ немъ". Въ дополнительномъ воззваніи давались уже болѣе опредѣленныя обѣщанія... „уничтоживъ самодержавіе большевиковъ-комиссаровъ, вы, крестьяне и солдаты, тотчасъ же начнете выборы въ У. С. Я вамъ обѣщаю это передъ лицомъ всей Россіи и цѣлаго свѣта". Эта „демагогія" вызвала рѣшительное возраженіе въ Комиссіи, которая не считала возможнымъ производить выборы до демобилизаціи арміи и высказывалась за предоставленіе пассивнаго права военнослужащимъ.

Обмѣнъ мнѣніями шелъ не только въ правительственной средѣ. Въ печати идутъ споры о пропорціональной системѣ (напр., статьи въ „Соб. Жизни").

Въ самомъ „Прав. Вѣстн." (№№ 197—203 — іюнь) помѣщается рядъ статей Венеціанова о пересмотрѣ закона о выборахъ въ Учр. Собр. Любопытно, что авторъ обсуждаетъ даже технику выборовъ — даже мелочи, вплоть до того, что придется за недостаткомъ бумаги отказаться отъ конвертовъ. Это было еще время успѣховъ на фронтѣ, когда рождались надежды на захватъ Москвы и на конецъ большевизма. Тогда пришлось бы осуществлять данное обѣщаніе... Къ нему готовились и готовились серьезно *).

*) Адмиралъ въ бесѣдахъ съ членами Комиссіи поднималъ уже вопросъ о необходимости командировки членовъ Комиссіи для ин-

* * *

Не высоко подчасъ приходится съ политической точки зрѣнія расцѣнивать сибирскую общественность во всемъ ея цѣломъ, тѣмъ не менѣе, верховный правитель отнюдь не игнорировалъ ее. Наоборотъ, онъ былъ къ ней предупредителенъ. Слишкомъ много интеллигентскихъ традицій и представленій было у адмирала. Самовластныхъ дѣйствій диктаторскаго характера, идущихъ на перекоръ общественному мнѣнію, просто не было. Тотчасъ же послѣ переворота, 22 ноября, верховнымъ правителемъ было утверждено положеніе о Чрезвычайномъ Государственномъ Экономическомъ Совѣщаніи для выработки мѣропріятій, касающихся финансовъ, промышленности, товарообмѣна и снабженія арміи. По личной иниціативѣ Колчака въ маѣ въ Екатеринбургѣ былъ созванъ большой фабрично-заводскій съѣздъ (до 600 чел.) въ цѣляхъ выяснить нужды заводовъ и своевременнаго удовлетворенія ихъ (Гинсъ. II, 188).

Первоначальное положеніе Эконом. Совѣщанія въ смыслѣ привлеченія къ работѣ общественныхъ силъ (торгово-промышленныхъ и кооперативныхъ) было довольно скромно, но въ сущности верховный правитель утвердилъ готовый уже проектъ, представленный финансовымъ дѣятелемъ Федосьевымъ (бывшимъ одно время до революціи государственнымъ контролеромъ). Онъ же былъ назначенъ и предсѣдателемъ совѣщанія. Въ февралѣ его смѣнилъ Гинсъ.

структированія во время выборовъ. Мнѣ кажется, на основаніи всего изложеннаго надо признать выпады Вишняка въ „Совр. Зап." противъ „могильшиковъ свободы и народоправства" исключительно необоснованными и несправедливыми. Публицистъ „Совр. Зап." писалъ: „одержавъ надъ началами народоправства побѣду физически и внѣшне, они вынуждены были сами втихомолку и украдкой (?!) капитулировать передъ этими началами морально" (Ib. 475). Только узко партійнымъ направленіемъ публицистики слѣдуетъ объяснять эти выпады заграничной эс-эровской журналистики. Миноръ, напр., увѣрялъ своихъ французскихъ читателей, что „новый Калита" соберетъ У. С. только тогда, когда всѣ соціалисты будутъ въ тюрьмѣ, на каторгѣ или подъ землей („La Rep. Rosse" № 9 отъ 5 іюля 19 г.).

Слѣдить за спеціальной работой Экон. Совѣщанія мы не будемъ (кое-какія свѣдѣнія можно найти въ очеркахъ Гинса). Въ данномъ случаѣ болѣе интересна политическая роль Экон. Сов. съ момента его преобразованія и расширенія, какъ его функцій, такъ и состава общественнаго представительства. Очевидно, подобное измѣненіе было сдѣлано не безъ вліянія общественнаго блока, указавшаго черезъ свою делегацію 22 марта верховному правителю о необходимости болѣе тѣснаго сотрудничества правительства съ обществомъ. Колчакъ всегда охотно шелъ на расширеніе этого сотрудничества въ моментъ удачъ на фронтѣ. „Адмиралъ — записываетъ Будбергъ 19 іюня — относится къ идеѣ совѣщанія искренно и благожелательно; нельзя того же сказать о нѣкоторыхъ членахъ совѣта министровъ и вліятельныхъ представителяхъ омской реакціи, которые смотрятъ на это совѣщаніе, какъ на ширму и громоотводъ, назойливые и непріятные, но по обстановкѣ необходимые“ (XIV, 295)*). Въ новомъ положеніи объ Экон. Сов., утвержденномъ Совѣтомъ министровъ 2 мая, общественность была представлена довольно широко**). „Лѣвые“ остались новымъ составомъ недовольны. „Возмутиться было чѣмъ“—вспоминаетъ Л. Кроль,—земства и города выбирали только „кандидатовъ“, изъ которыхъ, „не свыше двадцати“, назначались верховнымъ правителемъ по представленію предсѣдателя совѣщанія членами его: „лучшаго повода эсерамъ повести кампанію за бойкотъ... дать нельзя было, и они использовали въ полной мѣрѣ и, вообще говоря, съ успѣхомъ“ ***). Пермское земство

*) Къ сожалѣнію, Будбергъ конкретно не указываетъ, кого изъ министровъ онъ имѣетъ въ виду.

**) 5 отъ Совѣта тор-пром. съѣздовъ; 5 отъ Сов. коопер. съѣздовъ; 2 — Цент. Союз. проф. орг.; 20 — представителей земствъ и городовъ (выбирали кандидатовъ) 2 — сов. частн.банковъ; 2—сельскохоз. общ., 2 — инженеры; 4 — казачьи войска. Представители науки назначались верховной властью.

***) Гинсъ указываетъ, что причиной этой мѣры являлось желаніе не увеличивать числа членовъ Совѣта—чтобы оно не превышало 60.

все-таки выбрало своихъ кандидатовъ, но постановило обратить вниманіе правительства на необходимость созыва „въ кратчайшій срокъ народнаго представительства". Прибывъ въ Омскъ, Кроль нашелъ, несмотря на „бойкотъ", въ составѣ членовъ Совѣщанія лицъ, которыхъ „менѣе всего ожидалъ" — такихъ, напр., оппозиціонеровъ, какъ эс-эръ Алексѣевскій, бывшій членъ амурскаго правительства. „Оппозиція оказалась въ большинствѣ" — по мнѣнію Кроля, Гинсъ „какъ бы старался проводить въ Госуд. Эк. Сов. оппозиціонеровъ" (180). Очевидно, не было сдѣлано и попытки фальсифицировать общественное мнѣніе.

Открывая 19 іюня Совѣщаніе, верховный правитель указалъ, что правительство думаетъ осуществить планъ созданія законо-совѣщательнаго органа черезъ Эк. Сов. Эта мысль начинала пріобрѣтать въ обществѣ права гражданства. Психологія верховнаго правителя и общественной оппозиціи были различны. У Колчака при неудачахъ на фронтѣ мысль направлялась въ другое русло— какъ будто бы не время было думать о народномъ представительствѣ. У находившихся въ оппозиціи къ режиму именно тогда наступалъ моментъ для предъявленія требованій со стороны общественности. 25 іюля Пепеляевъ записываетъ:

„Сегодня меня вызывалъ по проводу изъ Тюмени Анатолій. Онъ почти безнадежно смотритъ на положеніе, если армія, „которую нужно создавать снова", не услышитъ отъ самого „народа" призыва къ борьбѣ. Этотъ призывъ отъ народа онъ мыслитъ себѣ въ образѣ голоса „земскаго собора", который нужно созвать „немедленно" *). Онъ ждетъ этого созыва, заявляя, что иначе не вѣритъ въ созданіе арміи и хочетъ уйти. Я отвѣтилъ ему, что не вѣрю вполнѣ въ этотъ способъ и вообще не вѣрю въ искусствен-

*) Съ идеей Земскаго Собора выступалъ съ своей „мистической" точки зрѣнія и ген. Дитерихсъ. Ее поддерживалъ ген. Зеневичъ, который позже сыгралъ весьма прискорбную роль въ Красноярскѣ.

ныя мѣры, принимаемыя отъ случая къ случаю. Обѣщалъ продумать, доложить правителю и пріѣхать къ нему для болѣе тѣснаго взаимоосвѣдомленія. Съ провода я былъ у правителя въ часъ своего доклада. Изложилъ ему бесѣду и предложилъ съѣздить на фронтъ, куда мнѣ вообще нужно, кстати — разъяснить Анатолію обстановку, изъ которой онъ увидитъ, что голосъ народа получить не такъ-то просто. Правитель просилъ меня съѣздить".

Какъ видимъ, Колчакъ довольно внимательно относился и къ критикѣ и къ совѣтамъ, поэтому глубоко несправедливъ отзывъ Милюкова: „Колчакъ былъ заранѣе предубѣжденъ противъ Гос. Эк. Совѣщ., иронически говорилъ о немъ: „они парламента захотѣли" и собирался „разогнать этотъ совдепъ" (138). Этотъ отзывъ Милюкова основанъ на инцидентѣ, который разсказанъ мемуаристами и который историкъ расширилъ безъ всякаго основанія въ общую тезу. Вотъ запись Пепеляева еще 16 іюля, касающаяся описываемаго инцидента:

...„правитель гнѣвно потребовалъ запретить Государственному Экономическому Совѣщанію вторгаться не въ свою область.

Вызвалъ Андогскаго и разнесъ его за его сообщеніе въ Экономическомъ Совѣщаніи. Удалось уговорить. Я доказывалъ, что нужно проявить выдержку и лучше ускорить окончаніе сессіи, чѣмъ прибѣгать къ репрессіи въ видѣ закрытія, на чемъ настаивалъ правитель

Мнѣ казалось, что удачнымъ вліяніемъ можно черезъ Экономическое Совѣщаніе ликвидировать вредную общественную свистопляску, начатую блокомъ *).

Обратимся къ Гинсу:

„Оказывается, въ мое отсутствіе ген. Андогскій, котораго я самъ просилъ объ этомъ, сдѣлалъ членамъ Совѣщанія докладъ о положеніи дѣлъ на фронтѣ. Замѣститель мой, бывшій членъ Директоріи В. А. Ви-

*) „Свистопляска" заключалась, очевидно, въ агитаціи за обновленіе кабинета министровъ и замѣну Вологодскаго.

ноградовъ, избранный товарищемъ предсѣдателя, поставилъ этотъ докладъ въ оффиціальномъ засѣданіи, а не въ частномъ собраніи, какъ я предполагалъ.

Докладчику стали задавать вопросы.

— Принято-ли во вниманіе, что отступать придется за Тоболъ? — спросилъ почему-то хорошо освѣдомленный въ этомъ Алексѣевскій. — Большевикъ! — зашипѣлъ на него Жардецкій.

Стали шумѣть. Враги Андогскаго доложили адмиралу, что генералъ хотѣлъ пріобрѣсти популярность, что онъ не имѣлъ права безъ разрѣшенія выступать. Формально это, можетъ быть, было и вѣрно, Враги Экономическаго Совѣщанія и вообще „конституціонныхъ затѣй донесли, что члены Экономическаго Совѣщанія по поводу доклада Андогскаго обсуждали общее политическое положеніе и готовятъ петицію". (II, 250).

Дѣло касалось, конечно, не петиціи, а доклада Андогскаго о военномъ положеніи и реплики Алексѣевскаго. Все станетъ ясно, если мы заглянемъ въ воспоминанія Кроля, гдѣ найдемъ указаніе на то, что Алексѣевскій — тотъ самый, который былъ потомъ въ слѣдственной комиссіи надъ Колчакомъ — уже тогда выдвигалъ среди лѣвой части Эк. Сов. „мысль о необходимости поиска путей примиренія съ совѣтской властью" (191). Верховный правитель быстро отошелъ, когда Гинсъ ему доложилъ, что Эк. Сов. постановило, что „борьба съ большевиками должна быть доведена до конца". Колчакъ тотчасъ же согласился принять делегацію Эк. Сов. для бесѣды по политическимъ вопросамъ. Делегація представила краткую записку, подписанную 19 членами *):

..."1. Борьба съ большевизмомъ должна быть доведена до его пораженія — никакія соглашенія съ Совѣтской властью недопустимы и невозможны. 2. Созывъ учредительнаго народнаго собранія на основѣ всеобщаго избирательнаго права, по освобожденіи Россіи, обяза-

*) Они пытались провести записку черезъ все Эк. Собр., но встрѣтили противодѣйствіе со стороны большинства.

теленъ. 3. Строгое проведеніе въ жизнь началъ законности и правопорядка. 4. Невмѣшательство военной власти въ дѣла гражданскаго управленія въ мѣстностяхъ, не объявленныхъ на военномъ и осадномъ положеніи. 5. Созданіе солидарнаго совѣта министровъ на опредѣленной демократической программѣ. 6. Срочное преобразованіе Государственнаго Экономическаго совѣщанія въ Государственное Совѣщаніе — законосовѣщательный органъ по всѣмъ вопросамъ законодательнаго и государственнаго съ тѣмъ, чтобы всѣ законопроекты, принятые совѣтомъ министровъ, представлялись въ совѣщаніи, какъ въ высшую законносовѣщательную инстанцію, и отсюда поступали на утвержденіе верховной власти. Предсѣдательство въ Государственномъ Совѣщаніе должно быть возложено на лицо, не входящее въ составъ совѣта министровъ. Государственному Совѣщанію предоставить право: а) законодательной иниціативы; б) разсмотрѣнія бюджета; в) контроля надъ дѣятельностью вѣдомствъ; г) запроса руководителямъ вѣдомствъ; д) непосредственнаго представленія своихъ постановленій верховной власти". (Кр. Арх." XXXI, 60).

По словамъ Кроля, записка вызвала возраженія справа:

„Она мѣняла конституцію 18 ноября, по которой законодательная власть принадлежала Верховному Правителю совмѣстно съ совѣтомъ министровъ. (Поэтому законнопроекты — экономическіе и финансовые — вносились въ Государственное Экономическое Совѣщаніе отдѣльными министрами и затѣмъ уже изъ него шли въ совѣтъ министровъ).

По нашему проекту единственнымъ законодателемъ являлся Верховный Правитель, но онъ не могъ принять закона до его разсмотрѣнія въ проектировавшемся Государственномъ Совѣщаніи". (182).

Выслушавъ делегацію, верховный правитель отвѣтилъ:

„Господа! что же тутъ новаго?... Созывъ Учредительнаго Собранія обѣщанъ. Для пересмотра избирательныхъ законовъ уже назначенъ предсѣдатель

комиссіи—Бѣлоруссовъ-Бѣлевскій, общественный дѣятель, пользующійся общимъ довѣріемъ.

Проведеніе началъ законности — это идеалъ, но какъ его достигнуть, когда нѣтъ честныхъ людей?

Невмѣшательство военныхъ властей, солидарный Совѣтъ — все это желательно, но фактически нѣтъ возможности подчинить центральной власти всѣхъ атамановъ, и нѣтъ возможности мѣнять министровъ, за отсутствіемъ подходящихъ замѣстителей. Откуда взять министра путей сообщенія, иностранныхъ дѣлъ, военнаго, юстиціи, когда людей нѣтъ? Мы — рабы положенія. Надо мириться съ тѣмъ, что есть.

Остается преобразованіе Госуд. Эконом. Совѣщанія. Этотъ вопросъ, сказалъ адмиралъ, я уже предрѣшилъ въ положительномъ смыслѣ. Есть нѣсколько проектовъ законосовѣщательнаго учрежденія, и мы поставимъ этотъ вопросъ на очередь". (Гинсъ II, 253) *).

Свои впечатлѣнія лично отъ Колчака Кроль формулируетъ кратко: „черезчуръ элементаренъ". Никакъ не могу согласиться съ подобнымъ отзывомъ. Въ данномъ случаѣ эта политическая „элементарность" была куда глубже политиканствующей изворотливости.

Такъ закончился пріемъ делегаціи. Оставалось найти формы. У Гинса былъ свой проектъ (254). Группа членовъ Эк. Сов. также предприняла въ частномъ порядкѣ разработку проекта „Положенія о Государственномъ Совѣщаніи".

Интересно отмѣтить характеристику, которую даетъ Кроль:

„Въ частныхъ совѣщаніяхъ рѣзко намѣтились двѣ группы: „лѣвая", въ основѣ требованій которой лежало скорѣйшее привлеченіе къ дѣлу народнаго представительства и созданіе Совѣта Министровъ, солидарнаго на демократической платформѣ, и „правая", для которой все сводилось къ персональному составу Совѣта Министровъ. Объединило обѣ группы

*) Какъ мало это соотвѣтствуетъ тому, что говоритъ Милюковъ (138) на основаніи будто бы приведеннаго текста Гинса.

опредѣленное недовольство наличнымъ составомъ Совѣта Министровъ. Обѣ группы разными путями, несомнѣнно, стремились къ переходу отъ военной диктатуры къ болѣе или менѣе правовому строю. Единственнымъ, стоявшимъ за диктатуру и усиленіе ея, готовымъ оправдывать все и вся, былъ Жардецкій". (189).

Разработавъ проектъ, группа рѣшила направить къ верховному правителю делегацію. Она не была принята. Почему? Противъ этого проекта былъ совѣтъ министровъ. Отказъ въ пріемѣ делегаціи былъ приписанъ вліянію Гинса. Такъ-ли это было или нѣтъ, въ сущности довольно безразлично. Но „отказъ", по словамъ Кроля, такъ повліялъ на „крайнюю лѣвую" съ Алексѣевскимъ во главѣ, что дальневосточные члены уѣхали во Владивостокъ, считая, что отказъ въ пріемѣ делегаціи является отсрочкой созыва представительнаго органа Въ дѣйствительности было иначе. Воспользовавшись успѣхомъ подъ Челябинскомъ верховный правитель 16 сентября опубликовалъ рѣшеніе созвать Госуд. Земское Совѣщаніе *). Выходило, что постановка вопроса о представительномъ органѣ была сдѣлана по иниціативѣ якобы самой власти" (Кроль 191). Это было непріемлемо для „лѣвыхъ" — требовалась со стороны диктатора вынужденная уступка общественному мнѣнію. Главное же заключалось, конечно, въ томъ, что эс-эры не хотѣли совѣщательнаго органа и отнюдь не солидаризировались съ проектомъ группы членовъ Экон. Совѣщ.

Въ эс-эровскихъ кругахъ въ связи съ общимъ планомъ, о которомъ говорилось выше, вопросъ о народномъ представительствѣ ставился уже рѣзче — о явочномъ порядкѣ созыва Земскаго Собора. 5 сентября во Владивостокѣ была издана бывшимъ предсѣдателемъ областной Думы „грамота" къ населенію.

*) Болдыревъ подчеркиваетъ, что это рѣшеніе было принято подъ вліяніемъ Головина (269). Головинъ сочувствовалъ такому рѣшенію, но мы видѣли, что оно имѣло свою исторію.

„Въ тяжелые дни новыхъ испытаній — такъ начинался этотъ документъ — передъ лицомъ величайшихъ опасностей, угрожающихъ Родинѣ извнѣ и изнутри, какъ первый народный избранникъ Сибири, я счелъ себя обязаннымъ обратиться съ настоящей грамотой къ Странѣ. Девять мѣсяцевъ диктатуры адмирала Колчака, насильственно свергшаго выборную власть Директоріи, привели Сибирь къ полному развалу и гибели. Дѣло возрожденія государственности, съ огромными жертвами начатое демократіей, преступно погублено безотвѣтственной властью".

Давая критику режима, близкую по содержанію калашниковской запискѣ, „первый народный избранникъ" продолжалъ:

„Все сильнѣе, все опредѣленнѣе раздаются голоса мѣстныхъ самоуправленій, общественныхъ организацій, отдѣльныхъ общественныхъ дѣятелей и представителей командованія въ арміи, требующіе немедленнаго созыва представительнаго органа и созданія отвѣтственнаго правительства. Но правительство адм. Колчака глухо и слѣпо и продолжаетъ вести страну къ неминуемой гибели. Теперь для всѣхъ ясно, что это правительство не можетъ и не должно больше существовать. Договариваться поздно: врагъ у нашихъ воротъ. Во имя интересовъ Родины необходимо дѣйствовать. Если существующая власть не поняла своего долга передъ Родиной, необходимо этотъ долгъ выполнить самому населенію. Какъ предсѣдатель Сибирскаго представительскаго органа, я беру на себя высокую честь и отвѣтственность призвать населеніе Сибири къ немедленному созданію народнаго представительства".

Революціонное воззваніе, какъ мы увидимъ ниже, еще не раскрывало всѣхъ картъ. Оно заканчивалось общими словами:

„Опубликовывая настоящую Грамоту, я выражаю глубокую увѣренность въ томъ, что страна найдетъ пути и средства для обезпеченія избранникамъ своимъ выполненія священнаго долга передъ Родиной" („Сиб. Арх." I, 89, — прил. къ № 6 „Вольн. Сиб.).

Бывшій предсѣдатель Сиболдумы не упоминалъ, конечно, о правительственныхъ проектахъ созыва Земскаго Совѣщанія. Это было естественно: такое упоминаніе разрушало бы демагогію, которая являлась фономъ „грамоты“...

У верховнаго правителя были колебанія. По словамъ Будберга, Колчакъ счелъ нужнымъ спеціально посовѣтоваться съ Сазоновымъ.

14 сентября происходило экстренное засѣданіе совѣта министровъ. И тамъ были сомнѣнія.

„Я высказалъ — пишетъ Будбергъ — что нужно только сдѣлать все, чтобы въ новый органъ попали настоящіе, дѣловые представители Сибирскаго населенія, а не наѣзжіе ораторы, какъ то было въ Сибири при выборахъ въ Государственную Думу и Учредит. Собраніе.

Если это будутъ настоящіе представители населенія, которые насъ слопаютъ, то такова, значитъ, историческая необходимость, отъ которой не уйти никакими предохранительными мѣрами; пусть лучше насъ смѣнитъ такое совѣщаніе, а не заговорщики эсеры или комиссары-большевики...

Въ вопросѣ о необходимости реформы разногласія въ Совѣтѣ не было, но въ вопросѣ о компетенціи совѣщанія и его правахъ контролировать агентовъ власти голоса раздѣлись поровну — новое подтвержденіе того, какой оригинальный у насъ „объединенный комитетъ“ (XV, 312—13).

Въ окончательномъ видѣ грамота верховнаго правителя гласила:

„Послѣ длительной подготовки къ наступленію, оружію нашему въ тяжкихъ и упорныхъ бояхъ ниспосланъ крупный успѣхъ.

Приближается тотъ счастливый моментъ, когда чувствуется рѣшительный переломъ борьбы, и духъ побѣды окрыляетъ войска и подымаетъ ихъ на новые подвиги.

И здѣсь, на востокѣ, куда устремлено нынѣ глав-

ное вниманіе противника, и на югѣ Россіи, гдѣ войска ген. Деникина освободили отъ большевиковъ уже весь хлѣбородный районъ, и на западѣ, у границъ Польши и Эстляндіи, большевики потерпѣли серьезныя пораженія.

Укрѣпленіе успѣховъ, достигнутыхъ наступающими подъ верховнымъ моимъ командованіемъ арміями, предрѣшаетъ завершеніе великихъ усилій и искупленіе тяжкихъ жертвъ, принесенныхъ на борьбу съ разрушителями государства, врагами порядка и богоотступниками. Глубокое волненіе охватываетъ борцовъ, чувствующихъ благословенное и радостное приближеніе мирной и свободной жизни. И вся страна, весь народъ въ единомъ непреклонномъ порывѣ и побѣдѣ должны слиться съ правительствомъ и арміей.

Исполненный глубокою вѣрою въ неизмѣнный успѣхъ развивающейся борьбы, почитаю я нынѣ своевременнымъ созвать умудренныхъ жизнью людей земли и образовать Государственное земское совѣщаніе для содѣйствія мнѣ и моему правительству прежде всего по завершенію въ моментъ высшаго напряженія силъ начатаго дѣла спасенія Россійскаго государства.

Государственное земское совѣщаніе должно помочь правительству въ переходѣ отъ неизбѣжно суровыхъ началъ военнаго управленія, свойственныхъ напряженной гражданской войнѣ, къ новымъ началамъ жизни мирной, основанной на бдительной охранѣ законности и твердыхъ гарантіяхъ гражданскихъ свободъ и благъ личныхъ и имущественныхъ.

Такія послѣдствія продолжительной гражданской войны всего сильнѣе испытываютъ на себѣ широкія массы населенія, представляемыя крестьянствомъ и казачествомъ. Вызванная не нами разорительная война поглощала до сихъ поръ всѣ силы и средства государственныя. Справедливыя нужды населенія по неизбѣжности оставались неудовлетворенными, и Государственное земское совѣщаніе, составленное изъ людей, близкихъ землѣ, должно будетъ также озаботиться вопросами укрѣпленія благосостоянія народнаго.

Объявляя о принятомъ мною рѣшеніи созыва Государственнаго земскаго совѣщанія, я призываю все населеніе къ полному единенію съ властью, прекращенію партійной борьбы и признанію государствен-

ныхъ цѣлей и задачъ выше личныхъ стремленій и самолюбій, памятуя, что партійность и личный интересъ привели великое государство Россійское на край гибели" („Кр. Арх." XXXI, 72).

Разработка проекта положенія о Госуд. Земск. Совѣщаніи особымъ „рескриптомъ" поручалось Вологодскому, какъ предсѣдателю Совѣта министровъ. Разработка положенія, по мнѣнію Кроля, подвигалось „туго": „однимъ изъ тормазовъ служило упорное отстаиваніе Совѣтомъ министровъ своего права на совмѣстное съ верховнымъ правителемъ законодательство" (195).

Все вниманіе Колчака въ это уже время было захвачено событіями на фронтѣ.

ГЛАВА VII.

Передъ лицомъ Европы.

I. Въ ожиданіи признанія.

Гинсъ передаетъ, что верховный правитель будто бы часто говорилъ: „Какъ хорошо, что насъ не признали. Мы избѣжали Версаля, не дали своей подписи подъ договоромъ, который оскорбителенъ для достоинства Россіи и тяжелъ для ея жизненныхъ интересовъ“ (II, 389). Если эти слова были произнесены, то они были своего рода самовнушеніемъ — Колчакъ слишкомъ болѣзненно и остро воспринималъ „достоинство Россіи“. Значеніе международнаго юридическаго признанія власти было столь очевидно, что Гинсъ, не обинуясь, говоритъ: „непризнаніе убило Омскую власть“. Непризнаніе, — по выраженію Чайковскаго, не столь рѣшительному, — являлось „огромнымъ препятствіемъ на пути государственнаго строительства Россіи“... Признаніе россійской власти подняло бы не только ея моральный авторитетъ, не только дискредитировало бы ея конкурентовъ, но заставило бы и самихъ союзниковъ по иному говорить съ правительствомъ всероссійскаго характера и шире оказывать ему поддержку. Учитывая это, образовавшееся въ Парижѣ Политическое Совѣщаніе одной изъ своихъ задачъ ставило борьбу за признаніе власти адм.

Колчака, а противники сюда же направляли свои удары*). „Антигосударственное направленіе“ (выраженіе К. Набокова) русскихъ парижскихъ и лондонскихъ оппозиціонеровъ не могло, однако, уже измѣнить той логики событій, которая заставила союзниковъ вплотную подойти къ вопросу объ юридическомъ признаніи россійской власти адм. Колчака. Вопреки мнѣнію Милюкова (139), надо думать, что на эту логику вліяли именно внѣшніе

*) Дѣятельнось Политическаго Совѣщанія, оппозиція, которую она встрѣчала въ пропагандѣ заграничныхъ „лѣвыхъ“, мною достаточно подробно изложена въ книгѣ о Н. В. Чайковскомъ—онъ, среди демократовъ, больше всѣхъ ратовалъ за признаніе Омскаго правительства во имя интересовъ возстановленія русской государственности, въ немъ наиболѣе рѣшительнаго противника находила политика нинистовъ („ни Ленинъ, ни Колчакъ“).

Въ маѣ появилась извѣстная общедемократическая декларація по вопросу о признаніи правительства адм. Колчака, подъ которой стояла подпись и парижскаго отдѣла „Союза Возр. Россіи“.— Декларація намѣчала условія, при которыхъ могло бы произойти это признаніе. Условность признанія вызвала протестъ со стороны многихъ членовъ Союза—прежде всего Чайковскаго. Въ письмѣ въ редакцію „La Russie Democratique“ (органъ Союза) 21 сент. Авксентьевъ пояснялъ, что, убѣждая членовъ Союза подписать декларацію наряду съ болѣе непримиримой „Республ. Лигой“ и пойти такимъ образомъ на уступки, онъ надѣялся создать вновь общедемократическій фронтъ. Но изъ попытки „соединить козу съ капустой“ ничего не вышло, ибо иниціаторы декларацiи были далеки, по словамъ Авксентьева, отъ того чтобы предлагать союзникамъ пріостановку помощи антибольшевицкимъ правительствамъ до полученія согласія на требованія, выдвинутыя декларацiей. Между тѣмъ органъ республиканской лиги („La Repub. Russe“) — органъ послѣдовательныхъ „нинистовъ“ — рѣзко высказался сейчасъ же противъ помощи и интервенціи. (Декларація „Республ. Лиги“ 24 іюня противъ признанія „реакціоннаго“ правительства Колчака была напечатана въ „Nos libertés“ 5 іюля). Эта полемика наглядно свидѣтельствуетъ о діапазонѣ расхожденій среди политическихъ лидеровъ самой демократіи. Надо сказать, что и „La Russie Dem.“ далеко не была послѣдовательна. Помѣщая, напр., статью Аргунова въ № 2 о томъ, что реакціонная диктатура можетъ способствовать продленію гражданской войны, органъ Союза Возрожденія заявлялъ, что признаніе власти адм. Колчака желательно лишь при условіи, что верх. правитель будетъ держаться демократической политики. Другими словами, парижскіе возрожденцы говорили о томъ условномъ признаніи, противъ котораго такъ рѣшительно протестовалъ Н. В. Чайковскій. Большинство заграничныхъ эс-эровъ, въ концѣ концовъ, объединилось вокругъ парижскаго „Pour la Russie“. Этотъ органъ возникъ 29 сентября 19 г. подъ редакціей Минора, Зензинова, Сталинскаго и Лебедева при участіи Керенскаго, Роговского, Махина и др. Онъ боролся противъ „диктатуры генераловъ“ (Колчакъ, Деникинъ, Врангель), вооруженной интервенціи и политики блокады совѣтской Россіи.

успѣхи власти въ первые мѣсяцы. Наступленіе арміи опровергало вымыслы о разложеніи фронта послѣ переворота 18 ноября. Верховный Правитель становился силой, съ которой надлежало считаться — политика Антанты, какъ мы видѣли, всегда до нѣкоторой степени опредѣлялась этимъ оппортунизмомъ.

21 мая Набоковъ изъ Лондона пишетъ Колчаку, что можно ожидать крупнаго поворота въ политикѣ Англіи: „Говоря правду, поворотъ этотъ вызванъ государственной работой, успѣшно выполняемой правительствомъ, во главѣ котораго Вы стоите, и успѣхами сибирской арміи... Теперь отвѣтственные работники въ англ. правительствѣ прониклись полнымъ довѣріемъ и уваженіемъ къ вамъ, считая васъ тѣмъ человѣкомъ, который выведетъ Россію изъ ея временнаго бѣдствія“ *) („Пр. Рев.“ I. 135)

27 мая Клемансо отъ имени Верховнаго Совѣта обратился къ Колчаку съ нотой, подписанной и Вильсономъ, и Ллойд-Джоржемъ и др. Нота съ нѣкоторымъ запозданіемъ признавала, что „теперь настало время окончательно опредѣлить ту политику, которой онѣ (державы) предполагаютъ держаться по отношеніи къ Россіи“. Подчеркивая свое невмѣшательство во внутреннія дѣла Россіи и объясняя интервенцію (это слово, конечно, не упомянуто) желаніемъ поддержать элементы, продолжавшіе борьбу съ нѣмецкимъ самодержавіемъ, нота вспоминала пресловутую попытку разрѣшить „русскій вопросъ“ совѣщаніемъ на Принцевыхъ островахъ, которая потерпѣла неудачу вслѣдствіи отказа совѣтскаго правительства прекратить враждебныя дѣйствія во время переговоровъ **)

*) Правильностъ оцѣнки англійскихъ настроеній Набоковымъ подтверждается и письмомъ из Америки совѣтн. мин. ин. дѣлъ, Клемма, отъ 14 мая, въ которомъ онъ передаетъ аналогичное сообщеніе Эллiота (Субботовскій 43). Только со стороны Вильсона идетъ, по мнѣнію Набокова, систематическая обструкція всякому политическому мѣропріятію, клонящемуся къ возрожденію русской государственности.“

**) Нота не упоминаетъ, что отъ какихъ либо разговоровъ от-

Въ настоящее время на нѣкоторыя изъ правительствъ союзныхъ и дружественныхъ державъ оказывается давленіе, въ цѣляхъ побудить ихъ отозвать свои войска изъ Россіи, а равно не входить ни въ какіе расходы для нея, въ виду того, что вмѣшательство, несмотря на свою продолжительность, не сулитъ въ будущемъ удовлетворительныхъ результатовъ.

Эти правительства, однако же, готовы и впредь оказывать свою поддержку на нижеприводимыхъ основаніхъ, при условіи, если они будутъ имѣть доказательства, что они дѣйствительно помогаютъ русскому народу въ достиженіи свободы, самоуправленія и мира...

Союзныя и дружественныя правительства путемъ опыта послѣднихъ двѣнадцати мѣсяцевъ убѣдились въ томъ, что переговорами съ совѣтскимъ правительствомъ Москвы прійти къ этимъ результатамъ невозможно, вслѣдствіе этого они готовы оказать поддержку правительству Адмирала Колчака и тѣмъ, которые къ нему присоединяются, посылкой боевыхъ припасовъ, снаряженія и продовольствія для того, чтобы это правительство стало Всероссійскимъ, но при условіи полученія Союзными и Дружественными правительствами отъ него окончательныхъ гарантій, что его политика преслѣдуетъ тѣ же цѣли, какъ и ихъ. Въ виду этого, они спрашиваютъ у Адмирала Колчака и присоединившихся къ нему, согласны ли они принять нижеприводимое въ качествѣ условій, при соблюденіи которыхъ Союзныя и Дружественныя державы готовы продолжать оказывать свою поддержку:

1) Какъ только Адмиралъ Колчакъ займетъ

казались всѣ антибольшевицкія правительства. Уордъ разсказываетъ о томъ тяжеломъ впечатлѣніи, которое вызвало приглашеніе на Принцевы острова въ Омскѣ (104). Опредѣленно противъ высказался, конечно, „блокъ“. Его резолюція, между прочимъ, напечатана въ „Кр. Арх.“ XXXVII, 85. Но характернѣйшій инцидентъ произошелъ въ Иркутскѣ на объединенномъ засѣданіи городской думы и земства 4 февраля. Собраніе приняло, по иниціативѣ эс-эровъ, резолюцію, предлагающую всѣмъ правительствамъ принять предложеніе союзниковъ о прекращеніи гражданской войны. На другой день начался, однако, „кавардакъ“. Многіе гласные не участвовали на собраніи... Всѣмъ членамъ земской управы пришлось сложить свои полномочія. Командующій войсками Ивановъ-Риновъ аннулировалъ постановленіе. („Мысль“ № 7).

Москву, онъ немедленно созоветъ Учредительное Собраніе, избранное на основаніи прямого, свободнаго, тайнаго и демократическаго голосованія, въ качествѣ высшей законодательной власти въ Россіи, передъ которой должно быть отвѣтственно правительство, или по крайней мѣрѣ, если къ этому времени порядокъ не будетъ еще окончательно возстановленъ, созоветъ Учредительное Собраніе, избранное въ 1917 г., съ тѣмъ, чтобы оно засѣдало до тѣхъ поръ, пока не окажется возможнымъ произвести новые выборы.

2) Во всѣхъ мѣстностяхъ, на которыя въ настоящее время распространяется его власть, онъ допуститъ свободные выборы способомъ, наиболѣе обычнымъ для всѣхъ помѣстныхъ собраній, установленныхъ закономъ, какъ-то органы городского и земскаго самоуправленія и т. п.

3) Онъ не сдѣлаетъ никакой попытки вновь ввести въ силу какія либо спеціальныя преимущества для того или другого класса или порядка въ Россіи.

Союзныя и Дружественныя державы съ удовольствіемъ приняли объясненія Адмирала Колчака и присоединившихся къ нему, о томъ, что они не имѣютъ никакого намѣренія возстановлять прежнюю земельную систему. Онѣ признаютъ принципіально, что эти вопросы, касающіеся внутренняго порядка, должны быть предоставлены свободному рѣшенію русскаго Учредительнаго Собранія, но онѣ желаютъ получить увѣренность въ томъ, что тѣ, кому они предполагаютъ оказать поддержку, стремятся къ возстановленію гражданской и религіозной свободы всѣхъ русскихъ подданныхъ и не сдѣлаютъ попыткн вернуть режимъ, уничтоженный революціей.

4) Финляндія и Польша должны быть признаны независимыми, и въ томъ случаѣ, если въ вопросахъ о границахъ и взаимныхъ отношеніяхъ между Россіей и этими странами не будетъ достигнуто соглашеніе, спорные вопросы будутъ переданы на третейскій судъ Лиги народовъ.

5) Въ томъ случаѣ, если въ опредѣленіи взаимоотношеній между Россіей съ одной стороны и Эстоніей, Латвіей, Литвой, а также Кавказскими и Закаспійскими территоріями съ другой стороны не будетъ достигнуто соглашеніе въ короткій срокъ, спорные

вопросы будутъ рѣшены при совмѣстномъ обсужденіи ихъ съ Лигой народовъ и при ея содѣйствіи; до разрѣшенія же этихъ вопросовъ русскому правительству надлежитъ признавать эти территоріи автономными и признавать дѣйствительными тѣ отношенія, которыя могутъ существовать между фактическими правительствами этихъ территорій и Союзными и Дружественными правительствами.

6) Должно быть признано право Конференціи мира рѣшить участь румынскихъ частей Бессарабіи.

7) Какъ только въ Россіи будетъ учреждено правительство на демократическихъ началахъ, Россія съ другими членами Лиги народовъ приметъ участіе въ общей работѣ по ограниченію вооруженной силы и военной организаціи во всемъ мірѣ.

8.) Онѣ принимаютъ къ свѣдѣнію декларацію Адмирала Колчака 27 ноября 1918 г. касательно государственныхъ долговъ Россіи..." *)

Нота Клемансо была „экзаменомъ", какъ говорили въ Омскѣ. Вѣроятно, внутренно она раздражала**), но не время было раздражаться.

Да въ сущности она и не была „экзаменомъ" — скорѣй отпиской для удовлетворенія своихъ „лѣвыхъ", которые наиболѣе прислушивались къ агитаціи представителей россійской соціалистической демократіи. Вопросъ принципіально уже былъ рѣшенъ, и переписка носила дипломатическій, формальный характеръ. 4 іюня омская власть отвѣтила:

„Правительство, во главѣ котораго я стою, счастливо удостовѣрить, что политика Союзныхъ державъ

*) Ноты этой нигдѣ въ полномъ видѣ въ литературѣ я не встрѣчалъ. У Милюкова она только кратко изложена, у Гинса только упомянута. Поэтому я in extenso привожу всю резолютивную часть. Отвѣтъ Колчака напечатанъ у Гинса, но документъ этотъ столь важенъ, что я вновь его повторяю.

**) Въ воспоминаніяхъ ген. Иностранцева („Бѣл. Дѣло") разсказана застольная бесѣда, въ которой Колчакъ саркастически говоритъ объ экзаменѣ и о своемъ „демократизмѣ". Сцена производитъ впечатлѣніе искусственности и какъ-то мало соотвѣтствуетъ характеру Колчака.

Согласія по отношенію къ Россіи вполнѣ совпадаетъ съ той задачей, которую поставило самому себѣ русское Правительство, желающее прежде всего водворить миръ въ странѣ и предоставить право русскому народу свободно рѣшить свою судьбу путемъ Учредительнаго Собранія. Высоко цѣня интересъ, проявленный Державами къ національному движенію, и признавая законнымъ ихъ желаніе удостовѣриться въ политическихъ убѣжденіяхъ, исповѣдываемыхъ нами, я готовъ еще разъ подтвердить свои прежнія декларації, которыя я всегда считалъ неизмѣнными.

1) 18 ноября 1918 г. я сталъ у власти и не удержу ее ни ни одинъ день долѣе, чѣмъ того потребуютъ интересы страны; моей первой мыслью въ моментъ окончательнаго сверженія большевиковъ будетъ назначеніе срока для выборовъ въ Учредительное Собраніе. Въ настоящее время особая коммиссія работаетъ надъ подготовкой ихъ на основаніяхъ всеобщаго голосованія.

Признавая себя отвѣтственнымъ передъ Учредительнымъ Собраніемъ, я передамъ ему всю власть для того, чтобы оно свободно установило образъ правленія, и въ этомъ я поклялся передъ Высшимъ Судилищемъ Россіи, стражемъ законности, Всѣ мои усилія направлены къ тому, чтобы покончить, какъ можно скорѣе, гражданскую войну сверженіемъ большевизма для того, чтобы дать русскому народу дѣйствительную возможность свободно выразить свою волю. Всякое промедленіе въ этой борьбѣ только отдаляетъ этотъ срокъ. Но въ то же время правительство не можетъ признать правильнымъ и основаннымъ на свободныхъ и законныхъ выборахъ простое возстановленіе Учредительнаго Собранія 1917 г., выбраннаго при насильственномъ режимѣ большевиковъ, и большинство членовъ котораго въ настоящее время дѣйствительно находятся въ ихъ рядахъ. Только тому Учредительному Собранію, которое будетъ избрано законно и къ скорѣйшему созванію котораго мое правительство стремится, будутъ принадлежать верховныя права разрѣшать, какъ внутренніе, такъ и внѣшніе вопросы Русскаго Государства.

2) Мы охотно готовы теперь же обсуждать съ Державами всѣ международные вопросы въ цѣляхъ

предоставленія возможности свободнаго и мирнаго развитія народовъ, ограниченія вооруженій и предупрежденія новыхъ войнъ, высшей выразительницей каковыхъ стремленій является Лига народовъ. При этомъ русское правительство считаетъ своимъ долгомъ напомнить, что окончательная санкція рѣшеній, которыя могутъ быть приняты отъ имени Россіи, будетъ принадлежать Учредительному Собранію. Россія въ настоящее время, а равно и въ будущемъ, можетъ быть только демократическимъ государствомъ, въ которомъ всѣ вопросы, какъ по опредѣленію территоріальныхъ границъ, такъ и внѣшнихъ отношеній, должны быть разрѣшены органомъ народныхъ представителей, естественнымъ выразителемъ державной власти народа.

3) Признавая, что естественнымъ и справедливымъ слѣдствіемъ войны является созданіе единаго Польскаго государства, Русское правительство считаетъ себя въ правѣ подтвердить независимость Польши, объявленную въ 1917 году Временнымъ Правительствомъ Россіи, всѣ распоряженія и обязательства котораго мы приняли на себя. Но окончательная санкція опредѣленія границъ между Польшей и Россіей, въ соотвѣтствіи съ вышеприведенными основаніями, должна быть отложена до Учредительнаго Собранія.

Мы готовы также нынѣ же признать настоящее правительство Финляндіи, но окончательное рѣшеніе Финляндскаго вопроса должно принадлежать Учредительному Собранію.

4) Мы готовы теперь же подготовить рѣшеніе вопросовъ по отношенію къ національностямъ Эстоніи, Латвіи, Литвы, Кавказскихъ и Закаспійскихъ странъ. Мы имѣемъ полное основаніе предполагать, что дѣло скоро уладится, какъ только правительство обезпечитъ различнымъ народностямъ автономіи. Изъ этого слѣдуетъ, что границы и формы этихъ автономій будутъ опредѣлены особо для каждой народности. Въ томъ же случаѣ, если при разрѣшеніи этихъ разнообразныхъ вопросовъ возникнутъ затрудненія, то въ цѣляхъ достиженія удовлетворительнаго рѣшенія ихъ правительство готово прибѣгнуть къ содѣйствію и помощи Лиги народовъ.

5) Выше изложенныя основанія, предусматрива-

ющія утвержденія Учредительнаго Собранія всѣхъ соглашеній, очевидно должны быть примѣнены и къ Бессарабіи.

6) Русское правительство подтверждаетъ еще разъ свою декларацію 27 ноября 1918 года, которою оно признало Государственные долги Россіи.

7) Что касается вопросовъ внутренняго порядка, которые интересуютъ Державы постолько, посколько въ нихъ отражаются политическія стремленія Русскаго Правительства, я считаю нужнымъ повторить, что къ тому режиму, который существовалъ до февраля 1917 г., не можетъ быть возврата. Временное разрѣшеніе моимъ правительствомъ аграрнаго вопроса имѣло цѣлью удовлетвореніе интересовъ народной массы и было основано на убѣжденіи, что Россія не можетъ быть цвѣтущей и сильной до тѣхъ поръ, пока милліоны русскихъ крестьянъ не получатъ полныхъ гарантій на владѣніе землей. То же самое въ отношеніи режима, обычнаго въ свободной странѣ. Правительство не только не дѣлаетъ никакихъ препятствій къ свободнымъ выборамъ въ помѣстныя собранія, городскія Управы и Земства, но видитъ въ ихъ дѣятельности, равно какъ и въ развитіи принципа самоуправленія, необходимое условіе для возстановленія страны и уже оказываетъ имъ помощь и поддержку всѣми средствами, которыми располагаетъ.

8) Поставивъ себѣ задачей возстановленіе порядка и справедливости и обезпеченіе личной безопасности населенію, преслѣдуемому и изнемогающему отъ испытаній, правительство подтверждаетъ равенство передъ закономъ всѣхъ классовъ общества и всѣхъ гражданъ безъ всякихъ спеціальныхъ преимуществъ; всѣ, безъ различія происхожденія и вѣроисповѣданія, будутъ пользоваться покровительствомъ государства и закона".

„Союзныя и Дружественныя" державы были удовлетворены*) такимъ отвѣтомъ: онъ „представляется имъ

*) Почему-то у Милюкова всегда имѣется стремленіе нѣсколько принизить Омскую власть. Онъ считаетъ нужнымъ подчеркнуть, что этотъ отвѣтъ составленъ въ Парижѣ подъ давленіемъ Сазонова. При этомъ авторъ, пользуясь данными Субботовскаго, ссылается на телеграмму отъ 12 іюня (141). Переписка между Парижемъ и Омскомъ была очень оживленна. Но отвѣтъ 4 іюня не могъ зависѣть отъ секретной телеграммы 12 іюня.

согласнымъ съ предложеніями, ими сдѣланными, и содержащимъ достаточныя гарантіи для свободы, самоуправленія и мира русскаго народа и его сосѣдей" *).

12 іюня они заявили о готовности оказать адм. Колчаку поддержку. Черезъ пять дней, 17 іюня, Сазоновъ писалъ Вологодскому: „дальнѣйшіе шаги въ сторону оффиціальнаго признанія... несомнѣнно находятся въ прямой зависимости отъ успѣховъ сибирскихъ армій" („Пр. Рев." № 1). Но военное счастье стало мѣняться. Съ другой стороны, „лѣвые" въ Европѣ упрямо держатся своей позиціи. „Уже при первыхъ попыткахъ державъ оказать военное содѣйстіе правительству адм. Колчака и Сѣверной области — пишетъ Сазоновъ въ томъ же письмѣ, — лѣвыя парламентскія партіи во Франціи и Великобританіи выступили противъ подобнаго рѣшенія съ рѣзкой критикой" **). Отсюда вытекала настоятельная потребность направить пропаганду именно въ демократическіе круги. Ясно сознавалъ это Чайковскій. Понимали это и Набоковъ и Сазоновъ. „Необходимо, — писалъ Набоковъ 21 августа, — чтобы отъ имени Россіи за гра-

---

Характерно, что нѣкоторымъ радикализмомъ отвѣта Колчака какъ разъ были неудовлетворены омскіе кадеты, усматривая въ этомъ отвѣтѣ опасность „расчлененія" Россіи. Подъ вліяніемъ Пепеляева въ отвѣтъ было внесено нѣсколько смягченій о національностяхъ.

*) Отмѣтимъ, что и лондонское „Народоправство" удовлетворилось омскимъ отвѣтомъ. Возражая англійской радикальной прессѣ, заподозрѣвавшей искренность отвѣта Колчака, „Народоправство" рѣшительно выступало противъ признанія Учредительнымъ Соб. того Собранія, которое было разогнано въ 17 г. Попутно „Народоп." даетъ характеристику Колчака — это честный человѣкъ, серьезно желающій блага Россіи и неспособный обмануть въ день побѣды. Своимъ отвѣтомъ Колчакъ показалъ, что онъ понимаетъ духъ времени. Союзники могутъ сказать, что Колчакъ, борясь съ большевиками, выполняетъ волю народа и, дѣйствительно, побѣдивъ большевиковъ, созоветъ У. С. Признаніемъ власти Колчака союзники выполнятъ свой долгъ передъ Россіей (№№ 10 и 11).

**) Въ этихъ выступленіяхъ было много своей внутренней политики и традиціоннаго демократическаго декорума. Алдановъ, бывшій секретаремъ ясской делегаціи, чрезвычайно образно передаетъ свои впечатлѣнія отъ посѣщенія англійскихъ соціалистовъ въ Лондонѣ: Гендерсонъ искренне былъ бы радъ, если бы помощь антибольшевицкимъ правительствамъ была бы оказана въ тайнѣ отъ него и рабочей партіи („Изъ воспоминаній". „Посл. Нов." № 3347).

ницеи могли говорить люди, связанные съ соціалистическими и демократическими партіями. Необходимо агитировать среди массъ Европы и Америки". (Субботовскій, 55). Понимали это и въ Омскѣ. Верховный Правитель въ свое время привѣтствовалъ вхожденіе соціалиста Чайковскаго въ ряды членовъ Политической Делегаціи въ Парижѣ. Не разъ онъ озабачивается тѣмъ, чтобы не создавать впечатлѣнія, что заграничное представительство возлагается только на дѣятелей дореволюціонной эпохи (напримѣръ, при командировкѣ Шебеко въ Финляндію 6 августа — Субботовскій, 252). Омское правительство въ сложной сибирской обстановкѣ пыталось внести демократическую политику, прислушиваясь къ телеграммамъ Политическаго Совѣщанія*) и къ декларативнымъ формуламъ, которыя шли отъ Вильсона**). Но получить поддержку демократіи было слишкомъ трудно — она исходила изъ презумпціи, что диктатура Колчака синонимъ реакціи.

2. „Политическая недобросовѣстность".

Мнѣ могутъ сказать, что я ломлюсь въ открытую дверь, когда усиленно пытаюсь доказывать политическую честность верховнаго правителя. Но для Колчака черта эта была особымъ свойствомъ. Онъ непреклоненъ, не шелъ на уступки тамъ, гдѣ политическая совѣсть ихъ не допускала. Поэтому всегда и во всемъ мы можемъ вѣрить рыцарю долга и слова. Онъ не измышляетъ мотивовъ для объясненія или оправданія своей дѣятельности. Его политическая совѣсть, пожалуй, иногда

*) Чайковскій и созваніе Экономическаго Совѣщанія относилъ въ свое время за счетъ извѣстной телеграммы Политическаго Совѣщанія 6 января объ усиленіи демократическихъ идей. (Чайковскій 104). Мы знаемъ, что Экономическое Совѣщаніе было создано внѣ зависимости отъ этой телеграммы.

**) Вильсонъ считаетъ необходимымъ соглашеніе съ соціалистическими и демократическими группами. (Изъ письма Маклакова Сукину 6 февраля).

была слишкомъ неуступчивой. Отсюда тактическія ошибки верховнаго правителя. Эта искренность въ политикѣ ясно вскрывается въ вопросахъ національнаго самоопредѣленія, которые ставились передъ сознаніемъ верховнаго правителя въ связи не только съ пожеланіями, но и прямыми требованіями союзниковъ и на которые надо было давать немедленные и безоговорочные отвѣты.

Политическая совѣсть верховнаго правителя подвергалась величайшему испытанію.

Независимость Польши и Финляндіи, отношеніе къ другимъ государственнымъ образованіямъ на территоріи бывшей русской имперіи — все это требовало отвѣта, все это не ждало выявленія воли русскаго народа въ отдаленномъ Учредительномъ Собраніи. На соотвѣтствующіе пункты въ нотѣ Клемансо правительство отвѣтило достаточно опредѣленно. Жизнь ставила уже конкретные вопросы и особенно по отношенію къ Финляндіи въ связи съ наступленіемъ Юденича на Петроградъ и возможной помощи съ ея стороны. Въ такой комбинаціи вопросъ о признаніи финляндской независимости выходилъ изъ области теоретической и становился вопросомъ практической политики. Многимъ казалось, что декларативное провозглашеніе независимости Финляндіи можетъ гарантировать ея помощь въ экспедиціи на Петроградъ. Позиція правительства адм. Колчака въ данномъ вопросѣ вызвала двѣ діаметрально противоположныя оцѣнки. По мнѣнію Н. Нелидова, комментатора матеріаловъ „Колчакъ и Финляндія“, напечатанныхъ въ № 33 „Краснаго Архива“, „политическая недобросовѣстность“ всѣхъ заявленій Колчака и его министра Сазонова „слишкомъ била въ глаза“ (88) и — ссылка на Нац. Собраніе „было увертkой“. По поводу выступленія Сукина въ Совѣтѣ Министровъ 17 августа относительно Финляндіи Будбергъ сказалъ: „какой идіотизмъ“ (XV, 273).

Для того, чтобы правильно оцѣнить эту позицію, необходимо сдѣлать одну оговорку. Надо отдѣлить те-

оретическіе взгляды отъ практической политики. Едва ли можно даже предположить, что адм. Колчакъ былъ федералистомъ по своимъ взглядамъ — онъ, конечно, не раздѣлялъ взглядовъ на устроеніе Россіи въ соотвѣтствіи съ принципами, которыми руководились авторы закона, или точнѣе декларацiи 5 января на единственномъ засѣданіи Учредительнаго Собранія. Но припомнимъ заявленіе соц.-демокр. фракціи на Уфимскомъ Государственномъ Совѣщаніи, и станетъ ясно, что попросъ о федеративномъ строеніи Россіи не можетъ быть органически связанъ съ системой демократическихъ концепцій. Федеративный принципъ не былъ принятъ и въ лѣвыхъ кругахъ партіи народной свободы — припомнимъ аналогичное заявленіе Кроля на томъ же Уфимскомъ Совѣщаніи. Въ 1918—19 г.г. партія во всемъ своемъ цѣломъ была противъ федераціи. Въ привѣтствіи Національнаго Центра, привезенномъ съ юга Н. К. Волковымъ (изъ группы Милюкова), опредѣленно заявлялось: „построеніе государства всероссійскаго на началахъ федеративнаго устроенія является несоотвѣтствующимъ и опаснымъ для цѣлостности и единства Россіи“ („Прав. Вѣст.“ 1 авг. № 199). То, что привезли кадетскіе делегаты съ юга, вполнѣ соотвѣтствовало рѣшеніямъ и взглядамъ партійныхъ конференцій. Даже у принципіальныхъ федералистовъ не такъ уже упрощенно разрѣшался вопросъ о положеніи областей, „временно“ отпавшихъ отъ Россіи. При обсужденіи вопроса о возсоединеніи отторгнутыхъ, отпавшихъ и разрозненныхъ областей Россіи на началахъ федеративной связи (п. 2 программы внѣшней политики) въ Уфимскомъ Госуд. Совѣщаніи произошелъ такой діалогъ: „Каэласъ (эстонскій делегатъ) интересуется вопросомъ о возможности насильственнаго возсоединенія съ Россіей областей. Такое „возсоединеніе“ было бы крайне нежелательно... Помимо Брестскаго договора, есть и другіе договоры, заключенные большевиками, въ частности до-

говоры Берлинскіе (27 августа), касающіеся эстонцевъ. О нихъ необходимо упомянуть.

М. Я. Гендельманъ отвѣчаетъ Каэласу, что отпаденіе области могло бы произойти только по соглашенію Всероссійскаго и мѣстнаго Учредительныхъ Собраній. Такого же еще не было. Слѣдовательно, отпаденіе разумѣется условно: или временное, чтобы оградить себя отъ большевицкой власти, или прокламированное не народомъ, а самозванными группами. Всѣ такія отпавшія области должны быть возсоединены. Конечно, и самъ гр. Каэласъ не можетъ думать иначе, въ противномъ случаѣ онъ не принялъ бы участія въ Государственномъ Совѣщаніи" („Рус. Ист. Арх." 150).

Довольно обычнымъ было представленіе, что при возстановленіи Центра „охранны будутъ стремиться и тяготѣть къ нему по естественному и властному закону протяженія". Такъ формулируетъ вопросъ екатеринодарское письмо Правленія Нац. Центра В. А. Маклакову 23 мая 19 г. Оно „заклинаетъ" Маклакова протествовать противъ голоса теоріи французской формулы возстановленія Россіи снизу вверхъ путемъ соглашенія и кооперированія окраинъ". (Кр. Арх." XXXVI, 28).

Политическое Совѣщаніе въ Парижѣ, куда входилъ и министръ ин.. дѣлъ правительства Колчака Сазоновъ, пошло въ своей мартовской деклараціи гораздо дальше, чѣмъ демократы изъ партіи Народной Свободы. Въ основу позиціи Политическаго Совѣщанія, съ которой въ значительной степени солидаризировался Колчакъ, былъ положенъ принципъ, что „никакой вопросъ объ отдѣленіи отъ Россіи какой-либо ея части, а также объ установленіи формъ будущихъ отношеній Россіи къ отдѣльнымъ народностямъ, принадлежавшимъ прежде къ составу Россійскаго Государства, не можетъ быть разрѣшенъ окончательно безъ постановленія о семъ будущаго Всероссійскаго Учредительнаго Собранія"...

Принципіально Политическое Совѣщаніе въ мар-

товской деклараціи объявило: „Россія, послѣ революціи окончательно порвавшая съ централистскими тенденціями стараго режима, всячески готова пойти навстрѣчу справедливому желанію этихъ національностей организовать ихъ національную жизнь. Новая Россія понимаетъ свое переустройство только на основахъ свободнаго сожительства населяющихъ ее народовъ на принципахъ автономіи и федерализма и въ нѣкоторыхъ случаяхъ — разумѣется, съ общаго согласія Россіи и національностей — даже на основахъ полной независимости". („Чайковскій" 119).

Вмѣстѣ съ тѣмъ у Политическаго Совѣщанія и въ частности Чайковскаго, послѣдовательнаго федералиста по своимъ взглядамъ, „большое безпокойство" вызвало „догматическое воспріятіе" тезиса Вильсона *). „Абстрактная форма самоопредѣленія" въ практическомъ примѣненіи могла принести непоправимый ущербъ государственному единству Россіи.

Можетъ быть, теперь для насъ станутъ яснѣе колебанія и сомнѣнія, которыя возникали у верховнаго правителя, когда ему приходилось давать отвѣты на вопросы, которые значительная часть русскаго общественнаго мнѣнія относила только къ компетенціи Учредительнаго Собранія **).

По всѣмъ этимъ вопросамъ еще до отвѣта союзникамъ (1 іюня) между Омскомъ и Парижемъ шелъ длительный обмѣнъ мнѣніями. Къ сожалѣнію, всей послѣдовательности мы не знаемъ, т. к. архивъ Политическаго Совѣщанія не доступенъ, а большевиками опуб-

*) Любопытно замѣчаніе проф. Массарика: „Вилсоновскій лозунгъ самоопредѣленія не былъ достаточно разработанъ, чтобы стать безопаснымъ руководствомъ для Европы". (II, 125).

**) Напомню, что Врем. Пр. въ 1917 г. не считало себя въ правѣ давать „автономію" не только Украинѣ, но и Финдляндіи до Учр. Собр. См. рѣчь Керенскаго на іюльскомъ всероссійскомъ съѣздѣ Совѣтовъ („Рев. 17 г." (хроника) т. III, 23). Законъ 5 января (Уч. Соб.) о федераціи никѣмъ почти не признавался, и мы видѣли, что въ этомъ отношеніи и эс-эры на Уф. Сов. пошли на компромиссъ.

ликованы лишь сравнительно случайные отрывки изъ колчаковскаго архива*). 24 февраля Сазоновъ телеграфируетъ Верховному Правителю: „По моему мнѣнію, никто въ настоящее время не правомоченъ дать какія-либо завѣренія въ смыслѣ признанія независимости Финляндіи, т. к. право это принадлежитъ исключительно будущему Русскому Народному Собранію. Хотя Финляндія не имѣетъ права одностороннимъ актомъ порвать свою связь съ Россіей, тѣмъ не менѣе полагаю, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ намъ слѣдуетъ пока считаться съ создавшимся положеніемъ, противодѣйствовать которому мы безсильны. Поэтому, ввиду крайней необходимости дать Юденичу возможность подготовить наступленіе на Петроградъ, намъ нужно воздержаться теперь отъ споровъ съ Финляндіей"... Отвѣтъ Колчака гласилъ: „...Верховный Правитель и Совѣтъ Министровъ вполнѣ согласились съ вашимъ мнѣніемъ. Признавая, что разрѣшеніе вопроса о независимости Финляндіи принадлежитъ только Національному Собранію, правительство считаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ крайне желательнымъ установленіе съ Финляндіей дружественныхъ отношеній, дабы тѣмъ предоставить Юденичу возможность создать военную силу..."

3 марта Сазоновъ телеграфируетъ дополнительно что „по имѣющимся здѣсь даннымъ" выступленіе Финляндіи „можетъ быть, могло бы быть достигнуто заявленіемъ, что мы не возражаемъ противъ предоставленія Финляндіи самостоятельности при условіи обезпеченія стратегическихъ интересовъ Россіи и защиты Петербурга. Мы смогли бы даже дополнить это обѣщаніемъ въ свое время поддержать таковое разрѣшеніе вопроса передъ будущимъ Русскимъ Народнымъ Собраніемъ. Чайковскій, со своей стороны, согласенъ на таковое за-

*) Въ „Красномъ Архивѣ", въ книгѣ Субботовскаго. Часть этой переписки, на основаніи бумагъ, сохранившихся у Чайковскаго, опубликована въ моей книгѣ.

явленіе". На подлинномъ Верховный Правитель ставитъ резолюцію: „Я не считаю кого либо правомочнымъ высказываться по вопросу о признаніи финляндской независимости до Всероссійскаго Національнаго или Народнаго Собранія, а потому не могу уполномочить васъ сдѣлать какія-либо заявленія по этому предмету отъ моего имени". („Кр. Арх." XXXIII, 96)

Съ такой позиціей совершенно не согласенъ Набоковъ. Онъ пишетъ Сукину 11 марта:

„Намъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что державы Согласія, Мирная Конференція, Лига Націй — всѣ эти рѣшающія инстанціи, несомнѣнно, станутъ на точку зрѣнія независимости и что непринятіе нами иниціативы поколеблетъ наше положеніе. Посему мнѣ представлялось бы правильнымъ избрать другой путь, а именно: вступить нынѣ отъ имени объединенныхъ правительствъ въ переговоры съ Маннергеймомъ на основѣ независимости, развитія и огражденія нашихъ военно-морскихъ и экономическихъ интересовъ и результаты этихъ предварительныхъ переговоровъ сообщить, какъ свободное соглашеніе между Россіей и Финляндіей, на санкцію Мирной Конференціи..." *)

Но Омскъ твердо стоялъ на своей позиціи, хотя Набоковъ еще не разъ пытается переубѣдить. Онъ пишетъ Вологодскому 11 нвгуста: „Мы должны сознаться, что независимость Польши и Финляндіи въ національныхъ границахъ—совершившійся фактъ, и что ссылки на рѣшеніе этихъ вопросовъ Учредительнымъ Собраніемъ никого не убѣждаютъ".

Но дѣло всетаки шло не о теоріи. Въ теченіи всего 19 года идутъ переговоры о военной экспедиціи для захвата Петрограда.**) Есть опасеніе, что Финляндія мо-

*) Въ болѣе ранней телеграммѣ 14 февраля со словъ Струве Набоковъ сообщаетъ, „что русскіе дѣятели, группирующіеся въ Финляндіи вокругъ Юденича и Карташова безъ оговорокъ стали на почву лояльнаго признанія независимости Финляндіи".

**) Первое наступленіе въ маѣ, второе въ сентябрѣ и октябрѣ въ періодъ существованія Сѣверо-Западнаго Правительства. Переговоры продолжаются и въ декабрѣ—письмо Сазонова 1 декабря.

жетъ выступить самостоятельно. Черезъ Набокова Юденичъ телеграфируетъ 26 марта: „По агитаціи, идущей въ Выборгскомъ районѣ, можно предположить, что финляндцы готовятся къ походу на Петроградъ и рѣшаются на этотъ шагъ даже помимо державъ Согласія". Въ заключеніе Юденичъ полагаетъ настоятельно необходимымъ указать финляндскому правительству, что „всякое движеніе на Петроградъ однихъ финновъ безъ соглашенія съ нами недопустимо и будетъ истолковано, какъ актъ, враждебный Россіи." (Ib. 101)

Въ повышенныхъ тонахъ изображаетъ всѣ эти опасенія письмо адм. Пилкина морскому министру у Колчака адм. Смирнову отъ 24 мая:

„Дѣйствительно, если финляндцы пойдутъ на Петроградъ въ числѣ другихъ союзныхъ армій (отрядовъ), подъ контролемъ или подъ флагомъ Юденича, мы можемъ быть болѣе или менѣе спокойны за то, что русскіе интересы не будутъ уже очень грубо подушены.

Но если финны пойдутъ одни, или хотя бы съ нами, но въ пропорціи 30 тысячъ противъ трехъ-четырехъ, —которыя здѣсь въ Финляндіи,— то при ихъ политическомъ стремленій всячески ослабить Россію, они уничтожатъ все наше офицерство, правыхъ и виноватыхъ, интеллигенцію, молодежь, гимназистовъ, кадетовъ, всѣхъ,—кого могутъ, какъ они это сдѣлали, когда взяли у красныхъ Выборгъ. Они уничтожатъ наши государственныя учрежденія, ограбятъ заводы, взорвутъ и уведутъ флотъ. Итти съ ними освобождать Петроградъ, не имѣя достаточно силы, чтобы заставить ихъ съ нами считаться—да этого никогда не проститъ намъ Россія, будущая Россія." (Ib. 110—11)

По поводу телеграммы Юденича Сукинъ отвѣчаетъ: „несмотря на всю сознаваемую нами, по соображеніямъ гуманности, желательность скорѣйшаго освобожденія Петрограда отъ большевиковъ, мы считаемъ, что столица можетъ быть занята только подъ флагомъ союзныхъ войскъ при участіи русскихъ силъ." (Ib. 102)

Если опасенія адм. Пилкина слишкомъ преувеличены, то основательны опасенія иного характера. Посланникъ изъ Стокгольма Гулькевичъ телеграфируетъ 26 апрѣля по поводу финляндской экспедиціи на русскую Карелію:

„Движеніе ведется въ расчетѣ на поддержку или симуляцію встрѣчныхъ возстаній населенія. Предпринято подъ флагомъ борьбы бѣлыхъ съ красными. Кроетъ въ себѣ чисто націоналистическій планъ—присоединеніе, по мѣрѣ удачи, широкой области... Правительство держится выжидательной позиціи... Готовится къ закрѣпленію за Финляндіей разъ захваченныхъ земель“...

Юденичъ дополняетъ 8 мая:

„Финскіе бѣлогвардейцы заняли Олонецкъ и 26 апрѣля Лодейное Поле, ихъ отряды подходятъ къ Петрозаводску. Въ воззваніи главнаго штаба Олонецкой бѣлой гвардіи, помѣщенномъ въ № 110 гельсингфорской газеты, сказано, что у карельскаго народа одна общая цѣль съ финскими добровольцами — освободитъ карельскую землю отъ русскихъ... Отношеніе финновъ къ намъ враждебно; они, пользуясь нашей временной слабостью, рѣшаютъ свою національную задачу — созданіе великой Финляндіи. Необходимо помѣшать имъ въ этомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, использовать достигнутое при ихъ содѣйствіи очищеніе края отъ большевиковъ.“ (Ib. 106)*)

Правительство въ Омскѣ сильно обезпокоено этимъ сообщеніемъ. Но французское правительство черезъ гр. Мартель успокаиваетъ его, „ссылаясь на формальныя и исчерпывающія гарантіи данныя Финляндіей“. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно указываетъ на нежелательность какого-либо протеста, который лишь осложнилъ бы „благопріятную...

*) Надо, однако, имѣть въ виду, что ядромъ олонецкой добровольческой арміи явился полуторатысячный отрядъ финскихъ „активистовъ“ подъ командой полк. Г. Е. Эльвенгрена, выступавшаго за свой страхъ. (А. Геронимусъ, „Разгромъ Юденича“ 45). Эльвенгренъ повторилъ свою попытку въ октябрѣ во время наступленія Юденича. Едва ли приходится сомнѣваться въ симпатіяхъ Эльвенгрена къ Россіи. Въ 1927 г. Э. нелегально проникъ въ Россію, былъ обвиненъ въ организаціи террористическихъ актовъ и разстрѣлянъ.

политическую обстановку" (телегр. Сукина Сазонову 20 мая)... Эти успокоительныя завѣренія Верховный Правитель считаетъ „вполнѣ удовлетворительными". Съ Финляндіей — телеграфируетъ онъ Юденичу 24 мая — „необходимо установить самыя дружественныя отношенія. Вопросъ о видахъ Финляндіи на русскія территоріи долженъ быть отложенъ до момента, когда русское государство вернетъ себѣ голосъ въ международныхъ дѣлахъ."

Въ засѣданіяхъ Политическаго Совѣщанія реалистично ставилъ вопросъ Савинковъ: „Петроградская операція можетъ быть этимъ лѣтомъ только русско-эстофинляндской и никакой иной. Значитъ, либо надо сговариваться съ финнами и эстонцами, либо отказаться отъ нея. Съ финнами и эстонцами, повидимому, возможно сговориться только на платформѣ признанія факта ихъ независимости съ тѣмъ, чтобы окончательное рѣшеніе вопроса о взаимоотношеніяхъ съ ними было повергнуто на усмотрѣніе будущаго всероссійскаго и ихъ правительствъ на началахъ равноправія договаривающихся сторонъ" (Ib. 105—106).

Тѣмъ не менѣе Колчакъ пытается непосредственно обратиться къ Марннегейму (23 іюня):

„Отъ имени русскаго правительства я хочу вамъ заявить, что сейчасъ не время сомнѣніямъ или колебаніямъ, связаннымъ съ какими-либо политическими вопросами. Не допуская мысли о возможности въ будущемъ какихъ-либо неразрѣшимыхъ затрудненій между освобожденной Россіей и финляндской націей, я прошу васъ, генералъ, принять это мое обращеніе, какъ знакъ неизмѣнной памяти русской арміи о вашемъ славномъ прошломъ въ ея рядахъ и искренняго уваженія Россіи къ національной свободѣ финляндскаго народа" (Ib. 128)

Отвѣтъ Маннергейма былъ достаточно опредѣленъ:

„Финляндскому народу и его правительству далеко не чужда мысль объ участіи регулярныхъ финляндскихъ войскъ въ освобожденіи Петрограда. Не стану отъ васъ скрывать, господинъ адмиралъ, что, по мнѣнію моего правительства, финляндскій сеймъ не одобритъ предпріятія, приносящаго намъ хотя и пользу, но требующаго тяжелыхъ жертвъ, если мы не получимъ гарантій, что новая Россія, въ пользу которой мы стали бы дѣйствовать, согласится на нѣкоторыя условія, исполненіе которыхъ мы не только считаемъ необходимымъ для нашего участія, но также необходимой гарантіей для нашего національнаго государственнаго бытія“ (Ib. 137).

Не вѣрилъ въ выступленіе Финляндіи адм. Пилкинъ:

„Такъ какъ въ интересахъ Германіи — продолженіе неурядицъ въ Россіи, то Германія всячески старается помѣшать всякимъ антибольшевицкимъ организаціямъ. Попытка Юденича создать „петроградскій фронтъ“ вызываетъ поэтому со стороны Германіи энергичную кампанію противъ Юденича и всѣхъ русскихъ въ Финляндіи. Сама Финляндія опасалась и опасается Россіи и, хотя большевики ее безпокоятъ, но она тоже противъ Юденича и русскихъ“...

„Надежды на то, что Финландія позволитъ Юденичу сформировать и вооружить и начать наступленіе русскими добровольческими дружинами, на (территоріи) Финляндіи, по моему, никакой нѣтъ. Казалось бы, что нѣтъ поэтому и дальнѣйшаго смысла нашему здѣсь пребыванію. Но вотъ что говоритъ Юденичъ: „Слишкомъ соблазнительна идея петроградскаго фронта, чтобы отказаться отъ нее. Пока хоть есть одинъ шансъ, я не уѣду“ (Ib. 110).

Сомнѣвается и Сазоновъ: Маннергейму помѣшаютъ прежде всего „внутреннія политическія затрудненія“. Въ это время Верховный Правитель былъ поставленъ передъ фактомъ соглашенія Юденича съ Финляндіей. Онъ отказался его санкціонировать: и условія соглашенія казались ему непріемлемыми и не вѣрилъ онъ въ „активную помощь“ Финляндіи (Телеграмма 20 іюля).

Не безъ внутреннихъ колебаній принялъ Колчакъ

такое рѣшеніе. Среди его окружающихъ многіе его шагу не сочувствовали. Многіе вѣрили въ реальную возможность выступленія Финляндіи. Генералъ Миллеръ изъ Архангельска телеграфировалъ, что Маннергеймъ „обѣщаетъ немедленно двинуть 100 тысячъ штыковъ на Петроградъ“ (Субботовскій, 249)*). Чайковскому въ Парижѣ кажется, что только негибкость Сазонова въ переговорахъ съ Финляндіей помѣшала ея выступленію. Будбергъ въ Омскѣ 14 авг. разражается большой филиппикой: „Казалось, что для здравыхъ политиковъ... не могло быть и минуты колебанія въ томъ, чтобы немедленно отвѣтить полнымъ согласіемъ на предложеніе Маннергейма“. Уже „теперь Россія была бы свободна отъ большевиковъ“. Но въ дѣйствительности Маннергеймъ и не думалъ конкретно предлагать движеніе „стотысячной“ арміи въ случаѣ признанія верховнымъ правителемъ назависимости Финляндіи.

Былъ ли однако такъ неправъ верховный правитель, когда не вѣрилъ въ реальность выступленія Маннергейма, когда боялся въ случаѣ самостоятельнаго выступленія Финляндіи отторженія новой части Россіи**)?

*) Бывшій членъ Архангельскаго правительства Игнатьевъ, перешедшій позже къ большевикамъ, въ своей книгѣ „Нѣкоторые факты и итоги 4 лѣтъ гражданской войны“ (47) повторяетъ версію ген. Миллера о готовности Маннергейма занять Петроградъ двумя дивизіями при условіи признанія независимости Финляндіи и комментируетъ отказъ Колчака такими словами: „Справедливо опасаясь превращенія нашего правительства въ случаѣ занятія Петрограда въ конкурирующее съ нимъ правительсгво. Конечно, обѣ версіи не выдерживаютъ никакой критики.

**) Нѣсколько позднѣе (19 сентября) Саблинъ въ телеграммѣ передавалъ мнѣніе Черчиля — онъ скептически относился къ возможности военной кооперацiи съ Финляндіей: она потребуетъ слишкомъ высокихъ компенсацій. Еще вѣрнѣе грубоватый выводъ Геронимуса, автора послѣдней работы о походѣ Юденича: „Финляндія разводила канитель, чтобы выиграть время и увильнуть подъ благовиднымъ предлогомъ отъ участія въ противобольшевицкомъ походѣ“ (78). Надо помнить, что мартовскіе выборы въ Сеймъ дали 40% голосамъ с.-д., „активисты“ получили 17%, „аграріи“ — приверженцы мира съ совѣтской Россіею — 20%. Соц.-демократы боялись въ случаѣ выступленіе взрыва большевизма у себя (Горнъ. „Граж. война въ с.-зап. Россіи“ 314). Несомнѣнно и то, что правительство Свинхувуда слѣдовало въ значительной степени „германской линіи“ въ стремленіи создать „Вя-

Не знаю, могла ли имѣть какое-нибудь государственное значеніе въ будущемъ декларація временной власти, хотя бы формально и всероссійской? Очевидно, значеніе это не выходило бы за предѣлы моральнаго обязательства данной временной власти. Могло ли имѣть практическое воздѣйствіе на помощь Финляндіи россійскому правительству декларативное признаніе ея независимости въ моментъ, когда успѣхи сибирской арміи остановились? И тѣмъ не менѣе нежеланіе признать безъ санкціи Учредительнаго Собранія независимость Финляндіи, оффиціально провозглашенную Франціей, Англіей и С. А. С. Штатами*) была скорѣе тактической ошибкой. Признаніе независимости Финляндіи не могло повредить возстановленію Россіи. Верховный правитель могъ бы не бояться тѣни исторической отвѣтственности. Но политика Меттерниха и Талейрана, политика „нечестная“, для Колчака была непріемлема — какъ самъ онъ сказалъ ген. Иностранцеву, когда тотъ говорилъ ему о разумной дипломатіи, руководствующейся государственнымъ разсчетомъ. Иностранцевъ указалъ, что „отвѣтственность“ пала бы на Юденича. Колчакъ „весь измѣнился въ лицѣ — не въ его правилахъ было сваливать отвѣтственность. Непріемлема была такая политика и для Деникина — (въ этой щепетильной честности оба чрезвычайно походили другъ на друга), который по собственной иниціативѣ поддержалъ позицію верховнаго правителя: 20 августа Деникинъ телеграфировалъ въ Омскъ, что онъ въ связи съ извѣстіемъ о предполагавшемся походѣ Маннергейма на Петроградъ поручилъ указать союзнымъ представителямъ въ Екатеринодарѣ что „въ виду особыхъ отношеній, существую-

---

ликую Финляндію“. Провалъ Маннергейма на президентскихъ выборахъ (онъ получилъ лишь 50 гол. въ сеймѣ изъ 143) показываетъ, что къ „обѣщаніямъ“ Маннергейма надлежало относиться съ осторожностью.

*) Трудность положенія при такихъ условіяхъ сознавалъ самъ Сазоновъ. Его письмо къ Вологодскому 17 іюня („П. Дн.“ 99).

щихъ между Россіей и Финляндіей, русскій народъ не можетъ допустить вооруженнаго вмѣшательства финновъ въ свои внутреннія дѣла. Территорія Россіи можетъ и должна быть освобождена исключительно русскими же при содѣйствіи союзныхъ державъ"... Деникинъ заявилъ, что договоръ Юденича съ Маннергеймомъ нарушаетъ „высшіе интересы русскаго государства", является съ его точки зрѣнія „недопустимымъ и не имѣющимъ... юридической силы" („Кр. Арх." XXXIII, 144).

Политика Деникина была еще болѣе отрѣшена отъ тогдашней международной коньюнктуры *). Колчакъ шелъ гораздо дальше, расходясь въ этомъ отношеніи со своимъ оффиціальнымъ руководителемъ международной политикой, — считавшимъ „активную роль" Финляндіи вообще крайне опасной. Сукинъ, по порученію Колчака, увѣдомляетъ Сазонова 13 іюня, что онъ не видитъ причины противодѣйствовать движенію финскихъ войскъ на Петроградъ и считаетъ „такую операцію крайне желательной, при непремѣнномъ, конечно, условіи участія русскихъ войскъ и установленія въ занятыхъ мѣстностяхъ русской администраціи, подчиненной ген. Юденичу" (Ib. 124).

Какъ не стали бы мы трактовать правительственную тактику въ этомъ вопросѣ, необходимо было бы отбросить всѣ соображенія объ антидемократичности. Омскаго правительства, которая будто бы толкала его на непримиримую позицію — какъ разъ всѣ наиболѣе правые настаивали „на привлеченіи Финляндіи, цѣною немедленнаго признанія ея независимости" (телеграмма Набокова 29 мая).

Финляндскій вопросъ — прекрасная иллюстрація къ

) Въ „Очеркахъ" (т. IV, 18) Деникинъ пишетъ: „Я лично вначалѣ не исключалъ возможности содѣйствія финляндской арміи въ противобольшевицкой борьбѣ... Но „съ конца 18 г. я сталъ окончательно на точку зрѣнія, что помощь Финляндіи была бы куплена нами слишкомъ дорогой цѣной и что поэтому вступленіе финляндскихъ войскъ на русскую территорію недопустимо.

той искренности, котораа отличала политику Верховнаго Правителя и которая служила лучшей гарантіей для выполненія тѣхъ моральныхъ обязательствъ, которыя онъ принималъ на себя... Считая невозможнымъ отъ своего имени декларировать независимость Финляндіи, Верховный Правитель твердо подчеркиваетъ ненарушимость ея „фактической независимости".

3. Международная оріентація.

Если бы Верховный Правитель призналъ независимость Финляндіи, Эстоніи и Латвіи безъ санкціи Учредительнаго Собранія, можно не сомнѣваться, что со стороны многихъ изъ его противниковъ было бы брошено обвиненіе въ разчлененіи Россіи. Удивительно, какъ легко рождались эти обвиненія. Мы всего вправѣ ожидать отъ большевицкихъ агитаторовъ, мало стѣсняющихся съ исторіей. Но эс-эровскіе публицисты? И они не далеко ушли отъ большевицкой демагогіи. Заключая соглашеніе съ Японіей, Колчакъ „торговалъ Россіей". Таково смѣлое утвержденіе эс-эровъ, пошедшихъ на союзъ съ большевиками (Буревой „Распадъ", 20). „Колчакъ предлагалъ Камчатку и Сахалинъ Японіи за посылку японскихъ войскъ" — не мигнувъ глазомъ пишетъ авторъ воззванія Сибирскаго военно-соціалистическаго союза защиты народовластія, т. е. Сибирскихъ ес-эровъ. („П. Дн." 84) *).

Казалось бы отъ Зензинова нельзя ожидать подобныхъ выпадовъ, но и онъ въ „Pour la Russie" (№ 29) называетъ Колчака чуть ли не японскимъ агентомъ и удивляется, какимъ образомъ Колчакъ можетъ оставаться въ глазахъ нѣкоторыхъ національнымъ героемъ.

Едва ли надо даже опровергать эти измышленія

*) Въ Сибири упорно распространили слухи о предоставленіи Японіи Сахалина. Каково было въ дѣйствительности отношеніе правительства показываетъ тотъ фактъ, что правительство не допустило даже продажи Японіи черемховскихъ копей, какъ предполагали владѣльцы. (Сукинъ).

послѣ всего, что уже было сказано о взаимоотношеніяхъ Колчака и Японіи. Если у него была мысль пригласить японскія войска, то была она скорѣе у Директоріи. Уордъ (90) говоритъ, что Японія требовала предоставленія въ ея распоряженіе всей Сибирской желѣзной дороги и что Директорія за нѣсколько дней до переворота, въ критическій моментъ наступленія большевиковъ на Уфу, на это согласилась *). Колчакъ же отказался допустить присылку японскихъ войскъ въ Омскъ, гдѣ были войска союзниковъ (телеграмма въ Лондонъ 21 дек.). Можетъ быть разницей во взглядахъ и объясняется то сожалѣніе, которое высказывали позже Болдыреву японскіе представители, увѣрявшіе бывшаго члена Директоріи, что они поддержали бы его, если бы онъ единолично взялъ власть въ свои руки (Запись 20 дек.).

Позже въ мартѣ, продолжая находиться въ оппозиціи Колчаку, Болдыровъ всетаки пытается на него воздѣйствовать въ смыслѣ необходимости соглашенія съ Японіей. Онъ самъ разсказываетъ: „Я сдѣлалъ попытку предупредить и намекнуть ему (т. е. Колчаку) на необходимость болѣе тѣснаго сотрудничества съ Японіей“ (212) **). Письмо Болдырева осталось безъ отвѣта — во

*) Едва ли такое опредѣленное постановленіе было принято Директоріей. Но съ несомнѣнностью можно установить, что у большинства членовъ Директоріи не было той опаски, которая замѣтна у Колчака. Японская интервенція считалась эс-эрами и въ болѣе ранній періодъ допустимой при условіи контакта съ союзниками. Напр., письмо изъ Россіи, напечатанное въ № 9 „Bul. de la Ligue Russe pour la Defense Rev.“ (8 іюня 18 г.) опредѣленно говоритъ, что при японскомъ десантѣ можно было бы образовать ядро власти изъ бывшихъ членовъ У. С.

**) Въ приложеніи къ тексту Болдырева коментаторъ напечаталъ и все это письмо 20 марта (540). На почвѣ привлеченія Японіи Болдыревъ неожиданно оказался въ связи съ „Курбатовымъ“, т. е. съ Завойко (178—97). Болдыревъ составляетъ записку, наиболѣе существенные пункты которой гласятъ:

„Силами Японіи немедленно приступить къ организаціи и переброскѣ въ Сибирь 150—2 0 тысячной арміи, изъ коихъ 100 тысячъ на Уральскій фронтъ, остальные для — охраны порядка внутри Сибири и на желѣзной дорогѣ“.

„Предложить остальнымъ союзникамъ оказать немедленную де-

всякомъ случаѣ Колчакъ на него не реагировалъ въ смыслѣ какихъ-либо авансовъ Японіи*). Послѣдняя, повидимому, пыталась оказать вліяніе на общественные круги въ Омскѣ. Контръ-развѣдка при штабѣ отмѣчаетъ: „Объ успѣхахъ японской „политики“ въ Сибири расписываются курьезности. Такъ, „Фунабаси“ сообщаетъ, что Верховный Правитель, убѣдившись въ нежеланіи союзниковъ сражаться съ большевиками, единственную надежду сталъ возлагать на Японію. Въ соотвѣтствіи съ этимъ онъ круто измѣнилъ и свое отношеніе къ ней (№ 16 газ. „Наша Заря“):

„Японская миссія въ гор. Омскѣ со времени прибытія въ г. Омскъ адмирала Танаки весьма интересно работаетъ въ смыслѣ привлеченія на свою сторону симпатій общественныхъ группъ: бесѣдуютъ съ ними на политическія темы, причемъ въ разговорахъ упоминаютъ о томъ, что японцы не любятъ много говорить, что они люди дѣла, а не слова, и что въ самомъ непродолжительномъ времени японцы окажутъ реальную помощь Россіи.

„Въ цѣляхъ привлеченія на свою сторону органовъ печати въ японской миссіи широко открыты двери для сотрудниковъ газетъ, которымъ даются

нежную помощь Японіи и снабдить ее необходимыми матеріальными и техническими средствами“.

„Взаимнымъ соглашеніемъ Японіи и Омскаго Правительства избрать изъ русскихъ военно-начальниковъ лицо объединяющее руководство боевыми дѣйствіями русской и японской арміи съ двумя начальниками штабовъ, русскимъ и японскимъ, и съ представительствомъ отъ другихъ союзниковъ“.

„Впредь до окончательнаго сосредоточенія японской арміи на Уральскомъ фронтѣ и установленія прочнаго порядка въ тылу временно воздержаться отъ широкихъ активныхъ дѣйствій силами русской арміи и использовать это время на окончательную организацію, снабженіе и обученіе“...

„Ближайшая очередная задача — овладѣніе линіей рѣки Волги“.

„Заявить Омскому правительству, что, въ случаѣ явнаго использованія его полномочія въ интересахъ какихъ-либо однихъ партій или классовъ въ ущербъ интересамъ всего народа, союзные войска выводятся къ границамъ Монголіи и Манчжуріи и правительство представляется своимъ собственнымъ силамъ“. (539).

*) Вологодскій писалъ Сазонову: „использованіе японской военной помощи въ смыслѣ посылки войскъ къ западу отъ Иркутска при

весьма охотно всякаго рода информаціи, предлагается угощеніе и даются подарки.

„Видимо, миссія стремится использовать въ свою пользу настроеніе общества, за послѣднее время рѣзко измѣнившаго свою позицію по отношенію къ западнымъ союзникамъ“ (Докладъ н-ка контръ-разв. части — „Пар. Дв. 169).

Впервые въ правительствѣ вопросъ о привлеченіи Японіи ставится въ іюлѣ. 6-го Пепеляевъ записываетъ: „предстоитъ рѣшить вопросъ о чехахъ: воевать они не желаютъ. Въ связи съ этимъ выдвигается вопросъ о приглашеніи японцевъ къ охранѣ желѣз. дор. къ западу отъ Байкала. Поднимаетъ этотъ вопросъ ставка. Сукинъ не возражаетъ“. „Кто поправѣе,—дополняетъ запись 17 августа,—ругаетъ за неиспользованіе японцевъ, полѣвѣе —слышать не хотятъ о японцахъ и ругаютъ за нежеланіе воевать чеховъ, проистекающее, по ихъ мнѣнію, отъ недостаточной демократичности правительства. Поправѣе — казаки, полѣвѣе — Бѣлоруссовъ. Идіоты слушаютъ и увѣрены, что правительство пропускаетъ готовую помощь“. *) Этой помощи въ дѣйствительности не было. Объ этомъ свидѣтельствуетъ меморандумъ, переданный россійскому послу въ Токіо 22 іюля:

„Японское правительство въ полной мѣрѣ отдаетъ себѣ отчетъ о положеніи, въ силу котораго Россійское правительство въ меморандумѣ отъ 17-го іюля передало просьбу о расположеніи двухъ японскихъ дивизій на западъ отъ Иркутска. Правительство вполнѣ сочувствуетъ усиліямъ адмирала Колчака обезпечить безопасность этого участка Сибирской желѣзной дороги. Къ сожалѣнію, оно должно заявить съ полной откровенностью, что не находитъ возможнымъ развить

обнаружившихся на опытѣ оккупаціонныхъ пріемахъ послѣднихъ, могло бы постепенно насъ поставить въ полную зависимость отъ Японіи“. („Внѣшняя политика контръ-революц. правительствъ 19 г.“ Переписка „Кр. Арх.“ XXXVII, 99).

*) Сукинъ разсказываетъ, что обращенія къ Японіи требовала „несоціалистическая общественность“. Но верх. прав. считалъ такое обращеніе въ сущности безцѣльнымъ.

свою вооруженную помощь въ указанномъ направленіи, предполагая, что такое предпріятіе въ настоящее время, по всему вѣроятію, не можетъ встрѣтить общаго сочувствія японскаго народа. Правительство считаетъ себя вынужденнымъ придерживаться рѣшенія, о которомъ оно заявляло неоднократно,—ограничить сферу озеромъ Байкалъ. Въ то же время оно неизмѣнно остается при своемъ рѣшеніи лойяльно сотрудничать съ русскими властями въ дѣлѣ поддержанія порядка и безопасности въ районѣ, лежащемъ на востокъ отъ Иркутска" (Субботовскій 158).

Факты, такимъ образомъ, не сотвѣтствуютъ голословнымъ и фантастическимъ утвержденіямъ противниковъ адм. Колчака.

* * *

Можно съ опредѣленностью сказать, что общая политика союзниковъ вызывала въ Омскѣ глубокое разочарованіе. Вѣроятно, и недовольство политикой мин. ин. дѣлъ объяснялось растущимъ недовольствомъ въ отношеніи союзниковъ. Телеграмма Черчилля 10 октября о томъ, что британское правительство приняло рѣшеніе сосредоточить свою помощь на фронтѣ ген. Деникина въ предположеніи, что Соединенные Штаты „энергично разовьютъ помощь сибирской арміи" (Субботовскій, 60), —въ сибирской обстановкѣ была учтена, какъ прекращеніе помощи союзниковъ. Въ это время приходитъ сообщеніе, что Юденичъ продвигается къ Петрограду, что Юденичъ вновь поднимаетъ вопросъ о сговорѣ съ Финляндіей, *) гдѣ сильны нѣмцефильскія симпатіи, гдѣ именно вліяніе нѣмцевъ препятствовало созданію русскихъ добровольческихъ частей, что Рига взята корпусомъ фонъ-деръ Гольца, что образованъ русскій до-

*) 27-го Юденичъ срочно сообщаетъ Колчаку: „Пока не поздно, прошу срочно уполномочить меня войти въ соглашеніе съ Финляндіей для ея немедленнаго выступленія" (Субботовскій, 262.)

бровольческій отрядъ полк. Бермонта — тогда „накопившееся въ глубинѣ недовольство союзниками стало выявляться открыто“ (Гинсъ, II 384.) Для спасенія Россіи вновь нѣкоторымъ кажется наиболѣе реальнымъ германо-русско-японскій союзъ. Въ газетѣ „Русское Дѣло“ —органъ „кадетъ-бѣженцевъ“—съ открытой „германофильской“ пропагандой выступаетъ Устряловъ: „При создавшихся международныхъ условіяхъ восточная оріентація есть послѣдняя возможность и естественная надежда для обломковъ центральной Европы“. „Мы, русскіе,“—по его словамъ, — „переходимъ къ новому фазису въ исторіи нашихъ оріентацій“. (№ 16.) Въ личной бесѣдѣ съ проф. Пёрсомъ Колчакъ пояснилъ, почему среди офицеровъ начинаетъ распространяться убѣжденіе, что „будущее Россіи въ союзѣ съ Германіей и Японіей“. „Необходимо, — сказалъ онъ, — чтобы Россія чувствовала, что она не была побѣждена, и что ея мѣсто въ лагерѣ побѣдителей. Если произойдетъ обратное, среди русскихъ создастся впечатлѣніе, что ей нѣтъ мѣста среди побѣдоносныхъ державъ—она невольно, фатально начнетъ думать о противоположномъ побѣдоносному лагерѣ и, быть можетъ, даже искать (съ нимъ) сближенія“. Саблинъ, передающій эту бесѣду со словъ самого Пёрса, вернувшагося въ Лондонъ, (телеграмма 22 октября) добавляетъ: „Я не удержался, чтобы не возразить, что союзники въ значительной мѣрѣ способствуютъ этимъ настроеніямъ и что признаніе адм. Колчака положило бы конецъ многимъ колебаніямъ. Пёрсъ вполнѣ согласился и сказалъ, что намѣревается именно это высказать въ своемъ докладѣ Л. Джоржу и лорду Керзону“.

Общее политическое и международное положеніе обсуждается въ октябрѣ въ Совѣтѣ министровъ: „Оріентаціи мѣнять что ли“? — съ какимъ то отчаяніемъ вырвалось у Колчака. Такъ Гинсъ опредѣляетъ настроеніе Совѣта и верховнаго правителя. „Но никто не высказался

въ пользу Германіи" — добавляетъ авторъ (388). Колчакъ все-таки запросилъ Деникина. Отвѣтъ былъ, какъ всегда, опредѣленный: какъ ни трудно положеніе, борьбу надо вести въ прежнихъ рамкахъ. „Адмиралъ былъ очень доволенъ" — добавляетъ Гинсъ. „Совѣтъ министровъ и Деникинъ помогли ему сбросить тяжелый камень сомнѣнія, который кто-то старательно вдвигалъ въ его наболѣвшую душу". Гинсъ часто впадаетъ въ нѣкоторый патетизмъ и, въ силу этого, иногда, пожалуй, даже сгущаетъ краски. По дневнику Пепеляева германо-русская проблема въ Совѣтѣ министровъ ставилась не такъ трагично. „Рѣшено,—записываетъ онъ—выяснить способъ завязать нормальныя отношенія съ Германіей, исходя изъ намѣренія (очевидно предположенія), что война фактически кончилась" („Кр. Арх." XXXI, 80).

Дитерихсъ, — разсказываетъ Гинсъ — былъ очень доволенъ результатомъ засѣданія Совѣта министровъ. Онъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ союзнической оріентаціи, между тѣмъ какъ среди военныхъ чиновъ арміи назрѣвало, повидимому, какое-то новое направленіе (388). „Новое направленіе" олицетворялось, до нѣкоторой степени, ген. Сахаровымъ и Ив. Риновымъ. Первый пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ:

> „Мною былъ отправленъ въ Омскъ къ Верх. Правителю мой помощникъ, ген.-лейт. Ивановъ-Риновъ, съ докладомъ обо всемъ этомъ; также я доводилъ до его свѣдѣнія мнѣніе арміи, что было бы очень полезно войти съ германскими кругами въ непосредственные переговоры, что этимъ путемъ мы, быть можетъ, пріобрѣтемъ настоящее содѣйствіе и помощь въ нашей священной борьбѣ. Адмиралъ отвѣтилъ мнѣ, что онъ раздѣляетъ этотъ взглядъ, но запроситъ, прежде чѣмъ принять рѣшеніе, ген. Деникина. Такъ вопросъ этотъ и затянулся"... („Б. Сиб." 152).

Дѣйствительно ли „раздѣлялъ" Адмиралъ „этотъ взглядъ? Что-то очень сомнительно. Во всякомъ случаѣ

проекты Сахарова и Ив. Ринова не характеризуютъ намъ главенствующей точки зрѣнія. Разсужденія не являются еще дѣйствіемъ... Между тѣмъ ген. Жанену представлялось уже, что Сахаровъ организуетъ противъ союзниковъ нѣмецкихъ военноплѣнныхъ (M. Sl. 25, III, 354). Одному изъ представителей Франціи, въ Сибири, Лази, автору воспоминаній „La Tragédie sibirienne", кажется, что всѣ кругомъ германофилы. Поддерживая Колчака, союзники дѣлаютъ „германскую политику" (209). Лази передаетъ фантастическіе разсказы своимъ читателямъ (въ бытность въ Сибири онъ корреспондировалъ въ „Matin"). Ген. Розановъ у него человѣкъ нѣмецкаго происхожденія — его подлинная фамилія von-Roosen. Политикой Верховнаго Правителя руководятъ четыре балтійскихъ, нѣмецкихъ барона: Будбергъ, Вольфъ, Фиксенгаузенъ и Mende (?). Въ отрядъ Семенова и Калмыкова уже внѣдрились нѣмецкіе офицеры. Казацкіе офицеры на вечеринкахъ по-нѣмецки поютъ нѣмецкія пѣсни и т. д. и т. д.. За необузданной фантазіей мемуариста не услѣдишь *). Все это преподносится наивному европейскому читателю. По поводу „германофильства" статей въ „оффиціальной" газетѣ „Русское Дѣло" Драгомірецкій патетически восклицаетъ: „и это заявлялось, писалось и поддерживалось тогда, когда чехословаки истекали кровью, сражаясь съ нѣмецкими военноплѣнными, руководимыми изъ Берлина" (143). Маленькая хронологическая ошибка!

*) Чешскій журналистъ P. Fink въ книгѣ „Biby admiral" образно расписываетъ близкій яко-бы верховному правителю омскій „салонъ" Гришиной-Алмазовой, гдѣ „пьяный Красильниковъ" пѣлъ теноромъ „Боже царя храни" и гдѣ вечера кончались то дружнымъ хоромъ „Deutchland, Deuthcland über alles" или восторженнымъ японскимъ „банзай" (185). Безотвѣтственныхъ мемуаристовъ не устыдить. Я упоминаю объ этой книгѣ только потому, что она, какъ это ни странно, часто цитируется. Авторъ не затрудняется на ея страницы занести даже не сплетни, а такую необузданную уже фантазію, какъ сообщеніе о посылкѣ „влюбленнымъ адмираломъ" Гришина-Алмазова на югъ къ Деникину, чтобы „служебной командировкой и смертью" избавиться отъ „соперника". Гришинъ-Алмазовъ, какъ извѣстно, уѣхалъ до Колчака.

Когда эти ошибки дѣлаютъ мемуаристы, это безобидно для жизни. Когда же ошибки дѣлаютъ политики, тогда наносится ударъ по живому организму. И Жаненъ и Лази — (одинъ оффиціально, другой неоффиціально) — освѣдомляли французское правительство о Сибирскихъ дѣлахъ. О характерѣ донесеній Жанена можно судить по тому, какъ онъ самъ резюмируетъ содержаніе одного изъ нихъ 6 іюля:

...„Въ его (Колчака) окруженіи находятся женщины, связанныя съ людьми болѣе чѣмъ подозрительными въ смыслѣ шпіонажа, германофильства и противосоюзныхъ дѣйствій. Далѣе я резюмирую сказанное мною въ этихъ замѣткахъ: захватъ правленія группой министровъ, руководимой Михайловымъ, Гинце, Тельбергомъ, ширмой синдиката спекулянтовъ и финансистовъ; отставка министра снабженія изъ-за поддержки, оказываемой этой группѣ; злоупотребленія Государственнаго Банка. Тенденція этого синдиката чисто реакціонная и антиреволюціонная. Въ немъ, какъ и среди офицерства, рядомъ съ искренними монархистами или людьми озлобленными потерями и страданіями, (причиненными) революціей, встрѣчаются тоже люди, стремящіеся поживиться, прежніе большевики, желающіе заставить забыть свои ошибки. Что касается иностранной политики, то надо отмѣтить чисто германофильскіе тенденціи у вліятельныхъ особъ въ этомъ синдикатѣ. Такое германофильство приходится отмѣтить и у многихъ офицеровъ, въ особенности въ генеральномъ штабѣ арміи, гдѣ оно все растетъ. Извѣстіе о подписаніи мира Германіей, признающее ея разгромъ, вызвало въ различныхъ вышеупомянутыхъ кругахъ изумленіе, смѣшанное съ очень сильнымъ сожалѣніемъ. Затѣмъ я отмѣчаю враждебность по отношенію къ союзникамъ, ненависть къ Антантѣ, подозрѣваемой въ сочувствіи революціи“... (M. Sl. 25. III. 350)

Правительство Колчака — правительство „реакціонное и нѣмецкое“. Это „я непрестанно твердилъ и всѣ телеграммы въ Парижъ ген. Жанена говорили то же самое“ пишетъ Лази (225)*).

*) Лази нѣсколько наивно дѣлаетъ поясненіе въ связи съ одной своей телеграммой 23 сентября: онъ посылаетъ свое оффиціальное со-

Эта информація вольно или невольно работала на руку противниковъ адм. Колчака: верх. правитель выставлялся „германофильствующимъ реставраторомъ стараго режима“; она не могла не вліять на судьбу вопроса о международномъ признаніи власти „диктатора“ *).

Недаромъ односторонне освѣдомленный Массарикъ обвиняетъ „сибирскихъ руководителей“ чехо-словацкой легіи въ томъ, что они не разобрались сразу въ германофильскомъ окруженіи Колчака (II, 83). Въ дѣйствительности, это не болѣе, какъ историческая легенда. Истинное происхожденіе этой легенды лежитъ въ плоскости той не нравившейся Жанену и другимъ прямоты и рѣзкости, съ которой Колчакъ „пытался отстаивать суверенность россійскаго правительства отъ притязаній союзниковъ“. Характерно, что эти слова принадлежатъ противнику адмирала — коммунисту Ширямову.

общеніе о германофильскихъ манифестаціяхъ въ Читѣ подъ диктовку Гайды и Гирсы (205). Любопытно, что „тайные агенты“ союзниковъ усиленно подчеркиваютъ эту черту въ окруженіи адмирала вплоть до того, что приписываютъ ее „лучшему генералу“ (отзывъ Рукероля) Дитерихсу, „союзническая оріентація“ котораго внѣ сомнѣнія. Курьезно, что русскіе дѣятели находили, что Жаненъ былъ цѣликомъ подъ вліяніемъ своего начальника штаба Бюкшеншутца (Гинсъ II, 60) — очевидно „нѣмецкаго“ происхожденія.

*) Теряясь въ противорѣчивой информаціи, союзники носились съ фантастическими планами. Повидимому, въ нѣкоторыхъ кругахъ культивировался планъ созыва въ сентябрѣ конференціи русскихъ политическихъ партій для созданія новой всѣми признанной всероссійской національной власти. „Лозанская Газета“ этотъ планъ приписывала Клемансо. Проектировалось будто бы правительство съ кн. Львовымъ во главѣ. Колчакъ долженъ былъ занять постъ военнаго мин., Деникинъ — его помощника. Въ составъ министровъ намѣчались: Сазоновъ (ин. д.), Путиловъ (фин.), Савинковъ (вн. д.). Каминка (пром.), Винаверъ (юст.), Авксентьевъ (нар. обр.), Чайковскій (тр.), Коноваловъ (снаб.), Бахметьевъ (почтъ), Карташовъ (культ.) („La Rep. Russe“ 19 г. 18 сент. № 12). Если Жаненъ, Лази и др. всемѣрно дискредитировали власть адм. Колчака, то проф. Мазонъ, хорошо знающій Россію и одинъ изъ активныхъ проводниковъ „Интервенціи“ въ Москвѣ весной 18 г., призывалъ демократію къ поддержкѣ адм. Колчака (см. „La contre-révolution russe“ въ сентябрѣ „l'Europe-Nouvelle“.

Государственная публичная историческая библиотека РСФСР
№ ..... 1970 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Отъ автора 3

Гл. I. Диктаторъ.

1. Черты для характеристики 8
2. Декабрьская драма 36

Гл. II. Вокругъ фронта.

1. Гражданская война 62
2. Чехословаки 81
3. Миссія Жанена и Нокса 102
4. Планъ кампаніи 120
5. Соперники 132

Гл. III. Партизанское движеніе.

1. Элементы движенія 160
2. Большевики и стихія 177
3. Возстанія 189
4. Борьба съ партизанствомъ 211

Гл. IV. „Атаманщина".

1. Анненковъ, Калмыковъ, Семеновъ и др. . 233

Гл. V. Правительство.

1. Совѣтъ министровъ 245
2. Теорія и практика 250
3. „Звѣздная палата" 271

Гл. VI. Общественность.

1. Настроенія и группировки 278
2. Подпольщики 289
3. Народное представительство 299

Гл. VII. Предъ лицомъ Европы.

1. Въ ожиданіи признанія 318
2. „Политическая недобросовѣстность" . . . 328
3. Международная оріентація 342

9

РУССКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Вышли изъ печати:

1 и 2. **Д. С. Мережковскій.** — „Наполеонъ“ т. I и II.
26 и 27. **Д. С. Мережковскій.** — „Атлантида—Европа“.
3, 4 и 16. **Е. Н. Чириковъ.** — „Отчій Домъ“, ром. т. I, II и III.
5. **А. В. Амфитеатровъ.** — „Заря русской женщины“, очерки.
14. **А. В. Амфитеатровъ.** — „Русскій попъ XVII вѣка“.
6. **З. Н. Гиппіусъ.** — „Синяя книга“.
7. **Б. К. Зайцевъ.** — „Разсказы“.
8. **А. И. Купринъ.** — „Елань“, разсказы.
20. **А. И. Купринъ.** — „Колесо времени“, разсказы.
9. **И. С. Шмелевъ.** — „Въѣздъ въ Парижъ“, Разсказы.
10. **А. М. Ремизовъ.** — „По карнизамъ“, повѣсть.
11. **К. Д. Бальмонтъ.** — „Въ раздвинутой дали“, поэма о Россіи.
12. **И. А. Бунинъ.** — „Грамматика любви“, разсказы.
15. **В. Н. Ладыженскій.** — „За рубежомъ“, разсказы.
18. **Б. А. Лазаревскій.** — „Лиза“, разсказы.
19, 22 и 23. **С. П. Мельгуновъ.**—„Трагедія адм. Колчака“, ч. I, II и III.

Учебники:

Л. М. Сухотинъ. — „Исторія Среднихъ Вѣковъ“.

Печатаются:

28. **С. П. Мельгуновъ.** — „Трагедія адмирала Колчака“, ч. IV, т. II.
21. **Н. Рощинъ.** — „Журавли“, разсказы.
29 и 30. **Е. Н. Чириковъ.** — „Отчій Домъ“, ром. ч. IV и V.

Готовятся къ печати:

13. **А. М. Ремизовъ.** — „Ровъ львиный“, романъ.
24. **А. В. Амфитеатровъ.** — „Русскій уѣздный городъ XVII в.“
25. **В. Оболенскій.** — „Очерки минувшаго“.
17. **Н. Теффи.** — Книга Іюнь, разсказы.
31. **И. Лукашъ.** — „Сны Петра“. Трилогія въ разсказахъ.
32. **И. С. Шмелевъ.** — „Родное“.—Воспоминанія и разсказы.

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.

Вышли изъ печати:

1. **И. С. Шмелевъ.** — „На морскомъ берегу“.
2. **Е. А. Елачичъ.** — „Сильные духомъ“, разсказы.

ДѢТСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Вышли изъ печати:

1. **Народныя Русскія Сказки,** вып. 1, 2, 3, 4, 5, 6.
7. **Саша Черный.** — „Серебряная елка“, сказки.
8. **Саша Черный.** — „Румяная книжка“.

Печатаются:

9 и 10. **В. Буличъ.** — Сказки, книга I и II.

Цѣна 70 динаръ.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОМИССІЯ.
Палата Академије Наука.
Јакшићева ул., бр. 2. Београд.